

**Качественные методы
в социальных
исследованиях**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

КОНВЕНЦИЯ НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ
ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И. ШТЕЙНБЕРГ,
Т. ШАНИН,
Е. КОВАЛЕВ,
А. ЛЕВИНСОН

Качественные МЕТОДЫ

Полевые социологические
ИССЛЕДОВАНИЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.

Ш88 Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон ; под ред. И. Штейнберга. — СПб. : Алетейя, 2009. — 356 с. — (Серия «Качественные методы в социальных исследованиях»).

ISBN 978-5-91419-185-3

Монография написана на основе многолетних полевых социологических исследований авторов, а также на их опыте обучения качественным методам различных учебных и профессиональных групп социологов. Данная работа содержит основные представления о теории и практике качественных методов исследования. Подробно описываются процедуры проектирования всех циклов качественного исследования на основании методологии «двойной рефлексивности», а также практика создания исследовательской группы методом «Длинного стола». Приводятся многочисленные конкретные примеры глубинных интервью, наблюдений, метода «открытых групповых дискуссий», различных способов аналитической и методической триангуляции, сопровождаемые методическими комментариями. Впервые рассматриваются вопросы создания специальной системы подготовки полевых исследователей — «тренинга двойной рефлексивности» и профилактики профессионального выгорания социолога «в поле».

Издание предназначено не только для специалистов в области качественных исследований, для студентов, обучающихся практическим исследованиям в социологии, психологии и маркетинге, но будет интересно и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91419-185-3

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ.
ПОЛЕВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главный редактор издательства *И. Савкин*

Дизайн обложки *И. Граве*

Редактор *Е. Чикадзе*

Оригинал-макет *М. Кузнецова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская»,

ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 12.01.2009. Формат 60×88¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,8.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

PS — восемь лет спустя

Первое издание книги Е.М. Ковалева и И.Е. Штейнберга вышло в 1999 году тиражом, можно сказать, микроскопическим — 810 экземпляров. В ситуации активных дискуссий о соотношении количественного и качественного подходов к изучению социальных проблем реформируемой России эта монография оказалась актуальной и востребованной, а тираж совершенно недостаточным. По названию — это учебник, а по содержанию — анализ опыта использования качественной методологии в контексте нормативных представлений о ней, существующих в учебной, по преимуществу западной, литературе. Для отечественной социологии это были годы собственных пионерских исследований, апробирующих «Качественные методы в полевых социологических исследованиях». Опыт одного из них и дал этой книге название, приведенное выше в кавычках. И книга ушла в читательскую аудиторию. Что с ней происходило в прошедшие восемь лет?

Запрос в Интернете по фамилии авторов и названию книги выдал список из 97 позиций, содержащих упоминания об этой монографии, причем в подавляющем большинстве случаев это были учебные программы по методике социологических исследований, разработанные в столичных и региональных вузах. За двадцать дней февраля 2008 года число запросов по этому названию оказалось равно 17835 обращений. Книга разошлась во множестве ксерокопий, выборочных и полных, сканирована для вузовских социологических учебных «ящиков» электронной почты. На нее ссылаются в кандидатских и докторских диссертациях. Словом, в отечественной социологии она явно «пришлась ко двору» и в преподавании, и в развитии качественной методологии. Первый тираж выглядит сегодня как «пилотный проект», результаты которого позволяют сделать вывод: «Настала пора переиздавать...» Перечитывая книгу сегодня, особенно остро осознаешь, с какой скоростью развивается, меняется исследовательская ситуация в социологии параллельно с изменяющейся реформируемой Россией. У отечественных социологов расширились горизонты собственного личного исследовательского опыта, связанного с качественными методами, освоены новые предметные области исследований. Монография Е. М. Ковалева и И. Е. Штейнберга воспринимается более глубоко и активно, чем прежде, поскольку читатель не только знакомится с опытом первопроходцев, но и аналитически сравнивает его с современной ситуацией в методологии, включающей и его личный опыт. В этом восприятии формируются проверенные

и подтвержденные опытом методологические констатации, обозначают новые направления дискуссий, ставятся новые вопросы.

Монография, которой от роду всего лишь восемь лет, временами воспринимается уже как историческое свидетельство минувших событий, представлений, уникальных особенностей «текущего момента» середины 90-х годов. Эти мгновения «схвачены» в монографии так живо и остро, что зафиксированная авторами реальность раскрывает глубинные предпосылки и свершившиеся последствия минувших «моментов-событий», которые не могли быть адекватно осмыслены и поняты тогда. Сегодня смысл происшедших событий раскрывается в более широком контексте, давая возможность повысить обоснованность их интерпретации. В связи с возможностями исторического анализа познавательный потенциал качественных методов проявляется особенно убедительно, как в описательном, так и в аналитическом и объяснительном планах. Со временем этот потенциал лишь возрастает, обеспечивая книге долгую жизнь и позволяя читателю глубже понимать настоящее, точнее прогнозировать будущие последствия проводимых реформ.

Методологическое содержание монографии сохраняет свою актуальность благодаря уникальной организации творческого процесса, в котором проходило формирование и обоснование методических решений на разных этапах реализации исследовательского проекта. Ценность этого опыта имеет двойственную природу: с одной стороны, она уникальна и, следовательно, не подлежит механическому заимствованию и использованию. С другой стороны, задачи, решаемые в опыте реализованного проекта, вполне универсальны и, так или иначе, встречаются в каждом качественном исследовании. Например, универсальными являются такие задачи как вхождение в поле, знакомство с эмпирическим объектом исследования, реализация стратегии двойной рефлексивности, процедуры триангуляции на этапе анализа собранной информации и другие.

Знакомство читателя с решением этих задач в уникальной ситуации повседневной жизни села середины 90-х годов в условиях реформируемой России не дает этому читателю готовых решений, а только стимулирует его творческое воображение для разработки собственных решений, ибо каждая исследовательская ситуация уникальна. Но здесь особую ценность приобретает умение авторов выбрать наиболее убедительные, яркие, запоминающиеся эпизоды, ситуации из собственной практики взаимодействия с респондентами, которые раскрывают логику формирования методического решения. Этот опыт доступен творческому воспроизведению уже в читательском опыте. В добрый час!

О. Маслова

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КНИГЕ

«Как правильно уложить парашют»

Практическое пособие.

Издание 2-е, исправленное

(из профессионального юмора)

Первое издание книги о нашем опыте применения качественных методов в исследовательской практике социологов вышла в 1999 г. под названием «Качественные методы в полевых социологических исследованиях». Это была одна из первых попыток изложить в монографии основные представления о теории и практике качественных методов исследования на основе отечественного опыта, причем на примере собственного многолетнего полевого социологического исследования. В то время таких работ в российской социологической литературе было немного. Особый интерес полевым исследователям вызывал тогда вопрос о том, как методологические основы качественных методов исследования, известные в основном по зарубежным работам основоположников феноменологии Гуссерля, Шутца, Гарфинкеля, антропологов и этнографов, таких как Малиновский, Уэббы и др., преломляются через призму конкретной полевой работы социолога в наших условиях.

С точки зрения истории развития качественных методов в отечественной социологии тексты книги интересны еще и тем, что теоретические концепции качественных методов, их применение и интерпретация результатов исследования были описаны авторами, воспитанными в традициях позитивизма советской общественной науки. К тому же надо отметить междисциплинарный состав участников проекта, в котором были собраны не только социологи, но и специалисты в области экономики и истории, социальной географии и психологии. В основном наш предыдущий социологический опыт состоял в участии и проведении массовых опросов, т. е. в своей практике применять качественные методы исследования не приходилось. Поэтому одной из задач проекта являлась подготовка исследователей для проведения глубинных интервью и наблюдения. Для нас это была, по сути дела, первая попытка на практике соблюсти основные принципы феноменологического подхода в конкретном социологическом исследовании, т. к. в начале 90-х публикации о «кухне» полевой работы «феноменологов» были известны только узкому кругу отечественных специалистов. По сути дела, среди участников проекта только один исследователь имел реальный опыт проведения таких работ — его руководитель Теодор Шанин, профессор Манчестерского университета, основатель

и первый ректор Высшей Московской школы социальных и экономических наук, известный социолог, крестьяновед, организатор ряда международных научных проектов, в которых он широко использовал методическую триангуляцию в социологических исследованиях. Но даже и он не ожидал в начале работы, как впоследствии вспоминал, что качественные исследования будут играть такую важную роль в проекте. Предполагалось, что основным методом станут динамические исследования в духе школы ученых-аграрников Чаянова. К качественным методам нас привела внутренняя логика исследования, специфика задач, которые ставило перед нами проблемное «поле» российского села, переходящее вместе с нами из «перестроечного социализма» СССР в постсоветский капитализм 90-х и, возможно, традиционная британская толерантность в смысле неприятия давления на исследователей определенной научной школы.

Цели исследования предполагали междисциплинарный подход, который в принципе исключал прямое противопоставление количественных и качественных методов. Это позволяло переводить модный ныне «спор о методе» в отношении его субъективизма-объективизма, валидности, достоверности и проч. в плоскость триангуляции способов познания социальных фактов, где «количественные» бюджеты семьи и прочие статистические формы социально-экономической жизни села в наших объяснительных моделях сельского социума равноправно сосуществовали с «качественными» глубинными интервью, «устными историями крестьян» и неформализованными наблюдениями. Уникальной особенностью проекта было привлечение историков к участию в социологическом исследовании, что придало проекту историко-социологический характер, а его научные результаты сделало более аргументированными. Участие историков в проекте в решающей степени стало возможным благодаря установившимся прочным творческим и личным отношениям Теодора Шанина с выдающимся советским историком-аграрником Виктором Петровичем Даниловым. Именно ему и было поручено возглавить руководство исторической частью проекта. Главную цель их работы в рамках проекта В.П. Данилов определил как воссоздание документальной картины прошлого исследуемых селений — каждого в отдельности и с возможно большей конкретностью, отражающей ключевые моменты истории: перемены эпох реформ и революций, коллективизации и раскулачивания, гражданской и Великой Отечественной войн, хрущевских реформ.

Историческая часть проекта в своем роде уникальна, поскольку продолжила существовавшие в первые десятилетия XX века и прерванные впоследствии традиции монографического исследования селений

(«поселенческие» очерки), которые были выполнены на высоком научном уровне замечательными российскими учеными, представителями историко-социологического направления А. Шингаревым, М. Феноменовым, А. Большаковым, А. Яковлевым, Ф. Крестовым, А. Гагариным, Г. Дементьевым, М. Голубых, Н. Росницким, С. Готовым и другими.¹ По сей день невозможно забыть наше взаимное изумление от того, как затрещали наши аналитические схемы и интерпретации социальной картины села, когда на стол для общего обсуждения результатов проекта одновременно легли материалы наших социологических интервью с жителями села, их семейные бюджеты и «поселенческие очерки» по тем же селам, выполненные историками Виктором Кондрашиным, Александром Рыбковым и др.

В кругу профессионалов о первом издании монографии уже сложилось определенное мнение. Его суть выразил один из участников методологической секции симпозиума «Куда идет Россия?» в 2004 г.: «Если хочешь учить студентов, как проводить качественные исследования, эта книга, конечно, может помочь, но все-таки она скорее для другого. Вот если решил сам организовать и провести такое исследование, понять, как это делается на самом деле и с чем тебе придется столкнуться в реальном «поле», то посмотреть эту работу надо обязательно». Для нас это приятно и удивительно одновременно, мы не ставили задачу создания учебника или практического руководства по применению качественных методов в социологических исследованиях. Хотелось просто рассказать читателю о том, что мы поняли о качественной методологии исследования и чему сумели научиться в проекте, который длился 10 лет. Мы старались идти от конкретных полевых ситуаций и наших собственных способов решения исследовательских задач к методологическим обобщениям и сравнению с подходами признанных авторитетов качественных исследований. Неожиданно получилось, что наша работа помогла образоваться новой волне качественных исследований в России.

Написание книг по методике можно сравнить с трудным плаванием Одиссея между Сциллой и Харибдой, с той лишь разницей, что опасных крайностей в данном предприятии можно насчитать не две, а гораздо больше. Сразу же укажем, чем **не** является эта книга.

Эта книга не является в чистом виде справочником или энциклопедией по качественным методам. Такого рода издания обычно представ-

¹Подробнее о совместной работе социологов и историков см. в статье В. Кондрашина «Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.)» в Приложении к наст. изданию.

ляют собой обширные компиляции, а их авторы никогда не проверяют действенность всех описанных ими методов на практике. В таких каталогах наряду с полезными и общедоступными методами можно встретить множество экзотических, с трудом воспроизводимых, или безнадежно устаревших. Полевые методические материалы часто плохо поддаются структурированию и поэтому исследователи-практики зачастую тонут в них, не получая четких ориентиров — что же в первую очередь попробовать сделать в их конкретном случае.

Эта книга не является в чистом виде учебником по качественным методам. Мы не следуем в нашем изложении обычной логике преподавания — от простых тем — к сложным, от одного понятия — к другому, не снабжаем текст контрольными вопросами или упражнениями. Появление стандартного учебника обычно предполагает, что большинство исследователей уже пришли к согласию хотя бы по некоторым ключевым проблемам своей дисциплины — в нашем случае настаивать на справедливости этого было бы слишком рано.

Эта книга не является и рассказом об одном конкретном исследовании, пусть даже и весьма обширном, — неким отчетом «о проделанной работе», в котором от постановки задач и описания рабочих методик принято переходить к полученным результатам. Во-первых, трудно назвать безупречно этичным желание превратить свой проект в некий образец для подражания, а частные, рабочие решения — в эталонные. Ведь кому как не его участникам известны все слабости и подводные камни проведенной работы! Сделано далеко не все, что намечалось, многое просто не получилось, не говоря уже о том, что часть материалов еще ждет в архиве своих исследователей. Во-вторых, те проекты, в которых мы принимали участие, не были в чистом виде методическими и не ставили перед собой задачу проверить работоспособность **всех** качественных методов, существующих в мировой социологии, а, следовательно, наши методические находки и рекомендации неизбежно будут носить лишь ограниченный характер. В-третьих, хотя проекты и были посвящены сельской и аграрной тематике, нам не хотелось бы ограничиваться только этими достаточно узкими рамками, поскольку мы уверены, что применявшиеся методы носят гораздо более универсальный характер и не привязаны ни к определенному объекту, ни к тому или иному историческому периоду.

Чем же в таком случае является эта книга? В какой-то степени и справочником, и учебником, и рассказом о конкретном методическом опыте. Но в главном она представляет собой попытку рассмотреть методические результаты серии социологических проектов в более широком контексте — контексте общей эволюции социологических методов.

Книга в основном базируется на нашей собственной исследовательской практике, которую уже смело можно назвать многолетней, а также на приобретенном нами в полевых исследованиях социокультурном, этическом и просто житейском опыте. При подготовке текста авторы опирались также и на ряд проведенных ими исследований не только в селе, но и в сфере образования, социальной работы, здравоохранения, маркетинга и т. п., которые также повлияли на наши представления о том, чем именно должен заниматься социолог на всех стадиях полевого исследования. Однако именно работа с сельскими материалами является удачной моделью для методологической рефлексии, т. к. социальные структуры села более прозрачны для понимания вследствие феномена «публичности личной жизни жителя села» и относительной территориальной и социальной замкнутости пространства сельского социума. Например, тема неформальной экономики не принадлежит только селу, но комбинации и переплетения семейной экономики с экономической жизнью общества лучше видны и более доступны для непосредственного наблюдения в селе, чем городе.

Разрабатывая структуру книги, мы стремились максимально подчинить ее интересам наших возможных читателей. В первой части излагаются основы качественной методологии, знание которых позволило бы разобраться в последующем содержании книги тем, кто только начинает знакомство с миром качественных исследований. Она содержит краткий исторический очерк развития качественных методов в социологии и обсуждение теоретических и методологических проблем качественных исследований, которые рассматриваются с точки зрения различий между позитивистской и феноменологической традициями.

Во 2-й части — «Перед полем» — обсуждаются проблемы проектирования качественного исследования, основные принципы подбора членов исследовательской группы и, наконец, метод «Длинного стола» — ключевая процедура организации работы группы на всех этапах исследования — от разработки программы до обсуждения полученных результатов.

Часть 3 «В поле» содержит главы, которые можно назвать центральными для качественных методов исследования: после небольших вводных тем в ней рассматриваются два главных полевых метода сбора информации — наблюдение и интервью.

Четвертая часть «После поля» полностью посвящена способам обработки и анализа качественного материала, а также раскрывает технологию составления итоговых текстов, посвященных результатам уже законченного исследования.

После первого издания прошло восемь лет. Появилось много интересных зарубежных и отечественных научных работ, выросло количество исследователей, использующих качественные методы. Накоплен разнообразный опыт их применения. Мы видим, как широко используются глубинные интервью и фокус-группы в политологии, маркетинге и рекламе.

Авторы тоже изменились... Но, просматривая сегодня наши тексты первого издания, которые считаем важным сохранить, и сознавая степень ответственности за практические советы, которые имеем смелость предлагать читателю, мы все же находим, что они в целом не утратили своей актуальности и не нуждаются в решительном исправлении — так, как это указано в нашем несерьезном эпиграфе.

Исходя из этого, в данной книге мы сохранили структуру содержания и основные тексты монографии «Качественные методы в полевом социологическом исследовании». По просьбе читателей добавлены новые статьи, относящиеся к дискуссии о синдроме профессионального выгорания полевого исследователя, который некоторые социологи считают актуальной проблемой для интервьюеров и модераторов фокус-групп, другие — надуманной химерой.

Получил развитие раздел, посвященный основному методу организации и проведения качественного исследования в наших проектах в 1990–2004 гг. — методу «Длинного стола». Это относится к общему описанию системы повышения профессиональной компетенции исследователя при использовании метода глубинного интервью в условиях проведения конкретного социологического исследования. Система эта больше известна среди специалистов как «тренинг двойной рефлексивности» (ТДР) или «школы-студии глубинного интервью». ТДР является логическим продолжением и развитием идей основной методической формы нашего проекта, которая получила название метод «Длинного стола». В настоящее время ТДР применяется И. Штейнбергом для обучения исследователей методу глубинного интервью в различных социологических и маркетинговых исследованиях.

Вместо раздела, посвященного в нашем первом издании методу фокус-групп, читателям будет представлена статья известного специалиста в области проведения фокус-групп, сотрудника Левада-центра А. Левинсона «Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях». «Открытая групповая дискуссия» — метод, предназначенный для условий, в которых нет возможности провести «штатную» фокус-группу. Так мы в своих «крестьяноведческих» проектах именно по этой причине не проводи-

ли фокус-группы: в селах, где все знают друг друга, большинство стандартных требований к фокус-группам не могут быть соблюдены.

Статья А. Левинсона и, конечно, новая редакция широко известной статьи Теодора Шанина о методологии двойной рефлексивности вызовут, мы надеемся, интерес всех, кто интересуется как практикой применения качественных методов исследования, так и их теоретическим обоснованием.

Символично, что предисловие к книге, как и в первой монографии, написала О.М. Маслова — признанный эксперт по качественной методологии. В своей статье «PS — восемь лет спустя» она размышляет о том, в какой степени первое издание монографии выдержало проверку временем.

Завершает издание подготовленная Марией Клятышевой библиография работ по методологии и методам качественных исследований, изданных на русском языке за последние 10 лет.

Нельзя не выразить слова благодарности всем сотрудникам Высшей Московской школы Социальных и Экономических наук, особенно безвременно ушедшим от нас Геннадию Батыгину и Александру Крыштановскому, чей высокий уровень методологической рефлексии и конструктивная критика качественного подхода не давала нам забывать о соблюдении общих критериев научности в нашей работе. Благодаря Сергею Кухтерину, который помог в организации школы-студии глубинного интервью на базе Центра социологического и политологического образования при ИС РАН, и Марине Елютиной, зав. кафедрой социологии СГТУ, где мы начинали развивать метод «Длинного стола», нам удалось создать систему подготовки исследователя-социолога, основанную на методологии двойной рефлексивности. Спасибо коллегам из ИАП РАН (Саратов), Левада-Центра, членам Конвенции Независимых социологических центров, особенно руководителям Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге Виктору Воронкову и Центра независимых социальных исследований и образования в Иркутске Михаилу Рожанскому, преподавателям ГУ Высшая школа экономики, а также многим и многим полевым исследователям и преподавателям методологии качественных исследований, которые высоко оценили наш скромный труд и сделали своими добрыми пожеланиями и ценными замечаниями возможным выход в свет этой книги.

И. Штейнберг

Часть 1. ПОНЯТИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни

Методологией двойной рефлексивности, или, для краткости, рефлексивной методологией мы назвали концептуальную структуру проведенных в 1991–1997 гг. исследований сельской России. Это сочетание теории, стратегии и стиля коллективной исследовательской работы. По мере продвижения исследований частные аспекты этой методологии проверялись, менялись и развивались дальше. Открытость по отношению к методологическим усовершенствованиям и новым организационным формам была с самого начала важным ее посылом. Тем не менее фундаментальные предпосылки и исследовательская стратегия не менялись и, думается, выдержали проверку исследовательским опытом².

Ядро методологии двойной рефлексивности состоит из некоторого числа взаимосвязанных теоретических понятий и исследовательских стратегий. Что касается понятий, то это «качественная методология»; «качественно-количественный интерфейс» и «двойная рефлексивность». Для стратегий полевого исследования наиболее значимыми являются интерактивность, связанная с вживанием в изучаемое сообщество и «глубинное» интервью с помощью «самонацеленных» и «полуструктурированных» (semi-structured) опросников, а также метод подготовки, взаимной поддержки, взаимопроверки и коллективного вклада в развитие программы полевых исследований, который был назван нами «Длинным столом».

Для того чтобы представить суть методологии двойной рефлексивности, мы определим лежащее в ее основе эпистемологическое

² Исследования по проектам «Социальная структура села СССР» (1991–1995 гг.) и «Реальная экономика и реальная политика российских деревень» (1996–1997 гг.) коротко изложены в работах: Фадеева О.П. Истории социологических исследований сельской жизни в России 1990–1995 гг. и 1995–1996 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996 / Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М., 1996. С. 301–315; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

видение и специфику ее главных составляющих, памятуя, что «Бог познается в частности» (God resides in the details).

Эпистемологические корни методологии: неокантианская философская традиция

У истоков фундаментальных дискуссий о методологиях социальных наук стоит проблема объективности — вопрос о нашем отношении к свидетельствам («data»³). Он служит своего рода водоразделом. По одну сторону находятся модели универсальной науки как систематического знания, базирующегося на данных, которые независимы от наблюдателя, следовательно, объективны и, несомненно, поддаются внешнему наблюдению и верификации. Они также могут быть и предпочтительно должны быть представлены количественно и изучаться статистически, на основе чего делаются обобщения, исходя из которых проверяются гипотетические конструкции и теоретические утверждения. В этой модели имплицитно присутствует требование или сильное предпочтение повторяющегося и качественно неизменного (т. е. по сути внеисторического) предмета исследования. Противники этого подхода склонны подводить его под одно общее название: «позитивизм». Его сторонники отвергают это определение, подчеркивая, что существует множество течений, представители которых согласны с предположением о фундаментальном онтологическом единстве данных о мире и универсальности путей его изучения без непременно признания других базовых предположений классического позитивизма⁴.

По другую сторону находятся те, кто исходит из того, что событиям человеческой жизни присуще фундаментальное своеобразие. Человеческие и социальные явления обладают, с одной стороны, характеристиками «объективных» данных, и значимые результаты могут быть получены и здесь на основе статистического анализа и моделей, в которые закладывалась бы их повторяющаяся и универсальная природа. В то же время другая основополагающая характеристика явля-

³ Понятие «data» на английском языке не имеет вполне удовлетворительного перевода на русский язык. См. Concise Oxford Dictionary, 1999. P. 365.

⁴ См., например: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. Авторы указывают на ряд различных и зачастую враждебных школ (таких как логический позитивизм, критический реализм и советские интерпретации марксизма), объединяемых под общим названием «позитивизм». Дается четкая и резкая критика слабых мест качественных методологий раннего постсоветского периода.

ний такого рода связана со свойствами объекта исследования, обладающего способностью саморефлексии и относительной свободой выбора, т. е. способностью по-разному осмысливать и реагировать на данный стимул, и где результаты не возникают исключительно под воздействием внешних факторов или являются простыми проявлениями заложенной структуры. Такие атрибуты, как ориентация, смысл и выбор составляют значимые и необходимые элементы в описании явлений этого ряда и их анализе. Изучать их следует с помощью дуалистических методов, сообразно их двойственной природе. Предполагается также, что «факты» человеческого феномена и общественные системы исторически подвержены *качественным* изменениям. Для их изучения требуются также особые историографические методы.

Точку осознания особенностей истории как формы познания можно найти в работах Джамбаттиста Вико (XVIII в.).⁵ Развернутую постановку вопросов особенностей гуманитарных и общественных наук ясно поставила неокантианская философия и связанная с ней немецкая историография конца XIX в. Они решали эту проблему, постулируя фундаментальный дуализм организованного знания и соответственно разграничив поля исследований и методологии (Г. Риккерт предложил разграничить науку о природе (Naturwissenschaft) и науку о культуре (Kulturwissenschaft) и характерные для них соответственно «генерализирующий» и «индивидуализирующий» методы⁶). Серьезные споры между неокантианцами (например, Г. Риккерт против «Марбургской школы» или В. Дильтея) велись относительно природы этого дуализма⁷, но фундаментальное разделение на естественные и гуманитарные науки было воспринято всеми представителями этой традиции как отражающее особенности гуманитарных и социальных исследований: способности объекта к интроспекции и выбору, в котором содержится возможность его трансформации под воздействием знания и самопознания. Дальнейшее развитие этого взгляда сыграло важную роль в определении современной социологии и современной истории, особенно через работы Макса Вебера, работу школы Анналов⁸. В англосаксонском дискурсе присутствует более радикальная

⁵ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994.

⁶ Rickert H.P. Meaning in History. L., 1961; Дильтея В. Построение исторического мира и наук о духе. М.: 2004; Weber M. The Methodology of Social Sciences. N.Y., 1949.

⁷ В качестве дискуссионных материалов см.: Hughes J. A. The Principles of Social Research. L., 1990; Winch P. The Idea of Social Sciences. L., 1959.

⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

позиция, когда вся область мысли строго делилась на «науку» и «искусство» (Sciences and Arts), т. е. на вопросы, доступные научному познанию, где объективное знание возможно, и проблемы другого свойства, относящиеся к сфере искусства⁹.

Ядро понятий, принимающих дуализм реального мира и проблемы его познания, особенно четко выразил Ноам Хомский, назвав его центральным выводом картезианства: «Люди принципиально отличны от всего принадлежащего физическому миру. Другие организмы — суть машины. Когда их части установлены в определенном порядке, и они помещены в определенную внешнюю среду, все, что они делают, полностью предопределено или же вполне случайно (random). Но эти же условия не принуждают людей действовать тем или иным образом, люди только имеют побуждение и склонность так поступать... Их поведение может быть предсказуемым в той мере, в какой они обычно делают то, к чему имеют побуждение и склонность, но, тем не менее, они свободны и уникальным образом свободны, поскольку им необязательно делать то, к чему они имеют побуждение и склонность»¹⁰.

Методология двойной рефлексивности принимает в качестве эпистемологического начала неокантианскую постановку вопроса и традицию в их менее радикальной форме, т. е. в лице таких представителей как Г. Риккерт и В. Дильтея. Там, где речь идет об изучении человеческих реалий и сообществ, требуется методологический подход, дающий представление как о специфически человеческих, так и об объективных и всеобщих характеристиках объекта. Различные срезы реальности, а также разные обобщающие категории создают потребность и дают возможность такого многостороннего и комбинированного освещения объекта социологического исследования.

Понятийная база методологии Качественная методология

Понятие качественной методологии охватывает многообразие взглядов и предположений. Уже в исследовании 1991 г. Р. Теш насчитала 45 различных интерпретаций этого понятия¹¹. Эти интерпретации отстоят друг от друга столь далеко, что некоторые критики с легкой руки Питирима Сорокина обозвали качественную социологию «эпистемоло-

⁹ С особой силой это отражено в работе: Snow C.P. The Two Cultures. L., 1959.

¹⁰ Chomsky N. Language and Problems of Knowledge. L., 1996. P. 5–6.

¹¹ Tesch R. Qualitative Research. L., 1990. P. 58.

гической свалкой»¹². Очень часто те, кто используют понятие «качественный метод», избегают четкого определения. Подобная застенчивость обычно принимает форму определения этого понятия исключительно через отрицание (т. е. как «нестатистический», «неанкетный» и т. п.). Хуже того, выражение «качественный» стало модным. Такая мода поражает академические дисциплины, привнося в них нечто от базара: когда торговцы стараются перекричать друг друга и «обскакать» конкурентов с помощью оскорбительных тычков и заявлений (обычно фальшивых) о необыкновенной свежести предлагаемых ими товаров. «Качественная методология» как мода нередко имела в своей основе нечеткость целей и недостаток знаний об истоках, основах и интеллектуальной истории социологии. В немалой мере такое положение определяется давлением академических рынков, нацеленных на массовое производство текстов поверхностного содержания. Но это только одна сторона дела. Академическая мода приходит и уходит, но часто, когда она исчезает с ее наиболее легковесными представителями, поспешившими уйти пастись в другое место, остаются несомненные достижения в виде новых вопросов, ответов, понятий и методов, а также некоего ядра экспертов, способных прояснить новые детали социальной реальности. Помня об опасности следования очередной моде, важно не перестраховаться и не «выплеснуть ребенка вместе с водой».

«Эпистемологическая свалка» действительно существует в некоторых работах, но указывает скорее на эпистемологическую болезнь, которой подвержены те, кто пользуется термином непродуманно, а не на то, что само понятие лишено содержания. Для того чтобы пояснить, что под ним понимаем мы, потребуется сначала расчистить место с помощью отрицаний, а затем продолжить определением сущности качественной методологии.

Начнем с перечисления значений понятия «качественный», которых, на наш взгляд, лучше избегать.

1. Не следует употреблять это определение по остаточному принципу, когда все что «не» (т. е. не подпадает под категорию статистических или количественных методов, или же методов, служащих только проверке «жестких» гипотетических конструкций) становится «качественным». Точно так же понятие не должно определяться просто

¹² В упоминавшейся выше работе Г.С. Батыгина и И.Ф. Девятко обыгрывается понятие П. Сорокина, который дает ему следующее описание: «Объекты, положенные рядом или... которые были вместе выброшены, и это все, что их объединяет». — Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Boston, 1970. P. 4.

через антонимы, т. е. как «невторичный», «неанкетный» и т. п. Примером тому может служить определение качественного исследования, данное известным ученым, согласно которому это — «любое исследование, результаты которого не могут быть достигнуты с помощью количественных процедур»¹³, что восхитительно просто, совершенно ясно и обладает ничтожной эвристической ценностью.

Определение понятия, социальной реальности или методологии по «остаточному» принципу, как «все, что не», скорее указывает на то, как данная ментальная конструкция была получена, а не на предмет или инструменты исследования. Для того чтобы стать эффективным инструментом познания, понятие должно быть представлено в позитивных терминах, устанавливающих его содержание, выделяющих его аналитическое ядро и определяющих его границы. Только так можно избежать «эпистемологических свалок».

2. Это понятие не может быть просто приравнено к академической дисциплине, ее использующей (например, этнографии). Качественная методология либо шире по своим задачам, характеристикам и свойствам, чем отдельно взятая дисциплина, либо должна быть сведена к аспекту такой дисциплины. В нашем случае то, о чем идет речь, представляет собой методологию с междисциплинарным применением.

По тем же соображениям невозможно принять определение качественной методологии как просто чего-то, присущего профессии социальной работы. Это иногда предлагалось на том основании, что профессиональное самоопределение работы социального работника с клиентом (case work — «работа с отдельным случаем») близко к социологическому понятию case study — «исследование, фокусированное на отдельном случае». Второе, в свою очередь, используется некоторыми как синоним «качественной» методологии¹⁴. Сходство звучания не есть доказательство содержания.

3. Качественные методы не должны рассматриваться лишь как первоначальная стадия исследования, т. е. предварительное наблюдение с целью дальнейшего развития «жесткого» и тем самым истинно научного анализа. Не являются они также «квазистатистическими методами», используемыми до того, как начнется действительно научная, т. е. статистическая работа¹⁵. Статистика или математика — не

¹³ Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research. L., 1990. P. 17.

¹⁴ Картину использования метода изучения с помощью исследований отдельных случаев (case study) см. в статье: Platt J. Case Study in American Methodological Thought // Current Sociology. 1992. Vol. 40. No. 1. P. 17–48.

¹⁵ См.: Lazarsfeld P.F. On Social Research and its Language. Chicago, 1993.

единственные средства получения знаний о человеческих явлениях. Ответы «да» и «нет» на выдвинутые гипотезы — не единственный путь сбора «данных» и научного познания.

В последнее десятилетие аналитический подход, названный «обоснованной теорией» (*grounded theory*), сыграл позитивную роль, давая возможность социологам и другим обществоведам в сильно «позитивистских» средах не ограничиваться более применением моделей естественных наук, базирующихся на лабораторных экспериментах¹⁶. В частности, были предложены модели, альтернативные тем, где гипотезы формулируются сугубо дедуктивно и только проверяются данными, под них отобранными. Гипотетические модели «заземлены» здесь на опыт и вытекают из него, что дает более богатое и реалистическое видение процесса исследования. В методологии двойной рефлексивности суть этого подхода была принята как нечто само собой разумеющееся, поскольку в ней изначально отсутствует псевдонаучный уклон.

4. Качественные методы не должны определяться исключительно как реакция на сложность объекта исследования. Сложные социальные проблемы можно изучать с помощью различных методологий, не только качественных по характеру, например, с помощью матриц¹⁷.

5. Качественные методы не должны определяться как выражение определенной политической идеологии, каковой бы ни была последняя. Это особенно касается тех, кто отрицает любые формальные процедуры как в принципе связанные с «подавлением» и поэтому неприемлемые. Вывод не может обосновываться просто указанием на правильность политической ориентации (например, когда «мужской тип исследований» противопоставляется истинной, т. е. «феминистической», ориентации¹⁸). В научном исследовании идеологемы не могут заменить процедуры верификации.

6. Качественные методы не могут определяться установкой или стилем исследователя, его наклонностями и способностями, такими как эмоциональное сопереживание объекту, способность к самовыражению или склонность к автобиографическим отступлениям при изложении социологического материала (так же как, скажем, математические способности или педантичность в работе ученого недо-

¹⁶ Strauss A.L. *Qualitative Research for Social Scientists*. Cambridge, 1987. Развитие такого подхода к методологии связано с созданием приемов, позволяющих использовать компьютерные программы, такие как программа NUDIST.

¹⁷ Lazarsfeld P.F. *Op. cit.*

¹⁸ Например: Stanley L. *Breaking out Again: Feminist Ontology and Epistemology*. L., 1993.

статочны для определения его работ как «количественной» социологии). Следует проводить различие между характеристиками методологии социальных наук, которые мы обсуждаем, и индивидуальными способностями, которые желательны для тех, кто вовлечен в исследование, и / или должны вырабатываться в процессе обучения исследователя своему делу.

Обращаясь к позитивному определению понятия, «качественную методологию» («качественное исследование») можно определить как тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческой логикой (стратегиями) объекта изучения, включая смыслы и значения, придаваемые им (или ими) этим действиям. Специфика качественной социологии — в том, что она нацелена на определение причинностей. Ядром этой методологии (и шире — способа видения) является то, что, рассматривая повторяющиеся формы человеческих взаимодействий (чем и занимается социология вообще), она нацелена на определение их причинностей, заложенных в сфере смысла, придаваемого действиям объектами исследования. Это не исключает количественных методов как таковых, но исключает категоричность тех исследований, в которых человеческое поведение соотносится только с объективными факторами и аналитическими операциями самих исследователей, в то время как человек — объект изучения — рассматривается как «черный ящик», в который заглядывать не следует. В таких случаях исследуемые объекты рассматриваются исключительно как движимые силами, внешними по отношению к мыслительному процессу, и к этому сведена причинность действий и взаимодействий. Повторю, главной особенностью качественного исследования являются не его технология (будь то компьютеры или математика), а его сфокусированность на смыслах выбора стратегии действия.

В процессе качественного исследования полевая работа включает, как правило, прямое наблюдение в сочетании с многомерными глубинными интервью. Его цель — установить формы действий и взаимодействий, связав это с тем, как они объясняются и понимаются самими участниками — разбор смыслов. Аналитическая часть исследования включает категоризацию и кодирование свидетельств, при этом особое внимание уделяется связям и взаимозависимости между установленными категориями. Работа с первичными данными, их соотношение с понятиями в целях уточнения, классификации и осмысления составляет основную часть исследования. Важным элементом является подкрепленное свидетельствами критическое переформулирование (или отказ от) некоторых используемых понятий. Вводятся также

новые понятия, чтобы достичь более реалистичного описания, объяснения динамики и причин изучаемого явления.

Аналитическое описание, соотнесение между собой свидетельств, установление типологии и выдвижение предположений и понятий относительно структур причинных связей, а также реалистичности описания и способов его проверки — это то, что предполагается получить на выходе исследования. Оно включает также рассмотрение более широкого контекста свидетельств и исторического процесса, частью которого являются изучаемые события. Что касается связи всех этих элементов, то в дискуссии о качественном исследовании была выдвинута идея, практическое значение которой трудно переоценить, а именно, что не следует видеть их просто как последовательные стадии работы: сначала категоризация, потом рассмотрение связей между категориями, затем подкрепление и проверка их свидетельствами и т. д. Скорее это представляет собой спираль или зигзаг, когда работа продвигается через постоянное возвращение к предыдущему «этапу», идет непрерывный процесс сравнительного анализа между категориями, объяснениями, свидетельствами, с прояснением понятий — диалектическая связь или, если воспользоваться выражением современного автора, «итерационный», а не «линейный» процесс исследования¹⁹.

Качественно–количественный интерфейс: сочетание качественных и количественных методов

«Количественное» исследование опирается в идеале на статистический анализ собранных данных. Это предполагает тип данных, который позволяет измерение с помощью стандартизированных применений случайных выборок. Важнейшим способом сбора таких данных являются опросы, которые охватывают большое число единиц наблюдения и требуют предварительной работы по обеспечению их репрезентативности. Все это позволяет применять математические методы, которые делают более надежными результаты исследований и проверку предположений, «расплавиваясь» за эту ценную характеристику существенным сужением и упрощением фокуса опроса. Устойчивость соотношений представляется необходимым условием приемлемости данных. Сравнительная простота и дешевизна подготовки играет важную роль в определении и широком признании картин и самооценок общества населением и политическими элитами.

¹⁹ Dey I. Qualitative Data Analysis. L., 1993.

Работа с числами и статистический анализ — важнейший способ рассмотрения общества с «количественной» точки зрения. Работа со смысловыми понятиями и категориями стоит в фокусе «качественного анализа». Однако при изучении общества сами числа зависят от значений и категорий, в то время как значения и категории проверяются и подтверждаются данными, часть которых выражена часто математически и статистически. Именно поэтому, хотя деление на качественное и количественное как полярных «идеальных типов» полезно для прояснения логики различий, оно может вести к ошибкам при непосредственном переносе на эмпирический уровень. Именно область пересечения «количественного» и «качественного» часто оказывается наиболее плодотворной при социологическом исследовании.

В социальных науках особо продуктивны формы анализа, в котором смыкаются характеристики, количественно выраженные и доступные статистическому анализу, и их субъективный и интерсубъективный срез. Примером может послужить использование бюджетных исследований в контексте рефлексивной методологии наших работ 1991–1997 гг. Традиция сельских бюджетных исследований, основоположником которой в России был Ф.А. Щербина²⁰, имела в своей основе анализ доходов и расходов «дворов» — семейных единиц производства²¹. Эти исследования связаны также с определением использования труда, инвестиций, комбинирования натуральных и денежных ресурсов и т. д. Такой анализ приобрел свою законченную форму в чайновских таблицах, опубликованных в 1929 г.²² Сбор этих «жестких» данных шел в наших исследованиях 1991–1997 гг. параллельно с систематическим изучением в тех же семьях стратегий их материального самообеспечения, в частности, производства, использования труда, материальных ресурсов и денег, а также бартера и неэквивалентного обмена в рамках сетей взаимопомощи родственников и соседей. Это позволяло соотнести бюджетный анализ балансов доходов и расходов (input/output analysis) с разнообразными субъективно значимыми решениями и соображениями самих объектов исследования. В том же направлении развивался анализ социальных и экономических сетей межсемейной и внесемейной взаимоподдержки и кооперации.

Признание значимости качественной методологии исходит из того, что «качественное» и «количественное» исследования представ-

²⁰ Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

²¹ Статистический справочник. 1927. М., 1928; Статистический справочник. 1928. М., 1929.

²² Чайнов А. Бюджетные исследования. М., 1929.

ляют собой различные методологические фокусы изучения одного и того же предмета, его различные срезы. Они могут накладываться, соединяться и перекликаться в процессе познания, выбор принадлежит здесь исследователю и определяется перечнем его вопросов.

Поясним, почему мы для описания принятой здесь позиции относительно соотношения различных уровней анализа используем термин «интерфейс». Возможные альтернативные выражения, такие как «связь», «взаимодействие», подчеркивают единство поля исследования, что и мы принимаем, но они недостаточно отражают параллельный факт типологической разнородности соответствующих категорий. Пользуясь термином «интерфейс», мы стремились подчеркнуть сложную взаимозависимость предполагаемого единства социальной реальности и его фундаментального методологического разделения.

Двойная рефлексивность

Понятие рефлексивности принадлежит академической традиции, уходящей корнями в неокантианское видение и вопросы, обсуждавшиеся выше. В эпистемологическом фокусе находится взаимное влияние исследователя и объекта, отрицается упрощенная модель, перенятая из естественных наук, в которой активный разум исследует то, что, по сути, пассивно и нейтрально. Следуя семантике слова, понятие рефлексивности представляет собой предположение, что в процессе познания свидетельства («данные») никогда не могут быть полностью отделены от исследователя и всегда связаны с ним. В человеческих и социальных явлениях сам процесс познания изменяет познаваемое²³. Этот взгляд оставляет неопределенным или недостаточно ясным еще один аспект (или аналитический шаг) понимания данной проблемы. Принятая нами за основу модель исследовательского процесса включает данные, регистрируемые прямым наблюдением и интервью или извлекаемые из собранных другими исследователями свидетельств, но также воздействие исследователей на изучаемое поле, т. е. взаимоотношения субъект-исследователь и объект-исследуемый. Но далее она включает также субъективность самих объектов исследования, т. е. их понимание свое-

²³ В Оксфордском словаре «рефлексивность» в социальных науках определяется как «метод, теория, в которых принимается во внимание она сама и в особенности эффект, который оказывает исследователь или просто его присутствие на объект исследования» — The New Shorter Oxford Dictionary. Oxford, 1993. P. 2522; См. также: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990; Soros G. The Alchemy of Finance. N.Y., 1987.

го социального и материального контекста наряду с их разнообразными решениями проблем выбора стратегии действия как характеристику поля и одну из центральных причинностей в нем.

Мы поэтому назвали двойной рефлексивностью отношение между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) интерпретативными действиями исследователя, а также влиянием их на изучаемый объект; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как объект исследования определяет сделанный им выбор. Сюда же относятся значения и смысл, признаваемые группами, к которым принадлежат исследуемые. Мы считаем этот «треугольник» *а-б-в* ядром методологии и ее отправной точкой, как в полевой работе, так и в интерпретации результатов, основой ее эвристической силы и ограничений. Важным следствием этого тройственного соотношения является предположение о том, что ни исследователю, ни исследуемому не принадлежит монополия коммуникации, которая осуществляется между ними, и ни у одного из них нет привилегии на окончательное их познание.

Концепция двойной рефлексивности связывает обсуждавшиеся здесь понятийные категории, такие как «качественное исследование» и «качественно-количественный интерфейс», со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, характеризующимися вживанием, глубокими интервью, а также методами работы «Длинного стола». Эта концепция проходит красной нитью через всю описанную здесь систему анализа и поэтому была взята также в качестве названия нашего методологического подхода в целом.

Полевые исследования на примере работ 1991–1997 гг. Интерактивность

Интерактивная стратегия определяет общие характеристики эффективной полевой работы по сбору информации в исследованиях рассматриваемой категории. Академическое осмысление интерактивной стратегии полевого исследования небольших поселений возникло и оформилось в социальной и культурной антропологии, получившей первоначальное развитие главным образом в Великобритании, США и Франции²⁴. Будучи изначально во многом связанной с колониальной эпохой и ее «экзотикой», социальная и культурная антропология развилась в академическую дисциплину, имеющую множество то-

²⁴ В качестве дискуссионного материала см.: Geertz K. The Interpretation of Culture. N.Y., 1973; Leach E.R. Social Anthropology. L., 1982; Hamrnersley M., Atkinson P. Ethnography. L., 1991.

чек пересечения с другими научными дисциплинами, такими как история или экономика. Близость тематики и понятий приводит порой к слиянию с современной социологией. В основе этой традиции — прямое наблюдение за небольшим сообществом и взаимодействием его членов. Она была особенно нацелена, по словам ее классика К. Гирца, на описание этой территории «жирным карандашом», т. е. не только фактов, но также намерений и значений, понятийного контекста и его динамики²⁵, т. е. на качественные аспекты исследования.

Такая стратегия исследования диктовала особое отношение к сбору данных: визит на полчаса с «жесткой» анкетой и закрытыми вопросами не может их обеспечить. Связь исследователя с изучаемым сообществом должна быть относительно продолжительной. Процесс сбора данных должен быть «мягким», подстраивающимся под ритм жизни сообщества и как можно меньше его нарушающим. Вопросы должны быть достаточно открытыми, чтобы иметь возможность фиксировать неожиданные события и изменяться по мере возникновения новых вопросов и выявления новых источников информации. Вживание исследователя в сообщество составляет часть исследовательской стратегии, обеспечивая ее успех. В то же время необходимо, чтобы сохранялся баланс между близостью исследователя к изучаемому объекту и мерой отстраненности, которая должна обеспечить возможность критической оценки происходящего.

Свидетельства, собранные таким образом, создают многомерную картину социальных отношений, которая менее селективна по сравнению с обычным результатом анкетных опросов. Они несут содержательное описание взглядов и культурных значений, смыслов, выраженных индивидуальными объектами исследования и циркулирующих внутри социальных сетей и групп. Широкая база данных, менее структурированная, как и менее искаженная, может быть использована как для общего, так и для точечного анализа определенного аспекта социальной реальности. Следует добавить, что творческие способности исследователя, рассматриваемые в контексте такого типа полевого исследования, получают особые возможности выражения.

Сложность и трудоемкость таких методов исследования весьма значительны. Это объясняет, почему исследования такого рода реже включаются в исследовательские программы, инициированные государством. Репрезентативность результатов может быть здесь легче оспорена — конкретные случаи индивидов, сообществ и групп, выб-

²⁵ Geertz K. Цит. соч.

ранных для изучения, могут оказаться исключениями. Многомерность исследования предполагает большое количество «белых пятен» там, куда личное понимание исследователя и его профессиональные знания не проникают.

Долговременная полевая работа требует от исследователей, которые часто являются представителями иной социальной среды, серьезного психологического напряжения и может привести к личным трудностям. Особую сложность представляет задача одновременного «включения в сообщество» и «выдерживания дистанции» с местным населением. К этому следует добавить политические и технические проблемы, начиная от возможных подозрений и препятствий, чинимых местными органами власти и самим населением по отношению к «чужакам», и кончая поиском жилья, средств коммуникации и технической поддержки. Опыт наших сельских исследований 1991–1997 гг. помогает увидеть некоторые практические пути решения вопросов организации интерактивного полевого исследования, а также типичные неудачи, которые столь же важны. В нашем случае период проживания в каждой деревне продолжался восемь месяцев в первом исследовании и 13 месяцев (т. е. полный сельскохозяйственный цикл) — во втором. Проблема кадров была решена путем тщательного отбора исследователей: все они имели высшее образование в области социальных наук, были достаточно зрелыми людьми и обладали жизненным опытом и личностными качествами, которые помогли выдерживать тяготы, связанные с долгосрочной полевой работой. Что касается профессиональных знаний, то все отобранные исследователи проходили дополнительную подготовку как путем прямого обучения, так и в ходе работы. То, что участники проекта имели различное первоначальное образование (среди них были социологи, экономисты, географы, архитекторы, учителя), оказалось позитивным, так как исследователи многому учились друг у друга. Различия в личностных и дисциплинарных уровнях подготовки и стилях использовались при обучении и в самом исследовании.

Проблема репрезентативности данных была частично решена в результате тщательного отбора деревень «внешними» экспертами. Ограничения, связанные с таким отбором, хорошо понимались теми, кто планировал исследование. Участники исследований были нацелены на выработку эффективной методологии для создания более глубокой картины, воссоздающей жизнь российского села, в надежде на то, что ежегодный мониторинг сельской России, проводимый ЦСУ в 1920-е годы на репрезентативной выборке деревень, возвратится в будущем и что

выработанная и проверенная нами методология может оказаться в нем особенно ценной. Для того чтобы смягчить трудности, ожидавшиеся в подобного рода полевом исследовании, было принято решение работать в деревнях командами из двух-трех человек (часто такую команду составляли семейные пары, что оказалось особенно эффективным). Вторая линия защиты обеспечивалась «Длинным столом», за которым периодически собирался весь коллектив исследователей. Взаимные визиты исследовательских команд, визиты руководителя и координатора проекта определялись как узкопрофессиональными задачами, так и задачами социального и психологического характера.

«Штаб» проекта включал в нашем случае администратора и академического «начальника штаба». Они поддерживали постоянный контакт с «командами», обеспечивали их материальные потребности, техническую организацию контактов, координировали сбор данных, осуществляли общие сборы «Длинного стола» и вели архив, в котором накапливались данные. «Центр» также снабжал полевые «команды» официальными рекомендательными письмами для «открытия дверей» (от президента Академии сельскохозяйственных наук, от Аграрного комитета Думы и т. п.) и помогал на основе личных связей обеспечивать должный уровень контактов и защиты в селах. Технические средства, необходимые исследователям для работы, совершенствовались по мере увеличения финансовых возможностей и роста квалификации исследователей. Начав полевую работу с оснащённости диктофонами, резиновыми сапогами и ручными фонариками, на поздних стадиях проекта его участники были обеспечены компьютерами и фотокамерами.

Глубинные интервью и «самонацеленные» вопросники

Интервью — это инструмент непосредственных исследований, предполагающих контакт лицом к лицу с объектом исследования. То же самое можно сказать о вопроснике. Характеристики интервью и вопросника отражают особенности заданной методологии. В нашем случае вопросник «самонацелен», т. е. направлен на интервьюера, а не на исследуемых. Он дает общее руководство, т. е. перечень тем, которые должны быть раскрыты, оставляя на усмотрение исследователя форму постановки вопросов и их дальнейшее развитие. Процесс сбора данных направлен здесь на активное участие тех, кого исследуют. Контакт с респондентом долгосрочен. Он включает многие «заходы» — возвраты и разговоры, выводящие на определенную тему. Форма, в которой задается тот или иной вопрос, зависит от суждения са-

мого интервьюера о том, как и когда лучше его задать, и от конкретных условий, в которых интервью протекает: дома или на улице, в дружеском обмене мнениями или в споре, «с глазу на глаз» или в присутствии других людей. Вопросы могут задаваться отдельному человеку, семье, семье вместе с соседями или другой группе. Они выверяются в процессе исследования. Ответы на вопросы, указанные в вопроснике, перепроверяются в ходе бесед, затрагивая все более глубокие слои темы, т. е. темы более личностные, запятанные или забытые, подобно тому, как один за другим снимаются слои луковицы. Мнение интервьюера относительно того, какая из возникающих версий событий, мнений или оценок наиболее правдоподобна (и почему), важно и записывается, но он (она) обязаны представить в записях все выраженные или осознанные мнения и картины происходящего.

В дополнение к индивидуальным «глубоким» интервью и следуя тем же принципам, сбор данных включает «фокус-группы», которые в наших исследованиях принимали различные формы, начиная с неформальной дискуссии, инициированной интервьюером у входа в местный магазин или за семейным столом, его активного участия в формальных собраниях правления или на общем собрании «крупхоза» (принятое нами определение межсемейных форм хозяйства на базе бывшего колхоза или совхоза или вне его). Были также дискуссии в группах, созданных интервьюером для того, чтобы обсудить определенную проблему по его выбору.

«Глубинные» интервью зависимы от доверия респондентов и дружеских отношений с интервьюером, а это приводит к возникновению определенных проблем. Тех, кто отвечает на вопросы, содержание бесед может травмировать или вызывать опасения. Именно поэтому этические и профессиональные решения, связанные с такими моментами, должны быть продуманы и приняты уже на предварительной стадии исследования. В инструкции к базовому вопроснику нашего исследования 1991–1997 гг. предписывалось, что в тех случаях, когда полученная информация может создать опасность для человека или семьи, лучше отбросить ее, не записывая, чем поставить респондента в затруднительное положение — профессиональная честность важнее профессиональных достижений. Там же было подчеркнуто, что мы стоим («без сюсюканий») на стороне крестьян, которых интервьюируем, и такая принципиальная установка должна определять наше повседневное поведение. В долгосрочной перспективе подобное поведение наиболее эффективно также с точки зрения результативности исследования.

В нашем опыте особенно полезным для интервьюирования был диктофон, дающий возможность повторного прослушивания наиболее важных моментов разговора впоследствии и т. д. (При использовании диктофонов всегда спрашивалось согласие респондента, но как показывает наш опыт, такое согласие почти всегда давалось, если первоначально были установлены доверительные отношения.) Для бюджетных исследований мы в определенных случаях привлекали и самих респондентов, платя им (например, для регистрации ежедневных трат или составления списка купленных товаров). Чтобы сбор таких данных не стал фальшью или чистой формальностью (ответы могут быть придуманы респондентом, чтобы сэкономить время и силы) необходимы регулярные и частые контакты исследователей с респондентом.

Использование открытых (полуструктурированных) вопросников, а не анкет, основанных на ответах «да–нет» (т. е. где заданы альтернативные ответы), поддерживает более интерактивный стиль интервью, в котором творческие способности респондентов, их собственные идеи и возможные критические комментарии постоянно активизируются и вводятся в исследование. Хотя беседа в определенной степени направляется интервьюером, зачастую именно контр-вопросы респондентов, их собственные понятия и идеи оказываются в высшей степени полезными. Такие разговоры всегда должны включать неторопливые беседы «за жизнь», которые хотя и кажутся на первый взгляд нерезультативными («пустой тратой времени»), имеют важнейшее значение для человеческих отношений, без установления которых невозможно получение «глубоких» ответов на конкретные, интересующие исследователя вопросы. К тому же это обосновано необходимостью установления между интервьюером и интервьюируемым меры их равенства как залога доверия и получения в результате более качественной информации. Исследователи, которые не уважают своих информантов и/или не видят ничего интересного в их биографиях и взглядах, не должны браться за работу подобного рода.

«Длинный стол»

«Длинный стол» — центральное институциональное выражение идеи исследовательского коллектива особого рода. В наших исследованиях 1991–1997 гг. он собирался раз в три-четыре месяца, когда все участники проекта несколько дней проводили вместе, обычно в одном из санаториев под Москвой. Условия были относительно комфортными, что было важной переменной для людей, приезжавших прямо из «поля». Довольно продолжительные рабочие дни проходили главным

образом в виде обсуждений и дискуссий, в которых принимали участие все, сидевшие за одним столом. Отсюда и пошло название этих встреч (и было закреплено в статье «Рыцари Длинного стола», написанной журналисткой, однажды посетившей такую встречу²⁶). Повестка «Длинного стола» включала отчеты каждой «команды» о полевом исследовании, обсуждение общих проблем и трудностей, с которыми пришлось столкнуться; организационные вопросы, а также сессии по финансовым вопросам и т. п. (которые мы окрестили «профсоюзными собраниями»). Большая часть времени «Длинного стола» была посвящена расширению базы знаний и повышению квалификации. Последнее включало лекции на определенную тему с последующими семинарами. Обсуждались проблемы, возникшие в период работы, и профессиональные темы, что позволяло представителям различных дисциплин и обладателям различного опыта вносить свой вклад в дискуссию. Уточнялись понятия, перепроверялись вопросы, соображения и взгляды на тему исследований. Состоялось также несколько философских и идейных по содержанию дискуссий, связанных как с общими вопросами этики познания, так и с общими целями исследования.

Заседания перемежались встречами отдельных участников проекта с его руководителем или «начальником штаба» проекта, проверявшим выполнение планов, а также встречами групп коллег, связанных определенной задачей, например, считывавших и сравнивавших информацию, касающуюся бюджетных исследований или семейных сетей. Сочетание заседаний всего коллектива и малых групп с индивидуальными встречами дополнялось значительным числом «внештатных» взаимодействий, бесед и споров между членами различных «команд» как за «Длинным столом», так и за обедом и во время прогулок. Коллективные развлечения-«разрядки» и отдых были обязательной частью таких встреч.

В результате такого сочетания серьезных интеллектуальных усилий, интенсивного взаимодействия и отдыха, участники получали положительный заряд для продолжения работы и постоянного повышения ее качества. Это способствовало установлению и дальнейшему развитию основных направлений, так же как и рамок контроля, взаимного контроля и самоконтроля коллег, выполнявших сходные задачи и разделявших общие ценности. Во время «Длинного стола» споры были жаркими, но никогда не приводили к ссоре, а способствовали единению и профессиональному росту всех участников проекта.

²⁶ См. статью А. Лацис: Дело. 1993. № 10–11. С. 11.

Работа «Длинного стола», а также развитие проекта в целом, лишённое строгой изначальной формализации, предъявляют особые требования к руководителю проекта. За «Длинным столом» он должен управлять дискуссией, обеспечивая конструктивность результатов и единение коллег. Он обязан определить пробелы в знании социологической теории и методов и восполнить их посредством организации соответствующих лекций и семинаров. Он должен также поддерживать коллег в кризисных ситуациях, возникающих особенно в новых для исследователей условиях работы (в нашем случае горожан, работающих в селах). Хотя ответственность за общее определение целей исследования и постановку соответствующих задач в конечном счете несет руководитель проекта, они систематически обсуждаются, отшлифовываются в спорах, в ходе которых высказываются и принимаются новые предложения. В дискуссии руководитель обязан направлять ход и развитие дебатов, снимая их возможную «заикленность» и излишнюю эмоциональность, обеспечивая тем самым эффективность обсуждений.

Значительную роль в повышении качества полевых исследований может сыграть помощь ведущих ученых, которые консультируют по тем или иным вопросам, но не принимают в них прямого «полевого» участия. Неформальная группа экспертов (названная нами «Совет советников») принимала участие в планировании различных стадий исследований 1991–1997 гг. Например, вопрос выбора деревень, районов и регионов для изучения серьезно обсуждался в группе крупных специалистов, в которую входили историки и ведущие ученые России в области сельской географии. Важная помощь «извне» была оказана в вопросе первоначальных местных контактов. Обычай приглашать экспертов и «чужих» за «Длинный стол» сыграл положительную роль в его успешном функционировании.

* * *

Ценность методологии двойной рефлексивности определяется практической деятельностью — исследовательскими результатами, которые значимы, реалистичны и нетривиальны.

Глава 2. Очерки истории качественных методов

Попытка установить дату первого использования качественных методов в полевых социальных исследованиях может вернуть нас к моменту изобретения письменности или привести в эпоху Пелопонесских войн между Афинами и Спартой, во времена Римской империи

или эпоху Марко Поло. Уже тогда ответственные политические и экономические решения принимались на основе подробных и, как сейчас сказали бы, «мультидисциплинарных» описаний-рапортов о состоянии дел в этих и соседних с ними государствах. В антропологии, сосредоточенной на описаниях «иных» обществ, первыми, кто включил антропологические сведения в свои отчеты, стали послы (в особенности венецианские, полнота дипломатических отчетов которых не имеет себе равных в средние века), миссионеры, путешественники и купцы. Тем не менее в академических исследованиях полевые методы стали использоваться только в самом конце XIX и в начале XX вв.

Антропологический подход: Бронислав Малиновский

Ученые XIX в. вели свои исследования, опираясь лишь на материалы, собиравшиеся для них миссионерами, путешественниками и правительственными чиновниками, подавляющее большинство которых не имело никакой антропологической подготовки. Поэтому применение качественных методов в полевых исследованиях принято считать инновацией XX в., а их первопроходцами — Бронислава Малиновского и Чарльза Кули. Это расхожее мнение является в определенном смысле упрощением. На протяжении пятидесяти лет, начиная с 1870-х гг., в Англии неоднократно переиздавалась книга «Заметки и вопросы антропологии». Изменения в содержании этих томов помогают обнаружить сдвиг в отношении к тем материалам, которые принято называть «этнографическими свидетельствами». Составители первого издания «Заметок», вышедшего в 1874 г., указывали на главную проблему первых опросников, предназначенных для непрофессионалов: в них слишком мало внимания уделялось деталям, столь важным для антропологов. Уже следующий выпуск «Заметок» содержал перечень информации, которая могла бы заинтересовать специалистов-антропологов. Тем не менее и в этом, и в последующих изданиях содержались сведения только о тех аспектах жизни обществ, которые должны были изучать миссионеры и путешественники, но не было никаких указаний на то, какие методы следует использовать для наблюдений и сбора данных.

Материалы, привозимые из своих поездок миссионерами и путешественниками, поднимали важные методологические проблемы. Авторы описаний чаще обращали свое внимание только на то, что казалось им экзотическим или романтическим и пропускали обыденное. Во время сбора информации им приходилось во всем полагаться на непроверенных местных переводчиков. Наконец, на их описания слишком часто влиял «цивилизационный снобизм», с позиций которого ав-

торы смотрели на изучаемые общества, нередко награждая их ярлыками «кровожадных», «варварских» или «примитивных». В этой ситуации Хеддон, Селигмен и Риверс предложили антропологам самим работать в поле и собирать все необходимые материалы. В 1898 г. экспедиция, возглавляемая Хеддоном, отправилась на острова в Торресовом проливе, а в Северной Америке Боас организовал экспедицию по изучению индейских племен северо-западного побережья США. Несмотря на то, что исследователи почти не предпринимали попыток овладеть местными языками, много времени уделялось поиску и завоеванию доверия ключевых информантов. В этих экспедициях, по мере того как антропологи встречались с реальными респондентами, перед ними вставали важные методологические проблемы, и в первую очередь — как избежать тенденциозности при изучении чужой культуры и как обеспечить трансляцию смысловых значений из одной культуры в другую. Хотя эти экспедиции были непродолжительными и скудно финансировались, была убедительно доказана эффективность сбора антропологических данных самими антропологами.

В своем итоговом отчете «Антропологическая работа за пределами Америки», направленном в Институт Карнеги, Риверс привел убедительные аргументы в пользу интенсивной и продолжительной работы в поле. Он писал о том, что эта работа обязательно должна быть построена на жизни среди людей и заключаться в изучении их культуры, необходимом для того, чтобы лучше их понять и использовать в общении их обыденный язык. Только тогда, подчеркивал он, можно избавиться от искажений и неточностей в опросах и поверхностных наблюдениях миссионеров. Риверс делал упор на понимании местных терминов и языков, поиске подходящих информантов, сборе текстовых материалов, генеалогий и семейных историй, а также систематическом ведении полевых и дневниковых записей. Некоторые из этих советов были включены в четвертое издание «Заметок». Урри назвал его не столько путеводителем для путешественников, сколько руководством, открывающим дверь в новую эру антропологических исследований, которые должны были быть основаны на более точных методах. В ходе своих первых экспедиций Малиновский активно пользовался именно этим изданием «Заметок». Его собственная позиция, изложенная в знаменитых «Аргонавтах Тихого океана», очень близка к позиции Риверса. Именно Малиновский считается родоначальником интенсивных полевых исследований в антропологии, поскольку в его «Аргонавтах» впервые появляется детальное обсуждение примененной методики. Впрочем, описанные им приемы являлись скорее неким

идеалом, к которому автор стремился, а не тем, что он делал в действительности.

Малиновский критиковал предшественников за то, что они не смогли детально описать свои методы. Он считал, что антропологический материал имеет ценность лишь тогда, когда проводится различие между прямым наблюдением, словами и мнениями местных жителей и выводами исследователя. Он указывал также на то, что этнографы должны иметь представление о цели своих исследований, жить среди туземцев в изоляции от внешнего мира и собирать данные при помощи специфических методов. Малиновский настаивал на том, что этнограф не должен поддерживать контактов с другими европейцами, потому что это единственный способ получить представление о социальных процессах, происходящих в повседневной жизни и узнать больше о людях, их обычаях и верованиях. Наконец, Малиновский полагал, что непосредственное изучение туземцев в их обычных условиях предпочтительнее, чем использование платных информантов. Большая часть его выводов до сих пор сохраняет свое основополагающее значение.

В «Аргонавтах» Малиновский также показал, что хорошо осознает некоторые проблемы проведения полевого исследования. В частности, он обсуждает вопросы, связанные с влиянием антрополога на то, что наблюдается и подробно анализирует влияние исследователя на жизнь деревни. Тем не менее Малиновский считал, что эти трудности можно преодолеть, поскольку постоянное присутствие антрополога постепенно перестает оказывать влияние на жизнь племени. Малиновский, отстаивая право на участие исследователя в деревенской жизни, писал: «...в этой работе этнограф иногда должен отложить в сторону свою камеру, записную книжку, карандаш и присоединиться к тому, что происходит. Он может принимать участие в играх туземцев, сопровождать их во время визитов и прогулок, сидеть, слушать и участвовать в их разговорах». Только такое участие, считал Малиновский, позволяет исследователю понять жизнь тех, кого он изучает.

Личные дневники Малиновского, опубликованные его вдовой в конце 1960-х, вновь заставляют поднимать вопросы об исследовании Малиновского и той степени, в которой он смог приблизиться к собственному идеалу. Его идеи, касающиеся сбора статистических данных, детальных наблюдений и этнографических выводов стали настоящей революцией в полевых исследованиях. Нельзя не видеть, что сам Малиновский не был «идеальным» исследователем, отдавая себе в этом полный отчет. Его дневниковые записи говорят о периодах одиночества, скуки и глубокой депрессии. Вместо идеализированной картины

полевых исследований, которая встает перед нами со страниц «Аргонавтов», мы получаем более ясное представление о тех трудностях, которые испытывает любой полевой исследователь. Это сочетание «выверенного» научного отчета и беспощадных, честных по отношению к себе и к своим читателям дневниковых записей заставляет говорить о двух уровнях полевого исследования — этнографии чужой культуры и этнографии самого себя.

Прожив много месяцев среди туземцев, Малиновский сохранил уверенность, что не смог бы участвовать во всем, что они делали. Он не смог полностью порвать все контакты с европейцами и европейской культурой, продолжая встречаться с путешественниками, миссионерами и торговцами, проводил много времени за чтением романов, используя эту уловку для того, чтобы отвлечься на какое-то время от общества, которое он изучал. Дневниковые записи полны эпизодами его личной жизни, которые могут дополнить его идеализированные представления о полевом антропологическом исследовании. Тем не менее, даже если работа Малиновского и не соответствовала тем высоким стандартам, которые он открыл в процессе исследования и которым он сам стремился соответствовать, совершенно очевидно, что он действительно революционизировал работу антрополога и оказал огромное влияние на методологию социальных наук XX века.

Английские социальные исследования: Чарльз Бут, Сидней и Беатрис Уэббы

Совершенствование исследовательских методов в Англии было тесно связано с работами в области социального реформирования. Не следует считать работы Чарльза Бута и супругов Уэбб всего лишь стандартными опросами и сбором статистических сведений. Работы Бута выходят далеко за узкие рамки социологического опроса. Его главная книга «Жизнь и труд жителей Лондона» посвящена изучению проблемы бедности. Бут был уверен, что описания отдельных семей, существовавшие в литературе того времени, нереалистичны и бесцветны. Помимо проведения опроса, он решил сам получить личный опыт жизни в лондонском Ист-Энде, сняв здесь комнату. Исследователь пишет: «У меня не было никакого личного опыта, и я не сомневался, что множество других людей обладают в двадцать или в сто раз большим опытом жизни в Ист-Энде. Но и то, чему я был свидетелем, было вполне достаточно, чтобы пролить яркий свет на те материалы, которые я использовал, и оживить их. Раз в три недели я менял кварталы, в которых снимал жилье, выбирая те, где меня никто не знал и, в качестве постояльца,

разделял жизнь людей, которые фигурировали в моих записях как принадлежащие к классам С, D и E. Постепенно я лучше узнавал жизнь и привычки тех людей, у которых снимал жилье, а также знакомился с жизнью многих других людей, которых я наблюдал. Никто из них не подозревал о моих целях, которые, как я верю, были честными, и никто не задавал мне никаких вопросов. Люди, среди которых я жил, стали и продолжают оставаться моими друзьями». Его подход к исследованию жизни лондонских низов вполне созвучен опыту работы Малиновского на Тробриандских островах в Тихом океане. Бут выбрал для себя роль наблюдателя, участвовавшего в жизни людей, среди которых он находился, хотя вряд ли они догадывались о его научных целях. В дополнении к своему опыту жизни в Ист-Энде, Бут собирал данные, опрашивая многочисленных информантов. В частности, он беседовал со школьными учителями, сборщиками налогов и санитарными инспекторами, способными рассказать о тех бедных семьях, с которыми они имели дело. Наконец, Бут использовал также и все документальные свидетельства о жизни в Ист-Энде, которые он смог найти.

Такой подход заставляет изменить расхожее мнение о Буте как об исследователе, который всецело разделяет традицию обычных опросов: очевидно, как много приемов полевой работы он использовал для того, чтобы дополнить ею материалы опросов. Возможно, исследование Бута было первым, в котором была предпринята попытка комбинировать статистические сведения с интервью и включенным наблюдением. Количественные данные были поддержаны качественным материалом, который Бут и его помощники получили с помощью личного наблюдения. Более того, они использовали различные методы исследования для проверки полученных данных. Работа Бута не ограничивалась одним-единственным методом или постановкой одной проблемы.

Исследование Бута поднимает ряд проблем, касающихся использованных методов и полученных с их помощью данных. Одна из них — сопоставимость данных, которые собирались разными исследователями. Читая описания, сделанные Бутом, вполне естественно поставить вопрос о том, в какой степени можно говорить о репрезентативности обследованных семей и индивидов. Материалы Бута поднимают немаловажный вопрос о взаимоотношении фактов и мнений. Наконец, его исследования отражают социальное положение самого Бута и его ценности, которые и сформировали его точку зрения на проблемы бедности. Работа Бута интересна для нас тем, что это одна из первых попыток использовать интенсивные полевые методы для изучения своего собственного общества.

Одним из ближайших помощников Бута была Беатрис Уэбб, которая долго работала с Бутом, прежде чем начала свои собственные исследования вместе с мужем, Сиднеем Уэббом. Несмотря на то, что их самостоятельная работа началась в самом начале века, лишь в 1930-х гг. супруги Уэбб решились на обсуждение своих методов. Их книга «Методы социального исследования», вышедшая в 1932 г., и автобиография Беатрис Уэбб «Мое ученичество» посвящены исследовательскому опыту, который основан в большей степени на использовании целого спектра методов, а не одних лишь опросов. Уэббы утверждают, что социальное исследование есть «искусство ведения записей, применения методов личного наблюдения и интервью, использования документов и библиотечных источников, сбора и манипуляции статистическими материалами — самыми общими требованиями здесь являются терпение и настойчивость в работе, точность в использовании слов и цифр, быстрота в сборе новых фактов, удовлетворение от того, что продолжаешь двигаться намеченным курсом, и, помимо всего прочего, эта особая форма интеллектуальной любознательности, которая доставляет наслаждение распутыванием и разгадыванием сложных деталей независимо от их непосредственного отношения к главным линиям исследования». Супруги Уэбб полагали, что исследователь должен быть знаком не только с набором исследовательских приемов. Они указывали, что ему необходимо четко формулировать свои вопросы, избегать перегруженных вопросов и преодолевать искажения и смещения. Они считали, что исследователь должен изучать социальные институты как целое, а не как социальную проблему. Это сближает их с Малиновским, который защищал точно такой же подход десятью годами ранее. Уэббы обсуждали ряд исследовательских методов, которые включают сбор документов, интервьюирование и наблюдение за функционированием организаций.

Без сомнения, Уэббы относились к наблюдению как к одному из важнейших элементов социального исследования. Беатрис имела обширный опыт применения методов наблюдения не только в своей работе с Бутом, но и в своих собственных исследованиях. В книге «Мое ученичество» она рассказывает, как собирала арендную плату для того, чтобы знакомиться с условиями жизни арендаторов и найти средства улучшить их положение. Она пишет: «У меня не было опасений относительно вреда, связанного с вторжением в дома бедняков, но арендную плату нужно было собирать и мне казалось, что малосостоятельным арендаторам лучше платить деньги людям интеллигентным и доброжелательным, которые были бы способны поведать об их нужде и

передать их жалобы тем людям, от которых зависело уменьшение платежей. И это занятие, конечно же, очень хорошо подходило для расширения моего опыта как социального исследователя». Под наблюдением оказалось целая группа семей, спонтанно связанная с социальными и экономическими условиями определенного района. С самого начала арендаторы относились к нам как к посетителям, не только обладающим более высоким социальным статусом, но как к части их обычной жизни, такой как школьный учитель или ростовщик». Хотя Беатрис Уэбб играла роль сборщика налогов для того, чтобы получить доступ к тем семьям, которые ее интересовали, ее ценности и точка зрения вполне очевидно говорят о ее собственном социальном статусе и классовой принадлежности.

Наблюдение оставалось ключевым элементом работы Уэббов на всем протяжении их научной карьеры. В процессе своего исследования «потогонной системы» Беатрис посещала портняжные мастерские, работала портнихой, расспрашивала рабочих, хозяев, фабричных инспекторов и оптовых торговцев. В знаменитом исследовании, посвященном промышленным и торговым профсоюзам, именно собственные наблюдения за повседневной жизнью этих организаций помогли ей точнее сформулировать свои идеи. Наблюдения давали ей материалы для полевого дневника и были жизненно важны для выработки идей и развития гипотез. Уэббы были уверены, что в социальном исследовании наблюдения должны быть соединены с другими методами. И вновь сходство с антропологическим подходом к полевым исследованиям, которое защищал Малиновский, очевидно. Оно проявляется в использовании систематического ведения записей и сбора данных, участия в повседневной жизни для сбора информации и в соединении различных методов социального исследования.

Чикагская школа

Если обратиться теперь к американским работам начала XX века, то станет очевидным, что именно Чикагская социологическая школа развила интерес к полевым исследованиям и полевым методам. Полевые методы включали не только наблюдение и интервьюирование, так как многие исследователи из Чикаго использовали документальные свидетельства и собирали истории жизни. Упор делался на качественные методы, но их структура зависела от стоящей перед исследователями проблемы. Хотя Чикагская школа сформировалась в 1920–1930 гг., ее влияние на американскую социологию остается существенным и по сегодняшний день. Чикагская школа объединила ряд исследователей, ко-

торы интересовались «реальным миром», и включала Парка, Берджесса, Кресси, Андерсона, Трешера и Шоу. Вероятно, наиболее влиятельным членом этой группы был Роберт Парк, который еще в 1916 г. составил для нее программу дальнейших исследований. Идея Парка заключалась в том, что город должен стать социальной лабораторией для исследователя, которому следует изучать человеческие существа и их социальное поведение в Чикаго. Стиль исследований, который ожидал Парк от своих студентов, лучше всего раскрывается в знаменитом заявлении, записанном его студентом Говардом Бекером в 1920-х: «Вам говорили, что вы должны идти рыться в библиотеке, накапливая массу записей и глотая пыль. Вам говорили, что вы должны выбирать такие проблемы, где вы можете найти затхлые кипы рутинных форм, подготовленных уставшими бюрократами и заполненными подателями прошений о помощи, суетливыми добряками или равнодушными клерками. И это называется «испачкать руки в реальном исследовании». Те, кто дают вам такие советы, мудры и уважаемы, и те причины, которые они называют, имеют огромное значение. Но нужна еще одна вещь — собственные наблюдения. Идите в гостиные роскошных отелей и в вертепы, посетите Золотой Берег и трущобы, оперу и бурлеск «Звезда и подвязка». Короче говоря, господа, идите и испачкайте ваши руки в настоящем исследовании». Настоящие исследования, с точки зрения Парка, должны быть основаны на наблюдении за поведением толпы и записями того, что говорят отдельные люди. Социологией, считал он, можно заниматься с одинаковым успехом как на улицах, так и в университетах. Многие исследования вследствие этого были сфокусированы на отдельных судьбах («Бродяга» Андерсона и «Джек Роллер» Шоу), организациях («Банда» Трешера, «Танцзал» Кресси) и городских ареалах («Гетто» Вирта и «Золотой Берег и трущобы» Зорбау).

Относительно методов исследования Парк считал, что в Чикаго вполне мог использоваться антропологический подход. Он писал: «Тот же самый терпеливый метод наблюдения, который антропологи вроде Боаса и Лоуви применяли для изучения жизни и поведения североамериканских индейцев, можно было бы даже более плодотворно использовать в исследовании обычаев, верований, социальных практик и общей концепции жизни, превалирующих в Маленькой Италии на Лоувер-Норт-Сайд в Чикаго, или записи наиболее сложных маршрутов жителей Гринвич-Виллидж или Вашингтон-Сквер в Нью-Йорке».

Парк также полагал, что методы исследования должны быть основаны на журналистской традиции наблюдения и неструктурированного интервьюирования, а также литературного натурализма в духе

Золя, Драйзера или Эптона Синклера. Тем не менее чикагские социологи охотно использовали опросы, документы и статистические материалы, так же как и менее структурированные материалы.

Многие исследования Чикагской школы используют целый набор методов, хотя сами исследователи нигде не обсуждают свою методологию в явном виде. В самом деле, откроем книгу Андерсона «Бродяга», самое первое из важнейших исследований, выполненных членом Чикагской школы. В нем Андерсон говорит: «Я оказался вовлеченным в исследование без той подготовки, которую, как предполагается, должен иметь исследователь. Я не смог бы ничего ответить, если бы вы спросили меня о моем «методе». Тем не менее я обладал двумя вещами, которыми можно было воспользоваться, — способностью к интервьюированию и способностью к составлению отчетов о том, что я видел и что слышал». Этот подход обеспечивает нас более широким представлением о полевом исследовании, полевом методе и исследовательском процессе. Андерсон объясняет, что его собственный опыт бродяжничества, который он использовал в ходе написания книги, связан с происхождением его семьи. Он не считал, что его работа должна быть основана на включенном, а скорее — на обычном наблюдении, записи того, что говорят люди. Кроме того, интенсивный сбор данных сопровождался сбором шестидесяти семейных историй, которые позволили ему выделить пять типов бездомных.

Работа Трешера «Банда», опубликованная в 1927 году, основана на широком круге данных, которые были собраны за семилетний период примерно по тысяче банд. Исследователь интервьюировал мальчишек и воспользовался отчетами социальных работников, полицейских и политиков. Он попросил 21 человека написать историю своей собственной жизни и в довершении ко всему воспользовался неопубликованными данными и разнообразными газетными материалами.

Среди множества исследований, проведенных членами Чикагской школы, традиционные полевые методы в форме наблюдения и неструктурированного интервью были дополнены документами, повествующими об истории жизни респондентов. Работа Шоу под названием «Джек Роллер» посвящена истории жизни одного мальчика, Стенли, которого Шоу знал на протяжении шести лет. История жизни состояла из собственных воспоминаний мальчика, написанных как бы от первого лица в форме автобиографии или личного дневника, хотя именно исследователь решал, какие сюжеты следовало включать в текст, а какие — нет. Тем не менее этот материал, как считал Шоу, должен быть дополнен рассказами других членов семьи, медицинскими и судебными докумен-

тами. Все это должно было помочь в интерпретации собранного материала. История мальчика, продолжал Шоу, раскрывает образ мира, сформировавшийся у юного правонарушителя, то, как он интерпретирует свою роль, его культуру и личные обстоятельства.

Из всего этого перечня становится очевидным, что исследования, проводимые Чикагской школой, не были ограничены тем или иным методом. Наоборот, одним из признаков Чикагской школы было широкое использование самых разных методов, которые комбинировали материал наблюдений с различными типами документальных источников. Результатом их применения стала городская этнография, основанная на описаниях городских ареалов, институций и жителей в Чикаго. Это была скорее социология улицы, чем академическая социология, основанная на опыте исследователей в той же степени, как и на опросах и документах. Частично этот подход базировался на журналистских методах и использовании неструктурированных интервью с информантами, а частично — на антропологическом подходе к полевым исследованиям, в которых методы наблюдения играют ключевую роль.

Работы чикагцев нередко подвергались критике. Дуглас считал, что их подход к полевым исследованиям не раскрывал внутригрупповые процессы в городском обществе, поскольку основан на предположении о существовании бесконфликтных «малых общин». Дуглас указывал на низкий уровень анализа в работах чикагцев, в которых, как он считал, не содержится ничего, кроме необработанных, сырых данных. Он полагал, что чикагские социологи были обычными «туземцами», маскирующимися под ученых и их работы представляли ценность только для таких же дилетантов, как они сами.

Русские этнографические программы: В. Н. Тенишев

Развитие качественных методов в отечественной социологии невозможно представить без традиций русской этнографии.²⁷ Основные цели этнографии как науки — это описание и изучение различных народов, их образа жизни, культуры, происхождения и т. д. Методы работы этнографа в поле по сбору первичных материалов представляют собой в чистом виде качественное исследование. Это видно по безусловному предпочтению данных «из первых рук» через «голос сни-

²⁷ Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. М., 1988; Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.

зу». Этнографы «непосредственно участвуют в ежедневной деятельности людей, наблюдают, как они едят, спорят, танцуют, слушают, как они говорят обычно и эмоционально, и постепенно начинают жить так же, как они, и понимать жизнь с их точки зрения»²⁸.

Несмотря на определенные предубеждения против качественных методов сбора информации, в этнографии, особенно в тех случаях, когда информация получена от добровольных сотрудников, результаты исследований выглядят более целостными в отражении культуры народа, более наполненными фактами и подробностями обыденной жизни, чем работы, соответствующие строгим научным канонам систематизации материала, проверки гипотез и т. п. Русские этнографические программы отличались «гибкостью, реактивностью по отношению к изменяющимся и обновляющимся потребностям в этнографическом знании», но вместе с тем «доступностью и конкретностью их содержания, четкостью в формулировании целей этнографической деятельности, <...> чтобы обеспечить взаимопонимание между «автором» и «собирателем» этнографической информации, а в момент сбора создать необходимое доверие и психологический контакт между «собирателем» (непосредственно познающим субъектом) и «информатором» (объектом наблюдения и изучения)»²⁹. Наиболее значительная из этих программ — это Этнографическое бюро В. Н. Тенишева, созданное в 1897 г. Главная цель этого уникального проекта — издание систематически отобранного и переработанного материала об «обычном порядке жизни» русских крестьян.

Эта программа включала в себя несколько разделов, простое перечисление которых позволяет представить себе широту и глубину охвата темы образа жизни русских крестьян конца XIX века. В программу Бюро были включены материалы:

- О физических свойствах крестьян (слух, зрение, физическая сила, внешний вид и т. д.);
- Местные условия их жизни (климат, календарь сельхозработ и т. п.); общие указания об образе жизни крестьян (основные занятия и их значение в связи с местными условиями);
- Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношения крестьян к обществу (крестьянские сходы, пресле-

²⁸ Edgerton R., Langness L. *Methods and Styles in Study of Culture*. San Francisco, 1974. P. 3.

²⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии) Авт. сост.: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993. С. 8.

дование преступлений, суды и расправы, влияние обычного права, вопросы статуса крестьянина внутри села);

— Отношения между собой и к посторонним лицам (вопросы регулирования имущественных и договорных отношений внутри общины, условия арендных, наемных договоров и т. д.);

— Вера, знания, язык, письмо, искусства (духовная культура, грамотность, образование, религиозные представления);

— Семья: обычный порядок жизни;

— Сближение полов, брак;

— Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности;

— Выходящие из ряда обстоятельства (реальное поведение крестьян в экстремальных обстоятельствах, конфликтах и т. п.).

Информация собиралась по подробным тематическим анкетам с открытыми вопросами, на которые корреспонденты бюро отвечали, основываясь на своих наблюдениях и беседах с жителями русских сел, а также на разнообразных документах земств, личных документов, ответов на письма-инструкции.

Методическая «оттепель 90-х»: актуальность развития качественных методов в современной отечественной социологии

История развития качественных методов в отечественной социологии сопряжена со сменой идеологических, политических и экономических концепций развития общества. В этом смысле употребление понятия «переходный период», которым представители общественных наук, политики и средств массовой информации наиболее часто пользуются при описании политической и экономической ситуации в стране, можно отнести и к развитию методологии и методики эмпирических социологических исследований в России. Некоторые исследователи считают, что этот переходный период похож на взлет методологической рефлексии в общественных науках во времена «хрущевской оттепели» 60-х гг. Например, по мнению О.М. Масловой, многочисленные переводы зарубежных классиков теории и методологии социологических исследований, острые дискуссии обществоведов, новые «волны» в методических подходах позволяют оценить современное состояние социологии как «оттепель 90-х гг.»³⁰.

³⁰ Маслова О. М. Современная ситуация: проблема совмещения количественных и качественных методов // Социология в России. М., 1966. С. 70.

Однако эта новая «оттепель» имеет некоторые существенные отличия от прежней «оттепели» 60-х гг. Отказ от строительства коммунизма и связанных с ним идеологических концепций, переход от государственной плановой к рыночной экономике, смена тоталитаризма на демократизацию общественных отношений во внутренней политике и изменение статуса сверхдержавы во внешней политике составляют основные отличия между этими двумя «оттепелями». Это определило особенность переходного периода в социологии, где от критики буржуазных теорий с «партийных» позиций объективизма осуществляются попытки непредвзятого переосмысления теоретических подходов, методологии и методики, которые лежат в основе современных научных представлений о социальной природе общества и месте человека в нем. Особенно это важно и необходимо для эмпирических социологических исследований, для более полного и глубокого понимания социальной реальности такого сложного, противоречивого и быстро изменяющегося общества, каким является постсоветская Россия.

Специально подчеркивая важность этого процесса освоения и переосмысления теоретического и методического опыта западной социологии для эмпирических исследований, автор имеет в виду, что в «застойные» времена все-таки существовали работы, где на теоретическом уровне под внешней формой «непримиримой критики с позиций марксистско-ленинской социологии» скрывались стремление и озабоченность ученых донести до читателя в наименее искаженном виде сущность теоретических взглядов ведущих западных социологов. Например, еще в 1979 году вышла книга Л. Г. Ионина «Понимающая социология. Исторический и критический анализ», где можно было познакомиться с основами феноменологического подхода в качественных исследованиях Гуссерля, А. Шютца, Т. Лукмана, Е. Гоффмана и др. В это же время появляются работы И. С. Кона, Е. В. Осиповой, переводится один из основоположников понимающей психологии В. Дильтей, которые также дают представление о антипозитивистских концепциях в социологии.³¹

Однако в эмпирических исследованиях применение этих знаний было затруднено неконструктивной критической позицией в отноше-

³¹ Кон И.С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX – начала XX вв. // История буржуазной социологии XIX – начала XX вв. М., 1979; Осипова Е. В. Социология Георга Зиммеля // История буржуазной социологии XIX – начала XX вв. М., 1979; Дильтей В. Понимающая психология // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.

нии понимающей социологии, которая подвергает сомнению основной постулат объективизма о том, что социальные структуры и все общественные явления представляют собой объективную реальность, независящую от идей, мнений, стереотипов сознания и поведения включенных в них индивидов. Понимающая социология отрицает также неизменность тех структур и функций, которые лежат в основе общества, и то, что само общество есть их совокупность. Таким образом подвергается пересмотру само представление о социологии как науке.

В позитивистском представлении, которое отстаивала советская социология, она являлась наукой, изучающей закономерности формирования, функционирования и развития общества, что ставило ее в один ряд с естественными науками, такими как физика или биология, целью которых также является познание закономерностей существования и развития различных природных процессов окружающего мира. Следовательно, социальный факт мало чем отличается от факта природного явления и задача социологии — как можно более точно зафиксировать социальные действия, сопоставить их с другими фактами, установить зависимости между переменными, построить теоретические модели тех структур, которые стоят за наблюдаемыми социальными явлениями. Эта позитивистская натуралистическая³² ориентация во многом определила приоритет количественных методов в советской социологии.

Однако в период перестройки по мере распространения массовых опросов общественного мнения и маркетинговых исследований отечественные «полстеры» и маркетологи столкнулись с проблемой многозначности интерпретации процентных соотношений, на основе которых делаются выводы в социологических анкетных опросах и структурированных интервью. Опираясь только на количественные методы, очень сложно объяснить, почему, например, желание молодых людей иметь свое дело и вести его на свой страх и риск не зависит только от уровня дохода и стремления много зарабатывать (в группе молодых людей с доходами до 600 тыс. руб. в месяц доля желающих иметь свое дело и вести его на свой страх и риск такая же, как и среди молодежи с доходами свыше 1 млн. руб. в месяц, хотя в первой группе желающих много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без гарантий на будущее, на 16% меньше, чем в условно высокодоходной группе) или почему чувство удовлетворенности уровнем материаль-

³² Гофман А. Б., Ковалев А. Д. Натурализм в социологии XIX – начала XX вв. / Отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1979.

ного положения в более обеспеченных обществах, как правило, не многим выше, чем в менее обеспеченных³³. Таких примеров можно привести довольно много, а это значит, что появилась необходимость как-то совместить количественные и качественные методы, появилась потребность понять значения и смыслы, которые стоят за однозначными анкетными ответами: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». Поэтому наряду с анкетными опросами стали широко применяться качественные методы сбора социологических данных: включенное наблюдение, глубинное интервью, методы групповых дискуссий, «фокус-групп» и др. Применение таких методов в социологии, в особенности анализ и интерпретация данных, собранных с их помощью, требовало понимания теоретических концепций феноменологии, которая лежит в основе понимающей социологии и символического интеракционизма.

Глава 3. Теоретические основы качественных методов в социальных науках

Между позитивизмом, феноменологией, понимающей социологией и символическим интеракционизмом

В начале 90-х г.г. в ведущих российских социологических журналах стали появляться работы, в которых освещались проблемы качественных исследований, начали публиковаться переводы ведущих западных специалистов по качественным методам исследования.³⁴ В этих работах социолог сталкивался с совсем другим миром социальной реальности, где нет ничего постоянного, где все, что считалось объективными «вещами», не зависящими от каждого из членов общества, оказывается продуктом их сознания и, более того, эти «вещи» могут меняться в зависимости от состояния сознания субъектов действия. Такой подход заставляет снова пересмотреть степень влияния исследователя на объект познания.

Обычно социолог, стоящий на позитивистских позициях, не принимает во внимание, что его исследовательские процедуры создают новую социальную реальность и что объект его изучения уже никогда

³³ Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С. 23, 33.

³⁴ Биографический метод в социологии. История, методология и практика. М., 1994.; Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1993. № 5. С. 106–122; Толепсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1933. № 1/2. С. 129–139; Новые направления в социологической теории. М., 1978.

не будет таким же, каким он был в начале исследования. Причем это может происходить не только в его сознании или сознании респондентов, но и в их практической деятельности, так как изменение взглядов, мнений и новые идеи, появившиеся в результате взаимодействия социолога и респондента, могут изменить их мир. Конечно, объективистская социология может допустить, что под влиянием интервьюера может сформироваться мнение респондента, которое не вполне соответствует его действительным представлениям по вопросу, интересующему исследователя, но, если влияние интервьюера не очень заметно, то считается, что выявленное мнение в целом правильно отражает объективные социальные процессы, происходящие в обществе.

Логика методологического подхода понимающей социологии исходит из утверждения, что высказанное в ходе опроса мнение респондента может отражать совсем не ту реальность, которая стоит за вопросами анкеты и представляет собой продукт знаний, убеждений, индивидуального жизненного опыта социолога, написавшего эту анкету, а свою собственную, которая столь же реальна и также сформирована на основе биографии респондента.

Социальная конструкция реальности: П. Бергер, Т. Лукман

Однако процесс познания не ограничивается выявлением особенностей индивидуальной картины мира респондента, так как эта картина уже результат взаимодействия социолога с респондентом, она в такой же степени представляет реальность социального мира, как и те представления о социальной структуре общества, которые были у участников взаимодействия до начала опроса. Как утверждают П. Бергер и Т. Лукман: человек в процессе познания творит окружающий мир, который и является объектом его познания.³⁵ В основе их концепции социологии знания лежит поиск ответа на вопрос: «Как создается социальная реальность и как эта реальность изменяет своего создателя-человека?». Для них предметом социологии знания является взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого оно возникает. Эта взаимосвязь сознания и социальной действительности, в которую оно погружено, создает, а точнее сказать, «конструирует» социальную реальность. Процесс социального конструирования реальности должен, по их мнению, стоять в центре социоло-

³⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

гического анализа, что дает право социологии знания претендовать на собственную нишу в исследовательском поле социологии.

Такой взгляд значительно расширяет понятие «знание» как предмета исследования, которое уже не может быть ограничено рамками научности, понимаемой как попытка обосновать это знание с помощью различных объективных критериев. Таким образом, научное специализированное знание и обыденное, житейское знание становятся равноправными объектами социологического анализа. П. Бергер и Т. Лукман показали, что научная «реальность», сконструированная на основе теоретических взглядов и эмпирических исследований интеллектуалов, — это не единственная «реальность», которая отражает картину мира. Существует еще мифологическая, есть религиозная реальность, есть дотеоретическая «реальность» обыденной жизни людей, которая составляет основу повседневного знания. Именно это повседневное, обыденное знание должно быть в центре внимания социологии.

Основным механизмом конструирования реальности, по мнению авторов, является язык. Они считают, что повседневность жизни отражена в языке и осуществляется при помощи языка. Но изучение языка в социологии должно отличаться от филологического подхода тем, что она (социология) признает неадекватность отражения «реальности» в языке, учитывает, что язык искажает выражение мысли и ее понимание. Причины этих искажений могут быть вызваны различными описаниями одного и того же явления, смысл сказанного может меняться в зависимости от позиции или других личностных особенностей того, кто объясняет эту информацию. Кроме того, смысл слов и предложений сильно зависит от конкретной ситуации, от контекста, в котором они были произнесены, а значит, понять подлинное значение высказывания в отрыве от контекста очень сложно. Этот взгляд на проблемы языковой интерпретации очень важен, т. к. показывает противоречие в самом социологическом способе изучения процесса получения знания о мире при помощи языка, в то время как сам язык, на котором осуществляется анализ проблем, тоже является предметом исследования.

Символический интеракционизм: Ч. Кули, В. Томас, Дж. Мид

Понимающая социология тесно смыкается здесь с другим теоретическим подходом в качественных исследованиях — символическим интеракционизмом, который был основан на взглядах Чарльза Кули, Вильяма Томаса и Джорджа Г. Мида. Эти выдающиеся представители американской социологии, философии и социальной психологии под

социальной реальностью понимали: «отношения между идеями личности» (Ч. Кули), «определение ситуаций как реальности, которое делает их реальными по своим последствиям» (У. Томас), «как совокупность процессов взаимодействия с участием многих индивидов, где основным элементом взаимодействия является принятие «роли обобщенного другого» (Д.Г. Мид)³⁶. Ученик Мида, чикагский профессор Г. Блумер, дал обобщенное представление символического интеракционизма о социальном мире: «Человеческие существа живут в мире значимых объектов, а не в среде, состоящей из стимулов и самоконституирующихся сущностей. Этот мир имеет социальное происхождение, ибо значения возникают в процессе социального взаимодействия. Так, различные группы вырабатывают различные миры, и эти миры меняются, если объекты, их составляющие, меняют свои значения. Поскольку люди расположены действовать, исходя из значений, которые имеют для них объекты, мир объектов группы представляет собой истинный смысл организации деятельности. Для того чтобы идентифицировать и понять жизнь группы, необходимо идентифицировать мир ее объектов; идентификация должна осуществляться в терминах значений, которые имеют объекты в глазах членов группы. Наконец, люди не прикованы к своим объектам, они вольны прекратить свою деятельность по отношению к ним и выработать в отношении к ним новую линию поведения. Это обстоятельство вносит в групповую жизнь новый источник трансформации»³⁷. В методологическом плане это ведет к отказу от классических процедур социологии по четким операционализациям понятий и замены их на понятия, которые не имеют претензий на общий характер и максимально приближены к данной конкретной ситуации, к пониманию социального действия в ее контексте. Стремление совместить структурно-функциональные и феноменологические концепции в исследовании похоже на попытку не только «одеть» голый скелет социальной структуры в живую плоть обыденной жизни, но еще вдохнуть в это переменчивое дыхание дух конкретных участников бесконечного потока социальных коммуникаций, которые создают социальный мир, который потом создает их самих, заставляя иначе воспринимать окружающую их социальную среду, которую они будут изменять в соответствии с новыми представлениями, которая, будучи для них реальностью, изменит их самих, а затем опять...

³⁶ Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). М., 1994. С. 206–214.

³⁷ Цит. по кн.: Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М., 1994. С. 225.

Однако теоретически осознаваемая концепция необходимости совмещения этих подходов на эмпирическом уровне приводит к тем же знакомым социологам процедурам структурно-функционального анализа, которыми они пытаются постигнуть выявленные значения и символические жесты. Следовательно, в непостоянном феноменологическом «жизненном мире» все-таки есть некие устойчивые во времени и пространстве феномены, которые возможно классифицировать, сопоставлять с другими социальными явлениями, выявлять общие особенности и закономерности возникновения и функционирования. Однако сочетание количественных и качественных методов — это не механическая сумма исследовательских методик позитивистско-натуралистической и понимающей социологий. Для понимания сложности этой задачи следует обратиться к теоретическим истокам феноменологии и, прежде всего, к работам Альфреда Шютца.

«Социология повседневности»: А. Шютц

«Социология повседневности» А. Шютца (1899–1959) содержит несколько важных понятий, которые дают возможность выделить и исследовать элементы познания повседневности, представляющие собой относительно устойчивые образования, насколько это может допустить феноменологическая традиция. К этим понятиям относится прежде всего «когнитивный стиль» (cognitive style) и «конечные области значений» (finite provinces of meaning), которые выявляют формальные структуры обыденного восприятия и мышления и с помощью которых происходит создание социальной реальности. В статье «Символ, реальность и общество» Шютц под «конечными областями значений» понимает специфический жизненный опыт, на его основе человек создает социальную реальность, которая в силу этого объективна для него в той же степени, в какой он доверяет своему опыту. Шютц пишет: «Следовательно, мы называем конечной областью значений множественность нашего опыта, если он показывает специфический когнитивный стиль и является не только последовательным, но еще и способным сопоставлению одного с другим».³⁸ Познание социальной реальности возможно не всяким жизненным опытом, а только таким, который способен к определенным логическим процедурам, к саморефлексии и сопоставлению пережитых фактов, впечатлений и т. п.

³⁸ Schutz A. Symbol, Reality & Society // Collected Papers 1. The Problem of Social Reality. Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 230.

Когнитивный стиль — центральный элемент познания социальной реальности

Когнитивный стиль у Шютца выступает как центральный элемент познания социальной реальности. Он выделяет шесть базовых характеристик когнитивного стиля.

1. Специфическая напряженность сознания, ясное бодрствование, порожденное полным вниманием к событиям жизни.

2. Специфическое «*erosche*», сущность которого состоит в воздержании, отказе от сомнений в существовании объектов, которые осознаются как реальные. Это отличает повседневное «*erosche*» от феноменологического содержания этого понятия, где, наоборот, осуществляется отказ от веры в реальное существование объектов внешнего мира.

3. Преобладающая форма деятельности по выдвижению проектов и их осуществлению — это трудовая деятельность, играющая основную роль в формировании повседневности. По форме эта деятельность может быть физической работой, игрой воображения, интеллектуальным занятием или эмоциональным аффектом.

4. Специфическая форма личной вовлеченности. Человек может участвовать в разных сферах деятельности полностью или частично.

5. Специфическая форма социальности (общий intersубъективный мир социальной коммуникации и социального действия).

6. Специфическая временная перспектива. Это некое стандартное время, которое возникает на пересечении между внутренним субъективным временем, называемым длительностью, и космическим временем как универсальной темпоральной структурой intersубъективного мира.

Intersубъективный мир как специфическая форма социальности

Одна из этих характеристик когнитивного стиля, которая представляет специфическую форму социальности как общий intersубъективный мир социальной коммуникации и социального действия, раскрывает механизм повседневной типизации, который объясняет, как вообще возможно появление и существование повседневного знания. Под intersубъективным миром Шютц понимает совокупность связей с другими людьми, которые объединены «через общность забот, труда и

³⁹ Schutz A. Collected Papers 1. The Problem of Social Reality. Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 10.

взаимопонимания друг друга».³⁹ Эти связи представляют собой совокупность значений, которые должны быть интерпретированы для возможности существования и деятельности индивида в этом мире. Значения возникают и продолжают формироваться в человеческой деятельности: своей собственной и деятельности других людей, современников и предшественников. Интерпретация мира осуществляется через собственный предыдущий опыт и/или переданный родителями и учителями. Этот опыт, который представляется некой схемой для соотнесения своих взглядов и представлений, он называл «наличным знанием». Это знание является по существу типичным, т. е. «открывает горизонты сходных по значению будущих переживаний».

Таким образом, интерпретация социальной реальности несет в себе одновременно индивидуальное восприятие и типизированные образы, которые воспроизводят ситуации, имеющие определенное сходство. Однако выявление этого сходства или различия Шютц считал продуктом индивидуальной активности. Он приводит пример формирования индивидуального понятия типа, где показано, что мир в восприятии индивида представляет собой соединение обобщенных типов, с которыми идет постоянная идентификация всех воспринимаемых объектов. Сами объекты могут восприниматься будучи уже приписанными к определенному типу, после чего в них выделяется нечто особенное. Это выделение осуществляется на основе практического «интереса» и «релевантности». Шютц вводит понятие биографически детерминированной ситуации, которая определяет интересы человека в типизации образа социальной реальности. Человек постоянно находится в физической и социокультурной среде, которую он сам определяет для себя. Его позиция в этой среде определена не только пространством и временем, не только статусом и ролью в социальной системе, но также моральными и идеологическими позициями. «Биографически детерминированная ситуация включает определенные возможности будущей практической или теоретической деятельности, которая может быть названа «наличной целью». Эта цель определяет релевантные ей элементы среди всех тех, которые присутствуют в ситуации. Система релевантностей детерминирует элементы, которые составят сущность обобщающей типизации, и определяет, какие из них будут характеризоваться как типичные, а какие уникальными и индивидуальными».⁴⁰

⁴⁰ Там же. P. 9.

Система релевантности и избирательная активность сознания

Таким образом, интерес к объекту восприятия, связанный с личной целью, и система релевантности, которая отвечает за идентификацию и опознание элементов социальной реальности, определяют избирательную активность сознания. В результате в каждом объекте окружающего мира можно выделить индивидуальные и типичные характеристики, которые находятся в «поле не подверженного сомнению предшествующего опыта». Избирательная активность сознания проявляется в том, насколько далеко субъект хочет и может проникнуть в это поле предшествующего опыта, где горизонты типичности всегда открыты.

Замечание об «открытых горизонтах типичности» позволяют найти одно из объяснений иллюзорности понимания другого. Если типизация образа происходит в поле биографического опыта, который в силу индивидуальных различий раздвигает или сужает горизонты знаний, определяющие размер этого поля, то степень типизации объекта и интерпретация его значений, которые содержат знания о нем, будет зависеть от объема этих знаний. Профессиональный социолог, в принципе обладающий более широкими горизонтами знаний о социальной структуре общества, чем респондент, может понимать смысл сказанного ему респондентом совсем иначе. Задавая свои вопросы, он часто имеет в виду такие «вещи», которые его респондент попросту не видит в своей среде, так как поле его типизации не содержит образов для идентификации. Вопрос о типах стратегии выживания в крестьянской среде часто вызывает непонимание респондента, который с обидой заявляет, что они «здесь не выживают, а живут и всегда жили. Пусть иногда лучше, а иной раз хуже, но жили, а не выживали».

Здесь отчетливо видно несовпадение горизонтов знания и разный жизненный опыт. Исследователь, стремящийся типизировать поведение крестьян, «загнать» их поведение в определенные рамки классификации, видит и интерпретирует смысл поведения и речи в соответствии со своей типизацией. Крестьянин, обладая своим жизненным опытом и исходя из него, просто не замечает и не осознает, что живет по каким-то «стратегиям», или воспринимает их совсем в других образах и понятиях, которые могут быть неизвестны исследователю.

Точно так же, если бы крестьянин спросил социолога: «Как у вас там погода?», — подразумевая под этим чаще всего виды на урожай и, получив ответ, подразумевающий оценку с точки зрения пляжного сезона, сделал бы неверные выводы о температуре, влажности, скорости

ветра и прочих параметрах состояния атмосферы, которые даже неосознанно для себя отмечает землепашец и о существовании которых может не подозревать горожанин, если, конечно, он не метеоролог.

Этот пример показывает, как на первый взгляд банальная мысль, что люди по-разному воспринимают и понимают одни и те же слова или друг друга, приобретает совсем нетривиальный характер, когда ставится вопрос о том, почему это происходит и как можно достичь понимания, не оказываясь в положении героя Н. В. Гоголя, для которого «все, что он не видит сам», является ложью.

Общий тезис взаимных перспектив, или как возможно понимание

Где же могут совместиться их интересы, которые произведут взаимное сжатие «смысловых полей» для взаимопонимания? Кажется, что это никогда не произойдет. Однако понимание людьми друг друга в повседневной жизни все-таки происходит. Для этого нет иного пути, как в процессе взаимодействия друг с другом заранее быть убежденным в том, что их представления о мире мало отличаются между собой. Для того чтобы понять, откуда берутся такие убеждения, Шютц выдвигает «общий тезис взаимных перспектив», представляющий естественную установку повседневного мышления на создание типизирующих конструктов объектов, которые заменяют своеобразие объектов индивидуального опыта каждого участника коммуникативного акта.

Общий тезис взаимных перспектив содержит два постулата:

1. Постулат взаимозаменяемости точек зрения. Шютц пишет: «Я принимаю на веру — и предполагаю, что другой поступает так же, — что, если я поменяюсь с ним местами так, что его «здесь» станет моим, то я буду находиться в том же удалении от предметов и видеть их в той же степени типичности, как и он сам, более того, для меня будут достижимы те же вещи, что и для него (и наоборот)»⁴¹.

2. Постулат совпадения систем релевантностей. Этот постулат гласит: «До тех пор пока не доказано обратное, я верю и предполагаю, другой считает так же — что различия перспектив, порождаемые нашими уникальными биографическими ситуациями, не важны с точки зрения наших практических целей любого из нас. И что он,

⁴¹ Там же. Р. 11–12.

как и я, т. е. «мы» полагаем, что выбрали и интерпретировали актуально и потенциально общие объекты и характеристики, тем же самым или, по крайней мере, «эмпирически тем же самым», т. е. тем же самым с точки зрения наших практических целей, образом»⁴².

На первый взгляд этот общий тезис взаимозаменяемости перспектив не открывает ничего нового. Мы достигаем взаимопонимания, когда стремимся и способны поставить себя на место другого, взглянуть на вещи его глазами и когда партнер по общению делает то же самое. Кроме того, мы допускаем, что, общаясь друг с другом, мы играем в одну и ту же игру с правилами, которые известны нам обоим, и мы согласились их выполнять. Тогда индивидуальные особенности уходят на второй план, а на первый выступает типизированная роль. Например, приходя в магазин, мы автоматически выступаем в роли «покупателя», а партнер по коммуникации воспринимается как «продавец». Существующие типы этих ролей уже заранее предполагают, какие вопросы надо задавать, как себя вести при покупке товара и т. п. При этом индивидуальные особенности продавца не играют особой роли, пока они не вступают в противоречие с предписанными ролью действиями. Роль предписывает продавцу быть вежливым с покупателем, и если он грубит или игнорирует клиента, тогда его индивидуальные особенности становятся предметом внимания.

Социальное происхождение и распределение знания

Кроме общего тезиса взаимных перспектив Шютц обращает внимание еще на два аспекта, которые входят в объяснение механизма повседневной типизации: а) социальное происхождение знания и б) социальное распределение знания. Социальное происхождение знания указывает на тот факт, что через личный опыт можно приобрести небольшую часть знания о мире. Большая часть знания передается через родителей, учителей, знакомых, т. е. имеет социальное происхождение. Человека учат определять среду, строить типичные конструкты согласно системе релевантностей, принятой данной социальной группой. Это могут быть образы жизни, способы взаимодействия со средой, рекомендации по достижению типичных целей в типичных условиях типичными средствами. Главным носителем знания является словарь языка и его повседневный синтаксис. Повседневность говорит на языке имен, вещей и событий, где любое имя предполагает типизацию в соответствии с системой релевантности определенной со-

⁴² Там же. Р. 12.

циальной группой («мы-группой»), если это имя или вещь достаточно значима для группы.

Под социальным распределением знания Шютц понимал то, что запас наличного знания у каждого отдельного человека ограничен и различается по степени ясности, отчетливости и точности. В процессе взаимодействия между людьми это учитывается также, как учитывается и то, что они должны знать одни и те же факты. В связи с этим поднимается проблема «экспертов» и «дилетантов». Каждый человек одновременно выступает «экспертом» в одной узкой сфере деятельности и «дилетантом» во всех остальных. В любой момент жизни наличный запас знаний разграничен по степени ясности, отчетливости и точности. С помощью обыденного опыта человек определяет, в каких типичных ситуациях он должен обратиться к эксперту. Он как бы конструирует тип эксперта, обладателя недостающего знания, причем эта типология распространяется на его систему релевантностей, на его мотивы, определяющие особый тип поведения, черты личности.⁴³ Этот тезис объясняет, как в приведенном выше примере взаимодействия интервьюера и респондента достигается понимание: через первоначальное, обоим известное допущение о типе «заумного» ученого и типе «простого» крестьянина.

Можно представить механизм повседневной типизации как серию вопросов, которые постоянно, но часто неосознанно задают себе участники коммуникации. Идентификация начинается с вопроса «кто он?», а заканчивается вопросом «какой он?», но взаимодействие предполагает не только идентификацию, но и понимание. Зигмунт Бауман очень кратко, но емко определил понимание: «Понять — знать, как поступать дальше»⁴⁴. Из этого следует вопрос-предположение о том, что будет делать партнер дальше и что делать самому, причем в обоих случаях имеется, как правило, набор типичных ожиданий, который основатель этнометодологии Гарольд Гарфинкель называл «фоновыми ожиданиями»⁴⁵.

«Фоновые ожидания» и этнометодология Г. Гарфинкеля

Л. Ионин, резюмируя результаты наблюдений и экспериментов Гарфинкеля, делает следующие выводы о понятии «фоновых ожиданий»:

⁴³ Schutz A. Collected Papers 1. The Problem of Social Reality. Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 13–14.

⁴⁴ Бауман Зигмунт. Мыслить социологически. М., 1996. С. 98.

⁴⁵ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Blackwell, Oxford. 1990.

1. «Фоновые ожидания» представляют собой «видимые, но не замечаемые», постоянно реализующиеся в ходе взаимодействия, но неосознаваемые описания членами общества структур взаимодействия, в которых они участвуют;

2. Эти описания существуют в форме моральных правил, санкционированных группой;

3. Описания, обусловленные целями взаимодействия (описания «достаточно для практических целей»);

4. Функции «фоновых ожиданий» состоят: а) в стандартизации и категоризации всякого обыденного взаимодействия, б) в ориентации и координации взаимодействия с другими членами группы, в) в обнаружении отклонений от нормального хода событий, г) в коррекции хода взаимодействия и в осуществлении успешного (санкционированного) поведения;

5. Тесная связь «фоновых ожиданий» с «социальными аффектами».⁴⁶

«Фоновые ожидания» представляют собой основной механизм стандартизации, который феноменология должна выявить и описать. Эти описания содержат типы социальных действий, системы типовых идентификаций и интерпретаций действий различных партнеров по общению, которые возникают в процессе коммуникации. Понимание людьми друг друга достигается с помощью «рефлексивности». Под рефлексивностью понимается определенная способность к распознаванию не того, что говорит партнер по общению или какой предмет разговора обсуждается, а как он это говорит. Распознается в первую очередь «метод говорения», который представляет собой достаточно широкую гамму контекста высказывания. Можно говорить метафорически, иронично, иносказательно, нарративно, вопросительно или утвердительно, фальшиво, туманно, двусмысленно⁴⁷.

В полевым исследовании рефлексивность позволяет пробиться к смыслу сказанного, через различия в терминологии, оговорки, неточности в формулировках, т. е. понять «что имелось в виду». Это похоже на речевые традиции с определенными правилами, и если эти правила соблюдаются, то понимание возможно даже там, где внешне разговор выглядит бессмысленным. Рефлексия возникает, создается и поддерживается в процессе социального взаимодействия, когда партнеры как бы постоянно неосознанно проводят своеобразный тренинг на тему: «догадайся, что я имею в виду».

⁴⁶ Ионин Л. Г. Понимающая социология. М.: Наука, 1979. С. 147.

⁴⁷ Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Blackwell, Oxford, 1990. P. 28–29.

Гарфинкель предложил способ, с помощью которого можно продемонстрировать возможности и ограничения рефлексивности участников взаимодействия, выявить их субъективизм, проявляющийся в «фоновых ожиданиях». Для этого надо нарушить «правила говорения» и действовать вопреки «фоновому ожиданию». Этот метод, который получил название «гарфинкелинг», проявляет «фон», являющийся контекстом разговора. Именно тесная связь «фоновых ожиданий» с «социальными аффектами» является ключом к выявлению латентных ожиданий и стоящих за ними моделей социального поведения. Аффекты в виде удивления, раздражения, тревожности, страха, вербальной или невербальной агрессии играют для наблюдателя роль индикаторов для фиксации нарушения «правил» социального взаимодействия.

«Гарфинкелинг» и аномия

«Гарфинкелинг» — это своеобразное искусственное создание у респондента состояния, близкого к аномии. Особенно видна эта аналогия с описанием состояния аномии при анализе причин самоубийства, которое мы можем найти у Э. Дюркгейма: «Никто не знает в точности, что возможно, а что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами»⁴⁸. Для Э. Дюркгейма «аномия» определяется «беспорядочной, неурегулированной человеческой деятельностью и сопутствующими ей страданиями», это состояние общества с нарушением баланса экономики и культуры в социальных структурах, вне зависимости от «положительного или отрицательного знака» преобразований. Именно нарушая баланс между культурами речевого общения, делая поведение не регулируемым культурными нормами, «гарфинкелинг» заставляет «страдать» и делать попытки восстановить эту сбалансированность между нормами и ценностями.

А. Б. Гофман считает, что Дюркгейм термином «аномия» обозначал «состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились»⁴⁹. Мертон подходил к определению аномии с точки зрения рассогласования между культурно предписанными стремлениями и социально-структурированными средствами их реализации. Гарфинкелинг нарушает прежде всего самый распространенный из пяти

⁴⁸ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. С. 238.

⁴⁹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995. С. 174.

типов приспособления (конформность; инновацию; стабильность; ритуализм; ретретизм; мятеж) к ситуации расогласования — *конформность*, которая представляет наиболее пассивный способ приспособления индивида к социальной среде. Этот тип приспособления находится в прямой зависимости от степени стабильности общества и обозначает «соответствие и культурным ценностям и институционализированным средствам»⁵⁰.

Этот метод заставляет респондента проявить и проговорить латентные нормы поведения и выявляет ценности, которыми он руководствуется в своем поведении. Для эмпирической социологии возникает веер интерпретаций отказа от ответа в ситуации социологического опроса, который изначально не может полностью соответствовать «фоновым ожиданиям» интервьюера и респондента. Что означают аффекты респондента? Может быть, его «не так спросили» или интервьюер нарушил «правила говорения», не понимает или делает вид, что не понимает, что респондент имеет в виду (тогда возникает ситуация, где поведение интервьюера, который как бы «специально прикидывается дурачком», выглядит оскорбительно), или он чувствует угрозу для себя от самого факта участия в опросе и т. п. Проблема в том, что часто интервьюер, столкнувшись с такой ситуацией, объясняет ее для себя в соответствии со своими собственными «правилами говорения», не зная и даже не подозревая о специфических «фоновых ожиданиях» респондента.

«Обоснованная теория»: А. Страусс

Один из методологических подходов, который разрабатывают такие исследователи как Дж. Корбин и А. Страусс, называется «обоснованная теория». В контексте этого подхода «теоретическое осмысление изучаемой реальности непосредственно включено в процесс сбора, анализа и интерпретации данных»⁵¹. Исследователи решают задачи адаптации штатных научных процедур для качественных исследований; разрабатывают особые формы отчета о правилах и приемах проведения исследования; определяют критерии оценки результатов исследования. В основе теории — прагматизм и символический интеракционизм. Прагматизм проявляется в изменении метода в соответ-

⁵⁰ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 104.

⁵¹ Васильева Т.С. Основы качественного исследования: обоснованная теория // Методология и методы социологических исследований (Итоги работы поисковых исследовательских проектов за 1992–1996 годы). М.: 1996. С. 56.

ствии с изменяющейся реальностью или точнее — с изменением восприятия исследователя под воздействием изменения в изучаемом объекте. Восприятие играет чрезвычайно важную роль в работе исследователя как участника коммуникации. Н. Луман сравнивал восприятие со шлюзами социальной системы, которые либо пропускают, либо отклоняют любое сообщение. В результате в процессе развития коммуникации возникает определенная бифуркация, в смысле состояния неопределенности в отношении ее продолжения или прерывания. По Луману общество представляет собой «поток самовоспроизводящихся информационных сообщений в системе, которая сама себя описывает и сама себя наблюдает»⁵².

Чтобы эти «шлюзы» восприятия не прерывали и как можно меньше исказили поток информационных сообщений, необходимо отказаться от строгого детерминизма. Норман К. Дензин выделяет три базовых предположения символического интеракционизма. «Во-первых, социальная реальность — это социальный продукт чувств, знаний и понимания. Взаимодействие индивидов создает и определяет их собственное значение ситуаций. Во-вторых, люди способны через саморефлексию присваивать нужные им значения. Они способны придавать определенные формы своему поведению и управлять им и поведением других. В-третьих, в ходе социального взаимодействия происходит подстраивание своих точек зрения к поведению других, к значениям, которые придают другие своему поведению»⁵³.

Эта подстройка осуществляется часто неосознанно, автоматически. Обычно это происходит в ситуации, когда появляется ключевая фраза или слово, которое указывает на возможность расогласования смыслов. В приведенном выше примере о разном восприятии понятия «хорошая погода», социолог и сельский житель никогда бы не заметили различное толкование этого понятия и не пытались бы подстроиться к собеседнику, если бы крестьянин не задал уточняющий вопрос-утверждение: «Значит, у вас дожди были? А у нас полторы недели на небе ни облака, горит все». Если бы этот вопрос не был задан, то собеседники ничего бы не заметили и разошлись с иллюзией понимания друг друга и получения достоверной информации о погоде.

Феноменологический метод указывает на то, что в повседневной жизни обнаружить расогласование значений смысла слов и действий

⁵² Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994. С. 33.

⁵³ Denzin N.K. The Research Act. A Theoretical Introduction to Sociological methods. Englewood Cliffs, New Jersey, 1970. P. 5.

не всегда просто. «Гарфинкелинг» выявляет различия в «фоновых ожиданиях» и «правилах говорения» наиболее эффективно в лабораторном эксперименте, но в полевом качественном исследовании создание ситуации искусственной анонимности чаще всего ведет к разрыву коммуникации. «Шлюзы» восприятия респондента захлопываются перед социологом, потому что частые уточнения типа: «Что ты имел в виду?» — в «правилах говорения» тоже соответствующим образом типизируются, и если социолог не иностранец, плохо владеющий языком, а представитель той же культуры и поколения, к которой относит себя респондент, то это уже идентифицируется не как «не понимание», а как «непонятливость» или «провокация, косвенная агрессия» и т. п. Например, это может интерпретироваться так: «умный» горожанин демонстрирует своим непониманием, что «темный» крестьянин не может связно, понятно, грамотным языком изложить свои мысли. Такая интерпретация возможна, потому что нарушается «основной тезис взаимозаменяемости перспектив», и хотя и здесь возможны варианты подстройки собеседников друг другу, это общение будет неестественным и может еще больше заслонить «горизонты типичности» индивидуального мира другого.

Поиск «открытых горизонтов типичности»

Феноменологический подход в социологии отрицает саму возможность существования только одной «единственно верной» интерпретации, показывая множественность индивидуальных и коллективных миров со своей логикой и истиной, которые также относительны. Этот подход учит терпеливому и вдумчивому наблюдению, как бы постоянному ожиданию проявления «открытых горизонтов типичности», не подталкивая специально респондента к обозначению границ знаний, но демонстрируя интерес к их познанию и уважение к носителю мира значений и смыслов неизвестной социальной реальности. Приведем фрагмент глубинного интервью в полевом исследовании 1995 г. с жителем одного из сел Саратовской области:

Интервьюер: Большое у Вас хозяйство. Коровы, свиньи, птица. Как только управляется?

Респондент: Да управляемся. Было бы с кормами проще. Я бы больше держал. Время такое, надо на себя надеяться, детям помогать. Я ведь раньше больше держал. Свиней держал больше, откармливал. У нас с ними не больно-то любят возиться... ну держат двух-трех... не знаю, кто больше, а мне даже нравится. Вот, помню, был у нас подсвинок, дети его Борькой звали. Он сообра-

жал не хуже, чем... ну, в общем, понимал, что ему говоришь, как человек словно. За мной ходил, как собака, увидит меня, бежит, тычется и морду такую сделает, ну умора прямо... (долгая пауза, старается еще что-то вспомнить. — Прим. автора). ... Знаешь, больше чем на шесть пудов потянул!

И.: Что Вы сказали, я не совсем понял? (наверное, изумление на лице интервьюера).

Р.: Ну, говорю, больше 100 кило потянул (пауза, смотрит на интервьюера, появляется некоторое замешательство, смущение). Ну а что с ним еще... Ты же понимаешь... (вдруг смеется) ... А получилось... вроде говорю «он мне как»... (смеется громче) а я его раз и шесть пудов!!!

В этом эпизоде перед исследователем как бы приоткрывается «горизонт типизации», особенности восприятия респондентом своего мира. Здесь проявляется не только его индивидуальное отношение к домашним животным как источнику приятных эмоций от общения с ними (в этом горизонты типизации крестьянина и социолога-горожанина совпадают), но еще как к «мелкому скоту, продукции животноводства», которая органично сочетается с понятием «домашние животные как источник жизнеобеспечения сельской семьи и способ получения дохода». Именно в этой связке произошло расхождение понятий интервьюера и респондента, которое мгновенно проявилось в вопросе: «Что Вы сказали? Я не понял». «Фоновые ожидания» интервьюера предполагали продолжение поиска эпитетов к описанию типизированного образа «домашнее животное — друг, член семьи», а вместо этого он столкнулся с незнакомым типизированным способом восприятия ситуации, который показывает фрагмент различия социальной реальности города и социальной реальности села.

Однако этого бы не произошло, если бы респондент случайно не нарушил общие с исследователем «правила говорения». Он по сути дела перевернул привычную для горожанина логику повествования при оценке качеств домашних животных. Если бы он сказал, что он любит заниматься свиноводством и получает от этого хороший доход, так как привесы животных при соответствующем уходе дают возможность за восемь месяцев выкормить свинью на центнер убойного веса, но некоторых «скотов» ему жалко пускать под нож, потому что общение с ними доставляет удовольствие, то ни он сам, ни интервьюер ничего бы не заметили. Но смешивание индивидуальных личностных «человеческих» оценок с оценкой качества социальной функции животного привело собеседников в некоторое замешательство, где норма «не говорить о сво-

ем друге в форме крайне выраженного прагматизма» здесь уже не действует, а как это высказать по-другому, еще не совсем понятно.

Переворот логики высказывания респондента, возможно, произошел случайно, но его «оговорка» не была случайностью, т. к. в сознании респондента содержался качественно иной образ домашнего животного, чем у интервьюера-горожанина, которому ни при каких обстоятельствах в данном контексте не пришло бы в голову, что убойный вес его «меньшого брата» является дополнительной добродетелью в списке его отличительных качеств. Это могло возникнуть только в контексте социальной реальности сельского образа жизни, принятых там социальных норм и установок, где скот оценивается прежде всего с функциональной точки зрения привесов, удоев, тягловой силы и т. п. Таких примеров очень много, но социолог чаще всего проходит мимо них, не придавая им значения. Заслуга феноменологического подхода заключается в том, что эти явления становятся специальным предметом изучения и научного анализа.

10 принципов применения качественной методологии на практике

Итак, качественные методы исследования представляют собой реализацию феноменологического подхода к изучению социальных процессов и явлений, где в зависимости от целей и задач исследования основное внимание уделяется изучению способов и особенностей рефлексивности субъектов исследования по поводу социальной реальности и причин такой рефлексивности. В отличие от количественных методов в первую очередь выясняется не «кто и как отвечают» и «сколько так отвечают», а «что означают ответы» и «почему так отвечают» представители той или иной социальной группы. Принципиальные позиции такого подхода заключаются в следующем:

1. Результаты социологического исследования являются продуктом рефлексивности исследователя, изучающего рефлексивность респондента по отношению к объекту исследования, т. е. результатом «двойной рефлексивности».

2. Интерсубъективистская позиция исследователя предполагает осознание им в процессе исследования того, что, вступая в контакт с респондентом, он становится такой же частью изучаемого социального явления, как и респондент. Приписанные им значения и смыслы этой реальности не являются только отражением особенностей восприятия респондента или только его собственного восприятия этой реальности, но следствием взаимодействия их рефлексивностей в процессе

непосредственного общения. Результатом взаимодействия является новое представление о социальной реальности, которое до этого могло отсутствовать у каждого из участников исследования в отдельности, и именно это новое представление является предметом анализа в качественном социологическом исследовании.

3. Феноменологический подход предполагает, что каждая личность конструирует свою собственную социальную реальность и живет в своем мире, где восприятие одних частей этой реальности в основном разделяется с другими членами общества, а других — может заметно отличаться. Эта реальность может существенно меняться под влиянием внешних условий, например, новой информации или внутренних процессов, происходящих в самой личности. Исследователь может выступать внешней причиной изменений представления респондента о его реальном мире или может повлиять на внутренние процессы развития личности, которые могут привести к изменениям в его реальности.

4. Теоретическим фундаментом качественных методов является академическая традиция, уходящая корнями в неокантианское видение и вопросы в их менее радикальной форме, т. е. в лице таких представителей как Г. Риккерт и В. Дильтей. Неокантианцами была выдвинута идея о способности объекта к интроспекции и выбору, в котором содержится возможность его трансформации под воздействием знания и самопознания, получившая развитие в работах Макса Вебера и школы Анналов. В современном виде основными составными частями качественной методологии являются феноменология Гуссерля, «социология повседневности» Шютца, этнометодология Гарфинкеля, символический интеракционизм Дж. Мида, Кули, Томаса, «социальная конструкция реальности» Бергмана и Лукмана, «обоснованная теория» А. Страусса и Дж. Корбина, «двойная рефлексивность» Т. Шанина.

В центре этого подхода находится взаимное влияние исследователя и объекта, где, с одной стороны, признается факт, что объект исследования не является просто пассивным предметом изучения, а способен в определенной мере влиять на исследователя и являться субъектом исследования. С другой стороны, сам процесс познания неотделим от личности исследователя. Мы можем представить процедуру социологического интервью как сложение рефлексивности исследователя и респондента, т. е. мы имеем феномен двойной рефлексивности. Двойной рефлексивностью называют отношения между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) интерпретативными действиями исследователя, а также влиянием их на изучаемый объект; в) субъек-

тивностью объекта, выражающейся главным образом в том, как объект исследования определяет сделанный им выбор.

5. Качественные методы не противопоставляются количественным методам исследования, но и не являются их дополнением или формой предисследования-пилотажа. Выбор метода определяется целями и задачами исследователя, а так же глубиной изученности проблемы.

6. Основными методами являются неформализованные варианты методов наблюдения, интервью и фокус-группа как особая разновидность группового интервью. Но главным инструментом качественного исследования является сам исследователь, который может использовать различные дополнительные источники информации, включая дневниковые записи, письма, газеты, журналы, книги, видео и киноматериалы.

7. Особое значение имеет полевой этап работы, непосредственное общение с респондентом.

8. Разработка методики и инструментария исследования не заканчивается с началом полевого этапа, а продолжается по его ходу, как бы вырастая из самого исследования, гибко изменяясь в соответствии с переменами в рефлексивности исследователей изучаемой ими социальной реальности.

9. Анализ первичного материала не начинается после окончания полевого этапа, а происходит одновременно с ним. В процессе полевой работы вырабатываются понятия — основные единицы анализа, феномены описываются и сопоставляются между собой для выявления сходства и различий, происходит сортировка и кодирование всех событий по ходу исследования, определяется степень и характер их отношения к цели исследования, выявляется их значение в более широком социокультурном контексте на основе изучения вторичных источников информации, в том числе статистики.

10. Необходимым условием эффективного качественного исследования является создание исследовательской группы и активное взаимодействие всех ее членов между собой на всех этапах исследования.

Часть II. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЕРЕД ПОЛЕМ

Глава 4. Проектирование качественного исследования

Проблемы поиска действенного компромисса при проектировании исследования

Идеальных исследований не существует, как нет и идеальных способов их проектирования. Есть только компромиссы и балансы, необходимость достижения которых связана в первую очередь с целью исследования, а также ограниченными ресурсами, временем и пределами способностей людей к тому, чтобы запечатлеть и понять социальную реальность. Необходимость поиска компромисса появляется сразу, когда возникает выбор между тем, опрашивать ли большое количество людей по небольшому кругу вопросов или беседовать гораздо по более широкому кругу тем, но всего лишь с несколькими людьми. Следующая проблема: на каких именно вопросах остановиться, какие из них являются наиболее важными и центральными для цели исследования, а какие — периферийными и факультативными. Проблема расстановки приоритетов не менее важна, чем проблема генерирования всего круга потенциальных вопросов в начале работы.

Помочь в фокусировании исследования может в немалой степени обзор относящейся к проблеме литературы. Всегда полезно посмотреть, как другие исследователи решали схожие проблемы. Тем не менее литература может поставить исследователя в затруднительное положение, потому что вполне способна повлиять на его мышление и сделает его менее открытым для того нового, с чем он может столкнуться в поле. Поэтому с чтением части литературы можно и подождать до момента окончания полевой стадии работы. В другом случае проработка литературы может идти параллельно с полевой работой, создавая условия для творческого взаимодействия между сбором данных, анализом литературных источников и наблюдениями исследователя над самим собой.

Вширь или вглубь?

Во многих случаях выбор между количественным и качественными методами является выбором между широтой и глубиной. Качественные методы позволяют исследователю рассматривать выбранные

темы с максимальной глубиной и детальностью: это связано с тем, что сбор данных не ограничен предварительно определенными категориями анализа. Количественные методы, наоборот, основаны на использовании стандартизированных подходов, ограниченных предварительно выбранными категориями ответов. Преимущество количественного подхода состоит в том, что он позволяет измерить реакцию многих субъектов на ограниченный набор вопросов, облегчая тем самым возможность сравнения и статистической агрегации данных. Напротив, качественные методы обычно позволяют получить богатый набор детализированной информации о сравнительно небольшом числе случаев.

Противоречие между шириной и глубиной возникает не только при сравнении количественных и качественных методов. То же самое разделение существует и внутри качественных методов. Выбор зависит от того, сколько времени и усилий мы можем затратить на то, чтобы понять опыт отдельного человека, хотя полностью решить эту задачу никогда не удастся. Но и в условиях ограниченных ресурсов мы можем анализировать локальные аспекты, относящиеся к большому числу людей, или расширять набор тем, но изучать их во все меньшей по размерам группе. Например, интервьюирование, обычно отнимает много времени и исследователю приходится выбирать, задавать ли несколько вопросов довольно большому числу людей или использовать все отпущенное для работы время на беседу всего лишь с двумя-тремя респондентами, но затронув при этом очень широкий круг вопросов. Не существует строгих правил, регламентирующих выбор между шириной и глубиной исследования. Степень широты зависит от цели исследования, ресурсов, времени и интересов исследователя. Выбор между шириной и глубиной — это не выбор между плохим и хорошим, а выбор среди многих альтернатив, каждая из которых имеет в одинаковой степени достоинства и недостатки.

Единицы анализа

Цель исследования определяет выбор единиц анализа. От него будет зависеть решение о размере и типе выборки. Иногда такими единицами могут быть отдельные люди, иногда их группы — демографические, социальные, территориальные, а иногда и просто сторонники той или иной точки зрения, люди, разнородные во всех других отношениях. Если единица анализа выбрана, методы наблюдения и интервью должны быть сфокусированы на ее изучении. В качественных исследованиях единицами анализа могут также служить определенные события или случаи, от побегов заключенных и тюремных бунтов до по-

вышения в должности и случаев вознаграждения за работу. Если речь идет об изменении объекта во времени, в качестве единиц исследования могут быть выбраны состояния одного и того же объекта в разные моменты времени. Ключевой вопрос в выборе единицы анализа — решение о результатах исследования. Должны ли результаты исследования касаться отдельных людей, семей, групп или каких-либо иных единиц анализа? Нужно ли что-либо сравнивать и что именно — людей, процессы или места, где что-то происходит?

Выбор поля

Идеальным полем можно было бы назвать такое, к которому исследователь легко может получить доступ, быстро установить доверительные отношения с информантами и собрать нужные данные. Такие благоприятные для работы условия встречаются довольно редко. Вход в поле — это всегда тяжелая работа. Она требует усердия и терпения. Исследователь должен вести переговоры об условиях своего доступа, постепенно завоевывать доверие и быть готовым собирать и такие данные, в ценности которых он не уверен. Нет ничего необычного в том, что приходится тратить недели или даже месяцы на то, чтобы добиться перелома. Одна из рекомендаций исследователям — избегайте работать в собственном окружении — личном или профессиональном. Новички обычно стремятся начать с изучения своих друзей или той среды, к которой они привыкли с детства. К сожалению, принадлежность к исследуемой среде или сообществу может искажать перспективу и люди, ситуации, вещи будут казаться привычно одномерными и статичными. Люди обычно склонны к тому, чтобы считать свой собственный взгляд на привычные вещи совершенно естественным и единственно возможным. Тем не менее исследователь должен изучать эту рутинную версию реальности как всего лишь одну из множества других. Те, кто работают только в своей собственной профессиональной среде, неизбежно столкнутся с похожими проблемами. Они будут стремиться разделить чувство здравого смысла, ожидания или предпочтения своих коллег.

Проблема доступа

Наблюдатели обычно получают доступ в организации с разрешения «начальства»: руководителей, владельцев и пр. Всех этих людей иногда называют «привратниками» — теми, кто контролирует вход. Получение доступа включает создание исследователем такого образа, который бы максимизировал его шансы на проникновение внутрь. Задача заключается в том, чтобы убедить «привратников»: исследователь

никому не угрожает и не способен причинить никакого вреда, а, напротив, вполне может оказать ряд полезных услуг (возможность бесплатного использования итоговых отчетов, конфиденциальные сведения о подчиненных, повышение престижа организации).

Молодой исследователь может попробовать примерить маску студента, которого преподаватели заставляют выполнить его учебное задание. Наивный и неопытный студент может быстро завоевать всеобщие симпатии и получить всяческую помощь. Кроме того, «привратники» могут быть польщены его желанием поучиться чему-то у настоящих специалистов, экспертов в своей области. Исследователь постарше может представить себя как историка, который пишет летопись данной организации и составляет жизнеописания ее выдающихся деятелей. Они также могут надеть маску «представителя властей» и использовать разрешение, полученное ими от вышестоящих инстанций, которые, например, хотели бы узнать мнение рядовых работников на местах.

Хотя во многих случаях лучше всего срабатывает прямой подход, в некоторые организации все равно практически невозможно проникнуть официальным путем. Выдача разрешений на проведение исследований может сопровождаться такими оговорками (например, требование полного запрета на публикацию результатов), что всякий смысл предпринимать такие попытки исчезает. Но, тем не менее, когда прямой подход не срабатывает, для проникновения может быть использована другая тактика. Почти всегда можно найти друзей, родственников и знакомых, которые контактируют с работниками этих организаций. Эти люди могут помочь обойтись без согласия «привратников», или же сами могут попросить их о помощи. Всегда нужно быть готовым прекратить попытки проникновения в данную организацию, несмотря на уже затраченные усилия, и попробовать попытаться счастья где-нибудь в другом месте. Многие исследования проводятся в общественных местах (улицы, парки, аэропорты, театры, магазины). Для того чтобы работать в таких местах, разрешение «привратников» или владельцев может и не требоваться. Но хотя получение доступа в такие места и не является большой проблемой, исследователю следует заранее продумать стратегию взаимодействия с информантом. Если чужак начинает слишком интересоваться окружающими и задает слишком много вопросов, его собеседники начинают думать об истинной мотивации, желании пофлиртовать, принадлежности к органам правопорядка и пр. Хотя исследователь может и не объяснять своих истинных целей, ему все же следует как-то отождествить себя, прежде чем окружающие начнут сомневаться в безобидности его намерений.

Планирование выборки

Возможно, ничто не отражает различий между качественными и количественными методами в такой степени, как подходы к организации выборки. Качественное исследование обычно основано на относительно небольших выборках, даже единичных случаях, выбранных в зависимости от цели всей работы. Количественные методы обычно применяются в условиях гораздо больших по размеру выборок, а сами выборки являются случайными. Важно подчеркнуть, что не только техники выборки различны, но и сама логика каждого подхода уникальна, поскольку иными являются стратегические цели.

Логика и мощь вероятностной или количественной выборки зависит от отбора действительно случайных и статистически репрезентативных случаев, которые позволяют распространить обобщения, сделанные относительно выборки на всю генеральную совокупность. Целью в данном случае является обобщение.

Логика и мощь целевой или качественной выборки заключается в отборе информационно богатых случаев для глубинного изучения. Такими случаями являются те, из которых можно сделать выводы, имеющие решающее значение для целей исследования. Поэтому такая выборка и называется целевой или целеориентированной.

Существует несколько стратегий для формирования целеориентированной выборки.

Выборка экстремальных или девиантных случаев. Этот подход сфокусирован на тех случаях, которые необычны или в некотором смысле специальные. Такие случаи могут быть особенно трудны для изучения, но одновременно, являются высоко информативными. Логика экстремальной выборки заключается в том, что те уроки, которые можно извлечь из изучения необычных условий или объектов могут нести в сжатом виде всю информацию, которая заключена во всех промежуточных случаях, относящихся к генеральной совокупности.

Интенсивная выборка. Интенсивная выборка основана на той же самой логике, что и экстремальная, но с меньшим упором на крайности. Интенсивная выборка состоит из информационно значимых случаев, которые в значительной (но не экстремальной) степени представляют интересующее нас явление, поскольку девиантные случаи могут оказаться столь неожиданными, что способны исказить представление об изучаемом явлении.

Интенсивная выборка включает некоторую предварительную информацию и предварительные суждения. Обычно, для того чтобы

определить природу различий в ситуациях или объектах, исследователь должен выполнить большую предварительную работу.

Выборка максимальной вариации. Эта стратегия формирования целеориентированной выборки направлена на описание центральных аспектов, которые перекрывают большую часть всех случаев. Попытка обеспечить достаточное разнообразие при небольших выборках может вести к проблемам, поскольку отдельные случаи сильно отличаются друг от друга. Стратегия выборки, основанной на максимальной вариации превращает эту слабость в силу с помощью следующей логики: любая модель, которая возникает из большого разнообразия случаев представляет особый интерес и ценность в изучении центральных аспектов и тем.

Каким образом можно максимизировать вариацию в небольшой выборке? Следует начать с идентификации различных характеристик или критериев для конструирования выборки. Предположим, что некая государственная программа требует изучения городских, сельских и пригородных общностей. Исследователь может и не обладать ресурсами, необходимыми для организации национальной случайной выборки, но, тем не менее, включив в свою выборку и городские и сельские поселения, может считать, что не упустил географических различий между изучаемыми населенными местами. Если исследователь решил остановиться на небольшой выборке, полученной методом максимальной вариации, сбор данных и их анализ будет включать два пункта: высококачественное, детальное описание каждого случая, который может оказаться полезным для документирования уникальности; описание важной общей модели, проявляющейся во всех случаях, достоинство которой вытекает из их гетерогенности.

Гомогенные выборки. Прямой противоположностью выборкам с максимальной вариацией является стратегия отбора небольших гомогенных выборок. Цель создания таких выборок заключается в том, чтобы описать определенную подгруппу с наибольшей полнотой.

Интервью с фокус-группами обычно основаны на гомогенных группах. Метод фокус-групп включает проведение интервью по специальным вопросам с группой, насчитывающей от 5 до 8 человек. Люди, которых отбирают для участия в фокус-группе, должны иметь примерно одни и те же демографические и социальные характеристики.

Выборка типичных случаев. Для описания результатов исследования иногда может оказаться полезным представить качественный профиль одного или нескольких «типичных» случаев. Эти случаи выбираются в ходе бесед с ключевыми информантами, которые помога-

ют определить то, что, с их точки зрения, является типичным. Можно также отбирать типичные случаи, основываясь на результатах опросов, демографическом анализе типичного или на любых других переменных, позволяющих получить нормальное распределение характеристик, из которого уже можно увидеть, какие случаи являются «средними» в статистическом смысле. Следует помнить, что цель составления качественного профиля — чисто иллюстративная. Она заключается в том, чтобы познакомить читателей с тем, что является типичным, а не делать обобщения относительно всех случаев вообще.

В целом, можно говорить об индуктивном и дедуктивном понимании типического. Выделение наиболее часто встречающихся типов является индуктивным процессом, а синтез представлений об идеальном, в веберовском смысле, типе — дедуктивным. Индуктивный выбор типичного более прост, но всецело зависит от структуры и качества выборки. Дедуктивное выделение типа гораздо более информативно, хотя и сложнее в реализации, поскольку зависит от опыта и взглядов конкретного исследователя. Нет нужды решать, какой метод лучше, а какой хуже, как бессмысленно говорить о том, какой вывод точнее — дедуктивный или индуктивный. Каждый метод незаменим и лучше всего «работает» в своей области применения, а также в зависимости от целей и контекста исследования.

Стратифицированная выборка. Совершенно ясно, что можно комбинировать стратегию типичных случаев с другими ее типами, например, используя стратифицированную выборку для изучения тех случаев, которые оказались средними, а также отличаются от среднего в ту или другую сторону. Цель стратифицированной выборки — зафиксировать основные различия, а не идентифицировать общую массу случаев, хотя последнее и может играть ключевую роль в анализе. Каждая страта составит более-менее гомогенную выборку. Эта стратегия отличается от стратифицированной случайной выборки тем, что размеры выборок, вероятно, будут слишком небольшими для того, чтобы настаивать на их статистической репрезентативности.

Выборка критических случаев. Еще одной стратегией, применяемой для выбора целеориентированных выборок, является поиск критических случаев. Критические случаи — «Если здесь так случилось, то это произойдет и везде» и «Если здесь этого не случится, то не случится нигде» — могут оказаться особенно важными для понимания происходящего. Сбор данных направлен на то, чтобы постараться понять, что происходит в данном критическом случае.

Поиск критических случаев может оказаться особенно важным, когда имеющиеся ресурсы могут ограничить исследование всего одним случаем. В таких условиях выгоднее выбрать такой случай, который несет максимальное количество информации и изучение которого способно оказать наибольшее влияние на прирост нового знания. В то время как изучение одного или нескольких критических случаев технически не позволяет сформировать широкое обобщение для всех возможных случаев, логическое обобщение может быть сделано, исходя из большого объема наблюдений, полученных при изучении одного-единственного критического случая. История физики дает нам хороший пример использования критического случая. Галилео Галилей, изучая гравитацию, захотел установить, влияет ли вес объектов на скорость их падения. Вместо того чтобы использовать случайную выборку объектов разной массы, которые представляли бы все имеющиеся в природе объекты, он выбрал перо и монету. Если в вакууме перо падает так же, как и более тяжелая монета, то можно распространить логический вывод, сделанный из этого критического случая на все объекты генеральной совокупности.

В социальных науках выборка критических объектов может применяться с не меньшим успехом. Если правительство вводит новые правила налогообложения, то достаточно проверить, в какой степени эти правила понимает группа наиболее образованных граждан. Если они не могут понять нововведений, то, вполне очевидно, менее образованные группы окажутся в еще более трудном положении. И наоборот, если даже наименее образованные группы способны понять эти правила, значит их легко могут понять и все остальные.

Критериальная выборка. Логика критериальной выборки состоит в том, чтобы рассмотреть и изучить все случаи, которые отвечают некоторым определенным заранее критериям важности. Речь может идти, например, об изучении пациентов психиатрической больницы, которые неоднократно покушались на самоубийство. Этот подход может быть применен для изучения проблемных случаев, которые по всей вероятности могут оказаться информативными. В качестве основы для критериальной выборки обычно применяются результаты количественного анализа или тестирования.

Цепная выборка или выборка по методу снежного кома. Этот подход применяется для определения ключевых информантов или критических случаев. Процесс обычно начинается с вопроса: «Как Вы считаете, кто знает больше всего о...? С кем мне следует поговорить в

первую очередь?» Каждый раз в поле зрения исследователя появляются все новые и новые кандидатуры и «снежный ком» становится все больше и больше. В большинстве случаев, тем не менее, каждый раз будут упоминаться всего несколько имен или случаев. Особое значение имеют те люди или события, которые будут рекомендоваться как самые ценные различными информантами. Обычно круг рекомендуемых информантов сначала увеличивается в размерах, а затем темпы его роста падают и он стабилизируется вокруг ограниченного числа информантов, наиболее ценных по общему мнению.

Например, для сельского исследования, в зависимости от задач каждого тематического блока, были необходимы разные респонденты: для записи семейных историй или социально-пространственной картины села необходимо было найти таких респондентов, которые обладали бы «исторической памятью», т. е. являлись свидетелями событий начала века и одновременно смогли сохранить ясность мышления, внимательность и связность речи. Для изучения темы власти на селе это должны быть эксперты разного уровня включенности во властные отношения.

Хотя общим требованием к поиску респондентов в сельской местности является обращение к местным властям с просьбой назвать тех, кто опытен, помнит события тех лет, является интересным рассказчиком, следует учитывать, что начальство может называть имена тех людей, которые, по их мнению, «не сболтнут лишнего» из-за лояльности к местной власти по причине родства или материальной зависимости. Но в целом опасность упустить ценных информантов не так велика, поскольку «оппозиционеры» рано или поздно сами найдут социолога, в особенности, если срок его пребывания в селе достаточно продолжителен.

В случае изучения властных отношений на селе работа велась с тремя типами экспертов: представителями действующей формальной структуры власти на селе (председатели колхозов, совхозов, акционерных обществ и товариществ, бригадиры, специалисты, председатели исполкомов сельсовета, партийные работники и т. п.); лицами, которые в разные годы входили во властные структуры села; экспертами «из народа» — рядовыми колхозниками, как включенными во властные отношения на общественных началах, так и не принимающими в них участие, но такими, которых можно назвать «местными этнографами-любителями». Как правило, наиболее информированными экспертами по вопросам сельской власти являлись не только бывшие и настоящие хозяйственные, советские и партийные руководители, но еще и так называемые «конторские», особенно те, кто проработал в правлении колхоза или сельсовете много лет.

При формировании сети респондентов следует учитывать специфику села, которая проявляется в публичности личной жизни сельского жителя, в том числе и представителя власти, в значимости родственных и соседских связей для поддержания высокой степени информированности о местных событиях в селе. С одной стороны, представитель родственного «клана» может без труда помочь исследователю расширить сеть респондентов за счет своих родственников, но в случае, если контакт не состоялся, он же может «отсесть» значительную часть потенциальных респондентов. Фактор успешности первого контакта с респондентом и поддержания доверительных и доброжелательных отношений с ним в процессе всего исследования приобретает в селе особую значимость, так как эти отношения могут сказаться на всей сети респондентов в целом. Другой особенностью формирования сети респондентов для изучения власти на селе являлось использование респондентов, привлеченных для других частей исследования. Например, все респонденты, с которыми велась работа по семейным историям или бюджетным исследованиям, являлись одновременно и источником информации по проблемам власти. В среднем число респондентов по теме власти в селе составляло около 50 человек, хотя если учесть эпизодические контакты, которые приносили полезную информацию, то это число может вырасти до двух-трех сотен человек, учитывая длительность пребывания исследователей в селах (8 месяцев в каждом селе в первом проекте и 1.5 года во втором).

В заключение по вопросу о выборке в качественном исследовании следует отметить, что представленная нами типология не является полностью исчерпывающей все варианты выборки в качественных исследованиях. Возможно, существуют и другие типы выборки и другие типологии. Кроме того, в процессе исследования может происходить изменение типа выборки или использоваться различные комбинации этих типов.

Размер выборки

В отличие от количественного подхода, в качественных исследованиях трудно предложить какие-либо правила для определения размеров выборки. Размер выборки зависит от того, что вы хотите знать, от цели исследования, от того, что будет полезным, что более правдоподобно, что можно сделать в отведенное для работы время, планируются ли какие-либо сравнения и сопоставления. Исследователь может опрашивать большие группы людей по нескольким вопросам или одного-единственного человека, беседуя с ним много дней или даже не-

дель. Все здесь определяется целью исследования. Меньшая глубина может быть полезна при первоначальном знакомстве с явлением или попыткой понять причины различий между людьми. Большая глубина также может быть необыкновенно ценной, особенно если респондент обладает уникальным опытом и ему есть что сказать. Размер выборки зависит от того, что вы ищете, почему вы хотите это найти и какими вы располагаете для этого ресурсами.

Логика построения целеориентированной выборки сильно отличается от логики вероятностной выборки. Проблема заключается в том, что полезность небольших целеориентированных выборок часто оценивается на основе логики и целей вероятностной выборки. Следует оценивать целеориентированные выборки на основе цели и рациональности каждого конкретного исследования и стратегии формирования выборки, использованной для достижения целей исследования. Выборка, как и другие аспекты качественного исследования, такие как анализ и презентация данных, должна обсуждаться в контексте конкретной работы. С помощью вероятностной выборки невозможно получить то, что вполне реально сделать с помощью целеориентированной и наоборот. Пиаже выполнил ряд важнейших для науки исследований и получил интереснейшие результаты, наблюдая двух своих детей. Фрейд заложил основы психоанализа, располагая сведениями о десятке своих клиентов. Бендлер изобрел нейролингвистическое программирование, изучая всего трех знаменитых и высокоэффективных терапевтов: Милтона Эриксона, Фрица Перлса и Вирджинию Сатир. Критерий максимизации получаемой информации требует, чтобы формирование выборки прекращалось только в тот момент, когда уже не ожидается дополнительной информации от включаемых в выборку случаев. Впрочем, этот идеал может оказаться недостижимым, если ресурсы, выделенные для исследовательской работы, оказываются слишком ограниченными.

С одной стороны, выборки должны быть компактными, а с другой — покрывать цель исследования. Должна сохраняться также возможность увеличивать выборку в зависимости от первых результатов полевой работы. Исследование в любом случае должно быть гибким и учитывать все неожиданности, с которыми можно столкнуться в поле.

Исключительно важно, чтобы процедуры формирования выборки и все принимаемые по этому поводу решения были бы документированы, объяснены и обоснованы так, чтобы потребители располагали всеми данными, необходимыми для вынесения суждения о качестве работы. Обязательно следует обсудить в тексте итогового отчета то,

как выборка повлияла на результаты работы, достоинства и недостатки примененных стратегий, и любые другие решения, которые могли повлиять на интерпретацию и понимание результатов.

Проблема объективности и субъективности в качественном исследовании

Может ли исследователь быть объективным при качественном подходе в социологическом исследовании? Понятие объективности всегда относительно. Как бы социолог не стремился к непредвзятому взгляду на социальную реальность, он не может совершенно отрешиться от своего жизненного опыта, знаний, профессиональных установок или эмоциональных привязанностей. Особенно часто эта проблема проявляется в качественном исследовании с длительным пребыванием в поле. Потеря объективности часто происходит постепенно и незаметно для исследователя. Более того, возникает иллюзия «полного понимания» внутреннего мира респондента и того, что происходит вокруг наблюдателя. Основными причинами такого состояния исследователя может быть установление определенных эмоциональных отношений между исследователем и респондентом. Дружеские или неприязненные отношения между ними могут предопределить результаты интервью и односторонность интерпретации полевых материалов. Это «смещение» можно обнаружить по изменению характера вопросов, по эмоциональным комментариям. Например, по достоинству оценив мужество, стойкость или мудрость респондента, которые тот проявил в одном из эпизодов своей жизни, исследователь может не устоять перед искушением обобщить историю респондента как историю стойкости и терпения крестьянства под ударами судьбы, не замечая случаев малодушия или недалекости.

Сознательная установка исследователя на то, чтобы «увидеть ситуацию глазами респондента» или «встать на место собеседника», часто приводит к тому, что исследователь не может впоследствии «сойти с этого места», не может вовремя отстраниться от сложившихся человеческих отношений, посмотреть на ситуацию как бы со стороны.

Еще одна причина потери объективности — недостаточное осознание собственных изменений во взглядах, представлениях, способах мышления, опыте под влиянием общения с респондентами и пребывания в поле. Наконец, следует упомянуть и «синдром эксперта» — потерю объективности в том случае, когда при наблюдении, повторении в ответах разных респондентов на вопросы типичность поведенческих реакций при определенных ситуациях порождает у исследова-

теля ощущение, что «все это уже было», «здесь нет ничего нового» и «всем известно, что будет дальше». Таким образом «эксперт» не просто наблюдает, слушает или анализирует — он «знает». Действительно, большой опыт полевых исследований позволяет во многих случаях предугадать реакцию респондента на вопрос или его поведение в той или иной ситуации, но одновременно он же мешает видеть отклонения от привычных стереотипов, появляется соблазн подгонять все под уже известные шаблоны. Теряется сама способность удивляться. «Синдром эксперта» многолик и может проявляться на разных этапах исследования: при постановке задач исследования, при обсуждении результатов и интерпретации данных.

Одна из важнейших причин потери объективности — *явный или скрытый социальный заказ* на исследование. Социальный заказ на исследование, который может поступить от государственных, коммерческих структур или политических институтов влияет на объективность результатов исследования в той мере, в которой прагматические интересы социолога способны повлиять на достижение им научной истины. Влияние явного социального заказа можно обнаружить по ряду признаков — тенденциозности вопросов или подобранных респондентов, обилию «закрытых» вопросов, обстановке при проведении опроса.

Тенденциозность вопросов это такая их формулировка, которая навязывает респонденту определенный ответ или содержит подсказку «правильного», с точки зрения социолога, ответа. Например, в ходе интервью по вопросу частной собственности на землю интервьюер в начале разговора делает внушающую установку: «Все говорят, что земле нужен хозяин. Ваше отношение к частной собственности на землю?» Другим примером тенденциозности поведения интервьюера являются провокационные вопросы, переводящие разговор в морально-этическую плоскость: «Мы всегда считали, что земля — наше национальное богатство, которое бесценно, а теперь ее продают и покупают. Что Вы думаете по этому поводу?» или еще более определенно: «Ну и сколько, по Вашему мнению, должна стоить русская земля?».

Обилие вопросов-утверждений по ходу интервью выявляет позицию социолога на проблему исследования и отношение к респондентам. Получается, что социологу не так важно знать, как и что думает респондент на самом деле; социолог лучше респондента может сформулировать его мнение; он считает, что может предсказать все возможные ответы респондента. Это уже мало общего имеет с качественным исследованием, а больше похоже на формализованный опрос качественного исследования.

Обстановка проведения интервью может служить одним из наиболее ярких признаков существования социального заказа. Например, интервью с жителями села об их отношении к фермерским хозяйствам проводится в присутствии сельского руководителя (председателя колхоза, товарищества, кооператива и т. п.), позиция которого по отношению к фермерам негативна, и жители села находятся от него в определенной зависимости.

Скрытый социальный заказ выявить гораздо сложнее, поскольку он представляет собой «заказ» не конкретного социального института, а всего общества в понимании самого социолога. Социальный заказ не всегда осознается исследователем во время работы и проявляется как в постановке задач и формулировке гипотез исследования, так и на этапе анализа и интерпретации первичных данных.

Глава 5. Создание полевой исследовательской группы

Качественное исследование очень часто проводится исследователем-одиночкой, который является в едином лице и руководителем и исполнителем. Он самостоятельно проходит весь путь от замысла, начальной идеи до полевого этапа, интерпретации данных и подготовки окончательного отчета. В нашем проекте работал достаточно большой коллектив — около 20 человек, и об этом опыте пойдет речь дальше.

В зависимости от сложности объекта исследования и научных задач, которые предстоит решить, требования к подбору участников исследования и степени их способности к совместной работе, взаимопониманию, квалификации может быть разным. В большинстве случаев исследовательский коллектив представляет собой несколько команд, разделяющихся по своим функциям в исследовании. Это разделение может представлять собой сложную иерархию, отражающую принятое в данном обществе социальное разделение труда или достаточно простую управленческую пирамиду, соответствующую целям организации. Самое простое разделение — на руководителей и исполнителей. Руководители представляют собой «мозговой центр» проекта, разрабатывают его программу, определяют задачи и последовательность их исполнения, проводят инструктаж «полевиков», контролируют качество их работы, обсуждают с ними результаты исследования.

Исполнители должны точно придерживаться инструкций, добросовестно проводить опросы или наблюдения, вести обработку первичной информации для последующего анализа. Исполнители могут по

своей инициативе вносить коррективы в инструментарий исследования или делать комментарии по его ходу. Они, как правило, привлекаются к интерпретации собранных ими данных, если возникает неясность или требуется дополнительная информация.

Данное разделение часто осуществляется уже на этапе подбора участников исследования его руководителем. В других случаях разделение происходит спонтанно в процессе начальной фазы исследования, когда его участники проявляют свои творческие способности и профессиональные знания и умения.

Чем проще задача исследования, чем более «жесткий» инструментарий (например, структурированная анкета или интервью), чем больше число участников и короче сроки выполнения работы, тем жестче идет разделение команды исследователей на «мозговой центр» и исполнителей и определеннее разделение труда и степень ответственности. В качественном и количественном исследовании принципиально иной характер кооперации и сотрудничества исследователей: если в первом сотрудничают универсалы, каждый из которых выполняет все операции от сбора первичных данных, их обработки до анализа, интерпретации и написания выходных документов, то во втором это сотрудничество узко специализированных исполнителей-анкетеров, кодировщиков, контролеров, операторов ЭВМ. Проблемы взаимопонимания между участниками исследования рассматриваются с точки зрения согласованности действий, общего понимания задач исследования всеми членами исследовательской группы и осознания ими необходимости соблюдения исполнительской дисциплины.

В случае, когда объект социологического исследования представляет определенную сложность для изучения (мало исследованная проблема, закрытость для внешнего наблюдения, тема исследования затрагивает социально значимые для респондента проблемы, трудно контролировать работу исследователей в поле), а также когда инструментарий предполагает качественные «мягкие» методы исследования (неструктурированное интервью, беседа, включенное наблюдение), то требования к подбору участников исследования возрастают. Эти требования можно представить в следующем принципе подбора кадров: «Качественное исследование требует «качественных» исследователей».

Специфические требования к отбору полевых исследователей

Профессиональные требования к кандидату в полевые исследователи предполагает не только наличие у него профессиональных знаний,

опыта полевой работы, но и способности взаимодействовать с группой, критическое восприятие результатов своей исследовательской работы, желание и умение учиться на своих и чужих успехах и ошибках в процессе всего исследования. Если исследование предполагает изучение иной культуры или образа жизни методами включенного наблюдения с достаточно длительным проживанием в полевых условиях, то к подбору кандидатов должны быть предъявлены дополнительные требования.

Например, в проекте по сельской социологии, где исследователи и респонденты были представителями городской и сельской культуры, а сроки постоянного проживания в каждом селе варьировались от 8 месяцев до 1 года, к участникам проекта предъявлялись требования в умении адаптироваться к иной культуре и длительное время находиться в полевых условиях. Опыт показывает, что успешная адаптация полевого исследователя и продуктивность его работы зависит от ряда его качеств, среди которых можно выделить возраст, опыт полевой работы, профессиональную подготовку, общее развитие, мотивацию, коммунибельность, деловые качества, сенситивность.

В подборе кадров для качественного социологического исследования важно сразу определить то, чему можно научиться в процессе исследовательской работы, а чему за отведенный для исследования срок научиться нельзя. Например, исследователь может научиться правильно задавать вопросы, грамотно выстраивать ход беседы или интервью, но он не сможет стать коммунибельным, если это качество личности ему не было присуще изначально. В зависимости от темы исследования возникают требования к базовому образованию и не все пробелы можно восполнить посредством самообразования в ходе исследования.

Возраст

Возраст исследователя — это то, что респондент отмечает для себя в первую очередь. Иногда он прямо интересуется возрастом интервьюера, чтобы обосновать причину отказа беседовать на определенные темы, говоря, например, что его будет не просто понять, так как они относятся к разным поколениям. Достаточно часто респонденты апеллируют к возрасту интервьюера, чтобы аргументировать свое высказывание. Например, из записи беседы интервьюера с фермером одного из сел Поволжья Михаилом Л. видно, как он использует возраст интервьюера, чтобы объяснить мотивы своего поведения.

И.: Миша, а почему сейчас невыгодно животноводство нарастить, козь у вас такая кормовая база? На своем подворье до 10 голов довести и продавать?

М.Л. Илья, вот тебе сколько лет?

И.: 39.

М.Л. А мне 34. Я до 39 могу не дожить, если буду поголовье наращивать. Нужна механизация. Это очень тяжелый труд! На здоровье капитально сказывается. Но наращивают другие. Но мы говорим сейчас о том, что нашу продукцию сейчас никто не берет, ее заменяют импортной продукцией. Вот мы к чему приходим! А возьмите импортное масло, которое стоит бешеные деньги — так там гольный маргарин по-нашему! Пока этот импорт не прекратится, пока не дадут нам выйти на рынок со своим товаром. Я проживу автономно. Я вот машину купил и теперь живу автономно.

Фактор возраста важен скорее не в физическом, а психологическом смысле, т. е. если приобретение житейского опыта, наличие которого желательно для полевого исследователя, обычно связывают со средним возрастом — 30 лет и более, а наличие заостренных привычек и стереотипов мышления и поведения — с людьми старшего возраста, за 45 лет, то это еще не значит, что лучший кандидат для полевого исследования находится в возрасте от 30 до 45 лет. Богатый жизненный опыт можно получить и в 25 лет и не иметь в 40, а гибкостью мышления, широтой взглядов и способностью к обучению можно обладать в 60 лет и не иметь с молодости. Все зависит от индивидуальных особенностей личности исследователя и его биографии. Кроме того, следует учитывать, что слишком молодой или пожилой возраст исследователя может создать определенные барьеры в общении и понимании с респондентами более старшего или младшего поколения.

В целом требования к возрасту интервьюера определяются с учетом целей исследования. Причем здесь не всегда нужно соответствие возрастных параметров исследователя и респондента. Например, при изучении истории жизни респондента пожилого возраста сильным стимулом может являться интерес к нему молодого поколения. Однако для успешного контакта с пожилым респондентом недостаточно просто проявления интереса молодых к тому, как жило старшее поколение. Важно понимание и сопереживание, которое проявляется в беседах взрослых людей, а не общение на уровне взрослый — ребенок. Замечено также, что в беседе с мужчинами респондентами на социально «неудобные» темы лучших результатов достигают молодые внешне привлекательные женщины-интервьюеры.

Общее и интеллектуальное развитие исследователя

Оценка интеллектуальных способностей кандидата делается на основе результата собеседования с руководителем исследования. Учи-

тывая, что беседа дает лишь ограниченное представление об уровне его развития и интеллекте, а специальные психологические процедуры как правило не используются, мы сосредоточим внимание на тех моментах, на которые следует обратить внимание в ходе беседы с кандидатом или в содержании отзывов-рекомендаций о его предыдущей деятельности.⁵⁴

По нашему мнению, в полевой работе качественными методами некоторое преимущество имеют исследователи, у которых хорошо проявляются следующие интеллектуальные характеристики:

- Свобода владения речью, словарный запас, особенно в сфере деятельности, которой заняты предполагаемые респонденты (сельское хозяйство, торговля, медицина и т. п.).
- Легкость в переходе от абстракций к конкретным понятиям и образам и наоборот.
- Самокритичность по отношению к своей деятельности. Например, может ли легко отказаться от неверной гипотезы? Способен ли быстро изменить подход при изменении внешних обстоятельств?
- Направленность на выявление фактов. Легкость в установлении связи между разнородными фактами.
- Отсутствие склонности к упрощению или категоричности, т. е. «черно-белому» мышлению.

Коммуникабельность

В понятие коммуникабельность здесь вкладывается не только склонность к общению с себе подобными, но и стиль общения, стремление и интерес к пониманию других людей в процессе общения. Это качество должно обязательно присутствовать у кандидата, т. к. умение расположить к себе собеседника, способность поддержать тему разговора и т. п. являются базовыми характеристиками личности полевого исследователя. Опытного интервьюера отличает высокий уровень коммуникабельности, который внешне проявляется в умении выглядеть дружелюбным, открытым, располагающим к общению; в способности управлять беседой, меняя тему разговора или возвращаясь к первоначальной теме беседы; в установке на встречное расположение собеседника, а не на то, что люди изначально враждебны и подозрительны с незнакомцами. В общении с респондентом очень важно

⁵⁴ Техника собеседования с кандидатами достаточно хорошо отработана консультантами по кадровому менеджменту, некоторые их приемы вполне применимы к отбору научных кадров и для полевого социологического исследования. См., например: Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент: Взгляд клинициста. М., 1997.

умение облегчать общение с собой, помочь разговориться или сформулировать мысль, разрядить шуткой возникшую напряженность. Интервьюер должен уметь активно слушать, уметь просто молчать, не перебивая собеседника и не теряя интереса к беседе. Он должен легко распознавать ложь или блеф, быть терпимым к недостаткам других в процессе общения, уметь уважать чужое мнение, понимать, что другие — это «другие», и быть способным представить себя в роли другого человека, сопереживать кому-то, но не отождествляя себя с ним.

Деловые качества

Необходимость наличия деловых качеств у кандидата полевого исследования доказывать не нужно. Проблема заключается в том, что творческая личность ученого не всегда сочетает в себе нестандартность мышления, склонность к абстрагированию с деловой хваткой, способностью эффективно использовать имеющиеся ресурсы, планировать и организовывать полевую работу и создать необходимые бытовые условия участникам исследования. А это может быть серьезным препятствием в работе, особенно когда исследователь вынужден длительное время работать самостоятельно. Поэтому среди кандидатов должны быть отобраны несколько человек с деловыми качествами, которых желательно включить в состав исследовательской группы. Среди этих качеств особенно, на наш взгляд, ценны умение планировать работу и быть по необходимости и организатором и исполнителем. К полезным деловым качествам полевого исследователя можно также отнести его умение детально прорабатывать планы и выделять в них приоритеты, а также способность одновременно заниматься несколькими проблемами в условиях ограниченного времени.

Мотивация

Особенно следует подчеркнуть важность мотивации исследователя. Если его личные научные интересы соответствуют программе исследования, мотивация на участие в проекте и получение результатов достаточно сильна, сам статус ученого-исследователя выглядит для него вполне привлекательным, то многие проблемы, включающие возрастные, образовательные и прочие ограничения, могут быть успешно преодолены. Однако эта мотивация должна иметь постоянную подпитку со стороны рабочей группы и всей организации научной деятельности участников проекта. В нашем исследовании такой метод организации работы, разработки его программы, обучения участников проекта, обсуждения результатов исследова-

ния и, наконец, создания «команды единомышленников» получил название «Длинный стол». Принципы и особенности данного способа научной работы мы рассмотрим ниже.

Сенситивность

Это качество полевого исследователя обозначает обостренную восприимчивость, чувствительность к происходящим событиям и людям. Оно означает способность к сопереживанию и присоединению к чувствам и эмоциям собеседника. Желательно определить во время беседы с кандидатом, может ли он улавливать нюансы настроения собеседника, понимать эмоциональные оттенки сказанного, способен ли учитывать тонкости в различии разных культур, способов воспитания и образа жизни, чувствует ли деликатные моменты в ходе интервью и старается ли их как-то сгладить?

Семья или одиночки

Проживание долгое время в полевых условиях ставит не только научные, но и бытовые проблемы во взаимоотношениях исследователей и респондентов. Особенно это касается таких относительно замкнутых объектов исследования, каким, например, является село. Семейная пара полевых исследователей быстрее адаптируется к условиям быта, отношение крестьян к ним более положительное, т. к. они более «естественно» вписываются в традиции сельского образа жизни. Следует также учитывать, что исследователи разного пола получают разную информацию, т. к. есть «женские» и «мужские» темы разговора, которые исследователю трудно вести с представителем противоположного пола. Вопросы совместимости и распределение ролей между ними, как правило, стоят не так остро, как в коллективе полевиков, работающих в отрыве от семей или одиночек.

Однако сложно найти семью ученых, соответствующих по квалификации и интересам задачам проекта, кроме того, сложившиеся в семье гендерное распределение ролей, семейные традиции и привычки могут повлиять на выполнение работы. Например, непропорциональное распределение нагрузки, «спорное» разделение технической или «неприятной» работы, которое может внешне не приводит к конфликтам, как в группе «одиночек», но может также влиять на качество работы.

Интервьюер-иностранец

Участие в полевом качественном исследовании зарубежного исследователя, для которого язык респондентов, их обычаи и традиции являются чужими, а он сам как сторонний наблюдатель и иностранец

является для них дважды «чужаком», конечно, создают проблемы в общении с респондентами, их понимании и т. п. Однако если учитывать и использовать определенные преимущества, которые имеет исследователь-иностранец, работающий в полевой группе, то проблемы преодоления языкового барьера и настороженность респондентов при общении с представителем другой страны могут быть компенсированы качеством полученных данных. К сильным сторонам интервьюера-иностранца можно отнести следующие:

Во-первых, совместная работа в поле с представителем иной культуры и научной школы позволяет увидеть социальную реальность с неожиданной стороны, повышается степень сопоставлений и сравнений не только внутри контекста отдельной культуры, но и между культурами разных народов.

Во-вторых, непосредственно в процессе интервью респонденты, если они уже привыкли к «заграничному» интервьюеру, как правило, более «объяснительны», т. е. стараются более понятно и наглядно объяснить свое мнение, ответ и т. п. В этих случаях недостаточное владение языком может даже помочь, т. к. респондент начинает приводить много простых и наглядных примеров, поясняющих свою мысль, кроме того, неоднократное проговаривание им своего ответа дает ему возможность лучше сформулировать и дополнить свою мысль.

В-третьих, некоторые респонденты бывают более откровенны с иностранцами, если это касается «выноса сора из избы».

В-четвертых, если интервью идет в присутствии «нашего» исследователя, то его роль «переводчика» позволяет экспериментировать с вопросами по ходу интервью и непосредственно наблюдать реакцию респондента на различные интерпретации исследователем его высказываний.

Исходя из нашего опыта, можно сказать, что если интервьюер-иностранец работает в паре с «местным» опытным полевым исследователем, то этот тандем может быть эффективным, особенно в исследованиях латентных процессов в экономической и политической жизни социальных общностей. В нашем проекте вместе в российскими учеными в селах Ростовской области работал исследователь из США, который, пробыв в селе около 8 месяцев, добился доверия и расположения к себе респондентов и собрал интересный материал по политической картине села, неформальным отношениям между односельчанами, выявил особенности формирования «черного» бюджета сельской семьи и иерархии власти на селе. Российский социолог, который работал вместе с ним отмечал: *«Алексу рассказывают такие вещи,*

о которых мне предпочитают не говорить. Может, потому, что меньше доверяют, или потому, что я «наш» и должен понимать или догадываться без лишних слов, о чем идет речь в беседе. Другое дело иностранец, как они сами говорят: «Где ему понять нашу жизнь, ему надо все объяснять, как ребенку». Они прощают ему «дурацкие» или «неудобные» вопросы, которые я никогда бы не решился задать, чтобы не выглядеть полным идиотом или провокатором..., кроме того, проще записывать интервью на диктофон. С одной стороны, легче добиться разрешения на запись после начала беседы (часто, если тема разговора касается проблем «теневой» экономики или взаимоотношений с начальством, респонденты не желают, чтобы велась магнитофонная запись, поэтому можно попросить об этом после начала интервью. — Прим. автора.), т. к. многих устраивало его объяснение: «Вы так интересно говорите, но я еще плохо понимаю по-русски, мне надо прослушать несколько раз, чтобы не пропустить ничего важного. Можно мне пользоваться рекордером?» С другой стороны, респондент, который разговаривает с человеком, плохо говорящим на его языке, произвольно повышает голос и старается четче произносить слова, что существенно облегчает запись».

Глава 6. Метод «Длинного стола»

Удачный подбор исследователей — это важное условие для проведения полевого исследования, где применяются качественные методы. Однако в реальной жизни сразу подобрать идеальный кадровый состав, который бы сразу начал эффективно работать, довольно сложно. Требуется время для обучения методам работы в поле, для выработки общих взглядов на изучаемый объект исследования, для создания благоприятного социально-психологического климата и взаимопонимания между членами исследовательской группы.

Для проведения качественного исследования формирование исследовательского коллектива с благожелательным и уважительным отношением к друг другу, с здоровой конструктивной критикой и самокритикой особенно необходимо, т. к. методика качественного исследования предполагает периодическое обсуждение хода исследования со всеми участниками проекта, которые одновременно должны быть разработчиками программы исследования, включая постановку задач и постоянную корректировку методов исследования, они же являются его исполнителями и аналитиками результатов полевой работы.

Поэтому программа исследования должна предполагать специально планируемую и организованную процедуру по созданию рабочей команды для качественного исследования.

Эта процедура требует значительно большего времени, чем в количественном исследовании, т. к. предполагает совместную работу всех участников исследования над программой, инструментарием и анализом результатов полевой работы. Обучение участников социологического проекта, которое в количественном исследовании происходит обычно до его начала, в качественном ведется непрерывно по ходу исследования в форме специфического группового обсуждения в особом диалоговом режиме, о котором И. Кант говорил: «...и ученики учат учителей». Этот момент нашел отражение в одной из записей работы «Длинного стола»:

Т. Шанин: «Сегодняшняя встреча посвящена вопросам анализа. На встрече завтра мы проведем критический разбор нашего исследования: что было неправильно, где сплеховали с вопросами. Нужно помнить, что наше исследование — это наш университет. Мы учимся, работая все вместе, мы учимся друг у друга. Принимая недостатки нашего базового обучения, мы совершенствуемся в полевой работе. Тема сегодняшнего дня — анализ собранных материалов. Какие вопросы нужно задать к материалу, ведь исследование — это всегда ответ на какой-то вопрос. Английский профессор В. Бульдамос, у которого я слушал курс социологии, всегда начинал свою первую лекцию так: «Социология не начинается с фактов, не начинается с теории, социология начинается с вопросов». Вопросы анкеты, вопросника — это способ организовать материал. Аналитические вопросы — это способ его обобщения».

«Длинный стол» — это метод групповой работы научного коллектива по созданию и применению методологии и методики социологического исследования и организации всех этапов полевого исследования от подготовки программы и инструментария до анализа первичной информации и представления отчетных документов.

«Длинный стол» как способ организации работы социологов над разработкой программы качественного социологического исследования, его проведения, необходимой коррекции инструментария и уточнения понятий, как работа по постановке новых задач и анализу собранного в поле материала сочетал в себе элементы различных методов групповой работы: «мозгового штурма», групповой дискуссии, фокус-группы, ECG (расширенные креативные группы) и даже групповой психотерапии.

Как в любой рабочей группе «Длинный стол» осуществлял три основные функции, необходимые для длительного межличностного взаимодействия научного коллектива:

— решения исследовательских задач социологического проекта (организация эффективной коллективной и индивидуальной работы исследовательской группой на всех этапах работы);

— психологической поддержки членов коллектива (обеспечение оптимального социально-психологического климата в научном коллективе, обеспечение психологической и моральной поддержки полевых исследователей);

— контроля и проверки исполнения рабочих заданий в ходе исследования.

Правила и ритуалы «Длинного стола»

За шесть лет совместной работы участники «Длинного стола» выработали свои правила и ритуалы совместной работы. Кроме обычных правил ведения групповой дискуссии: не перебивать друг друга, высказываться по очереди, все разговоры «в круг», т. е. во время дискуссии не разговаривать с соседом и т. п., были и свои сложившиеся в процессе совместной работы нормы поведения за «Длинным столом». Эти негласные нормы обеспечивают поддержание дружелюбной и рабочей атмосферы, где члены исследовательского коллектива *не боятся говорить* из-за опасения «уронить лицо» или показаться некомпетентным:

«Критикуй работу, а не коллегу». Участники обсуждения результатов полевой работы социологов воздерживаются от критической оценки самого коллеги. Оценивается не исследователь, а его работа. Критика проявляется через уточняющие вопросы и сравнение с результатами работы коллег.

Кто начинает обсуждение? Каждая группа отчитывается по очереди, выступает кто-то один из группы, остальные дополняют по своему желанию. Не принято явно выделять в группе лидера, за столом все равны, кроме того, в первом проекте 1990–1993 г.г. практически все группы состояли из двух человек, которые самостоятельно распределяли между собой обязанности. Отчет начинают с группы, выделенной по географическому признаку (например, по месту работы группы — «с севера на юг»), либо с группы, которая способна на этой встрече «задать тон», т. е. собрала интересные материалы, нашла новые методические приемы и т. п. Если же идет обсуждение по отдельным темам исследования, то начинают с того, кто как бы негласно закреплен за определенным разделом исследования. Например, в на-

шем проекте были «ответственные» за семейные истории, бюджетные исследования, вопросы экологии, проблемы власти. За каждой темой обычно закрепляется 1–2 исследователя, которые подготавливают для всех групп материалы по своему разделу: изменения в методике, новые задачи, дают определение понятий, справочный материал и т. п.

«Не придирайтесь к словам». Не принято придирайтесь к словам, оговоркам и т. п. За «Длинным столом» важнее не «как» коллега выражает свою мысль, а «что» он говорит. Обычно в таких случаях руководитель или кто-то из коллег задает вопрос: «Я не совсем тебя понял. Ты имел в виду...?».

Сценарии заседаний «Длинного стола»

Работа Длинного стола строится в основном по трем сценариям, отражающим этапы качественного социологического исследования:

- 1) подготовка программы нового исследования;
- 2) анализ результатов текущей полевой работы и корректировка задач исследования и его инструментария;
- 3) завершение цикла исследования и подготовка отчетных материалов.

Общие моменты в сценариях работы «Длинного стола»:

1. Работа Длинного стола начинается с определения плана работы на все время встречи (не менее трех дней). Руководитель проекта знакомит участников с планом и уточняет, все ли вопросы вошли в план текущей встречи. В качестве примера приведем выписку из стенограммы встречи за «Длинным столом» в 1993 году, когда участники проекта закончили полевой этап и должны были обобщить собранные материалы по темам исследования и методам работы. Этот этап в проекте назывался «преданализом»:

Т. Ш.: Наш план работы в течение этих дней — обсуждение вопросов преданализа наших материалов и работы над книгой методики. Есть ли еще вопросы, которые надо обсудить? Хорошо. Для индивидуальных бесед назначаю время с семи часов.

2. «Политинформация» — руководитель рассказывает об общих методологических и организационных проблемах проекта, внешней по отношению к проекту ситуации, которая может повлиять на ход исследования. Говорит об общих трудностях и некоторых достижениях, рассказывает о перспективах проекта в будущем и его научной и общественной значимости, подчеркивает морально-целевую направленность задач исследования.

3. Отчет исследовательских групп по результатам работы на данном этапе исследования. Перед выступлением каждой из групп руководитель ставит общие для всех вопросы, на которые выступающие должны ответить. Как правило, руководитель определяет актуальные на данном этапе проблемы методического или содержательного характера и просит ответить на них по ходу отчета группы. Вот отрывок стенограммы «Длинного стола» на первом этапе проекта в 1990–1991 гг., когда шло обсуждение стратегии выборки сел и семей, проблем доступности для изучения тех или иных тем исследования:

Т. Ш.: «А теперь общие вопросы, на которые следует обратить внимание при обсуждении всех тем проекта.

1) Вопросы сбора и записи материалов, которые мы будем отбирать в ходе основного обследования первой группы сел; в том числе по каждой теме нужно определить, сколько семей будут изучаться, возможность нескольких «заходов» в одни и те же семьи с позиций разных тем. Главный критерий здесь — не количество, а качество.

2) Определиться с количеством тем — все ли из первоначальных девяти тем могут быть реализованы на первом этапе.

3) Вопросы выборки деревень, в которых мы сейчас работаем. На сегодняшний день уклон в изучении сделан на большие деревни, которые не могут репрезентировать всю сельскую общность. Насколько в связи с этим происходит смещение результатов? Нужно определиться, рассматриваем ли мы отдельное село или берем его «в связке» с другими близлежащими селами, имеющими длительные связи и общую историю с изучаемым сельским поселением.

4) Вопросы изучения «черных», «теневых» бюджетов — насколько в наших силах возможно получение необходимой для этого информации.

Этот этап работы «Длинного стола» предполагает некий период «разогрева» участников обсуждения. Следует учесть тот факт, что исследователи только что покинули поле. Они переполнены впечатлениями и эмоциями, которые мешают адекватному восприятию задач встречи. Поэтому надо дать время свободно выговориться, немного отстраниться от поля.

4. Вопросы со стороны участников обсуждения к членам полевых групп, обмен мнениями, дискуссия вокруг поставленных вопросов и результатов полевой работы.

5. Обсуждение результатов полевой работы по конкретным разделам проекта. Обычно назначается первый выступающий, «ведущий» темы. Это не руководитель проекта, а кто-либо из полевиков, за кото-

рым роль «ведущего темы» была закреплена группой в силу сложившихся обстоятельств, например, личный научный интерес, активность в обсуждении и непосредственное участие в разработке инструментария по данной теме, полученные интересные результаты и т. п. Его задача — рассказать об эффективности методики, возникших проблемах и предложить пути их решения для обсуждения всей группы.

Например, когда из-за инфляции весной 1992 г. оказалось невозможным продолжать бюджетное исследование по имеющейся методике, за Длинным столом произошел следующий обмен мнениями о дальнейшей работе по бюджетам семьи.

Т. Ш.: Инфляционная волна сбивает наши бюджетные исследования. Каким может быть выход:

— отказаться от составления бюджетов вообще;

— делать ежедневные записи текущих доходов и расходов семьи.

С. Е.: Нужно попробовать сделать не годовое бюджетное обследование, а месячное или 3–4-х месячное.

Я. Г.: Необходимо вести учет в натуре (например, количество покупаемых продуктов). Это даст возможность сделать годовой натуральный бюджет, а зная изменения цен по месяцам, можно привести его к денежному выражению.

Р. М.: Нужно оставить годовой бюджет. При этом отслеживать цены по месяцам, тогда появится возможность взвешивать натуральные показатели.

/ Далее идет общая дискуссия по данной теме. В конце ведущий делает заключение. /

Т. Ш.: Договорились — каждая группа в течение месяца ведет ежедневную запись доходов и расходов семьи.

6. Распределение заданий ответственным за разделы для доработки методики исследования.

7. Обсуждение результатов работы методических групп и утверждение изменений в методике.

8. Подведение итогов встречи, общая оценка результатов текущего этапа исследования, уточнение задач для каждой группы. Выяснение планов и интересов участников проекта в будущем исследовании или в написании научной работы (статьи, книги) по результатам исследования.

9. «Профсоюзное собрание» — организационные, технические, бытовые вопросы участников проекта.

10. Индивидуальные встречи руководителя проекта с членами исследовательских групп. (Иногда работа Длинного стола начинается

с отдельных предварительных встреч руководителя с полевыми группами. Это происходит чаще всего на этапе полевых работ, для того чтобы руководитель более объемно и реально представлял, что происходит в каждой полевой группе и с каждым исследователем.) Результатом встреч является перечень вопросов для обсуждения за «Длинным столом». Кроме участников полевого исследования на заседания «Длинного стола» обычно приглашаются так называемые «друзья проекта» — в основном это специалисты-эксперты, иногда приглашаются журналисты, работающие по аграрной тематике. При обсуждении некоторых вопросов они активно участвуют в работе «Длинного стола».

Требования к ведущему «Длинного стола»

Более всего требования к руководителю Длинного стола напоминают требования, которые предъявляются к модератору фокус-группы и тренеру Т-группы (группы тренинга). По словам известного специалиста по групповому тренингу Богарта (1966), идеальный руководитель тренинга представляет собой сочетание «иудейской праматери, примерного отца, святого пророка и Мефистофеля»⁵⁵. Основным принципом руководителя, который садится за «Длинный стол», — это его убежденность в больших возможностях коллективного разума и в способности научной группы найти выход из тупиковой ситуации, в которую они сами себя периодически загоняют.

Отличие метода «Длинного стола» от психологических тренингов заключается в том, что если тренер Т-группы после вовлечения участников в совместную работу по обсуждению проблемы как бы устраняется от руководства, то ведущий «Длинного стола» после начала работы активно включается в обсуждение как обычный участник (в этом также проявляется его отличие от ведущего «мозгового» штурма» и от модератора фокус-группы), оставаясь одновременно руководителем дискуссии. Это требует от руководителя достаточно высокой пластичности и гибкости психики, быстроты мышления и скорости реакций. Кроме того, он должен обладать достаточной профессиональной компетенцией в своей области знаний, общей эрудицией и иметь признанный авторитет как ученый у членов группы.

Особые требования предъявляются к наличию у ведущего «Длинного стола» достаточной степени объективности в оценке себя и других. Он не может позволить себе выделить из группы «любимчиков»,

⁵⁵ Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: Теория и практика. М., 1993. С. 78.

он должен обладать завидным терпением, чтобы выслушивать, не перебивая, коллег, которые иногда выступают не по делу, и уметь тактично прервать их (например, «это очень важно, но к этому вопросу мы вернемся через минуту, а сейчас перейдем к...»).

Руководитель в процессе работы «Длинного стола» постоянно меняет роли от участника к руководителю и обратно, а этих ролей может быть очень много. Например, анализ стенограмм «Длинных столов» за шесть лет показал, что их постоянный руководитель Т. Шанин играл, постоянно меняя в соответствии с изменениями в ходе обсуждения результатов исследования, не менее дюжины ролей, Среди этих ролей отчетливо выделяются следующие:

- «администратор» — устанавливает порядок обсуждения, повестку дня, решает организационные вопросы;
- «лектор» — знакомит с обзором современного состояния науки по данной проблеме;
- «катализатор» — предлагает новые идеи и решения проблем. Меняет привычный взгляд на предмет или объект исследования, предлагает шокирующие вопросы и ответы;
- «разработчик» — формулирует и развивает идеи, которые высказывают члены группы, обращает внимание остальных на их ценность для обсуждения;
- «штурман» — не дает далеко отклониться от обсуждаемой проблемы, постоянно напоминает о целях работы;
- «критик» — дает критический анализ содержания предложений участников дискуссии;
- «допинг» — стимулирует активный обмен мнениями, побуждает к принятию решений, поощряет и поддерживает участие всех, вселяет надежду и уверенность в свои силы по принципу: «невозможного нет — есть трудное»;
- «зритель» — пассивно наблюдает за происходящим за столом, косвенно побуждая участников самостоятельно вести дискуссию и вырабатывать свои решения;
- «миротворец» — разряжает напряженность в группе, выступая посредником между спорящими участниками, если конструктивный спор переходит в конфликт;
- «синтезатор» — придерживается принципа «иное всегда дано», демонстрирует постоянную готовность к компромиссам, причем на личном примере, поступаясь своей точкой зрения, признавая собственные ошибки, соединяя в определенных ситуациях казалось бы совершенно противоположные точки зрения;

— «законодворец» — формулирует и устанавливает групповые нормы и задает стандарты качества результатов работы;

— «диктатор» — решительно прекращает бессмысленные прения и споры между участниками, жестко следит за регламентом и безжалостно «обрывает» тех, кто прерывает говорящего, непродуктивно «тянет время», неоправданно отклоняется от темы обсуждения, принимает «окончательное» решение по окончании дискуссии; определяет сроки выполнения заданий и жестко требует их выполнения;

— «психотерапевт» — проявляет искреннее понимание и сочувствие к проблемам членов группы, показывает уважение к мнению каждого, помогает включиться в обсуждение тем, кто имеет личностные затруднения в групповой работе, способствует раскрытию индивидуальных способностей членов группы.

В качестве примера работы ведущего и участников «Длинного стола» можно привести фрагменты стенограммы (1992 г.) обсуждения методики записи глубинного интервью по теме «Семейные истории» и форме представления результатов полевого исследования с комментариями автора, где можно увидеть, как в процессе дискуссии создается методика качественного исследования.

Ф.О.: Прочтение готового материала высветило следующие моменты.

Я выделила два варианта представления готового материала. Первый — это подробный текст стенограммы разговора с информантом с перечнем заданных ему вопросов, описанием реакции на них, замечаниями исследователя, «родившимися» непосредственно в ходе беседы. К этому тексту прилагается выполненная исследователем краткая суммирование материала в соответствии со структурой вопросника. Она снабжена необходимыми ссылками на первоисточник.

Второй вариант представляет изложение материала в соответствии с планом вопросника. Здесь автор, используя материалы бесед и приводя в качестве подтверждения прямую речь в соответствующих местах, подробно освещает каждый вопрос, делая свои выводы и замечания. Этот способ более удобен для читателя, однако плюсы первого способа в данном случае обращаются в минус — теряется индивидуальность собеседника, ограничиваются возможности дальнейшей работы над материалом.

Я думаю, что сейчас нужно договориться, какой схемы мы будем придерживаться, чтобы обеспечить единообразие.

/Комментарий: участница «Длинного стола» задает тему обсуждения в форме проблемной ситуации, где необходимо выбрать один

из двух способов отчета по «семейным историям» респондентов. Показывает преимущества и ограничения каждого способа, где косвенно касается методики проведения интервью, обращая внимание на то, что одни исследователи организуют беседу с респондентом в соответствии с тематической последовательностью вопросника, которым пользуются во время интервью, а другие работают без него. /

Г.О.: Относительно способа оформления материала. Первоисточник много теряет для чужого глаза. Предпочтительнее делать аналитический материал, совмещая беседу с последующим анализом и изложением в соответствии с логикой жизни семьи.

Я спрашивала людей по периодам, а не строго по анкете. Тогда человек естественно вспоминает свою семейную историю, избегает штампов. Его нужно спрашивать событийно, соотнося рассказ со временем действия, а не в лоб — расскажите об истории вашего соседства. Тогда материал излагается стройным логическим образом (но из-за особенностей вопросника затруднен рядом повторов) и достигается аналитичность.

/Комментарий: Г.О. высказывает свое мнение по заданному вопросу и попутно ставит проблему анализа материала. /

Т.Ш.: Для того чтобы сделать анализ, уловить внутреннюю логику фактов и событий, возможно два пути:

- *развивать логику жизни отдельного человека и его семьи;*
- *обеспечить возможность сопоставимости и сравнения жизни разных людей.*

Нам нужно объединить оба подхода. Рассказ респондента — это сырой материал. Слова исследователя на нынешнем этапе — это пока только полуфабрикат. Цель вопросника состоит лишь в том, чтобы исследователи не забывали, о чем нужно спросить, а не жестко следовали этим вопросам.

Случаи повторения связаны с логикой мышления. Совсем обязательно три раза писать об одном и том же — достаточно сделать сноску.

Нужно удержать и оригинальность исследования, и возможность сравнения. Все равно не избежать определенной меры разницы.

/Комментарий: ведущий «Длинного стола» вступает в дискуссию как участник — «разработчик», подхватывая и развертывая ценную идею Г.О. о степени аналитичности материала. Выступает как «мировор» — показывает необходимость и возможность компромисса. /

В.В.: Мы набрали на «интересную» сложность — как избежать штампов. Они возникают из-за того, что в нашей анкете смешана ис-

тория семьи и история страны. В разговорах людей нужно «уводить» от истории страны, от оценок и сконцентрироваться на событиях их семейной жизни.

У меня есть излюбленный прием разговора с респондентом. Нужно держать паузу, ждать, тогда человек, осмыслив вопрос, может выдать самое интересное.

/ Комментарий: В.В. добавляет в дискуссию новую тему «как избежать штампов» и рассказывает о техническом приеме в проведении интервью. /

С.Е.: Читая материалы, я пришла к выводу, что повторы — это не недостаток, а, наоборот, преимущества текста, так как они помогают легче воспринимать изложенное.

/ Комментарий: С.Е. отреагировала на проблему повторов в вопроснике. /

К.С.: У нас сложился третий тип изложения информации — свободный рассказ самого респондента.

/ Комментарий: К.С. возвращается к первоначальной проблеме обсуждения и предлагает свой способ работы. /

Ш.И.: Встает вопрос — насколько свободная беседа информативна. В любом случае нужно организовывать структуру мышления и память респондента. Приемы могут быть различны — «великий» исследователь может работать методом держания паузы. Свободная беседа может применяться в двух случаях: когда точно знаешь, что тебе надо, или, наоборот, ничего не знаешь, только приступаешь к исследованию.

В движении только по оси хронологии таится опасность. Не имея ключевых, обязательных для всех вопросов, мы можем получить трудно сравнимый материал.

/ Комментарий: Ш.И. выступает как критик «свободной беседы» с респондентом. /

Г.О.: Для меня понятие «свободная беседа» означает не сбивать человека с контекста его жизни, задавая по ходу беседы вопросы, раскрывающие ее различные стороны и не всегда содержащиеся в нашей анкете.

/ Комментарий: Г.О. отстаивает свою позицию. /

Т. Ш.: У всех участников проекта на выходе материал получается почти одинаковым, хотя представление его различно. Обязательно нужно придерживаться того, чтобы всегда была суммирование (это полуфабрикат), а остальные детали — в соответствии с тем, кому как удобно. Не забывая при этом, что нужно отделять слова респондента от авторского текста.

/ Комментарий: ведущий вновь находит компромисс и выделяет два момента в представлении материала, которые обязательны для всех. /

Г.Л.: У нас периоды, начиная с «хрущевского», освещены слабо. Мы взяли поколение стариков, для которых с этого времени начинается отход от активной жизни. По-хорошему, нужно работать и с молодым поколением.

/ Комментарий: отклонение от темы обсуждения к вопросу о выборке. /

С.Т.: Валера сделал источниковедческий анализ материала. Я не считаю, что выделенный им третий тип для нас не годится. Давать чисто стенограмму бесед с людьми — это не совсем правильно, ведь материал обогащается через позицию исследователя.

С.О.: Я хочу заметить, что то, как материал представлен, часто зависит от респондентов — кого-то можно записать, а за кого-то приходится писать самому, т. к. респондент плохо говорит и его трудно понять.

Г.О.: Важно сохранять живую речь, но также важно и наше присутствие в материале, чтобы он приобрел какую-то удобоваримость. Мы свидетели этого факта. Если мы не будем каким-то образом отражать наше понимание того, что нам рассказали люди, то впоследствии их рассказы могут быть не поняты или неправильно истолкованы.

Мы размещаем материал по блокам, тем самым видим, все ли мы уловили, и это отражает всестороннюю действительность. Требуется параллельное наблюдение, наши характеристики, которые присутствуют в описании по блокам в комментариях исследователей.

/ Комментарий: участники ДС продолжают обсуждение, но начались повторы уже сказанного, обсуждение может перейти в спор. /

Т.Ш.: Мы опять вышли на предмет наших постоянных споров — вопрос первичности анализа и прямого взгляда или вторичный материал, опосредованный взглядом исследователя. Мы можем идти двумя путями:

- *выбрать один метод и не отступать от него. Но тогда есть опасность убить в каждом из нас исследователя;*

- *использовать разные методы, разные пути и отрабатывать методику.*

Я не согласен с В., который настаивает на одном варианте. Я предпочитаю иметь два текста: расшифровку разговоров и суммирование материала. Причем данная суммирование — это вступление, путеводитель по материалу.

Но я не собираюсь на чем-то настаивать. Только хочу предупредить, что мы не будем принимать те материалы, где не слышны «голоса крестьян».

Таким образом, существует две возможности подготовки материалов и каждый выбирает свой путь.

Вопрос типичности отобранных нами семей. Мы руководствовались следующими параметрами:

- *соотношение сельскохозяйственной и несельскохозяйственной занятости,*
- *пропорциональное представление по оси «материальное благосостояние» — богатые - бедные;*
- *возрастной состав семей;*
- *представительность по признаку обладания властью — влияние семьи в селе;*
- *отражение других аспектов структуры села.*

Проблема воспроизводства семьи касается различий в стабильности семейных структур, процессов социальной мобильности — «дед был тем-то и тем-то, отец был... и сын будет...». Это важно выделить. Также важно понять механизмы воспроизводства, зафиксировать моменты, точки провала в работе этих механизмов. Они могут возникать, в частности, потому, что функции семьи «перехватываются» школой, другими институтами и пр. Почему некоторые механизмы срабатывают, а другие — не действуют?

Нельзя забывать о «кавычках» — выделении в наших материалах прямой речи. Без этого мы не сможем работать.

/ Комментарий: ведущий прекращает обсуждение, подводя итог обмена мнениями и принимая решение по данному вопросу. Показывает, что исследователю предоставлена возможность выбора в способе работы над семейными историями. Он подчеркивает, что методический поиск не прекращен, призывая *«использовать разные методы, разные пути и отрабатывать методикку»*, но одновременно ставит ряд ограничений и требований по унификации материала. Поэтому ведущий не говорит, что тема дискуссии закрыта, переводит разговор на другую тему — тему выборки. /

От «Длинного стола» к «тренингу двойной рефлексивности»

«Родственников не выбирают». Как мы уже отмечали, чаще всего в реальных исследовательских проектах возможность провести «кастинг» среди предполагаемых участников качественного социологического исследования не удается по ряду объективных и субъектив-

ных причин. Например, исследовательская группа может представлять собой уже сложившийся научный коллектив, который по характеру отношений похож на семейный клан, в котором, как известно, родственников не выбирают. Там уже есть свой стиль работы, свои привычки и свои представления о полевой работе в качественном исследовании, которые могут не соответствовать уровню задач проекта, но времени на рефлексию своего методического опыта, как правило, не хватает.

Противоположный случай — это сборный коллектив «под тему исследования». Это могут быть представители разных «методических школ» со своим опытом и взглядами на метод. Поскольку в «поле» исследователь сам является инструментом, то понятно, что получается при работе, когда эти инструменты по-разному «настроены».

Довольно часто встречаются ситуации, где исследовательская группа состоит из исследователей с разным опытом проведения качественного исследования. Например, бывают группы, состоящие из преподавателей различных гуманитарных дисциплин, аспирантов или студентов, которые, образно говоря, знают, как правильно водить машину, могут об этом долго говорить, но за рулем не сидели. Знания есть, а навыков их использования нет, что проявляется в досадных ошибках при первом контакте с респондентом, при работе с диктофоном, транскрибировании текста, анализе первичного материала и проч.

Иногда, когда прямой доступ к полю исследователя имеет ограничения (например, исследования латентных групп), а степень доверия к исследователю имеет первостепенное значение, в качестве интервьюеров приходится привлекать представителей целевой группы, которые устанавливают контакты и собирают необходимую информацию. Опыт показывает, что в этих случаях даже подробный инструктаж не всегда эффективен. Нужны новые подходы к подготовке «качественных» исследователей.

Выше мы говорили, что в подборе кадров для качественного социологического исследования важно сразу определить то, чему можно научиться в процессе исследовательской работы, а чему за отведенный для исследования срок научиться нельзя. Предположим, что мы без всяких психологических тестов знаем, что кто-то из исследователей не отличается коммуникабельностью, эмпатией, скоростью реакции на полевую обстановку, слишком аналитичен, категоричен, «теоретичен» и т. п. Мы догадываемся, что в мотивации предполагаемого участника проекта овладение методом глубинного интервью не является приоритетным по сравнению с получением конкретного результата проекта и его последующей конвертацией в отчеты, статьи и проч.

Тогда возникает вопрос: так что же, надо отказаться от исследования в виду кадрового дефицита, либо работать с теми, кто есть в надежде на естественный отбор по принципу «кому дано, тот не утонет»? Но, может быть, существует способ повышения методической компетенции исследователя в тех же глубинных интервью, который бы давал эффект по другому принципу — «принципу соленого огурца», суть которого в том, что попав в рассол, все огурцы становятся солеными.

Речь идет о создании внутри исследовательского проекта некой мастерской или школы-студии качественных методов со своей самостоятельной образовательной целью и задачами, ресурсами времени и средств. Обобщая известные нам аргументы в пользу необходимости такой формы обучения методике качественных исследований, мы выделили пять причин для такой работы.

Пять причин для создания мастерской качественных методов исследования:

1) Из аудитории в «артель». Сегодня мы наблюдаем существенные перемены в институте образования. Это проявляется в перемещении центра образования из традиционной аудитории к обучающим микрогруппам, к форматам средневековой ремесленной мастерской, профессиональной артели⁵⁶ и, в конечном итоге, к личности «ученика». Наиболее яркие примеры — в новых профессиях, связанных с ИТ, финансовыми рынками, рекламой, маркетингом и т. п. В конторах и офисах сидят молодые люди, программисты, трейдеры, электронщики, копирайтеры и всяческие менеджеры, зачастую с дипломами по специальностям, далеким от данного вида деятельности, которые утверждают, что все свои знания и умения получили самостоятельно или через различные «курсы» и практику у наставников-профессионалов.

2) «С чем надо родиться, а чему можно научиться». Качественные методы часто отождествляют с искусством, т. е. до конца не ясно, почему у одних исследователей респонденты открывают рот и забывают его закрыть, а у других ведут себя как на допросе, хотя в обоих случаях подготовка интервьюера была одинакова. Почему из одного исследователя выскакивают вопросы, уточнения, обобщения на которые респондент

⁵⁶ Здесь под артелью подразумевается замечание А. Герцена о том, что рядом с «неподвижными» формами крестьянской жизни — деревенской общиной — образуется «подвижная община работников» — артель. «Артель — соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыль общими силами». При чем Герцен отличал такую артель от германского цеха прежде всего тем, что она «не ищет монополии», привилегии в правах, она не против кого-то, а только для себя. Из ст. А. Герцена «Крещенная собственность» в сб. Утопический социализм. М.: Политиздат. 1982. с. 403.

искренне реагирует и не обижается даже, если они выглядят как провокация, а у другого примерно такие же по содержанию вопросы вызывают у собеседника напряжение или агрессию? Почему из одного и того же транскрипта одни легко извлекают ответы на свои вопросы, строят типологии, так, словно видят «матрицу жизненного мира», а другие в тех же материалах не видят ничего интересного для себя?

Может быть, это особая интонация в голосе интервьюера, выражение его глаз, мимика и жесты или сакральное «притяжение», «поле» и проч. Это похоже на «смотрибельность» у актеров, где на одного, как только он появляется на сцене, хочется все время смотреть, и не важно, в какой он там роли, а другой практически не замечаем и не запоминаем. Но ведь актера учат ремеслу, и отличают любительский театр от профессионального не только наличием оплаты труда. Где же в качественных методах ремесло, а где искусство? Какие особые врожденные способности нужны для «актерства» интервьюера, а где достаточны банальные знания и навыки ремесла, на основе которых развиваются и открываются природные задатки? К настоящему моменту накоплен определенный опыт для ответа на вопрос, где кончается ремесло и начинается искусство и наоборот.

3) «Правило соленого огурца» или «кому дано, тот будет плыть». Сегодня практика подготовки кадров для качественного исследования построена по принципу «кому дано, тот будет плавать». Формула такова: теоретический курс + самообразование + самостоятельные попытки провести качественное исследование или участие в исследовательском проекте + советы более опытных коллег + практика и практика. Если повезет и обстоятельства будут благоприятны, а исследователь достаточно способен, упорен и трудолюбив, то, может статься, родится «звезда интервью», а нет, то будет заурядный анкетер, объявляющий себя качественником. Возможно ли здесь применение «правила соленого огурца» (т. е. попав в бочку, все огурцы, вне зависимости от их размеров и сорта, становятся солеными), т. е. возможна ли школа, метод? Надеемся, что да.

Один из принципов формирования такой «школы» мне открыл художник, руководитель детской студии. Он сказал: «Когда ко мне приходят дети, они разные по способностям, если им дать рисовать предмет, не объясняя основ техники и не научая этому, то большинство потеряют интерес, останутся только единицы, причем, не только самые способные. Но если явить им «чудо метода», открыть секрет изображения перспективы, светотени, смешения красок, то их количество удвоится и увлеченных будет много больше. Надо вызвать изум-

ление от того, что у тебя получилось то, о чем ты раньше и помыслить не мог». Человек, освоив таблицу умножения, не будет складывать ряды одинаковых чисел. Многие разочарованы в качественных методах только потому, что у них не получилось, и они не поняли почему, т. к. им не удалось обучиться основам ремесла, не было школы, а главное, им не помогли освоить метод как способ мышления.

Кроме того, надо помнить, что метод глубинного интервью или фокус групп в зависимости от темы, целевой группы и глубины погружения в «поле» небезопасен для исследователя. Мы иногда сталкиваемся с проявлениями профессионального выгорания, такими как эмоциональное истощение, цинизм по отношению к респондентам, депрессивные состояния как следствие невозможности быть погруженными в негативные переживания респондентов. Недостаточно учить основам метода, надо еще позаботиться об обучении защите от негативных последствий его применения.

Иными словами, формула подготовки качественного исследователя может выглядеть так: Исследователь = Личность + Обстоятельства. Личность — это способности, характер, жизненный опыт и т. п. Обстоятельства — это тот самый «рассол», это то, что можно превратить в возможности овладения методом (методика обучения, условия для усвоения и закрепления знаний, наставники и т. п.). Все это обязана предоставить «мастерская».

4) «Когда прямой доступ к полю невозможен». Есть темы исследования, где доступ исследователя к полю ограничен тем, что он не является членом данного сообщества, а всякие «шпионские страсти» ему не нужны. В этом случае есть необходимость подготовки исследователя из «среды» и включения его в группу проекта. Например, это исследование проблем наркомании, ВИЧ-инфекции, криминальных сообществ. С другой стороны, есть потребность НКО в проведении исследований латентных групп, но средств для оплаты профессиональных услуг у них нет. Однако при обучении заинтересованных и способных «любителей их среды» «основам вождения» мы существенно снижаем уровень психологических травм как у самого интервьюера, так и у его информанта, и повышаем практическую пользу от непрофессиональных опросов. Это подобно тому, как в медицине оказание профессиональной помощи более эффективно, если она опирается на санитарно-просвещенное население, или же как в спорте — есть профессиональный и любительский, на войне — есть армия и ополчение и т. п.

5) Социальный заказ и ресурсы. Сегодня мы наблюдаем появление социального заказа и ресурсов для создания новых форм обучения

качественным методам исследования. Это ситуация «методической оттепели» с конца 80-х прошлого века как равноправия между различными методическими подходами в решении исследовательских задач. Это широкое использование и совершенствование качественных методов в политтехнологиях, маркетинге, рекламе, в общественных организациях. Растет потребность как в профессиональных кадрах, так и в грамотных «любителях». Имеется более свободный доступ к литературе по методу. Имеется довольно много обучающих курсов, семинаров и проч. обучающих форм в формальных и неформальных институтах образования. Произошло некоторое сокращение дискуссий, носящих характер религиозных споров, о том, какой метод более достоверный — качественный или количественный, с упреками в субъективизме, журнализме, позитивизме, метафизике и т. п. и т. д. Появились кадры, способные обучить методу, и опыт такого обучения.

Внутри мастерской глубинного интервью. В основе обучающего формата «мастерской» лежит авторский «социологический тренинг двойной рефлексивности» (ТДР). ТДР представляет собой развитие идей подготовки кадров для качественного исследования, которые были реализованы на практике в «крестьяноведческих» проектах Т. Шанина и носят название «метод Длинного стола»⁵⁷.

Суть метода заключается в целенаправленной групповой работе по методологической рефлексии своего личного исследовательского опыта (что я делаю и в чем смысл этого?) на основе прохождения всех этапов качественного социологического исследования. Для актуализации личного исследовательского опыта в школе-студии глубинного интервью создан специальный «артельный» формат регулярных встреч участников школы-студии. Его алгоритм состоит из обсуждения ключевых моментов «до поля», «в поле» и «после поля» проведения текущего реального (не учебного) исследования⁵⁸, в выполнении различных заданий и упражнений на выявление личного стиля работы исследователя, установления первого контакта, тестирования ключевых программных вопросов исследования и др.

⁵⁷ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: «Логос», 1999. — 384 с.; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М. РОСПЭН, 2002. — 592 с.

⁵⁸ Тема обсуждаемого исследования может быть общей, но может быть индивидуальной для каждого участника группы при условии ограничения ее состава до пяти человек.

В ходе работы осуществляется последовательный переход в мотивации и содержании подготовки участников школы-студии от анкетера к интервьюеру и от интервьюера к исследователю. В данный момент на занятиях школы-студии появился список тем, которые можно назвать базовыми для ее участников. Например, наиболее часто обсуждаются такие вопросы как: «компетенция и компетентность полевого исследователя»; «как возникает понимание»; «исследователь как инструмент исследования»; «личный исследовательский интерес как основа стратегии и тактики полевого исследования»; «искусство быть забавным»; «почему респондент решает помочь исследователю»; «как получают не тривиальные результаты за пределами обычного толкования»; «как можно доверять субъективности исследователя»; «как развивается методологическая рефлексивность»; «качественный метод как способ мышления» и другие.

Более подробно данная методика будет представлена в отдельной работе, которая готовится к изданию. В данном тексте мы можем привести лишь некоторые примеры из работы школы-студии над вышеперечисленными вопросами.

Как анкетер превращается в исследователя? В ходе встречи исследовательской группы был выдвинут тезис: исследователь начинает интересоваться качественными методами из «чувства глубокого неудовлетворения». Далее приведен в сокращенном виде результат дискуссии.

Каждый опытный анкетер знает, что ответ на анкетный вопрос является только частью ответа респондента. Это особенно становится очевидным тогда, когда респондент уже после окончания опроса хочет пояснить свой ответ для того, чтобы было понятно, почему он так ответил или что он «имел в виду», выражая свое согласие или несогласие с предложенными вариантами ответа. Например, при вопросе о доходах семьи, где респондент пытается объяснить, почему он причислил себя к среднедоходной группе населения на основании того, что у него нет долгов, анкетер понимает, что смысл ответа находится за пределами рамок анкеты. Но в зависимости от целей количественного исследования это может быть несущественно, т. к., например, стоит задача выявления показаний «барометра» настроений населения.

У анкетера возникает чувство, что его инструмент слишком формален и не дает возможности понять, «как все на самом деле». Что он-то «понимает» респондента, т. к. сидит в его небогатом жилище, видит его выражение лица при ответе, слышит ироничные интонации и т. п. Более того, он сам обошел много семей и имеет свое представление,

«как живут люди со средним достатком». Из этой неудовлетворенности тем, что не учитывается социальный контекст ответа, рождается интервьюер, который стремится объяснить ответ респондента, дать свою интерпретацию того, что стоит за лаконичными «да», «нет», «затрудняюсь ответить». Однако он все еще сосредоточен на своей исследовательской задаче и не видит респондента, т. к. для него пока свое объяснение ответа важнее понимания респондента, дающего ответы. Толчком к изменению исследователя является либо несогласие респондента с объяснением смысла его ответа («нет, вы меня не поняли») или, что важнее, несоответствие его слов и его поступков.

Например, жительница села в интервью говорит по поводу воровства работниками сельскохозяйственного кооператива кормов для своего личного подсобного хозяйства, что из-за воровства их хозяйство находится в убытках и вообще «краденное не впрок» и т. п. Из этого можно заключить, что она осуждает тех, кто ворует общественное добро, и не пользуется ворованными с фермы кормами. В действительности, она покупает корма у этих «воров», причем осуждает только тех, кто деньги потом пропивает, а тех, кто «несет в семью», одобряет («а как иначе проживешь, детей-то растить надо»), считает их полезными для села людьми, т. к. «пенсионеры, которые в хозяйстве не работают, не смогли бы держать даже птицу». Интервьюер либо должен считать, что респондент с ним неискренен, либо признать, что существует иное представление о том, что называется воровством, и он не понимает контекст. Иначе говоря, он не понял не ответ респондента, а не понял его самого, т. е. значение его слов, его представления, определенные условиями его жизни, воспитанием и опытом.

Последняя интерпретация, как правило, возникает тогда, когда интервьюер полностью включен во все этапы исследования. Он участвовал в разработке программы исследования, где обсуждались разные представления о «воровстве на селе». Он думал, какие вопросы лучше задать для раскрытия темы исследования. Он заинтересован в развернутых ответах респондента, т. к. ему же предстоит потом после «поля» их обрабатывать и анализировать, сравнивать со своими гипотезами, если они были, выдвигать новые, писать отчеты, статьи и т. п.

Это только предпосылки перехода от интервьюера к исследователю, которые рождают желание и интерес к овладению навыками индивидуальных или групповых интервью или наблюдением. Приобретение мастерства начинается с понимания особенностей метода как особого способа отношения к объекту исследования.

Фокус внимания на том, что происходит между респондентом и исследователем. Одна из основ использования качественного метода — это внимание к тому, что происходит между респондентом и интервьюером. В процессе беседы между ними возникает новое понимание и новая реальность, которая была бы в чем-то иной, если бы о теме беседы каждый из участников думал по одиночке или с другими собеседниками в силу взаимовлияния их друг на друга. Здесь фактор субъективности выступает в рафинированном виде, и задача исследователя различать, что в полученном материале возникло под влиянием контекста встречи, а что из взглядов (представлений, образов, мнений и т. п.) остается неизменным, т. е. мало зависит от особенности конкретной коммуникации. Например, на самый общий вопрос о самоидентификации: «Кто ты?», современный взрослый человек, обладающий множественной идентичностью, будет отвечать в зависимости от контекста вопроса и роли задающего этот вопрос. Если этот вопрос задаст священник, то среди идентичностей по полу, национальности, профессии и т. п. появится идентичность «верующий». В беседе с налоговым инспектором возникнет самоопределение «бедный», а идентичность «верующий» может быть опущена. Но идентичность человека по полу, скорее всего, останется неизменной.

Отношение интервьюера и респондента как неэквивалентный обмен. Другое важное обстоятельство взаимопонимания между респондентом и интервьюером — это представление об интервью как о неэквивалентном обмене. Исследователю нужна информация, это он понимает хорошо, а мысли о том, что нужно респонденту от этой встречи, приходят в голову интервьюеру тогда, когда интервью прошло плохо или респондент неожиданно его прервал.

Человек, согласившись дать информацию, надеется получить что-то взамен. Наивно думать, что оплата времени беседы или коробка конфет полностью обеспечит его желание давать подробные объяснения своей точки зрения или тщательно описывать какие-то события. Это только один из стимулов, другими являются мотивы, которые исследователю предстоит распознать в процессе беседы. Это могут быть информационные потребности, желание соответствовать статусу эксперта, потребность поделиться опытом или своими мыслями. Это могут быть и вполне прагматичные соображения, связанные с надеждой, что высказанное им мнение поможет изменить ситуацию. Нередко встречается желание выговориться, чем-то похожее на скрытую просьбу о психологической поддержке. Ведь для многих респондентов ситуация, когда они могут полностью владеть заинтересованным вниманием постороннего

человека, который не пытается прервать, не навязывает свои убеждения, не собирается учить или «лечить», а старается понять — это уникальный опыт в жизни. Происходит неэквивалентный обмен между респондентом и исследователем, где время респондента и его информация оплачивается, образно говоря, «психологическими рублями» заинтересованного внимания и стремлением к пониманию.

Рефлексивность как умение задавать вопросы себе самому. В количественных методах немалые усилия брошены на снижение влияния субъективности исследователя на результаты исследования. Это происходит главным образом из-за разделения труда в процессе исследования. Разрабатывают программу, проводят опрос, обрабатывают первичные данные, анализируют и пишут отчет разные люди. Поэтому важны стандартные процедуры, полностью поддающиеся контролю и оценке качества исполнения, выполняющиеся с механической точностью при контакте с объектом исследования.

Качественное исследование полностью поставлено в зависимость от субъективности исследователя, что вызывает необходимость поиска оснований для доверия к его субъективности. Здесь мало одного желания исследователя быть объективным и беспристрастным. Профессиональный кретинизм интервьюера проявляется в его вере в то, что он способен перед интервью упаковать свои ценности, установки, жизненный опыт, эмоции в «методологический контейнер», а во время интервью держать его «под стулом». Этот контейнер — часть его личности, а, следовательно, часть его отношений с респондентом.

Надо научиться исследовать себя, чтобы отразить свои особенности, опыт, свои взгляды на предмет исследования и респондента, чтобы понять, как это может отражаться на ходе беседы. Например, если ты преподаватель, то не ведешь ли себя в интервью как учитель, оценивая, что правильно, а что неверно в словах респондента. Бывает также, что известный баланс научных и внеученных интересов нарушен в пользу внеученных (деньги, должность, получение звания и п.). Такая заинтересованность в результате приводит не только к созданию установки у респондента на «правильный ответ», но и к «коммерческому» поведению обоих участников в ходе интервью, превращая общение в сделку, при которой происходит обмен информации респондента на контактные подарки или плату за интервью. Респонденты это быстро замечают и ведут себя соответственно стоимости подарков или размеру оплаты за участие в интервью.

Умение быть «забавным». Одно из забытых значений слова «забавный» в русском языке — это способность уводить от забот этого

мира. У Владимира Даля в его знаменитом «Толковом словаре» первым толкованием слова «забавлять» является «приятно занимать»⁵⁹. В процессе качественного интервью исследователь уводит своего респондента «от забот его мира» в свою исследовательскую лабораторию, где тому должно быть «приятно и занимательно». И там он должен быть «забавен» или «занятен» не в том смысле, что он шутник, а в том, что они вместе создают для себя совершенно новый мир отношений. Созданию такого мира отношений способствует наличие среды, создающей уникальные возможности для общения и развития таких отношений, которые невозможны в условиях обычного опыта респондента.

Это похоже на роль попутчика в поезде в дальней поездке, где замкнутое пространство, неестественность ситуации вынужденной коммуникации создает известный дискомфорт, который устраняется «удачным» попутчиком. Не случайно фраза: «Повезло с попутчиком», часто дополняется продолжением: «оказался очень интересным, занятым человеком».

Важной особенностью такого общения является возможность собеседников как случайных попутчиков быть самими собой прежде всего потому, что вероятнее всего они больше не встретятся. Однако в нашем случае такое пространство для общения создается исследователем намеренно, с определенной целью. Здесь респондент может чувствовать себя самим собой, если исследователь такой, какой он есть и признает право собеседника быть самим собой, не принуждает играть какую-то роль и старается не создавать условий для неискренности. Это не является психологической подстройкой под респондента, это не «отзеркаливание» его чувств и эмоций, это не рефреминг или другие так называемые техники активного слушания.

Это понимание другого как результат овладения его языком, т. е. понимание смысла его слов, его жестов и мимики, его собственной картины мира и его внутренних ассоциаций. Это особая избирательность восприятия, как у шахматиста, который видит не просто расстановку фигур на доске, а **позицию**, на которой сосредоточено его внимание.

Однако надо помнить, что желание быть самим собой имеют далеко не все, т. к. достаточно примеров, как многие из тех, кто остался самим собой, так никем и не стали. Человек в беседе чаще стремится быть не тем, кем он есть, а кем он хотел бы быть или тем, кем хочет видеть его собеседник. И его собеседник с пониманием относится к этому.

Максимальный эффект группового обсуждения данных тем достигается в основном от сравнения своего исследовательского опыта с опытом других (в отношении к выдвинутым тезисам о качествах исследователя или его поведения в поле). Важно отметить, что работа над большинством перечисленных здесь тем инициируется не ведущим, а участниками — когда у них есть в этом потребность. В нашем случае это получило название «методической сноски». Перед обсуждением темы «сноски» принимается коллективное решение относительно ее актуальности и соответствия содержанию всей встречи. В ходе встречи обычно ведется запись и делается краткий протокол. Это важно для дальнейших встреч, т. к. процедура качественного исследования не имеет фиксированных границ между этапами исследования. Протоколы могут пригодиться на этапе построения кодировок, создания категорий при анализе транскриптов интервью. Как правило, они бывают нам полезны на этапе формулирования выводов исследования, т. к. некоторые из тех идей, что были высказаны во время обсуждения за «Длинным столом», но не были приняты, могут найти подтверждения в ходе работы.

«Школа-студия глубинного интервью» как метод подготовки исследователя, работающего в поле качественной методологии, может использоваться не только для проведения одного конкретного исследования. Уже накоплен определенный опыт использования данного метода для повышения профессиональной компетентности аспирантов и научных сотрудников кафедры социологии СПбУ и на ежегодных курсах повышения квалификации ИС РАН, для участников летних социологических школ.

⁵⁹ В. Даль. Токмовый словарь живого великорусского языка. М. 1955. Т.1. С. 549.

Часть III. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: В ПОЛЕ

Глава 7. Наблюдение

В качественных методах полевого социологического исследования собственно наблюдение за поведением людей в естественных условиях определяет само понятие полевого исследования, т. к. его суть состоит в том, что социологи находятся непосредственно в месте событий, которые их интересуют и непосредственно наблюдают и регистрируют все то, что отвечает целям и задачам их исследования. В отечественной социологической литературе под наблюдением понимается «метод сбора первичной социальной информации путем прямой и непосредственной регистрации исследователем событий и условий, в которых они имеют место.⁶⁰ Обычно в качественных социологических исследованиях применяется неструктурированное наблюдение, которое в отличие от структурированного гораздо менее формализовано, т. е. исследователь не имеет подробного плана наблюдения, например, «карточки наблюдателя», где заранее оговорено, на что надо обратить внимание и каким образом регистрировать происходящие события. Результаты наблюдения в качественном исследовании, как правило, фиксируются в неформализованной форме в виде дневниковых записей, которые содержат описание объекта наблюдения, описание происходящих в данный период времени событий, впечатления наблюдателя, его комментарии к увиденному и услышанному, некоторые обобщения и аналитические выводы. Хорошо сделанные записи наблюдений в качественном исследовании часто похожи на экскурсию с опытным гидом, который показывает, объясняет, рассказывает предысторию объекта наблюдения, делает свои выводы и обобщения.

Ниже мы более подробно остановимся на особенностях процесса наблюдения, его разновидностях и позициях наблюдателя по отношению к объекту наблюдения. А пока, в качестве иллюстрации работы социолога-наблюдателя, а также для того чтобы представить себе, какого рода информацию можно получить в ходе полевых наблюдений, ее достоинства и ограничения, приведем два типичных примера.

⁶⁰ Краткий словарь по социологии / Под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М., 1988. С. 169.

Два примера наблюдений

Магазин

В начале 1970-х в С. был построен еще магазин — на месте одного огорода. Его хозяин лежал в больнице в Вышнем Волочке, и наследников не было, а потом, когда он там умер, его старый дом разобрали на дрова. Магазин принадлежит районной потребкооперации. Как и орсовский магазин, этот тоже универсальный, здесь продается одежда и обувь, продукты и хозяйственные товары. Торговый зал небольшой, с 3–4 стеклянными прилавками и деревянными полками на стенах. Часть товара, например газы, ведра, чугуны — лежат посередине торгового зала. Отопление печное. В стене прорезан лоток для хлеба, который привозят на лошади 3–4 раза в неделю из районной пекарни. Когда хлеб привозят, его складывают в большие деревянные лари у лотка, и у покупателей есть возможность выбрать хлеб, который, по их мнению, выглядит лучше. Екатерина Дергачева плохое качество хлеба объясняет так: «На районной пекарне работают одни алкаши. Хлеб пекут ночью, и чтоб не было скучно — выпивают. Поэтому хлеб никогда не бывает правильно испеченным. То он сырой — и тогда разламывается на части, а то горелый, и его только скотина может есть. Раньше хлеб пекли дома, и для себя так сделаешь, что соседи приходят пробовать». На вопрос, почему бы и сейчас не печь хлеб дома, она отвечает, что дорого очень, да и попробуй дрожжи достать, да маслица, да яйцо добавить — и выйдет дорого. Для себя только печенье делаешь, да ватрушки.

Когда машина привозит товар из Лесного, все жители приходят и заглядывают в кузов — что привезли и в какую цену. После этого они либо занимают очередь перед магазином (на время разгрузки и приема товара он закрывается), либо спешат домой за деньгами и сумками, рассказывая о привозе всем, кто встречается по пути. Подавляющее большинство покупателей — женщины, пожилые и средних лет. Мужчины, если и приходят в магазин, покупают только водку или вино, причем всегда подходят без очереди. В зависимости от того, что это за человек, женщины либо замолкают (если это приезжий начальник, бригадир, врач местной больницы или незнакомый), либо начинают весело комментировать его выбор («надо не водку брать, а гнилуху» — и наоборот), либо обращают внимание на то, какие деньги он вынимает (если грязные, мятые рубли, значит заначка от жены, если новые купюры — «полюбовница подарила»), не пропускают и время дня — обед это или послеобеденное время («возьми хоть кильку-то отобедай» — и так далее). Если в очереди стоит жена этого человека, то она, как правило, не

выдерживает насмешек и начинает заступаться за мужа или, наоборот, ругать его.

Тут же в магазине, во время стояния в очереди, обмениваются местными, а то и международными новостями, обсуждают их, уточняют подробности, ссорятся или шутят. Когда в магазин приходит незнакомый человек, что не редкость летом, когда ко многим приезжают родные, с ним начинают знакомиться. Обычно это происходит так: когда человек становится в очередь, его тщательно разглядывают и смотрят, как он себя ведет и знаком ли с кем-либо из присутствующих. Затем начинается второй этап. Следуют вопросы, но не к незнакомцу, а друг к другу: «Кто это, чей он, откуда приехал?» Те, кто знает больше остальных, стремятся на них отвечать. Затем, на третьем этапе, вопросы задаются незнакомцу, с ним завязывают дружбу: «Да я же тебя маленьким помню», или: «Я же хорошо твою мать знала», — и так далее. В очереди стоят долго — по часу, а то и по два, и к тому моменту, когда новичок начинает делать покупки, его уже признали за своего, начинают над ним подшучивать и вставлять свои замечания. Если незнакомец приехал из большого города, все внимательно смотрят на то, что он покупает и что говорит по поводу цены (лето 1992 г.): если удивляется дешевизне и берет помногу, даже бытовые мелочи, вроде ножниц, консервного ножа или точила, значит, в следующий раз этот же товар привезут по гораздо более дорогой цене и надо запастись впрок, пока еще дешево.

Сама покупка превращается в целый ритуал и поэтому очередь почти не двигается. Покупатель, к которому подошел черед, тщательно осматривает прилавок и полки с товаром за спиной продавца, как будто видит их впервые и еще даже не подумал о том, что именно он хочет купить во время долгого стояния. Продавец терпеливо ждет. Потом начинается процедура расспросов о тех вещах, которые покупатель решил выбрать — свежее ли это, давно ли привезено, как этим пользоваться, дорого это или нет, хорошего ли качества и что скажут на этот выбор другие покупатели. Продавец вместе со всеми активно участвует в этом обсуждении, советует купить одни товары и отвергает другие. Когда решение о покупке принято, разговор заходит о том, сколько покупать: мало или много, хватит ли этого до следующего привоза или нет. Если ясно, что на всех в очереди не хватит, тут же решают, сколько выдавать в одни руки, чтобы товар разошелся поровну.

Экскурсия

Территория птицефабрики огорожена бетонным забором только на две трети. Остальную часть сразу, как только сняли старый забор,

доделать не успели, а потом не хватило на это денег. В связи с этим с западной и частично с южной стороны доступ на птицефабрику практически свободный. Выход с нее, естественно, тоже. Сооруженные две вышки должной охраны, видимо, не обеспечивают. Во всяком случае, людей, присутствовавших на ней, я не заметила ни в 8 утра, ни в 11. Лай собак ничье внимание не привлекал вследствие обширности территории. На мой наивный вопрос о наличии прекрасных возможностей для воровства был получен ответ: «В принципе да. Но здесь все-таки довольно далеко от поселка». Мне так не показалось, тем более что своя ноша, как известно, не тянет.

Подъезды к цехам очень плохие, часто тракторам приходится ездить не коротким путем, а там, где можно проехать. Когда-то все цеха были соединены бетонными дорогами, но со временем они, естественно, разбились, и их восстановлением никто не занимался. Последние цеха, построенные в 1980-е гг., расположены в более низких местах из-за естественного уклона рельефа. Емкости для сбора помета, пристроенные к ним, из-за близости грунтовых вод постоянно заполнены водой и при интенсивных осадках просто переливаются, тем самым делая в этих местах «окружную» дорогу по периметру фабрики непроезжей, что создает массу неудобств.

Всего на фабрике 28 цехов, но часть из них находится в нерабочем состоянии, так как требует ремонта, часть пустует из-за сокращения производства. Мне удалось посетить несколько цехов разного профиля.

Двенадцатый цех — производственный. Здесь содержатся куры-несушки. Цех представляет собой очень длинное здание, внутри которого располагается 6 клеточных батарей. Когда стоишь на одном конце здания, другого не видно. Каждая батарея состоит из двух рядов клеток, между которыми располагается кормушка, поилка и транспортер для сбора яйца. Корм и вода подаются на каждую батарею отдельно из контейнеров и кранов, расположенных сверху. Процесс частично автоматизирован — за количеством поступающего корма следит птичница, периодически открывая и закрывая задвижку. Транспортер приводится в движение птичницей, когда та начинает сбор яйца. В зависимости от типа оборудования птица размещается в одной клетке по 3–5 штук.

Все это хозяйство обслуживает одна птичница. По словам зоотехника это — норма, и птичница должна справляться с этой работой. Сама же птичница придерживается иного мнения и уверена, что ей не дают помощницу только потому, что не хотят еще одному человеку платить зарплату. Истина лежит, видимо, где-то посередине.

На сегодняшний же день проблем много, часть из них не решается по объективным причинам, часть — из-за халатности. К примеру, в этом же 12 цехе недавно поставили новое оборудование, но из-за плохой наладки оно постоянно дает сбои. Транспортная лента часто перевертывается в конце линии, из-за чего транспортер встает, а яйцо попадает под ленту, откуда его птичница извлекает с большим трудом. Кроме того, для включения и выключения транспортера на каждой батарее существуют две кнопки. Только у двух батарей эти кнопки работали, для включения же остальных транспортеров птичница лезла в распределительный щит, что по технике безопасности, естественно, запрещено. Бригадир птичниц сказала, что она обращалась к работникам электроцеха, но те как-то отшутились и так и не пришли. Из-за сбоев в подаче кормов также часто приходится останавливать линию и вызывать слесаря. Слесарь на два цеха один, пока его дожدهмся, птица остается неокормленной, поэтому птичницам приходится переставлять батареи, что требует времени и просто большой физической силы.

Еще один больной вопрос. На приемке яйца должны сидеть сортировщицы с яйцесклада, хотя бы по одному человеку на цех. Они должны сразу сортировать яйцо на I и II категории, в зависимости от веса и, соответственно, от размера. Но яйцесклад с некоторых пор перестал выделять людей, поэтому птичница должна сама еще сортировать яйцо с шести транспортеров и укладывать его в прокладки. Понятно, что это занимает уйму времени и не удивительно, что птичницы жалуются на тяжесть их труда. Есть еще проблема — некому чистить цех от помета, а это в свою очередь сказывается на качестве яйца.

Потом после 12 цеха мы пошли в электроцех. Там все были в сборе, словно у них все в порядке и «нет проблем» (выражение главного энергетика, который всегда так говорит). Вместе с начальником электроцеха мы вернулись в 12-й цех, Н.Н. дала указание, что сделать, хотя, на мой взгляд, он сам должен лучше всех знать, что и где его бригада должна сделать. Надо, однако, отметить, что когда перед обедом мы еще раз заглянули в 12-й цех, все кнопки работали нормально.

Далее мы отправились в 3-й цех. Это цыплятник, но здесь содержатся уже большие цыплята. Отсюда их отправляют в производственный птичник. Сегодня как раз перевозили петухов в возрасте 110 дней из 3-го цеха в 26-й. Перевозкой занимаются рабочие подсобного цеха. Они не имеют постоянной работы, оплата труда у них сдельная. Все они бывшие птичницы из пустующих ныне цехов. Их положение го-

раздо менее стабильно, чем раньше. Возможно, именно этим можно объяснить их агрессивное настроение, которое всеми воспринимается как норма.

Перевозка птицы осуществляется в контейнерах, куда их буквально закидывают по несколько штук. Перевозимые петухи оказались большими, в среднем 1600 г. каждый, но их все равно пихали по 12 штук в ящики, пока зоотехник не сказала, что так они помнутся и надо сажать по 9. Процесс перевозки замедлялся необходимостью двойной вакцинации. Птичницы берут за ноги трех петухов в каждую руку, затем птице вводится в одну ногу лекарство, а в другую витамины. Лекарство необходимо для предотвращения болезни, которая проявляется в том, что яйцо «плывет» и имеет очень тонкую скорлупу. Лекарство вводилось шприцем с насосом, обеспечивающим его постоянную непрерывную подачу. Витамины же, из-за отсутствия нужных инструментов, вводились обыкновенными одноразовыми шприцами, которые перед набором каждой новой дозы приходилось опускать в ведро. Это очень замедляло работу, рабочие ругались, но успокоило их заверение Н.Н. о двойной оплате из-за двойной вакцинации.

В этом же цехе двумя днями раньше имел место большой отход птицы вследствие ее переохладения. Из-за отсутствия термографов птичница вовремя не заметила снижение температуры и у птицы начался процесс воспаления. Как оказалось, термографы — дефицит на фабрике и сейчас остались только в цыплятниках, где выращиваются совсем маленькие цыплята.

26-й цех должен был быть подготовлен для приема птицы из 3-го цеха. К нашему приходу наладка оборудования там завершалась, но помещение не было убрано. Какое-то время цех стоял пустым и там всю хозяйничали крысы. Птичница сказала, что сейчас все уберет, но до конца она это сделать вряд ли успела, потому что при выходе из цеха мы увидели, что первая партия птицы уже в пути.

В 6-м цехе температура выше, чем в остальных, поскольку здесь содержатся цыплята в возрасте от 1 до 10 дней. Здесь работа цыплятницы заключается, главным образом, в кормлении и изъятии больной и мертвой птицы. Она проходит по батареям и по каждой клетке проводит специальным крючком. От шума цыплята начинают суетиться и сразу видно, у кого дела плохи. Слабых и мертвых складывают в одно место. В этом цехе тоже есть проблемы с наладкой оборудования.

Одна из главных достопримечательностей фабрики — расположенный на краю ее территории ГВК — газовый вакуумный котел. Здесь

производится мясокостная мука, которая содержит протеины и необходима как добавка к корму. Сырьем служат отходы производства, но их не хватает, поэтому фабрика покупает у зверосовхоза их отходы производства — норку по 1500 р. за кг. Более ценным исходным сырьем считается рыба, но готовая рыбная мука стоит уже 500 рублей килограмм и ее нужно закупать в Мурманске, и чтобы оправдать затраты — оптом, в больших количествах, а именно — не меньше вагона. Денег на это у фабрики нет.

Сейчас ГВК не работает — оборвался ремень. Две недели назад, когда главный энергетик на планерке сообщил, что будут останавливать ГВК и не меньше, чем на неделю, было решено сократить эти сроки до минимума, провести тщательную подготовительную работу до остановки, и тогда для замены ремня хватит двух суток. И вот неделю ГВК стоит и сколько еще стоять будет — неизвестно, потому что старый ремень уже сняли, а новый еще не достали, так как в наличии его просто нет. Последствия простоя таковы: во-первых, птица не получает необходимых добавок, во-вторых, простаивают рабочие ГВК, и в-третьих, на территории фабрики разрастается очаг инфекции. Дело в том, что дополнительных помещений у ГВК нет, все, что поступает, сразу же отправляется в производство. Теперь тушки птицы складываются прямо у дороги. Зверосовхоз тоже не может оставлять у себя тушки норки, поскольку ему их негде хранить. В итоге каждый день около ГВК растет гора из этих отходов, которая издает отвратительный запах, кругом стоят лужи крови, вытекающей прямо на дорогу. Крысы разносят отходы по всей территории. Странно, что на планерках никто этот вопрос не поднимал.

Яйцесклад представляет собой относительно небольшое помещение. В связи с плохой реализацией яйца в последние дни склад почти полностью заставлен готовой продукцией. Еще одна проблема, вызванная той же причиной — нехватка картонных прокладок, вследствие чего птичницы в цехах раскладывают яйцо в специальные ячейки, а уже на яйцескладе, по мере освобождения картонных прокладок яйцо поштучно перекалывают. Завскладом и рабочие выражают недовольство по поводу того, что птичницы плохо сортируют яйцо. Я уже отмечала выше, что сортировка в обязанности птичницы не входит, а является непосредственным делом рабочих яйцесклада. Таким образом, они недовольны сами собой, но пытаются всю вину свалить на птичниц. Распределение рабочих яйцесклада по цехам должно осуществляться завскладом. Ее аргумент прост: у меня нет рабочих — кто-то болеет, кто-то в декрете, а кто-то не вышел по непонятным причинам. По сло-

вам зоотехника, такой «невыход» в последнее время стал обычным делом и способов борьбы с этим пока не найдено.

На фабрике нет холодильных установок, рабочие утверждают, что они и не требуются. Правда, максимально допустимый срок хранения яйца в этом помещении мне никто и не назвал. Это странно, тем более что значительная часть поступающего яйца проходит через моечно-сортировочную машину. Мойке подлежит яйцо средней степени загрязненности. Степень загрязненности зависит от чистоты в цехах. Если птичницы регулярно не чистятся, доля загрязненного яйца возрастает. Часть яйца сильно загрязнено и не подлежит мойке: оно идет на яичный порошок.

Последним я посетила забойный цех, примыкающий к ветблоку. Сюда поступает, главным образом, слабая и заболевшая птица. Работают здесь женщины. Главное орудие труда — топор. Доставляемая в ящиках птица имеет полуживой или вовсе неживой вид. Пока одна из несчастных подвергается экзекуции, остальные созерцают это и терпеливо ожидают своего часа. Женщина отрубает голову птице на плахе топором, но поскольку требуется определенная сила, это у нее не всегда получается с одного удара. Кругом стоят лужи крови. Затем птицу бросают в котел с кипящей водой для того, чтобы легче было ее ошипать. В клубах пара видно, как некоторые обезглавленные птицы еще пытаются взлететь над котлом. Потом женщины, стоя в сапогах в воде, смешанной с кровью, окатывают из шлангов птицу на специальных решетках и... продукт готов к реализации. Товар, как говорят, расходуется очень быстро. В этот интерьер благополучно вписывается столик с шампанским, водкой и закуской. Женщины по очереди оставляют рабочее место у котла или плиты и присаживаются к столу.

(Л. А. Таланина)

Обыденные и научные представления о наблюдениях

Общеизвестным фактом является то, что восприятие человека в значительной степени избирательно. Глядя на одни и те же события и ситуации, разные люди увидят и совершенно различные вещи. То, что именно они увидят, будет зависеть от их интересов, пристрастий, образования и опыта. Именно наша культура говорит нам, что мы должны увидеть, и процесс социализации, через который человек проходит еще в раннем детстве подсказывает нам, как следует смотреть на мир. Наша система ценностей говорит нам, как интерпретировать то, что проходит перед нашими глазами. Но как в таком случае можно доверять данным, полученным в результате наблюдения?

В ходе многочисленных исследований и экспериментов, посвященных механизмам восприятия, было документально доказано, что результаты наблюдений могут оказаться совершенно неадекватными. Эти исследования посеяли сомнения относительно валидности и надежности наблюдения как главного метода научного исследования. Вместе с тем, при обобщении результатов экспериментов, как и полумористических историй о неточных наблюдениях, обычно допускались две главные ошибки: испытуемые не имели специальной социологической подготовки; они не были готовы к тому, чтобы вести наблюдения в данный момент времени. Итак, научное исследование, использующее методы наблюдения, требует тщательной тренировки и длительной подготовки.

Тот факт, что органы чувств данного человека функционируют нормально, вовсе не делает его квалифицированным наблюдателем. Но, с другой стороны, то, что люди воспринимают те или иные ситуации по-разному, совсем не означает, что тренированные и подготовленные наблюдатели не могут получать точные, валидные и надежные результаты, основываясь на своих наблюдениях.

Тренировка включает в себя изучение того, как составлять описания; практику в дисциплинированном ведении полевых записей; навык отделения деталей от мелочей; наконец, использование точных методов для проверки результатов наблюдения. Задача превращения исследователей в проницательных и квалифицированных наблюдателей особенно трудна потому, что большинство из нас и так считает себя отличными наблюдателями, которым практически нечему учиться. Тем не менее такое отношение к делу можно назвать слишком самонадеянным. Наблюдение требует тренировки, практики и подготовки в не меньшей степени, чем любая другая сложная деятельность.

Тщательная подготовка к наблюдению имеет столь же важное значение, как тренировка. Эта подготовка имеет ментальные, физические, интеллектуальные и психологические аспекты. По выражению Пастера, «в области наблюдения шансов на успех больше у подготовленного ума». Систематическое наблюдение не может начинаться спонтанно, «с места в карьер», точно так же, как чемпион мира в беге на сто метров не сможет повторить свой рекорд во время прогулки по парку, когда его приятелю вздумается пустить секундомер. В первую очередь, следует научиться концентрировать свое внимание и «включать» все свои органы чувств во время наблюдения. Впрочем, точно также действуют спортсмены, художники, музыканты, танцоры, инженеры. Исследователи вряд ли являются здесь исключением.

Ценность наблюдения

Цель наблюдения — описать условия, деятельность, людей, которые в ней участвуют и значение того, что наблюдалось. Описания должны быть верными, точными и полными, но не перегруженными не относящимися к делу мелочами. Основным критерий, которым следует руководствоваться в оценке результатов таков: в какой мере данное наблюдение позволяет читателю войти в описываемую ситуацию и понять ее. Методы, с помощью которых собирают такого рода данные, называют по-разному: включенное наблюдение, полевое наблюдение, качественное наблюдение, прямое наблюдение или полевое исследование, но цель их одна — качественный анализ избранного объекта исследования.

Прямой визуальный контакт имеет несколько преимуществ. Во-первых, с его помощью можно лучше понять условия, контекст, в которых протекают события. Во-вторых, опыт, полученный из первых рук, помогает исследователю быть более гибким, открытым новому и более «индуктивным» в своих выводах. Наблюдатель может меньше полагаться на предвзятые интерпретации исследовательской проблемы вне зависимости от того, дана она в письменной или устной форме. В-третьих, наблюдатель получает возможность видеть вещи настолько обыденные для тех, кого он наблюдает, что они становятся как бы невидимыми, прозрачными. Поскольку во всех социальных системах много рутины, участники событий не замечают важнейших нюансов, доступных только постороннему и всегда несколько отстраненному от этой рутины наблюдателю. Четвертое преимущество прямого наблюдения в том, что наблюдатель может узнать многое о том, чего не хотят говорить респонденты во время интервью. Интервьюер, несмотря на все свои старания, может и не добиться результата, особенно если он пытается получить информацию по чувствительным (чувствительным) для своих собеседников темам. Кроме того, у респондента может не оказаться достаточно лексических средств для того, чтобы описать все, происходящее с ним. Он может оказаться также в плену своего привычного восприятия и будет пропускать многие вещи, представляющие для исследователя особый интерес. Во всех этих случаях наблюдение — единственный способ получить информацию, которая в иных случаях оказывается недоступной.

Методы наблюдения

Исследование, основанное на наблюдении, не является одномоментным актом. Решение использовать наблюдение для сбора инфор-

мации — это только первый шаг в процессе принятия решения, который включает большое число вариантов и возможностей.

Решения, касающиеся выбора наиболее подходящих методов наблюдения, основаны на совершенно иных критериях, чем решения по поводу проведения самого социологического исследования. Эти различия проистекают из природы прикладного исследования.

Роль наблюдателя: участник или посторонний?

Первый и наиболее важный вопрос, позволяющий дифференцировать стратегии наблюдения, касается степени, в которой наблюдатель должен участвовать в изучаемом процессе. Выбор между участием и наблюдением «со стороны» — далеко не простое дело. Степень участия — это, скорее, непрерывная шкала, одним полюсом которой является полное погружение в наблюдаемое явление, а другим — роль отстраненного зрителя. Между этими двумя крайностями находится большое количество смешанных альтернатив. Степень участия может меняться в зависимости от стадии исследования. В некоторых случаях исследователь может начать с роли постороннего, а позднее стать участником. В других — можно сразу же начать наблюдение в качестве непосредственного участника, а потом постепенно сокращать свое вмешательство и в конце концов перейти к роли «чистого» наблюдателя.

Антропологическая традиция справедливо настаивает на том, что включенное наблюдение представляет собой комплексную полевую стратегию, в которой к прямому участию и наблюдению добавляется анализ документов и интервью с респондентами. Только так наблюдатель полностью вовлечен в тот процесс, который он изучает и в то же время пытается понять его с помощью личного опыта, наблюдений и неформальных бесед с другими участниками.

Во включенном наблюдении исследователь знакомится с жизнью тех, кого он изучает, так близко, как это только возможно. Цель такого участия — сформировать более полное мнение о том, что происходит. Для того чтобы лучше понять происходящее, наблюдатель должен учиться — в той степени, в которой это только возможно — думать, смотреть, чувствовать и иногда действовать как представитель чужой группы или культуры, оставаясь, тем не менее, самим собой. В самом общем виде задача исследователя — комбинировать участие и наблюдение так, чтобы понимать происходящее на уровне участника и в то же время сохранить способность составить описание как сторонний наблюдатель.

Степень участия наблюдателя зависит от природы того, что он изучает, и множества демографических, социальных и политических факторов. Наблюдатель не сможет, скажем, стать ребенком, но может принимать участие в детских играх в качестве воспитателя. Наблюдатель вряд ли сможет «стать своим» в закрытых элитарных клубах, но может выполнять обязанности обслуживающего персонала и т. д. В любом случае он должен быть гибким, активным и не терять способности контактировать с другими участниками, не нарушая правил и норм данного сообщества.

Распространенная точка зрения гласит, что лучших результатов можно достигнуть только при полном участии, все остальные стратегии являются суррогатными и не позволяют получить информацию в полном объеме. Такую позицию следует признать заблуждением. На самом деле прямой корреляции между степенью участия и качеством собранной информации не существует. Факторы, которые способны повлиять на качество информации будут рассмотрены подробно в следующих разделах.

Явное и скрытое наблюдение

Главное ограничение валидности и надежности данных наблюдения касается того эффекта, который оказывает наблюдатель на свое «поле». Очевидно, что люди могут вести себя иначе, чем обычно, когда знают о том, что за ними наблюдают. На основании этого часто делается вывод, что скрытое наблюдение позволяет лучше понять происходящее, чем явное, когда объекты наблюдения знают о том, что подвергаются «слежке».

Существует целый спектр мнений относительно этичности и морального оправдания скрытого наблюдения. Некоторые считают, что скрытое наблюдение за поведением людей, то есть «подглядывание» за ними без их согласия, совершенно недопустимо и аморально. На другом конце этой шкалы находится мнение, исходящее из конфликтной модели общества, согласно которому все методы скрытого наблюдения можно считать приемлемыми и необходимыми для поиска истины, поскольку желание скрывать от других свои действия и лгать ради своих интересов органично присуще человеческой природе.

Обычно на полевой стадии исследования решение о том, в какой степени наблюдение будет скрытым, принимается только в интересах поиска истины. Ответственность за методы, которые используются для ее поиска, несет обычно организатор исследования. Он может сообщать о присутствии наблюдателя тем или иным лицам. Впрочем, этот

процесс оповещения может выйти из-под его контроля и он уже сам точно не сможет ответить на вопрос о том, кто знает о присутствии наблюдателя, а кто — нет. Часто возникает классическая ситуация «потемкинской деревни», когда все участники знают о присутствии наблюдателя, но делают вид, что не догадываются об этом. Попытка скрыть присутствие наблюдателя может оказаться безнадежным делом: заставит сомневаться в его добрых намерениях и только осложнит работу или сделает ее вообще невозможной.

Следовательно, в большинстве случаев можно рекомендовать полную открытость. Люди в действительности редко обманываются или успокаиваются ложными или полуправдивыми объяснениями. Попытка схитрить слишком рискованна и ведет к дополнительному психологическому напряжению исследователя, который постоянно будет бояться разоблачения. Следует помнить, что исследователя в первую очередь оценивают в соответствии с его личными, а не профессиональными качествами, а лживость и неискренность могут заметно ухудшить его положение.

С вопросом о степени открытости связана проблема конфиденциальности. Защитники скрытого наблюдения вынуждены исключать из исследовательских отчетов имена, сведения о точном местоположении и другую важную информацию, которая помогла бы идентифицировать личность наблюдаемых, чтобы те были бы защищены от возможных преследований или наказаний. В ряде случаев это снижает ценность результатов, и именно поэтому открытое наблюдение может иметь преимущество.

Продолжительность наблюдения

Другой важной характеристикой наблюдения является его временная продолжительность. В антропологии, например, принято считать, что наблюдатель, если он хочет по-настоящему изучить чужую культуру, должен провести в поле не менее полугода, а часто и несколько лет. Тем не менее социальные исследования, посвященные практическим вопросам, не могут длиться так долго. Для того чтобы информация была полезной, ее следует собирать и обрабатывать достаточно быстро, иногда в течение всего нескольких дней. Кроме того, длительные исследования требуют больших ресурсов. Таким образом, продолжительность наблюдения будет зависеть от времени и ресурсов, которые находятся в распоряжении исследователя, а также, разумеется, от цели и задач исследования.

Фокусировка наблюдения

В предыдущих трех разделах мы обсуждали такие характеристики наблюдения как особенность роли исследователя и уровень его открытости, продолжительность наблюдения. Но важнейшим фактором, влияющим на эти характеристики, является степень сфокусированности исследования. Наблюдение может быть широким, охватывающим, например, все аспекты жизни людских общностей, и узким, ориентирующимся только на отдельные сюжеты.

Этнографическая традиция подчеркивает важность исследования всей культурной системы в целом. Различные подсистемы общества, которые кажутся автономными — как, например, экономика, политическая система, кровнородственные узы, — можно понять только в их взаимном отношении друг к другу. На самом деле наблюдения и полевая работа в целом ориентированы скорее на определенную часть общественной системы, в большей степени интересующую исследователя, и значительная часть времени уделяется тем аспектам, которые исследователь считает более важными, например, религиозным верованиям, социализации или распределению власти. И вновь, пытаясь организовать наблюдение, мы столкнемся с дефицитом ресурсов, который заставляет сужать точку зрения на изучаемый объект.

Что наблюдать

Невозможно наблюдать все без исключения. Наблюдатель — не видеокамера, но даже видеокамеру необходимо повернуть в нужном направлении для того, чтобы зафиксировать происходящее. И наблюдатель, и камера должны быть сфокусированы. В полевой работе эта фокусировка обеспечивается планированием исследования и поставленными вопросами. Тем не менее в поле наблюдатель должен организовать свой опыт по восприятию сложной реальности так, чтобы наблюдение стало управляемым. Для того чтобы лучше сориентировать полевую работу, опытные наблюдатели часто используют базовую конструкцию, опираясь на которую они пытаются высветить важность определенных событий, типов деятельности и поведения. Это могут быть родственные связи, социализация, власть или любые другие концепты, которые подсказывают, что именно следует наблюдать, где, с какой периодичностью, в каких условиях.

Использование концептов вновь обращает наше внимание на тот факт, что наблюдатель не может войти в поле, полностью очистив свое сознание от предвзятых мнений и предположений. Хотя индуктивная природа качественных исследований подчеркивает важность откры-

тости тому, что можно увидеть в поле, некоторые усилия по организации восприятия сложной реальности совершенно необходимы.

Физические условия

Наблюдение может начинаться с восприятия условий, в которых происходят важные для исследования социальные процессы. Описание условий должно быть достаточно детальным для того, чтобы читатель мог их представить себе визуально. Разумеется, исследователь не должен пытаться соперничать с профессиональными литераторами. Если разделить все прилагательные на две большие группы: интерпретаторы и дескрипторы, то к первой можно будет отнести такие прилагательные как «прекрасный», «отличный», «уютный», «хороший», «умный», а ко второй — прилагательные, описывающие цвет, размер и предназначение предметов. Общее правило заключается в том, что исследователь должен ограничить употребление прилагательных-интерпретаторов и, где это только возможно, употреблять прилагательные-дескрипторы. Из этого общего правила есть одно важное исключение: оно не действует в том случае, если речь идет о собственных словах респондента и исследователь хочет сохранить их в виде цитаты.

Хорошей тренировкой в составлении описаний может стать составление пробных набросков и проверка их качества и эффективности на постороннем слушателе или читателе. Искусство составления описаний заключается в том, чтобы читателю не приходилось самому догадываться о том, что наблюдатель имел в виду, но, наоборот, получать всю необходимую информацию из описания. Например, «переполненная людьми комната» является типичным примером использования определения-интерпретатора и мало о чем говорит читателю. Что значит «переполненная людьми»? Сколько именно человек было в комнате, что наблюдатель понимает под словом «переполненная» и т. д.? Поэтому наблюдатель должен постараться дать более подробное и однозначно воспринимаемое описание, например: «Вдоль одной стены в комнате стоял трехместный диван, вдоль другой — три стула. Всего в комнате находилось 20 человек, но не оставалось свободного места даже для того, чтобы пройти из одного конца комнаты в другой. Несколько человек, беседуя друг с другом, согласились в том, что комната переполнена людьми и следовало бы поискать другое, более свободное помещение». Описание условий может быть важным для понимания происходящего. Площадь помещения, степень использования пространства, освещение, количество человек и их реакция на эти условия могут оказаться важной информацией. Обычно наблюдатель скло-

нен считать эти условия сами собой разумеющимися и ограничивается в своих описаниях только существительными «цех», «ферма», «школа», что является ошибкой. Совершенно ясно, что и цеха, и фермы, и школы могут различаться между собой по внешнему виду, оборудованию, расположению, размерам, времени постройки. То же самое касается любых условий, в которых действуют люди и которые оказывают заметное влияние на их поведение.

Социальные условия

Социальные условия могут так же сильно отличаться друг от друга, как и физические. Принятые правила взаимодействия между людьми и действующие нормы социального контроля способны резко изменить их поведение.

Описывая социальные условия, наблюдатель следит за тем, как люди объединяются в группы. Модели взаимодействия, частота контактов, направление коммуникационных связей и их изменения многое могут сказать о социальных условиях. Особенно важна детальная характеристика самих людей. Учет демографических, профессиональных, расовых различий позволяет наблюдателю более подробно охарактеризовать социальную экологию той среды, в которой происходят исследуемые процессы. Чрезвычайно важная тема — порядок принятия решений. Кто их принимает, какими соображениями руководствуется, какова степень открытости этой процедуры, как решения доводятся до исполнителей?

Как и в случае физических условий, чрезвычайно важно, чтобы наблюдатель проводил различие между тем, что происходило, и мнениями об этом участников событий. Описания наблюдателя и участников могут сильно отличаться друг от друга. Кроме того, маловероятно, что все участники будут описывать события одинаково. В любом случае чрезвычайно важно, чтобы наблюдатель оформлял мнения участников в виде цитат, указывая, кому именно они принадлежат. Это поможет отделить описание наблюдателя от слов участников.

Формальные взаимодействия

В описании формальных социальных процессов удобнее всего оперировать категориями элементарных или единичных событий, которые имеют начало, кульминацию и завершение. Это внимание к временной последовательности фаз или стадий может помочь в придании наблюдению более стройного, логичного характера. Кто выступил инициатором события, кто присутствовал с самого начала, что было ска-

зано участниками, как они реагировали на эти слова, что чувствовали при этом, каким образом менялось их поведение или отношение к событию? Наконец, что послужило знаком окончания события, кто присутствовал при этом, что было сказано, как участники реагировали на окончание процесса? Что может являться элементарными событиями? Это может быть собрание, визит, деловая встреча. Ответ на этот вопрос требует способности к обобщению и конкретизации, и сам акт их выделения вполне можно считать началом анализа.

Для того чтобы понять, что происходит, исследователь не может ограничиваться изучением лишь формальных, запланированных действий, несмотря на всю важность наблюдения за ними.

Неформальные взаимодействия и незапланированные действия

Если наблюдатель собирается выполнять свои обязанности только во время запланированных, формальных действий, он рискует пропустить значительную часть необходимой для него информации. Организовать наблюдение в ходе неформального взаимодействия и незапланированной деятельности особенно трудно, поскольку поведение людей кажется непредсказуемым и хаотичным. Это обстоятельство делает открытость всему новому особенно важной. Независимо от степени понимания происходящего, необходимо продолжать фиксировать то, что участники событий делают и, в особенности, говорят друг другу. Именно в это время они обмениваются взглядами и выражают свое собственное, а не ритуальное мнение о происходящем. Иногда достаточно просто слушать, иногда лучше провести интервью с одним человеком или с группой в целом.

Полезно помнить, что наблюдателю следует фиксировать все, что происходит. Ценность информации может меняться, но окончательную оценку того, что является действительно важным, а что — информационным «шумом», лучше всего отложить до стадии анализа.

Вербальные коммуникации

В антропологии принято считать аксиомой, что иную культуру нельзя понять, не зная языка, на котором говорят носители этой культуры. Язык — это способ организовать мир. Те вещи, для которых люди используют специальные слова, многое скажут о том, что важно для данной культуры. Художник знает несколько десятков слов, которые описывают различные тона красного и разные виды кистей, специалист по работе с умственно отсталыми детьми располагает множеством

терминов, которые позволяют описать их состояние, а эскимосы пользуются не меньшим количеством слов для обозначения разных видов снега. Следовательно, важная задача наблюдателя состоит в изучение того языка, на котором разговаривают наблюдаемые. Это изучение подразумевает не только знание буквального значения слов, но также их редко употребляемые и дополнительные значения. В своих полевых заметках наблюдатель должен использовать в точности тот же язык, который используют участники. Это придает описанию большую точность, лучше передает атмосферу событий и позволяет записать то, как участники воспринимают свой опыт и вообще смотрят на вещи. Для того чтобы помочь читателю, следует составить подробный словарь арго или сленга и дать в нем необходимые комментарии и истолкование всех специфических слов, терминов и выражений, которые встречаются в полевых материалах.

Невербальные коммуникации

При фиксации языка участников не менее важно обратить внимание на невербальные формы коммуникации: как одеты люди, как они выражают свои чувства, приветствуют друг друга, прощаются, двигаются и жестикулируют. Иногда уместно спросить людей об их собственном невербальном поведении или попросить их прокомментировать то, как они реагируют на невербальное поведение других.

Зачем фиксировать то, чего не происходит

Предыдущие разделы были посвящены тому, что можно наблюдать в поле: что люди говорят, как они поступают, как взаимодействуют друг с другом, в каких физических и социальных условиях — все это важно для всестороннего подхода к полевой работе. Но не менее важно фиксировать то, чего не происходит. Наблюдение того, что не происходит, может показаться рискованным предприятием, поскольку вынуждает наблюдателя рассуждать на тему «что могло бы быть, если...».

Тем не менее есть два главных условия, когда фиксация того, что не происходит, может явиться обязательной. Во-первых, в том случае, когда цели участников не достигнуты или их предположения и ожидания не оправдались, исследователь должен отметить это в своем отчете. Второе условие заключается в том, чтобы заметить отсутствие какой-либо деятельности или фактора. Установить это отсутствие можно, только обладая определенным опытом и здравым смыслом. Суждения о примечательном отсутствии недостающего звена могут оказаться самым влажным вкладом в изучение того или иного явления. В зна-

менитом рассказе «Серебряный» Артура Конан Дойла инспектор Грегори спрашивает у Шерлока Холмса:

— Есть еще какие-то вещи, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?

— На лай собаки в ночь преступления.

— Собаки? Но она не лаяла!

— Это-то и странно, — сказал Холмс.

Во многих случаях наблюдение, касающееся «примечательного отсутствия», является всего лишь переформулировкой того, что, тем не менее, произошло. Это переформулировка способна привлечь внимание исследователей в значительно большей степени, чем первоначальное наблюдение. Например, если наблюдатель зафиксировал, что в состав властной элиты входят только близкие родственники или выпускники одного вуза, он может переформулировать это наблюдение и задать себе вопрос, почему элита в такой степени гомогенна и почему в ее составе нет представителей других социальных слоев.

Работа в поле: сбор данных

Предположим, что цель исследования ясна, задачи поставлены и методы наблюдения сочтены подходящими для сбора данных. Это значит, что наступает следующая стадия полевой работы — стадия ведение полевых записей.

Ведение полевых записей

Процедура ведения полевых записей имеет несколько характеристик: какой тип записей используется, время и место ведения, система условных обозначений, которую применяет наблюдатель, способ хранения полевых заметок. Общее описание процедур ведения полевых записей дать трудно, поскольку организация этой работы в значительной мере является вопросом персонального стиля и привычек. Главное здесь то, что полевые записи должны вестись обязательно! Полевые заметки являются *raison de etre* исследователя, «оправданием его существования». Это наиболее важный источник данных для последующего качественного анализа. Если исследователь не собирается вести никаких записей, ему вообще незачем выходить в поле.

Полевые заметки содержат описание того, что наблюдалось. Они могут содержать все, что, как считает исследователь, представляет ценность. Никогда не следует полагаться на свою память. В тот момент, когда делается запись, возникает искушение считать, что события, поскольку они еще столь свежи в памяти, можно будет легко

вспомнить позднее. Вместе с тем, если это та информация, которая помогает понять объект исследования, ее следует внести в полевые записи так быстро, как только это возможно.

Прежде всего, полевые заметки носят описательный характер. Нужно поставить дату и записывать такую обязательную информацию как, например, место наблюдения, кто присутствовал, как выглядело это место, что именно происходило. Полевые заметки содержат описательную информацию, которая позволяет наблюдателю вернуться к этому материалу позднее во время анализа и в конце концов помочь читателю лучше представить и даже пережить то, что происходило.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих проблему использования общих терминов для описания специфических акций и условий. Например, слова «бедность», «гнев», «непросто» не являются описательными. Скорее, они скрывают то, что происходит, чем обнаруживают детали ситуации. Все эти слова имеют очень мало смысла для человека, который при этом не присутствовал. Более того, использование таких слов в полевых заметках без сопровождающего их детального описания означает, что наблюдатель записывает скорее интерпретации, чем объяснения. Особенно вводят в заблуждение термины, которые имеют смысл лишь в сравнении с чем-либо еще. Ни один навык в полевой работе не имеет больше ценности, чем умение составлять описательные и конкретные записи.

Полевые заметки также содержат то, что люди говорят. В них должны быть включены прямые цитаты или их пересказ, как можно более близкий к тексту. Эти цитаты содержат как то, что люди говорят во время своих действий, так и то, что они обсуждают во время интервью, формальных и неформальных. Эти цитаты очень важны для понимания того, как люди видят реалии своей жизни, именно они являются ядром большинства этнографических и социологических исследований.

Полевые заметки также содержат собственные чувства наблюдателя, его реакцию на события и размышления о значении того, чему он является свидетелем. Особенно важно не считать, что эти чувства могут быть вновь вызваны просто чтением описаний. Чувства и реакции должны быть записаны в то же самое время, когда они переживаются, пока наблюдатель еще находится в поле. Следует фиксировать характер и интенсивность этих чувств. В натуралистической школе важнейшей частью данных принято считать опыт самого исследователя.

Наконец, полевые заметки включают начала анализа, интерпретации и рабочие гипотезы относительно происходящих событий. Хотя наблюдатель может начинать полевую работу без предварительных

концепций и суждений о явлении, которое наблюдается, он, тем не менее, не может быть просто машиной для ведения записей. В ходе наблюдений и ведения полевых заметок неизбежно приходят на ум идеи и суждения. Дело не в том, чтобы садиться как можно раньше за письменный стол и пытаться проводить анализ первых дней в поле. Природа нашего интеллекта проявляется скорее в том, что идеи о значениях, причинах и следствиях, которые мы мысленно вырабатываем, неизбежно должны найти себе выход. Их следует записывать одновременно с записью происходящего. Не следует надеяться, что интересные идеи и мысли — в том случае, если они кажутся важными — удастся вспомнить позднее. Главное требование и здесь заключается в том, чтобы суждения отделялись от самих описаний. Для их выделения можно использовать скобки, звездочки, кавычки, цветные чернила.

Можно ли вести записи открыто? Ответ на этот вопрос зависит от роли и целей интервьюера, так же как и от того, на какой стадии находится наблюдение. Если исследователь открыто выступает в роли внешнего наблюдателя, участники могут ожидать, что он будет вести записи. Но в том случае, если планируется длительное наблюдение, его первая стадия может быть посвящена проблеме организации доступа и более четкому определению той роли, которую играет наблюдатель. В таком случае с ведением записей можно какое-то время подождать и приступить к их открытому ведению только тогда, когда наблюдатель будет полностью принят группой.

Таким образом, наблюдатель должен быть настоящим стратегом и решать проблему ведения записей таким образом, чтобы и выполнить работу и не повлиять на ее итоги своим присутствием или наблюдением. Учитывая все ограничения, можно все-таки сделать вывод, что лучше всего записывать свои наблюдения, мысли и слова людей немедленно или так быстро, насколько это только возможно. Другое эмпирическое правило гласит, что необходимо тратить на ведение записей по крайней мере столько же времени, как и непосредственно на наблюдение.

Из полевых дневников

Полевой дневник является важным рабочим инструментом качественного социологического исследования. Как правило, исследователь сам определяет роль и значение полевого дневника в своей работе. Для одних он является регистрационным журналом наблюдений, где подробно описываются все события за день, для других — это своего рода «записки путешественника», где впечатления от прожитого

дня соседствуют с абстрактными рассуждениями. Полевой дневник может выполнять функцию личного собеседника, которому исследователь в случае, когда он оторван от привычного круга общения, доверяет свои мысли и переживания. Некоторые исследователи ограничивают роль полевого дневника функциями ежедневника, где вносят записи о текущих планах и их реализации в соответствии с задачами исследования.

Это разнообразие в формах и содержании записей полевых исследователей, применяющих качественные методы исследования в своей работе, связано с отсутствием жесткой формализации этапов исследования, спецификой целей и задач научной работы, индивидуальностью самого исследователя и технической оснащенностью и длительностью экспедиции. Например, если записи бесед ведутся на диктофон, а наблюдения осуществляются с помощью видеосъемки, то в полевом дневнике меньше записей о содержании беседы или наблюдения, а больше комментариев к ним. Чем дольше исследователь находится в поле, в отрыве от своего привычного образа жизни, тем больше в дневнике появляется исповедальных сюжетов, тем чаще он носит личный характер.

Не подвергая сомнению право каждого исследователя на выбор способа ведения полевого дневника, авторы хотели бы обратить внимание на некоторые разделы полевого исследования, где использование полевого дневника особенно полезно:

1. Совершенствование методики исследования. Поскольку в качественном исследовании методика создается и развивается по ходу исследования, то дневниковые записи о «поведении» инструментария исследования очень полезны. Особенно нужны заметки об удачных и неудачных темах интервью и отдельных вопросах, где анализируются причины успеха или провала исследователя. В качестве примера можно привести выдержки из неопубликованного полевого дневника автора этой главы, поведившего интервью с использованием переводного вопросника о разделении ролей в семье в одном из российских сел во время участия в международном гендерном исследовании:

«...прямой перевод с английского на русский (вопросника для исследования брачных отношений. — Прим. авт.) в сельской местности вызывает в ряде случаев недоумение крестьян, что вынуждает интервьюера переводить с «русского на русский», т. е. давать свою интерпретацию вопроса, что в общем считается нарушением «чистоты эксперимента», так как другой интервьюер мог этот вопрос разъяснить по-своему. Так, в ответ на разъяснение интервьюера по

вопросу: «Когда между вами нет согласия.... Как часто вы ищете приемлемого для вас обоих компромисса?», — респондентка заявила, что никакого компромисса они не ищут, а «просто мирятся и все, без всякого компромисса».

Конечно, пилотаж полевого инструментария частично сглаживает наиболее анекдотичные недоразумения, но проблема остается. Однако, на мой взгляд, именно вопросы, звучащие «не по-русски» (по смыслу и по построению) вызвали наиболее интересную реакцию, которая высвечивает разницу в семейных отношениях между культурами разных стран, между городом и селом.

Именно непонимание смысла вопроса сельским респондентом особенно наглядно демонстрирует специфику восприятия брачных отношений в селе. Например, важность соответствия гендерным ролям в сельских семьях признается только в отношении заработка мужа, который должен приносить в семью доход больше, чем жена. Другие вопросы о важности «справляться лучше, чем супруг(а) с ведением домашнего хозяйства (воспитанием детей, ремонтом дома, заботой о родителях и т. п.)» вызвали недоумение или стандартный ответ, «не важно, кто лучше, лишь бы что-то делал(а)». Видимо, наши респонденты находятся пока вдалеке от проблем внутрисемейного соревнования.

Вызывал затруднения у респондентов вопрос о способе выхода из конфликта между супругами через проговаривание причины ссоры («как часто садитесь и говорите о проблеме до ее полного разрешения»). Очевидно, в большинстве сельских семей супруги после ссоры не выясняют отношения, а ждут, «когда уляжется само собой» или «утро вечера мудренее», «спать ляжем — видно будет» и т. п.

«Обращает на себя внимание некоторое раздражение респондентов на обилие вопросов о восприятии разделения труда в семье. Здесь сказывается традиционное разделение труда в сельских семьях, где работа по дому лежит в основном на женщине. Возможно, что цикличность сельскохозяйственных работ определяет очень низкую конфликтность в сельской семье из-за иного распределения обязанностей в семье по сравнению с городской семьей. Условно говоря, пребывание мужчины на печи от уборочной до сева воспринимается женщинами достаточно лояльно. Конечно, у крестьянина есть работа круглый год на своем подворье, но энергосберегающий режим жизни зимой, возможно, является необходимым условием для эффективной работы «от зари до зари» в страду. Поэтому многочисленные вопросы на эту тему воспринимались как «городские», чуждые сельскому образу жизни».

Здесь автор дневника перечисляет недостатки методики, анализирует причины затруднений респондентов во время интервью, показывает, что непонятные вопросы в данном случае могут выступать индикатором различий между культурами.

2. Интерпретация и анализ информации. Дневниковые записи могут помочь восстановить контекст беседы, первые впечатления исследователя добавляют важные детали для интерпретации и анализа информации.

3. Инструмент рефлексии исследователя. В качественном исследовании особое значение имеет не только полное и глубокое понимание исследователем содержания информации, полученной от респондента, как результат его рефлексии по поводу того или иного события, которым интересуется исследователь, но и понимание особенности восприятия этой информации исследователем.

Характер рефлексии самого исследователя может передать полевой дневник, если исследователь достаточно подробно описывает свои впечатления от встречи. Пример из дневника полевого исследователя показывает, как меняется его восприятие респондента, «навешиваются и снимаются ярлыки», меняется позиция исследователя во время встреч с респондентом и оценка его личности (приводится с сокращениями):

«16 января 1990. Среда.

Ходили к трактористу Зайцеву Петру в Новый поселок. Он собрался стать фермером. Беседовали 3 часа. Собирается сначала землю лечить лесом. Сосну хочет посадить, чтобы сорняки заглушить. Никогда об этом не слышал. Но говорит убежденно, эмоционально, ярко, глаза горят. Прямо воплощенный крестьянский дух, если судить по его высказываниям. Возвращался в приподнятом настроении, если такие люди в селе еще есть, значит будут и фермеры, и будущее есть у села и...

Договорились на завтра к 10 часам.

17 января.

Ходил к Зайцеву. Он смотрел ТВ. Сели делать бюджет семьи. А по телевизору «Спрут-4». Он одним глазом в бумагу, а другим в телевизор. Работали так полчаса, потом завелся разговор о налогах и власти. В голове у него каша. Государство ему не нужно, налоги платить — тоже. Я пытался объяснить смысл и задачи государства, чем здорово обозлил его. Петр сделал вывод, что я защищаю бюрократов. Ярко выражен эгоизм одиночки. Я нарушил его картину жизни, и мы сильно поспорили. Орали уже на улице, размахивали ру-

ками. Зачем я ввязался в спор, не пойму, ведь хотел просто слушать, а не смог.

18 января.

Договорились встретиться с Петром у правления в 9 часов. Он не пришел. Может быть из-за вчерашнего разговора.

19 января.

Утром пришел Петр с Николаем, его предполагаемым напарником. Разговор шел часа два о земле, о том, как раньше обрабатывали землю. Вышел спор, сможет или нет Петр один обрабатывать 100 га. (три культуры: овес, пшеница, гречиха). Николай рассуждает осторожно и здраво, а Петр нетерпелив и как-то необоснованно убежден, что будет обеспечен ссудой и техникой. У него несколько вариантов и рассчитывает он в одном из них на нас. Начал при нас расчеты, как он управится с севом, начиная с апреля. В мае будет строить сарай на 10 рогаток. В июне ремонтировать списанный комбайн.

Петр — одиночка, все сам. Убежден, что сможет напрямую, натуральным обменом получить все для производства. Резкое неприятие всего государственного.

Видны некоторые варианты становления фермерства.

1. Натуральный. Лошадь и соха. Малые объемы производства, чуть больше, чем необходимо для самообеспечения. Затем постепенное расширение до объемов необходимых для приобретения техники. “Долгий, кружной путь, но дающий полную свободу для человека”.

2. “Необарщина”. Техника взамен отработки на колхоз.

Петр, подозреваю, из колхоза на самом деле уходить не хочет, если технику ему не дадут, он в колхозе возьмет в аренду или за отработку на колхозном поле. А вообще говорят, что Петр больше всего надеется на бутылку. “За нее у нас ему и вспашут и уберут”. Вот тебе и “крестьянский дух”!

Однако почему он у него должен быть? Почему у меня такое раздражение против него? Он не такой, как мне хотелось? А что я ждал от него? Умных рассуждений — они были, да не понравились. Заботу о будущем своих детей? Он что-то говорил, но что-то не то, даже и не вспомню. Я его старался под что-то подогнать, сам не понимая под что. Самое интересное, что в разговоре это заметно только по ожесточенности спора, а если бы я не спорил, то вообще бы многое не услышал. А может, и так не слышал?».

В этом отрывке из дневниковых записей виден постепенный переход от восторженного эмоционального восприятия интервьюером личности респондента, который решил стать фермером. Здесь прояви-

лись личные скрытые ожидания интервьюера на то, что возможно возрождение российского села через фермерство, через вот таких свободлюбивых крестьян, сохранивших «дух» и т. п. В последующих записях видно постепенное нарастание негативных оценок и эмоциональное неприятие такого «фермера». Для исследования важно отделить личное неприятие интервьюером эгоцентризма респондента как несоответствующей черте личности некоторой идеальной модели крестьянина-общинника, имеющейся у интервьюера (хотя тот не отдает себе в этом отчета), от его реального портрета. Дневник дает возможность уточнить идеальную модель, которую исследователь создал в своем воображении и произвольно сравнивает с ней респондента. Автор пытается через вопросы к себе осмыслить перемены в своем восприятии респондента. Это позволит ему в дальнейших встречах быть более объективным и более целенаправленно выяснять несовпадения своего видения фермерского движения с реальным поведением респондента.

Приведем еще один пример полевых записей, сделанных на более поздней стадии полевого цикла. Их можно назвать скорее «преданалитическими». Вместо «отметок в боржурнале» мы видим более развернутые попытки эмоционального и интеллектуального осмысления того, что видел и слышал исследователь.

Из полевых заметок о реальной экономике

«Я собираюсь рассказать все, что я узнал о реальной экономике, полтора года изучая одно-единственное хозяйство. Но для того чтобы сделать изложение некоторых проблем более понятным, я буду обращаться и к своему жизненному опыту. Разумеется, это не будет «отписка» объемом в несколько сотен килобайт (а если — больше или меньше — как это повлияет на «качество»?), — некий обязательный описательный «преданализ», который я должен положить на чей-то там абстрактный стол, после чего будут считать, что я окончательно отчитался за потраченные деньги и время, свое и чужое. Все это вздор. Ведь, в сущности, может быть, мне последний раз представляется возможность поделиться с кем-то своими мыслями и идеями, которые я уже давно вынашиваю. Но мой текст, как кажется, не должен быть и метафизическим объяснением «загадочной русской души», подборкой жалоб на ее «нецивилизованность» и полную неприменимость классического экономического анализа к низменным реалиям современной российской жизни. Вряд ли, впрочем, несмотря на все мои старания, удастся благополучно миновать эти две крайности — ремесленничество и метафизику. Но, тем не менее, я все-таки намерен попытаться ба-

лансировать между ними и не относиться к своему объекту изучения с отстраненным цинизмом (неужели это индикатор подлинного профессионализма в социологии?), но и не заниматься его идеализацией.

Поставим теперь перед собой более конкретную задачу — как же раскрыть подлинное значение собранного нами материала? Каковы его возможности и ограничения? Как найти баланс между исходными диктофонными текстами и тем кругом идей, которые из них потенциально можно вывести? Давайте рассмотрим несколько реальных способов подачи материала.

1. «Путеводитель по музею». Вот самый простой способ. В чем он состоит? Представьте, что мы идем по какому-нибудь музею. Несомненный плюс такого подхода — за 2 часа пролетим от XXVI египетской династии Старого Царства до Эпохи Развитого Социализма. Но что обычно находится в музее и что мы видим там в первую очередь? Разнообразные экспонаты. Вот каменный скребок, нож из обсидиана, угольки от костра инков, скифские украшения, жертвенник из Ассирии, первый ткацкий станок, живописные полотна старых китайских мастеров. Рядом с каждым экспонатом — табличка с названием, дата (год, век, тысячелетие, династия), может быть — краткое описание, имя автора, габариты. Разумеется, все эти предметы не лежат в беспорядке, а сгруппированы по историческим эпохам, периодам, школам. Отлично! Ну и как, помогает это что-нибудь понять о тех далеких эпохах? Очень в этом сомневаюсь. Нужен экскурсовод! Плохой — просто будет читать таблички с названиями экспонатов вслух, а хороший — подробно ответит на те вопросы, которые подсознательно возникают у любого экскурсанта. Вот, например, жертвенник. Но в каких случаях он использовался, а в каких — нет? Кто его использовал? Как звали этих людей? Какое место они занимали в том обществе? Как они передавали друг другу знания о церемониях? Как выглядели эти церемонии? Как они зависели, например, от того, что предстояло, чего боялись или что уже совершили жертвователи — была ли то война, торговля, голод, эпидемия чумы, открытие Пифагором своей знаменитой теоремы? Сама форма, конструкция жертвенника — случайна она или нет? Удобен этот предмет? Традиционен он или, наоборот, современники критиковали его создателей за чрезмерный модернизм? Может быть, эта вещь была заимствована у других народов или передавалась от поколения к поколению, в ходе чего ее полный смысл и истинная сакральность были искажены или утрачены? А может быть это все, что осталось от какой-то вымершей цивилизации, и причины ее гибели крылись именно в том культе, который символизировал этот жер-

твенник. А может быть это неудачное творение подмастерья, над которым долго смеялись и который выкинули на помойку его учителя? А что если это вовсе не жертвенник, а древняя ступа для помола зерна? И прочее, прочее, прочее.

Точно также — и птицефабрика. Нужны экономические показатели — посмотрите годовые отчеты. Там все написано: финансовое состояние, дотации, кредиты, объем продаж, натуральный баланс продукции, размер фонда оплаты труда. Нужен директор — вот, пожалуйста, он перед вами. Умелый и предприимчивый, в этом ему не откажешь, руководитель, по-своему болеющий за дело. Оклад — 500 тысяч, вес — 90 кг. Вот кормовозы, снующие между селом и городским мелькомбинатом. Вот дома птицефабрики, у которых течет крыша. Вот птичники. Вот люди идут на обед, шлепая по грязной дороге. Вот церковь с золотыми куполами. Вот коза, которая пасется в 100 метрах от шоссе, по которому с гулом проносятся финские трейлеры с «видаками» и чипсами. В чем-то даже трогательно. Можно уже и писать заметку под названием «Новь сельской глубинки» или «Сглазили русскую деревню!» — кому как понравится.

Нет, ко всему этому тоже нужен экскурсовод, который не только проведет по селу короткой дорогой и покажет, что посмотреть, где можно попить воды и где — сесть на автобус, идущий обратно в город, но и объяснит роль, подлинный смысл и значение всех этих людей, предметов, жизненных ситуаций.

2. «Учебник езды на автомобиле». Другой возможный способ подачи материала. Он, если так можно выразиться, более функционален и «деловит». В чем задача такого учебника? Быстро и точно объяснить новичкам, как все это работает! Структура этого учебника, пожалуй, во всех странах одинакова: основные сведения об устройстве, работа агрегатов, принцип управления (внутренние ограничители действий или управляющих команд), правила движения (внешние ограничения), техосмотр и обслуживание, основные неполадки и пути их устранения. Этот способ тоже не помешал бы. Взять бы, например, в руки такой учебник для директоров колхозов, глав районных администраций или для крестьян, или для президентов — и почитать. Там было бы про все написано. Как, например, своровать комбикорма для коровы; как выбить кредит из начальства и потом его растащить; как сделать вид, что работаешь в поте лица; как брать взятку и как ее давать; как нанять бандитов и потом отбиться от них, когда они снова придут навязать свои услуги; как продать на рынке свинину и купить ее там по бросовой цене; как «кинуть» банк или как не лишиться денег самому;

как выжить соседа; как подсидеть начальника, чтобы он этого так и не понял; как сфабриковать липовый отчет; как достать денег на выпивку, если их нет, а выпить хочется; как вскопать свой участок за чужой счет; как отобрать землю у человека, который ее считает своей много лет; как часто надо мыть ноги начальнице, чтобы она не лишила тебя права покупать мясо и яйца на фабрике по себестоимости; как построить коттедж под Торонто, не выплачивая своим работникам зарплату за целый год; как обменять ворованное яйцо на запчасти, а запчасти на корма, а корма на дачный участок, а участок — на место сыну в суворовском училище? Но нет таких учебников. И, кстати, неслучайно их нет. Нигде об этом не прочитаешь. Но разве кто-то этого не знает? Это — всем известные истины. Не зная их, или даже имея о них представление, но — смутное, так легко сделать непоправимую ошибку — поломать жизнь себе и своим близким, лишиться всего, что имеешь, скатиться на самое дно. Потом — не обижайся, сам виноват, плохо учился. Или не смог себя преодолеть, проявил бесхарактерность, знал, как надо сделать, но не смог — извини! Есть и подлинные знатоки этой науки, эксперты. О них — тоже ниже. Но свои знания они никогда не оформляют в письменном виде. Ну так исправить этот недостаток — написать про все это эдакий учебник сельской жизни! Как поступать в таких случаях, как — в других, нечто вроде 100 советов электрику-самоучке: например, нет света — проверь предохранители. Мне такой подход больше, пожалуй, нравится, чем сочинять «путеводитель».

3. «Новый Орфиреус»

Достаточны ли предыдущие подходы? Есть ли что-то такое, что все равно проскакивает между пальцев? Есть! Нет ответа на главный вопрос: ПОЧЕМУ ЭТО ТАК? В каких условиях возможна такая «езда» по жизни? Какие культурные, моральные детерминанты она учитывает или эксплуатирует? Чем можно пренебречь, а чем — уже опасно? В чем «второй» и «третий» смысл этих действий и поступков? Как отделить внешний вид вещи от ее сущности? Что кроется за «экспонатами»? Какие меры считать экстренными, сильнодействующими, а какие — слабыми и рассчитанными скорее на эффект плацебо? Как отличить подлинные управляющие рычаги от декоративных ручек, которые приделаны «для красоты». Какие стили езды и конструкции устарели, а какие — только зарождаются? Как развивались эти структуры? Существовали ли какие-то прототипы? Когда разделились тупиковые и магистральные ветви? Как боролись разные течения, как сформировались правила «езды»? Кто был учителем и чему

он мог научить, а чему — нет? Чего больше — подражания, заимствования, оригинальных разработок?

Почему «Новый Орфиреус»? В 1715–1722 годах Петр I вел оживленную переписку с неким немецким доктором Орфиреусом, изобретателем вечного двигателя. Гессель-Кассельский ландграф даже выдал доктору специальное свидетельство о том, что вечный двигатель проработал «с неослабевающей быстротой» два месяца в опечатанной комнате, которая к тому же круглосуточно охранялась гренадерами. Петр I собирался купить это изобретение за чудовищную по тем временам сумму в 100 000 ефимков, но тут изобретатель был разоблачен и только потому, что его брат и служанка отказались, наконец, привести двигатель в действие, дергая из соседней комнаты за веревку, привязанную к оси колеса и скрытую в пустотелой стойке.

Может быть, подавать материал именно так, как описал бы посторонний наблюдатель аппарат Орфиреуса — «снимая» слой за слоем, погружаясь все глубже в глубины скрытого смысла, но и не упуская то, что видно на поверхности? Не только описывая, из каких колес и ремней состоял этот вечный двигатель (чем ограничился бы «музейный» подход), и не только составляя кратко инструкцию для служанки, как надо дергать за веревку, чтобы крутилось колесо (2-й, «автомобильный» подход), а рассматривая полностью весь контекст: историю идеи вечного двигателя, неудачные попытки предшественников, страх перед разоблачением, поиск нужного материала, устройство скрытого механизма, придание аппарату правдоподобности с использованием научных знаний того времени, угрозы в адрес тайных помощников, переговоры с Петром, визиты русских послов, подготовку публичных демонстраций, ученую переписку, локальные кризисы всего этого проекта, которые заставляли уточнять конструкцию, придумывать что-то новое или от чего-то отказываться.

Попробуем пойти именно по этому пути, снимая с нашего объекта слой за слоем, переходя от того, что лежит на поверхности, к глубинам, вглядываясь в которые можно лучше понять прошлое, будущее и настоящее этой страны, а не просто то, что делают 400 человек каждый день с 8 утра до 6 вечера.

Но хватит пока общих рассуждений. В качестве примера применения этого подхода приведем ниже анализ сравнительно короткой беседы с одним из наших респондентов, Ниной Б., которая работает бригадиром сельхоззвена.

«...У нас же многие птичники пустые стоят, можно было бы туда кур пустить, в напольное содержание. А то они, бедные, си-

дят в клетках, перед ними только вода. На пол можно кормушку поставить, и потом, курица когда сама ходит, что-нибудь да найдет, не такая голодная будет, как в клетке. Да на полу и кормить можно и картошкой, и свеклой, этого-то добра у нас хватает. В клетках-то они вообще не кормленные несколько раз оставались. Я помню, у меня отец еще когда работал — они все время картошку запаривали, потом толкли и давали. Все-таки зерна и комбикорма уже не столько требовалось».

Комментарий: Вот один из путей решения проблемы с кормами, самой острой проблемы птицефабрики. Нина Б. предлагает ввести напольное содержание птицы. Но она — всего лишь бригадир сельхоззвена, человек, занимающий не самое видное место в иерархии хозяйства. Ее обязанности ближе к сержантским, чем к офицерским. Она не руководит в полной мере работой звена, а помогает руководить главному агроному. Она должна только организовать людей и заставить их работать, ей не нужно принимать самой решения или посредничать между рабочими и высоким начальством. Это скорее уже забота не бригадира, а главного агронома. И суждения ее — это суждения человека, который хотя и обладает определенным кругозором, по крайней мере, большим, чем у ее подчиненных, но не располагает достаточными знаниями о тех скрытых пружинах реальной экономики, которые есть у начальства. Нам она говорит об этих вещах прежде всего потому, что ее предложения не востребованы, и никто ее, кроме заезжих социологов, слушать не будет. Тем не менее ее предложения отличаются, по крайней мере внешне, здравым смыслом, опираются на опыт старших (отца) и в какой-то степени могли бы помочь решить проблему с кормами. При этом Нина не понимает, что вопрос в другом — для кого-то наличие проблемы с кормами само по себе благо, и решать ее не надо.

«...Уж животноводство могло бы у нас нормально развиваться. Ферма кормами полностью обеспечена: и силос, и сенаж, и сено, и витаминку им дают, и комбикорм, а отдачи гораздо меньше, чем от частных коров. Я даже не знаю, покрывают ли они молоком наши затраты на ферму».

Комментарий: Вот опять — искреннее удивление человека, который не может понять, зачем работает целое подразделение хозяйства, не приносящее никакой прибыли. Но кто сказал, что затраты на ферму должны покрываться? Так может подумать только дилетант или человек, учивший экономику по учебникам Кейнса или Тинбергена. Это вовсе не такая уж неоспоримая истина. Сравнить государственную ферму и частную корову соседки нельзя! Это разные структуры, и

созданы они с разными целями, несмотря на все свое внешнее сходство. Частная корова нужна для того, чтобы уменьшить дефицит денег, снижая денежные затраты семейного бюджета на покупку мяса и молока, увеличивая затраты труда и вовлекая в хозяйственный оборот доступные «бесплатные» ресурсы — в первую очередь, бесплатный труд членов семьи и те корма, которые можно заготовить на своей земле. А вот для чего содержится государственная ферма. Чтобы:

а) Получать с нее дешевую продукцию, которую в противном случае пришлось бы покупать в магазине или производить за свой счет, то есть опять-таки на покупных кормах. В любом случае она обходилась бы гораздо дороже. Почему мясо и молоко так дешевы? Прежде всего потому, что за корма не выплачена их полная реальная стоимость. Не забудьте дотации и компенсации, которые снижают стоимость продукции. Нет продукции — нет и компенсации — реальных живых денег, которые можно перекинуть с одной статьи баланса на другую, обналичить и присвоить непосредственно, купив на них что-нибудь полезное для дома или пригодное для обмена. Отказываться от этих денег с точки зрения специалистов по реальной экономике — неразумно.

б) Иметь дешевую продукцию, которую можно затем перераспределять, как нужно — вот и реальный рычаг давления на всех работников хозяйства — потенциальных потребителей этой продукции. Будешь себя хорошо вести — получишь пять килограммов бесплатного мяса в месяц, съездил один раз на халтуру и не поделился — получишь всего 2 килограмма, а остальное, если тебе нужно, покупай в магазине по 15 тысяч за килограмм, выразил недовольство — лишишься права покупать подешевле на несколько месяцев или вообще готовься к увольнению.

б) Обеспечить разнообразие той продукции, которую можно потребить — не на одних же только яйцах и цыплятах сидеть?!

в) Декоративно-символическая функция — у нас настоящее многопрофильное хозяйство, все как у людей — целая ферма.

г) У нас есть стадо — значит, нужна земля и под пастбище, и под сенокосы, и под выгон, и само место, где расположена ферма, по крайней мере, не пустоует. Ни один частник не смеет теперь подойти и попросить земли, на которой пасется стадо птицефабрики. Об аморальности такой просьбы ясно говорит моральный кодекс, который берет свое начало еще со времен общины: общинные земли — святыня, трогать их, претендовать на них — нельзя. Не будет стада — как доказать, что эту землю хозяйство должно оставить за собой? Сохранено право на землю — вот опять механизм давления на жителей села. На-

конец, земля — это более чем реальная ценность, которую можно опять-таки превратить в деньги или в услуги. Хозяин земли или, точнее, ее распорядитель вполне может разрешить кому-то расширить свой участок за счет пастбища, обменяв землю на деньги, товары, услуги, информацию — это его право, и такое решение общинный моральный кодекс, в основном, не оспаривает (потому что некому его обновить — все эти функции старой общины государство присвоило себе — вот за это и приходится всем платить).

«Моя соседка, старушка, держит корову, я у нее молоко беру, а за это... ну, не за это, раньше-то так просто, а теперь и за это — я ей сено выписываю, когда есть такая возможность. Тяжело ей держать, а с другой стороны, эта корова обеспечивает ее и молоком, и мясом. Каждый год теленка годовалого режет».

Комментарий: А вот и еще одна причина, почему ферма нужна тем, кто на ней работает. Благодаря ферме ее работники потенциально имеют доступ к части тех ресурсов, которые имеют ценность и которые можно реализовать. Здесь процесс повторяется — и основание пирамиды спускается все ниже, вместе с отношениями эксплуатации, господства и подчинения. Все дело в ключевой фразе: «я ей сено выписываю» (на само деле Нина выписывает сено — и имеет право только на это — на свое имя). Но по какой цене оно выписывается? — Бесплатно или за символическую плату. И кто проверяет, сколько конкретно сена было отгружено на сторону, а сколько — пошло на корм государственному скоту? Вес отгруженного сена не проверяется — показательное недоумение Нины по поводу того, что хоть у коров фермы все есть, но надоей меньше, чем у частника. И в самом деле, надоей за 1995 год — всего 1,5 тонны на корову. Конечно, есть и другие причины (плохой уход, коровы запущены, молоко можно вынести с фермы и это значит, что в статистику оно уже не попадет). Это право взять и выписать бесплатно сено — просто скрытая, нематериальная и не денежная часть зарплаты, часть властных полномочий, которая делегируется сверху руководством и которая так легко превращается, например, в свежее «даровое» молоко и мясо. Перед нами — один из реальных каналов взаимодействия государственного и частного сектора, пример своеобразного симбиоза, такого доброкачественного паразитизма тех, кто входит в элитарную «обойму» по отношению к тем, кто к ней не принадлежит.

«Я только поросенка держу, вот надо будет резать скоро, он у меня с марта. Больше, наверное, не буду держать. Ему же надо комбикорма или хлеб, чтобы вырос нормально, а то трудов больше затратишь, чем от него получишь. А комбикорм дорогой стал, мне

с полочки не купить. Это Алла Сергеевна (жена главного инженера) может хоть сколько выписать. Мне если сейчас поросенка брать, ему, пока маленький, надо ячневой крупы мешок покупать, это 70 тыс. А у меня зарплата 240. Да еще и за самого поросенка заплатить надо. На прошлой неделе получила за сентябрь 240, отдала долг 150, пошла в магазин, купила 700 г. масла, 2 пачки стирального порошка, мыло, хлеб, и у меня осталось 25 тысяч».

Комментарий: Вот, пожалуйста — все имеет свои пределы. Оказывается, реальный доступ у Нины есть только к сено, но не к комбикормам. И, значит, комбикорма уже надо покупать за свой счет, а это становится невыгодным при символической зарплате в 240 тысяч рублей. Сена поросенок не ест, и с точки зрения существующей социально-экономической «системы», Нине за ее круг обязанностей вполне хватит и говядины. Вот вам и ограниченность возможностей у среднего специалиста. А вот жена главного инженера (ее статус выше) может себе и поросенка позволить — доступ к комбикорму у нее есть, хотя и здесь, разумеется, существуют свои ограничения. Теперь Б. уже жалуется, как «все» — как прожить на такую зарплату? Все уходит на две-три необходимейшие вещи — хлеб, мыло, стиральный порошок.

«...Раньше мы часть сельхозпродукции обязаны были сдавать государству, а сейчас, уже года 3 — никому не сдаем. Витаминку меняем на зерно. Картошку в прошлом году — 150 тонн — выбросили. Так получилось, что сажали поздно, весна холодная была, а потом передали дурацкую сводку, что будут ранние заморозки, ну мы и стали ее копать по сухой погоде, она, видно, крахмала не набрала, начала быстро портиться. Государство не принимало, продать было некуда, так вся и сгнила. Перебрать да сортировать — себе дороже. Проще было вывезти из хранилища и свалить в кучу. Акт составили, списали».

Комментарий: Ну и что тут такого? Сделали ошибку — рано собрали картофель и испортили 150 тонн. С точки зрения Нины ничего страшного тут не произошло. Но разве эта картошка сажалась для того, чтобы уж так обязательно ее продавать? Ее сажали, чтобы затратить на нее ресурсы — бензин, например. Земля не пустует, в отчетах про картошку написано. Люди при деле. Техника вся ходит. В это время можно той же тракторной «копалкой» у частников накопать — стоит эта услуга сейчас дорого. Не было бы своей картошки — под каким предлогом трактор отремонтируешь легально за государственный счет, заправишь его казенной же соляркой и выведешь в поле? Все, кто мог, уже этой картошки себе домой набрали. С точки зрения фабрики — и

как институции, и как коллектива людей, на ней работающих — на этом работа закончена. Пытаться картошку сортировать, возиться с перевозками, продажей, хранением — все это потребует новых затрат, которые уже нечем будет компенсировать. Да и окупятся ли эти затраты? Тут уже нельзя просто закрыть глаза на то, что трактор куда-то не на то поле в обед поехал. Придется людей дополнительно как-то заинтересовывать, идти на новые уступки. А выгода? Торговать гниющей картошкой, да тем более осенью, когда цены на нее упали — неблагодарная задача. Можно только еще больше расходы увеличить, а компенсировать их выручкой от продажи не удастся. Имитировать тоже надо уметь — до определенного предела, а то можно заиграться и самому поверить в тобой же созданную иллюзию. Сверхоптимизм в таких делах обязательно наказывается.

«... Когда работали агрозвеном на аренде, у меня в зарплате меньше выходило, чем сейчас, так что я довольна, что аренды нет. Отказались от нее, потому что очень трудно учесть и подсчитать, что мы сделали, а что — птицефабрика».

Комментарий: Здесь надо учесть, что сама Нина на аренде не работала, а только как бы обслуживала арендаторов, поэтому у нее доходы и упали по сравнению с рабочими. Сейчас же она сама руководит и получает теперь больше. Но в целом конец многих инноваций, которые идут сверху, закономерен. Долго объясняли экономисты, как выгодна теоретически аренда — и то, что человек начинает относиться к делу как к своему, и считает копейку, и становится хозяином на своей земле. Но аренда — вещь скользкая, правила игры должны быть для всех одинаковы — и для арендатора и для арендодателя. А правила эти оказались разными — и сразу стало ясно, что аренда с этой точки зрения себя не оправдывает. Как только сельхоззвено выделилось из фабрики, оно сразу же отрезало само себя от прежних каналов перераспределения доходов и полномочий.

Вот как это произошло. Оказалось, во-первых, что за все теперь надо платить хозяйству, причем опять-таки живыми деньгами: за землю, за транспорт, за бензин, за семена, за корма. На все эти ресурсы цену хозяйство может назначить разную — и низкую, и высокую. Вот, например, транспорт. Общепринятых амортизационных норм нет. Они обговариваются в договоре аренды. Сколько реально стоит, например, грузовик? Если в договоре брать его рыночную, а не остаточную стоимость, да заложить короткий срок амортизации, да еще официально заставить по цене, близкой к рыночной, ремонтироваться и покупать запчасти, — аренда этого грузовика будет очень и очень дорогой, ля-

жет тяжким бременем на себестоимость и прибылей никаких не будет — и реальных, и тех, которые показаны в отчетах, естественно меньших, чтобы поменьше налог на прибыль платить. Так хозяйство с арендаторами и поступило — не давать же в аренду за просто так. Можно было бы, впрочем, и просто так, если бы, например, был бы там какой-нибудь родственник, который наладил неофициальный компенсационный канал связи с хозяйством. Но такого человека не оказалось. Поэтому зарплата сразу же и упала. Но и хозяйству не очень хорошо. Земли своей как бы уже и нет, люди вышли из-под контроля, продукцией распоряжаться по собственному усмотрению нельзя — это право как бы перешло к другим, но и те воспользоваться им в полной мере не могут. Плохо обеим сторонам.

Во-вторых, трудность в учете того, что сделала фабрика, а что — арендное звено, о которой говорит Нина. Вот, например, картофелехранилище осталось у хозяйства. Как теперь определить, сколько это хранение стоит? Кто, скажем, будет нести ответственность за испорченную или украденную продукцию? Сколько стоят услуги ветврача и ветлаборатории — не строить же две ветлаборатории? Но как платить хозяйству за эту услугу? Сколько времени тратит главный ветеринарный врач на ферму и сколько — на птичники? Сколько электричества ушло на машинную дойку, а сколько — на освещение птичников, если нет счетчиков? Тут впору свою бухгалтерию заводить, а как ее кормить, если бухгалтеров будет больше, чем рабочих в поле?

В-третьих, терпеть у себя под боком структуру, которая живет по своим собственным законам, — опасно. Это — некая точка отсчета, на которую будут оглядываться свои же фабричные рабочие. А если вдруг арендаторы получают в данный момент за ту или иную продукцию больше зарплаты, чем на фабрике (что неоднократно и происходило)? Или разделят часть натуральной продукции? Или вообще будут вести себя более самостоятельно и независимо (знают, на какое поле ехать, за какую работу получают деньги, в планерках не нуждаются, советов ни у кого не спрашивают, труд не обезличен, работников не тасуют как карты в колоде — сегодня одна работа, а завтра — совсем другая)? Возникает, пусть даже потенциально, некий очаг оппозиции, ее ядро. Может быть, из этого ядра вырастет общесельское движение сопротивления? Вполне реальная перспектива и лучше ей воспрепятствовать.

Вот поэтому аренда просуществовала всего два года, блудные дети вернулись в родительское лоно и все опять пошло по-прежнему.

«...Летом я как уйду из дома ранним утром, и до 10–11 вечера меня нет, а приду — мне бы только до подушки добраться, и не

трогайте меня. Зато другие летом и ягод напасут из леса, и грибов, а мне свои ягоды из огорода собрать да закатать некогда».

Комментарий: Конечно, труд в сельхоззвене больше похож на крестьянский труд в его классическом понимании — работа в поле с утра до вечера, по крайней мере в сезон. Это не фабрика, где в 6 вечера уже никого кроме охраны не найдешь. Но вот и главный минус — трудно работать одновременно и на своем хозяйстве. Если бы Нина была агрономом — тогда другое дело, ей не обязательно с рабочими с утра до вечера сидеть. Ну а бригадир это должен делать — иначе без контроля никто работать не будет и все разбегутся. Вот за это она и получает свои привилегии и относится к ним как к должному — а иначе какой бы ей смысл работать бригадиром, которому и отпросится в свой огород не у кого.

«У меня три участка — вокруг дома, у дороги под картошку и дачный, в кооперативе, и все — в разных местах. Пока идешь с одного на другой — и то устанешь».

Комментарий: Наличие земельных участков разного назначения — привилегия почти всех работников птицефабрики. Тем, кто живет в панельных многоквартирных домах, вместо приусадебного участка положен так называемый овощник — участок в 2–3 сотки, как правило, на неудобьях — например, рядом с трубами теплотрассы, вдоль дорог, вокруг столбов ЛЭП, у заборов. У Нины овощника нет, потому что она живет в деревянном доме с приусадебным участком. Но зачем же нужна еще и дача? Нет, зачем нужна — это понятно, больше земли — больше можно вырастить, даже если и не думать пока о продаже этой земли. Лучше спросить так: «Кому пришла в голову идея выделять еще и дачный участок?». Опять-таки начальству. Почему бы не организовать на предприятии свой дачный кооператив? Организация есть, рабочие тоже есть, земля есть. Значит, положены и дачи, как городским рабочим. Опять-таки дачные участки — дефицитный ресурс, который можно раздавать и перераспределять своим работникам в обмен на всякого рода блага — материальные и нематериальные. Кроме того, можно эти участки превратить в деньги. Взял участок — продал, или подписал на родственника, потом еще взял — опять продал. И так до 5–6 раз, как, например, директор. Стоимость 1 сотки — примерно полмиллиона (100 долларов). Средний размер дачного участка — 10 соток. Получаем в итоге 5–6 тыс. долларов — совсем неплохо.

«...В середине декабря ездила в Тверь торговать яйцом для зарплаты гаражу и сельхоззвену. А кто еще, если я у них одна баба. Мужик же не поедет торговать, верно? Вот собралась, поехала.

Хорошо еще, тепло было, не замерзла, но устала... особенно спина. Машина высокая, с нее вниз подавать — постоянно внаклонку. Мне надо было продать на 11 миллионов. Но я продала побольше. Выдали нам за октябрь и за ноябрь зарплату. За продажу мне должны еще что-то доплатить. Но это уже в декабрьскую зарплату включают, ее получим только после Нового года. Кто на окладах — те получают зарплату в конце месяца, а кто сдельщик, вот как мы, сельхоззвено, только в следующем месяце. Ой, ну страху я натерпелась, когда продала... Закончили мы рано — в час дня. И вот только все — подходят два грузина. Может не грузины, но, в общем, нерусские, эти, коричневые.

— А с какой вы фабрики? А можно мы с вами поедем — мы хотим у вас яйцо купить.

Ну, я сразу скумекала. Говорю: «Да что вам сейчас ехать, там обед, никого нету, приезжайте завтра с утра. По ленинградке поедете, там увидите».

— Нет, мы поедем с вами.

И что ты думаешь — ведь поехали. Мы в город ехали по окружной дороге, чтоб быстрее, а тут я говорю: «Давай, Юра, через город поезжай». Окружная-то пустая, там одни поля кругом. А через город — тут деревня за деревней и машин больше. Они едут и едут за нами. Я думаю: «Сейчас как дадут очередь по задним колесам...». Мы так и сядем. Ехали за нами до Эммаусса, а после поста ГАИ их уже не было. То ли сами отстали, то ли ГАИ их задержало — не знаю. А то, что и делать. У меня в руках пакет с выручкой, отняли бы — и все. А что, мы сможем с ними справиться разве? Нет, конечно».

Комментарий: Кажется, хорошая идея — торговать продукцией в счет заработной платы. Хозяйство снимает с себя часть забот (достаточно опасных, как мы видим) по реализации товара, а рабочие получают задержанную зарплату. Немного непривычно, но почему бы не попробовать? Разве лучше без денег сидеть? Но все это достаточно рискованно. Свидетельство этому — рассказ Нины. А если бы нападение произошло бы на самом деле, как это случилось в соседней Завидовской птицефабрике, где шофера заставили остановиться на трассе в тот момент, когда он вез выручку?

Интересно еще и другое. Вот логика Нины: «Я — единственная женщина в сельхоззвене, значит мне и торговать». Торговля — униженное, не мужское занятие? Даже привилегий бригадира не хватило на то, чтобы отказаться от этой миссии».

Наблюдение, интервью и работа с документами

Полевая работа не является одним-единственным методом или техникой. Исследователь почти одновременно наблюдает, говорит с людьми и читает все относящиеся к проблеме письменные документы. Столь разнообразные источники информации используются потому, что нет одного источника, которому можно было бы доверять в достаточной степени для того, чтобы составить полное представление о происходящих событиях и их участниках. Только используя комбинацию наблюдений, интервьюирования и анализа документов, исследователь способен перепроверить свои выводы. Каждый тип данных имеет свои достоинства и недостатки. Использование комбинаций разных типов данных увеличивает общую валидность, поскольку достоинства одного подхода могут перекрыть недостатки другого.

Ограниченность наблюдений проявляется в том, что наблюдатель может влиять на наблюдаемую им ситуацию, сам этого не осознавая. Кроме того, результаты могут быть искажены восприятием и предпочтениями наблюдателя. Наблюдения также ограничены тем, что фокусируются только на внешних сторонах поведения — наблюдатель не может читать мысли других людей. Более того, результаты этого метода часто ограничены небольшим числом наблюдений и временем. Следовательно, пробелы в наблюдениях могут быть перекрыты данными других источников, и только тогда можно решить, в какой степени наблюдения можно считать репрезентативными.

Интервью также является ограниченным источником данных, поскольку респонденты могут говорить только о своем собственном восприятии и взглядах на то, что происходит. Их точка зрения может быть искаженной из-за личных склонностей, гнева, смущения, политических соображений или просто из-за недостатка личного опыта и знаний. На результаты интервью может сильно повлиять эмоциональное состояние респондентов во время опроса. Эти данные подвержены ошибкам, возникающим вследствие забывчивости, влияния интервьюера и нежелания говорить о некоторых вещах из-за чувства самосохранения.

Наблюдения обеспечивают проверку того, что говорится в ходе интервью. С другой стороны, интервью позволяет исследователю проникнуть через внешние проявления поведения внутрь сознания своего собеседника. Документы подвержены влиянию множества ошибок, которые хорошо известны историкам. Они могут быть неполными или неточными. Они могут освещать выборочно лишь один из аспектов программы. Письменные документы часто содержат множество полезной

информации, которая относится к одному аспекту, и ничего не говорят о других, не менее важных сторонах явлений. Тем не менее документы позволяют получить представление о тех процессах, которые трудно или невозможно наблюдать, о том, о чем нельзя спросить респондентов или о чем вообще их спрашивать.

Если исследователь использует большое количество разнообразных источников, он будет опираться на силу каждого типа сбора данных, минимизируя слабости любого данного подхода. Такой триангуляционный подход к полевым исследованиям увеличивает как валидность, так и надежность данных наблюдения.

Технология полевой работы и наблюдения

Расхожее представление о социологе или антропологе рисует нам человека, сидящего в убогой хижине в каком-нибудь Богом забытом месте и записывающего что-то при скудном свете свечи. Современные исследователи, тем не менее, располагают большим числом технических средств, которые могут сделать полевую работу гораздо более эффективной. В первую очередь, главным техническим приспособлением является диктофон с питанием от сети или батареек. Для некоторых людей диктовка полевых наблюдений на пленку увеличивает полноту собранной информации. Учиться такой диктовке можно, как и в любом другом случае, с помощью практики и критического взгляда на предшествующие попытки. Диктофон должен использоваться с чувством меры, так, чтобы не мешать наблюдению. Его лучше использовать для записей дома, а не носить с собой все время, поскольку одно его присутствие способно положить конец любым разговорам, в которых наблюдатель участвует. Портативные компьютеры — другой полезный инструмент, способный упростить написание полевых заметок. Такой компьютер удобен тем, что позволяет быстро корректировать записи и лучше анализировать уже записанный текст. Кроме того, заметно упрощается процедура копирования материалов и подготовка окончательных отчетов. Современные редакторы текстов являются, как правило, многооконными, что позволяет одновременно работать над несколькими документами, сортировать цитаты и записывать в отдельный текстовый файл результаты своего собственного анализа.

Фотография также должна стать частью репертуара тех умений и навыков, которыми владеет исследователь. Фотографии могут помочь припомнить те вещи, которые происходили, так же как ярко и предельно наглядно передать соответствующие условия, фон, атмосферу событий. Достижения в процессе печати и фотокопирования де-

лают возможной оперативную обработку фотоматериалов и воспроизведение фотографий в отчетах и книгах. Респонденты часто склонны относиться к фотографированию как к парадному мероприятию — одеваются в свою лучшую одежду, которую редко носят на самом деле, стесняются фотографироваться во время работы, принимают перед объективом статичные, неестественные позы. Поэтому не следует ограничиваться лишь «официальными» фотографиями, гораздо больший интерес могут представлять «фоторепортажи» — люди за работой, за разговором, на отдыхе, короче говоря, в своем повседневном мире. Тем не менее не следует «перегибать палку» и пытаться брать на себя роль режиссера, моделирующего жанровую сценку с участием респондентов по собственному усмотрению, руководствуясь иногда совершенно неверными представлениями о том, что они обычно делают.

Удачный прием — вызваться на роль группового фотографа и сделать дополнительные копии для раздачи всем, изображенным на снимке. Это позволяет оправдать сам процесс фотографирования.

Еще одна важная техническая инновация — использование видеокамер, которые теперь достаточно распространены, чтобы не повлиять серьезно на происходящее. И вновь видеозаписи сюжетов легко можно объяснить учебными целями или желанием сохранить редкие события для истории. Иногда неподвижная камера может с успехом заменить исследователя, особенно если съемка ведется в статичных условиях и не нужно часто менять ее положение для фиксации происходящего.

Разумеется, использование любых устройств следует согласовывать с теми, кого будут снимать или записывать на пленку, но технические инновации резко увеличивают качество полевых наблюдений и могут упростить использование результатов исследования. Стоимости этих приспособлений довольно быстро падает из-за массового производства и экономии на масштабе. Более того, все большая распространенность диктофонов, компьютеров и видеокамер делает возможным использовать новые технологии записи не вызывая дискомфорта у людей — объектов наблюдения. Впрочем, все здесь зависит от имеющихся ресурсов и объема стоящих перед исследователем задач. Разумеется, вряд ли стоит покупать достаточно дорогую видеокамеру только для того, чтобы снять несколько минутных сюжетов.

Этапы полевой работы

До сих пор мы описывали полевую работу, как будто это единая, интегрированная деятельность. Полезно взглянуть на эволюцию, которую совершает полевая работа, проходя определенные стадии. Чаще

всего называют три ее главные стадии: вход в поле, основная работа по сбору полевой информации и выход из поля, или завершающая стадия. Ниже мы рассмотрим все эти три стадии более подробно.

Вход в поле

Проблемы первой стадии исследования наиболее ярко описаны Францем Кафкой в романе «Замок». Персонаж Кафки — К, «господин землемер», странник, у которого нет прошлого. Появившись в Замке, он хочет здесь поселиться и стать частью этого мира. Его усилия установить контакт с безликими властями, которые правят Замком, поначалу не приводят к успеху. Странник К не может понять ничего из того, что здесь происходит, не может прорваться через их неопределенность и безличность. Сначала он сомневается в себе, затем впадает в ярость из-за того, как с ним обращаются, затем чувствует себя виновным, порицая себя за то, что он не может понять, как ему получить право на вход. Если бы он только мог понять правила, он с радостью бы сделал то, что от него требовалось. Он убежден, что какими бы эти правила не были — и он открывает, что какие-то правила есть, — они должны иметь определенный смысл. Следовательно, есть выход — можно установить контакты, соответствовать всем требованиям властей, найти такие модели поведения, которые позволят ему быть принятым.

Выход в поле обычно состоит из двух частей: во-первых, принятия решения о том, какая полевая работа должна быть проделана, и, во-вторых, физического выхода в поле для начала сбора данных. Эти две части тесно взаимосвязаны, поскольку переговоры с потребителями информации позволяют обосновать правила и условия пребывания исследователя в поле: как он должен играть роль наблюдателя и как эта роль будет объяснена тем, кого он наблюдает. Характер усилий, направленных на получение доступа, меняется в зависимости от целей полевой работы и вероятной реальной степени сопротивления исследованию. Там, где полевой исследователь ожидает сотрудничества, приобретение входа может быть, в основном, вопросом завоевания доверия. На другом конце шкалы — такие условия для исследований, при которых ожидается существенное сопротивление, даже враждебность, в этом случае приобретение доступа становится вопросом «проникновения».

Главным различием между процессом входа в антропологических и социологических исследованиях, с одной стороны, и прикладных, с другой стороны, является степень, в которой полевые исследователи пользуются свободой самим сформулировать цель исследования. В академических исследованиях ученые представляют только

сами себя и поэтому могут сказать все, что захотят, о том, почему они предприняли данное исследование. Обычным для антропологов объяснением является такое: «Я здесь, потому что я хотел бы лучше понять вас и изучить ваш образ жизни, потому что мой народ хотел бы знать о вас больше». В то время как антропологи признают, что такое объяснение не имеет особого смысла для опрашиваемых, оно остается первоначальным объяснением до тех пор, пока будут установлены взаимоотношения с достаточным количеством местных жителей, чтобы процесс наблюдения установился и воспринимался как естественный. Полевика-социологи могут описать свою работу как изучение истории, исследование образования, составление очерка сельской жизни.

Но ни одно из этих объяснений не способно сделать процесс входа гладким и легким. Независимо от легенды или использованных терминов, период входа в поле, вероятно, всегда останется первой и самой трудной стадией полевой работы. Это время, когда наблюдатель привыкает к новым условиям и люди привыкают к наблюдателю.

Вероятно, можно назвать две главные причины того, почему вход в поле так важен и одновременно так труден. Во-первых, успешный вход является необходимым условием для исследования. Нет входа, нет и результатов. Во-вторых, вход в поле и валидность данных связаны друг с другом. Те условия, при которых осуществляется вход, могут иметь важные следствия для отношения людей к исследованию и степени их доверия к исследователю.

В то время как наблюдатель должен учиться тому, как вести себя в новых условиях, участники решают для себя, как они должны относиться к наблюдателю. Взаимное доверие, уважение и сотрудничество зависит от процесса взаимного обмена, при котором исследователь получает данные, а те, кого он наблюдает, находят в этом нечто такое, что делает их сотрудничество стоящим, будь это чувство важности исследования, удовольствие от разговоров с наблюдателем или помощи ему в работе. Эта модель взаимного обмена предполагает, что участники могут найти некоторые причины для сотрудничества в проведении этого исследования.

Наоборот, в противоположность модели взаимного обмена существует еще и так называемый инфильтрационный подход. Многие полевые условия не являются открытыми для наблюдения, основанного на взаимном сотрудничестве. Если исполнители считают, что кто-то может воспрепятствовать наблюдению, не исключено, что окажется необходимым использование некоторых форм манипуляций, в том числе отвлечение внимания от настоящей цели исследования. Иногда иссле-

дователь, который не может войти в контакт с одной группой, начинает изучать другую и, завоевав там доверие, вновь возвращается к своей основной задаче. Очень часто самым лучшим решением для получения доступа и упрочения собственных позиций является использование высокого положения местного «патрона» — влиятельного лица. Разумеется, прежде всего надо увериться в том, что выбранный «спонсор» или «патрон» обладает высоким кредитом общественного доверия и действительно может внушить позитивное отношение к исследователю как к своему протеже.

Первоначальный период наблюдения может быстро взрастить семена фрустрации и сомнения. Исследователь может не спать ночами, сокрушаясь своим промахам и неудачам. Иногда кажется, что из проекта ничего никогда не получится, недостаточен собственный уровень подготовки, кто-либо из коллег наверняка сделал бы то же самое гораздо лучше и быстрее. Между тем, все эти переживания являются почти неизбежной частью сбора данных. Более того, этот период, когда обострены все органы чувств и наступает время для проверки собственных способностей — эмоциональных, интеллектуальных, физических, является также временем оживления, быстрой учебы на собственных ошибках. Стадия входа обостряет и чувство радости, и чувство боли, которых нельзя избежать независимо от того, какую проблему вы изучаете.

Что говорить и что делать в поле

Действия исследователя говорят громче, чем его слова. Обычно исследователи планируют то, как они должны себя представить и объяснить свои функции, но респонденты осознанно или неосознанно сопоставляют слова и поступки исследователя. Это сопоставление является основой для формирования у респондентов представления о роли исследователя и его задачах. Например, исследователь подчеркивает на словах свою объективность и независимость от властных структур, но везде появляется в сопровождении представителя местной власти, поселяется в помещении, предназначенном для «начальства», проводит много времени в формальном и неформальном общении с местным руководством и т. п. Такое поведение может вызвать вполне обоснованные, с точки зрения респондентов, подозрения в неискренности исследователя или сокрытие подлинных целей исследования.

Относительная важность слов или дел частично зависит от времени, которое наблюдатель находится в поле. Если исследователь планирует работать в поле только в течение нескольких часов или дней,

решающее значение для него приобретает тщательный подбор слов, которые он использует для объяснения своей роли. Если же исследователь участвует во включенном наблюдении, хочет установить и поддерживать длительные отношения с людьми, то лучшее, что он может сделать — это не форсировать события, а дать им развиваться своим чередом. Пройдет какое-то время, и люди будут оценивать его роль и доверять ему не потому, что он использовал для объяснения роли те или иные слова, но опираясь на то, как он живет и работает и как относится к ним не на словах, а на деле. Впоследствии они смогут принять его в свой круг и относиться к нему с большей терпимостью, поскольку их родственники, друзья или люди, которых они уважают, хорошо отзывались о нем и дали ему определенные рекомендации.

Рутинная полевая работа

В ходе второй стадии полевой работы исследователь, уже определивший свою роль и цель, способен полностью сконцентрироваться на сборе данных. Наблюдатель уже не так, как в первые дни, отвлекается на новизну и остроту ситуации. Он начинает видеть то, что происходит в действительности, вместо того чтобы только глядеть по сторонам. Стадия рутины — это, обычно, период тяжелой работы по сбору данных, когда самодисциплина особенно необходима.

Одна из самых обычных вещей, которая возникает в ходе полевой работы — усиливающаяся идентификация себя с теми людьми, которых ты наблюдаешь. По мере того, как наблюдатель все лучше понимает поведение, идеалы, тревоги и чувства участников событий, он начинает идентифицировать себя с их жизнями, надеждами и невзгодами. Такая идентификация может быть естественной частью и логическим следствием установленных отношений доверия и взаимности. Ее суть в открытии простого факта — как много общего у исследователя оказывается с теми людьми, которых он наблюдает. Понимание этого возникает чаще всего в тех случаях, когда исследователя и тех, кого он наблюдает, не разделяют столь уж большие различия в образовании, жизненном опыте и достатке.

Впрочем, эта идентификация порождает собственные проблемы. Включенный в происходящее наблюдатель оказывается зависимым от местной социальной, культурной и даже политической динамики. Поскольку практически во всех обществах можно встретить группы людей, которые находятся в конфликте с другими, эти фракции или клики могут стараться перетянуть наблюдателя на свою сторону или отвергнуть его, но вряд ли останутся нейтральными. Для того чтобы по-

лучить более полное представление о своем объекте, исследователь, разумеется, может попытаться лавировать между группами, но предвзятая интерпретация его непоследовательных и подозрительно выглядящих действий способна свести на нет всю дальнейшую работу. Скорее всего, исследователь не сможет поддерживать одинаково близкие отношения со всеми группами, но это не означает, что он должен безоговорочно становиться на сторону тех, чья позиция ему нравится больше. Наоборот, это может помешать ему сконцентрировать свои усилия, в случае необходимости, на той группе, которую он считает наиболее чуждой и далекой от его собственных предпочтений. В то же время следует сопротивляться и возможным попыткам фракций использовать наблюдателя в своих целях. Иногда это может быть желание воспользоваться уже полученными результатами, иногда — стремление усилить собственные позиции, перетянув его на свою сторону.

Еще один важный аспект рутинной полевой работы — выбор и использование ключевых информантов. Одним из центральных направлений работы в поле является использование ключевых информантов, услуги которых незаменимы в той ситуации, когда наблюдатель не может объяснить то, чему он становится свидетелем. Ключевыми информантами обычно являются те, кто обладает особенно подробными знаниями об изучаемых социальных объектах и условиях. Выбор ключевых информантов должен быть особенно тщательным, поскольку допущенные ошибки могут стимулировать враждебность или межличностный антагонизм. Нет никакой необходимости объявлять об официальном назначении кого бы то ни было на пост ключевого информанта. Это просто человек, с которым наблюдатель проводит заметную часть своего времени, расспрашивая о том, что происходит или происходило здесь в прошлом.

Ключевым информантом вряд ли может быть первый встречный. Люди в очень большой мере различаются по своим способностям выразить культурную информацию. Полевые антропологи и социологи достаточно быстро убеждаются в том, что лишь небольшое число людей сможет сыграть роль толкового информанта, но и их следует готовить к этой роли. К такой подготовке можно прежде всего отнести продолжительное общение с наблюдателем, который задает соответствующие вопросы, использует или сам придумывает новые термины для обозначения того или иного понятия. Опасность в использовании ключевых информантов заключается в том, что их взгляд может быть сильно искажен влиянием прочих действующих лиц и в результате будет получена слишком схематичная или даже совершенно неправильная

картина происходящего. Чрезвычайно важно поэтому выделять отдельно то, что говорят исследователю ключевые информанты. Их слова отражают только их восприятие, но не всю истину. Ключевые информанты могут оказаться особенно полезными, сообщая о том, что происходит там, куда исследователь не имеет доступа, например, в закрытых для посторонних возрастных, элитарных или профессиональных группах.

Завершение работы в поле

В традиционном академическом исследовании обычно трудно с точностью определить, сколько будут длиться полевые работы. Чаще всего это зависит от цели исследования и тех ресурсов — финансовых, временных, которыми располагают исследователи. В прикладных исследованиях продолжительность полевых работ обычно оговаривается заранее и налицо сильная тенденция к составлению четкого расписания.

По мере того как накапливается материал, все больше времени уделяется проблемам, связанным с его интерпретацией. В записных книжках все чаще появляются записи возможных объяснений. Некоторые из этих объяснений были подсказаны ключевыми информантами, другие — коллегами, третьи были предложены самим наблюдателем. Вопросам анализа будет посвящена отдельная часть этой книги, но уже сейчас можно сказать, что точной границы между сбором данных и началом анализа провести невозможно. В ходе полевой работы один процесс плавно перетекает в другой. Параллельно с углублением уверенности наблюдателя в приемлемом качестве данных и усложнением его представлений о том, что он наблюдает, укрепляется стратегический взгляд на вещи.

К концу полевого этапа исследователь все больше времени тратит на верификацию уже собранного и меньше — на сбор новых данных. Верно, что следует избегать использования заранее predeterminedных концептуальных категорий, но по мере приобретения нового знания категории, разработанные в поле на основе собранных материалов, могут существенно облегчить задачу понимания того, что наблюдалось. Но и эти концепции, появившиеся на этой стадии, также нуждаются в проверке полевой работой. В результате исследователь совершает «возвратно-поступательные» движения между полем и кабинетом, от сбора информации он переходит к его проверке и обратно. Исследователь то открывается новым гипотезам, основанным на появлении новых данных, то переключается в режим проверки идей и объяснений.

Полевая работа близка к своему концу, когда исследователь все в большей мере доверяет собранным им данным, убеждается в том, что его концепции становятся каркасом систематической теории, или его методы оказались адекватными и представляют ценность для других коллег. Впрочем, как и всегда, идеал остается недостижимым, и полевое исследование редко заканчивается уже после того, как вероятность ошибки можно считать близкой к нулю. По мере того как истекает время, отпущенное на полевой этап, исследователь все чаще оказывается в ситуации, когда у него возникает необходимость «допросить» факты, насильно и неорганично извлекая из них некий скрытый смысл.

Одним из способов полевой проверки результатов является предоставление возможности ознакомиться с ними своим респондентам. Очень часто их реакции, вербальные и неформальные, на «скрытую правду» о себе полезно включать в состав полевых материалов. В большинстве случаев люди знакомятся с предварительными результатами работы, в том числе и наблюдений, с большим интересом, охотно их уточняют и комментируют.

Вряд ли можно полностью описать то, что наблюдалось. Неформальные по своей форме предварительные выводы заметно отличаются от жестких окончательных итогов, подготовленных для научных публикаций. Формальный анализ может занять много времени и приходится ограничиваться демонстрацией промежуточных итогов только для того, чтобы зафиксировать соответствующую реакцию респондентов и коллег. Главная проблема, возникающая при этом — влияние наблюдателя на то, что он наблюдает, будет обсуждаться ниже.

Наблюдатель и объект наблюдения

Проблема влияния исследователя на свой объект не ограничивается лишь одним качественным анализом. Принцип неопределенности Гейзенберга отражает ту же самую проблему с точки зрения физики. Когда наблюдатель определяет положение электрона, скорость последнего меняется. А когда измеряется скорость, невозможно точно вычислить позицию электрона. Процесс наблюдения влияет на то, что наблюдается. Это действительно существующий эффект, а не одна только ошибка восприятия или измерения. Более того, благодаря вмешательству наблюдателя, ситуация может измениться кардинально.

В какой степени это произойдет, будет зависеть от природы наблюдения, изучаемых условий, личности наблюдателя и применяемым им процедурам. Вопрос заключается не в том, что такие эффекты име-

ют место. Напротив, вопрос в том, как контролировать эти эффекты и как их учитывать в процессе интерпретации данных.

Глава 8. ИНТЕРВЬЮ

Как и в предыдущей главе, начнем с примера интервью на чувствительную (сенситивную) для респондента тему — о попытке лишиться его участка земли.

Пример интервью: Как землю отбирали

— Анатолий Ефимович, мне ваша жена говорила, что у вас собирались землю отнять, запретили сажать на ней, хотели кому-то другому отдать. Вы не могли бы рассказать об этом?

— Ну, как... нарезали нам борозды, а меня уже предупредили, что на мой участок есть клиент. Ну, я жду. Нарезали борозд, привезли мы 2 ящика картошки, сажаем с сыном. Уже один ящик посадили, смотрю — идут, председатель сельсовета и ее... я не знаю, секретарша, что ли, или землемер какой. Подходят, я говорю: «Чего?» — «Не сажай ничего на участке, и все». Я говорю: «Почему?» — «А у тебя лишку земли». А я говорю: «Никакого лишку нет. У меня сын семейный и я семейный. Где строительство — там сынова, а это — моя земля». Ну, они там шуметь начали, конечно. А я говорю: «У меня нет лишней земли. Что есть — вся моя, я всю жизнь на ней прожил, всю жизнь на земле работаю, и что, я 15 соток земли не заработал?» Ну, они кричать, шуметь начали, давай комиссию собирать... На поле там кого-то собрали, а я им говорю: «Собирайте комиссию такую: чтоб все собрались, вы объявите, сколько земли, подсчитайте, сколько москвичам роздано, сколько колхозникам — вот я на это соглашусь. Ну, они кричали — кричали, шумели, дураками обозвали нас. Я говорю: «Я, наверно, не дурнее вас, что землю-то не отдаю свою. А потом, — говорю, — вы же мне землю не давали, мне совхоз землю давал, на каком основании вы будете отбирать у меня землю?» В общем, так и не отдал. Но мне сказали, до осени. А осенью хотят этот край (по Ленинградскому шоссе) отобрать все полностью, с той и с этой стороны. Слух идет, что эта земля уже продана. Вилюйской там, что ли, или какой-то другой организации.

...Еще когда это все поуспокоилось, а они под этим делом были (жест: пьяные), я сам не пью, и запах за километр слышу, соседку в сельсовет вызвали, сказали: «Почему распространяете, что мы пьяные были?». А она говорит: «Вы спросите Гончарова, он вам и ответит, ка-

кие вы были». Но меня не вызывают. А кричали шибко. Администрация, конечно, так не должна кричать, как они кричали. На всю округу, кто был в поле — все слышали. Ну, и я тоже. Как они начали грубо поступать, я тоже с ними грубо начал. Но отстоял свои 15 соток; до осени, а осенью не знаю, что будет. А у многих отобрали. «Не сажайте, и все. У вас лишку земли, вам положено только 6 соток». И есть, которые послушались, не стали сажать. А почему 6? Я в Конакове был, справлялся: 15 соток положено. Я говорю: «Конечно, в свое время распродали землю, отдали все москвичам». — «Я не продавала!» — «Не вы, так другие продали». ...Не знаю, что на следующий год будет, если землю отберут.

— Обещают в другом месте дать?

— Должны дать, но теперь нас в болото загонят, тут-то нам хорошо очень было: и близко, и подъезды хорошие, а теперь загонят в болото — там ни проехать, ничего. Все шишки на крестьян, всегда крестьяне виноваты. «Спекулянт!». — Я говорю: «Так мы картошечкой живем, надо — продадим».

— Как же они сами живут — не сажают, не продают?

— Не знаю. «Спекулянт!» Я говорю: «Не спекулянт, а излишки продаю, мне жить-то надо на что, поросеночка надо чем-то кормить». — «У меня 2 поросеночка, и я их кормлю». Я говорю: «Вам можно кормить, вам подвезут, а мне неоткуда взять». В общем, шуму много было. Они меня пострашали, и милицией пострашали, что в понедельник вызовем милицию... Я говорю: «Вызывайте, кого хотите. Я землю не отдам». — «В суд подадим!». Я говорю: «Вот через суд отдам, через суд отдам, а что суд присудит...». И потом все, так и отстали, перестали кричать, и так больше и не подходили потом. Председатель сельсовета здороваается, а эта не здороваается, ее землемер-то. А кто послабже характером, у того отняли, не у всех, но отняли. Но отнимать-то надо по справедливости. Уж если действительно надо, то специальную комиссию создать, подсчитать, у кого сколько земли, сколько у москвичей... Москвич приезжает — ему 15 соток, а крестьянин живет здесь всю жизнь — ему только 6 соток? Я говорил, что давайте создадим комиссию, сколько земли продано москвичам, сколько у крестьян — кто сколько имеет земли; у нас же тут есть у кого и много земли. У меня, правда, есть еще земля под строительство, но это — сыну, документы пока на меня, надо к нотариусу ехать, все не собраться. Потому что сыну — я пока немножко сомневаюсь так сразу передать, я пока только по доверенности. Пускай немножко постарше будет, лет 25–26, тогда и передам. Сейчас ему 22 года. Вот с армии пришел, какой-то

стал не такой, что-то повлияло на него. Я ездил к нему в армию, тоже мне не понравилось, хотел забрать, да не удалось. А переводить в другую часть — канители много, пока хлопчешь, и срок службы пройдет. Посмотрю пока, какой он будет, а потом передам землю.

Вот они на меня и кричали, что у меня много земли: и здесь 15 соток, и под дом взята, а почему не строишься... Я говорю: «Так у меня нет «тити-мити» (денег), я же спекулирую картошкой-то, а «тити-мити» нет, на дом не хватает». — «Ты продавать думаешь, за 10 миллионов»... Я говорю: «Больно дешево за 10 миллионов и кто это вам сказал, что я продавать думаю?». Я вообще не думал об этом, но уже несколько раз слышу: «Продавать задумал? Знаешь, с какими трудностями столкнешься?» Я говорю: «А почему вы меня сразу страшаете? — П. Я. был такой в сельсовете. — Вы, — говорю, — вон сколько земли продали, а я еще даже и не думаю, у меня внучат много очень, я внучатам лучше оставлю, мать честная! Неужели продавать буду!». — «У тебя дача есть...». — «Дача, — говорю, — у всех есть. Я свою дачу дочке отдал, она мне дочка». — «У тебя еще дача есть». — «Это дача не моя, это сынова дача, у сына земли нету». Так вот и все, отвоевал, буду с картошкой теперь, отвоевал.

Они мне только немножко пригрозили: придешь, коснешься еще чего-то... Я говорю: «Что ж, приду, коснусь, куда же вы денетесь-то? — никуда не денетесь». Конечно, не понравилось мне, как они кричали, это не администрация, нет. Зачем таких людей на руководящие посты сажают? Надо прежде, чем кричать, обдумать, подойти как-то к людям. Мы все разные. Вон Шура мне сказала: «А ты, Анатолий, взял бы да лопатой, лопатой их там погонял бы их по полю... Ко мне, — говорит, — подходили, я одного погоняла, он до сих пор не здороваётся». Это раньше, еще когда Тараканов был. Это здешние крестьяне когда перешли в совхоз, им по 30 соток было положено, так потом у всех отобрали, а у нее так до сих пор и не смогли отобрать.

— У этой женщины?

— Да. Она уже тоже на пенсии, постарше нас. Боевая. Что ж, за свое надо как-то бороться, особенно за землю, это же наша кормилица.

Введение в «качественное» интервью

Интервью целесообразно проводить в том случае, когда мы хотим узнать и понять то, что не поддается прямому наблюдению. Дело не в том, являются ли сведения, полученные в ходе интервью более или менее точными, чем добытые во время непосредственного наблюдения. Главная проблема связана с тем, что мы не можем увидеть чув-

ства, мысли или намерения, как не можем и наблюдать поведение респондентов в прошлом. Обо всем этом приходится спрашивать.

Задача интервьюера в том, чтобы дать возможность собеседнику рассказать о своем внутреннем мире, переживаниях, представлениях и т. д. Поскольку принято считать, что качество получаемой информации зависит, в основном, от квалификации интервьюера, цель данной главы состоит в том, чтобы обсудить способы получения качественной информации путем опроса.

Мы начнем с обсуждения трех основных типов интервью. Далее рассмотрим содержание интервью: о чем именно следует спрашивать и в какой форме могут быть заданы вопросы. В заключении мы коснемся того, как фиксировать ответы в ходе интервью. Хотя мы останавливаемся, в основном, на технических вопросах, не менее важно помнить о главном — всегда проявлять искренний интерес к собеседнику. Если то, что люди говорят вам о своем внутреннем мире, кажется вам скучным и маловажным, вы никогда не сможете стать хорошим интервьюером.

Типы «качественного» интервью

Можно назвать три основных подхода к сбору качественных данных при помощи интервьюирования. Они отличаются друг от друга по особенностям подготовки к процедуре опроса, способам концептуализации и типам используемых инструментов, но главным образом — по тому, в какой степени вопросы определены и стандартизированы. Каждый подход имеет свои достоинства и недостатки и служит достижению определенных целей. Эти типы таковы: а) неформальное интервью в виде беседы; б) индивидуальное или групповое интервью с помощью «мягкого» опросника; в) стандартизированное «открытое» интервью.

Интервью-беседа полностью основано на спонтанной генерации вопросов, возникающих прямо в ходе интервью, особенно когда оно является частью полевого наблюдения. В ходе таких бесед участники опросов иногда даже не подозревают о том, что их интервьюируют.

Интервью с помощью «мягкого» опросника включает использование набора тематических вопросов, которые должны быть подготовлены еще до интервью. Эти вопросы не нуждаются в том, чтобы их располагали в каком-либо строгом порядке, не так много внимания уделяется и «вордингу» — точным формулировкам вопросов. «Мягкий» опросник просто играет в ходе интервью роль самого общего «контрольного листа», нужного для того, чтобы убедиться: все необходи-

мые темы были в ходе беседы затронуты. «Мягкий» опросник предполагает, что существует общая информация, которую следует получить у каждого интервьюируемого, но нет никаких заранее составленных вопросов. Интервьюер может адаптировать и вординг, и последовательность вопросов к контексту конкретного интервью. Оно может быть индивидуальным или групповым (его чаще называют фокусированным или фокус-группой, для которой составляют специальный сценарий, содержащий в общем виде план работы ведущего-модератора на разных этапах работы с группой).

Стандартизированное «открытое» интервью состоит из набора вопросов, тщательно сформулированных и организованных с таким расчетом, чтобы предъявлять их респондентам в одной и той же последовательности, спрашивая их об одном и том же одними и теми же словами. Гибкость в манипулировании опросником хотя и существует, но является достаточно ограниченной. Такое интервью используется и в том случае, когда необходимо минимизировать различия в вопросах, задаваемых разным респондентам. Это уменьшает вероятность смещения, связанного с разной формулировкой вопросов, но одновременно лишает процесс интервьюирования гибкости и спонтанности.

Неформальное интервью-беседа. Интервью-беседа — это наиболее свободный и открытый подход к интервьюированию. В научной литературе неформальное интервью-беседу называют по-разному, в зависимости от того, что хотят подчеркнуть: степень формализации интервью, либо глубину проникновения в тему исследования, в мотивационную сферу и особенности личности респондента. Если первое, то интервью называют «свободным» или «клиническим»; оно содержит один самый общий вопрос: «Что с Вами произошло?» или «Что беспокоит?» — и свободный ответ респондента на него; в работах, посвященных биографическому методу исследования, используются термины «нарративное» и «лейтмотивное» (тематическое) интервью, которые по сути очень схожи с неформальной беседой-интервью.⁶¹ Если хотят подчеркнуть основательность подхода исследователя к данной проблеме, его стремление понять, какие мотивы и интересы движут респондентом, осознанные и неосознанные причины его поведения, то интервью назовут «углубленным» или «глубинным».

Интервьюер-«беседчик» ставит перед собой задачу добиться максимальной гибкости для того, чтобы оказаться способным адаптиро-

ваться к любому направлению, которое может принять беседа и к любым условиям, в которых она может протекать. Более того, большинство вопросов рождается прямо на глазах респондента и вытекает из непосредственного контекста беседы. Вот почему такой тип интервью органично связан с наблюдением и очень часто используется вместе с ним для того, чтобы понять отношение участников к их собственным действиям или происходящим событиям. При таких условиях набор вопросов невозможно определить заранее, поскольку заранее неизвестно, что будет происходить и о чем придется расспрашивать.

Данные, полученные в ходе неформальных бесед, скорее всего будут заметно различаться в зависимости от того, с кем именно и когда состоялся разговор. Такой подход особенно важен, если исследователь не связан с необходимостью провести всего лишь одно интервью, но может оставаться в поле достаточно долгое время. Вопросы интервью могут меняться со временем, и каждое новое интервью строится с учетом тех, которые уже состоялись. Информация, полученная в ходе самых первых встреч, постоянно дополняется и расширяется, охватывая все новые направления, в том числе при помощи объяснений и уточнений, которые дают разные респонденты.

Чаще всего интервьюеру-«беседчику» приходится «плыть по течению». В некоторых случаях — в зависимости от того, как интервьюер определил свою роль, — его собеседники могут не знать о том, что главной целью беседы является сбор каких-то данных. Это означает, что наблюдатели не могут вести записи в ходе интервью и им приходится записывать то, что они узнали, уже после завершения беседы — через несколько минут, часов или в конце дня. В других случаях вполне можно вести записи или даже пользоваться диктофоном, важно лишь суметь найти подходящий мотив для объяснения этих действий.

Достоинство неформальной беседы в том, что она позволяет интервьюеру откликаться на особенности своего собеседника и непредсказуемые изменения ситуации. «Ведомые ведут ведущих», у них есть и свои ответы на те вопросы, которые они же и задают сами себе.

Слабость неформальной беседы заключается в том, что она требует гораздо большего времени для сбора систематической информации, поскольку приходится беседовать с респондентами как минимум несколько раз для того, чтобы получить полные ответы на интересующие вопросы. Беседа намного более уязвима и открыта для «эффекта интервьюера», поскольку ее результаты в гораздо большей степени зависят от его подготовки и способностей, чем при более формальных стандартизированных процедурах. «Беседчик» должен быть способным

⁶¹ Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.

легко взаимодействовать с людьми в разнообразных условиях, быстро принимать решения и формулировать вопросы, преодолевать искушение навязывать собственную интерпретацию происходящему с помощью своих вопросов и невербальных реакций.

К сожалению, данные, полученные в ходе «бесед», очень трудно сводить вместе и анализировать. Поскольку разные вопросы рожают и разные ответы, исследователь должен потратить много времени, чтобы найти в ответах какие-то общие структуры и модели. Напротив, более систематизированные и стандартизированные интервью упрощают анализ, но делают его менее гибким и менее чувствительным к различиям, связанным с индивидуальностью людей и ситуаций. Однако, с другой стороны, качественные методы используют чаще всего там, где основным является изучение не сходства случаев, а различия между ними в одном проблемном поле.

«Мягкий» опросник. «Мягкий» опросник включает список тем, которые должны быть изучены в ходе интервью. В пределах этого списка исследователь волен задавать любые вопросы, которые позволяют раскрыть тот или иной предмет. Таким образом, у интервьюера остается возможность свободно организовать беседу в пределах выбранной темы, произвольно формулировать и сфокусировать вопросы, придерживаясь удобного ему стиля.

Преимущество «мягкого» опросника состоит в том, что интервьюер может решить, как лучше использовать ограниченное время, которым он располагает в ситуации интервью. «Мягкий» опросник помогает интервьюировать людей на более систематической и сравнительной основе, ограничивая круг тех вопросов, которые должны быть изучены. Использование «мягкого» опросника особенно полезно в проведении групповых интервью.

«Мягкий» опросник может быть разработан более или менее детально, в зависимости от того, в какой степени исследователь способен сформулировать наиболее важные вопросы и в какой степени он считает важным задавать вопросы одним и тем же образом или в одном и том же порядке всем респондентам.

Такой «мягкий» опросник представляет собой конструкцию, в пределах которой интервьюер может формулировать вопросы, последовательно организовывать их и принимать решение о том, какая информация нуждается в большей детализации. Предполагается, что интервьюер не будет углубляться в совершенно новые для него области, которые не нашли свое отражение в структуре опросника. Та гибкость, которую обеспечивает «мягкий» опросник, станет яснее после

того, как мы рассмотрим в следующем разделе третий тип качественного интервьюирования — открытое стандартизированное интервью.

Стандартизированное «открытое» интервью. Во многих случаях респондентов можно интервьюировать в течение лишь короткого времени. Иногда оказывается, что второе интервью у респондента взять уже невозможно. Из-за ограниченности времени может быть использовано стандартизированное «открытое» интервью, в ходе которого всем респондентам задают одни и те же вопросы. Эти вопросы еще до интервью должны быть известны (как, похоже, известны и ответы, которые надлежит получить) и напечатаны в анкетах в точности так, как их следует задавать в ходе интервью. Особое внимание должно быть уделено формулировке каждого вопроса.

Основная цель стандартизированного интервью заключается том, чтобы минимизировать эффект интервьюера. Более того, интервью становится более систематическим и необходимость в суждениях интервьюера в ходе опроса резко уменьшается. Стандартизированное интервью делает анализ данных более простым делом, поскольку гораздо легче определить, где находится ответ респондента на тот или иной вопрос, а также единообразно организовать схожие вопросы и ответы.

Существует несколько важных причин для использования стандартизированных интервью. Во-первых, использованный инструмент становится доступным для тщательного анализа теми, кто заинтересован в проверке качества полученной информации. Во-вторых, могут быть сведены до минимума различия между интервьюерами. В-третьих, время интервьюеров и респондентов используется гораздо более эффективно.

Слабость стандартизированного подхода состоит в том, что он не позволяет интервьюеру касаться тем или вопросов, о существовании которых не было известно на начальной стадии исследования, еще до поля. Одновременно стандартизированный опросник накладывает ограничения на использование разных подходов к опросу, в зависимости от уникального опыта респондентов. Вследствие этого такой подход не позволяет учесть индивидуальные особенности респондентов.

Скорее всего, наиболее эффективной стратегией может оказаться комбинирование всех трех типов интервью. Пропорции зависят от среды, обстановки, ситуации исследования. Ряд основных вопросов может быть задан в соответствии с текстом «жесткого» опросника, в то же самое время исследователь может получить гораздо большую свободу в том, чтобы изучить те или иные предметы с большей глубиной или даже коснуться новых тем, которые первоначально в вопрос-

нике отсутствовали. Можно согласиться даже с использованием стандартизированного интервью на ранней стадии опроса, и затем предоставить интервьюеру возможность следовать своим собственным путем на более поздних стадиях. Еще одна возможная комбинация: опрос начинается с неформальной беседы, затем перерастает в интервью с помощью «мягкого» опросника и завершается использованием стандартизированного интервью.

Содержание интервью: какие вопросы задавать?

В ходе планирования интервью приходится принимать множество решений, вне зависимости от того, будет ли интервью рождаться прямо в поле или будет тщательно готовиться в форме стандартизированного задолго до выхода в него. Следует решить в первую очередь, какие именно вопросы необходимо задавать, в каком порядке их задавать, насколько эти вопросы должны быть детальными, как долго следует проводить интервью и какие слова использовать при формулировке вопросов. Все эти проблемы нуждаются в решении, правильность которых во многом определяет качество полученной информации. В целом можно выделить шесть основных типов вопросов, которые могут быть заданы респондентам и которые могут встретиться практически в любом случае.

Опыт и поведение. Эти вопросы относятся к тому, что респондент делает или уже сделал. Они направлены на точное описание прошлого опыта, поведения, действий.

Мнения и оценки. Эти вопросы направлены на понимание процессов познания и интерпретации. Ответы на эти вопросы помогают нам понять то, что люди думают о тех или иных вещах, о целях, намерениях, желаниях и оценках: «Что вы думаете о...», «Каково ваше мнение...».

Чувства. Эти вопросы направлены на понимание эмоционального отношения людей к их опыту и мыслям. Принято считать, что чувства представляют собой эмоциональный отклик людей на то, что происходит с ними или вокруг них и рождаются спонтанно. Чаще всего для выявления чувств в вопросах используются прилагательные.

Было бы ошибкой ставить знак равенства между мнениями и чувствами. Аналитические заключения, интерпретации или мнения не могут служить ответами на вопросы о чувствах. Если вы хотите понять эмоциональную реакцию — задавайте вопросы о чувствах. Если вы собираетесь понять то, что думает респондент, следует задавать вопросы о мнениях, верованиях и суждениях, но не о чувствах.

Знания. Вопросы о знании задаются для того, чтобы выяснить, какой фактической информацией обладает респондент. Знания — не мнения и не чувства.

Ощущения. Это вопросы о том, что респондент ощущает с помощью своих органов чувств. Цель этих вопросов — познакомиться с сенсорным аппаратом респондента. Задавая сенсорные вопросы, интервьюер пытается описать стимулы, которые влияют на респондента.

Демографические и фоновые вопросы. Эти вопросы касаются выяснения идентифицирующих характеристик респондента. Ответы на эти вопросы помогают сравнить респондента с другими людьми. Стандартные фоновые вопросы касаются возраста, образования, занятия, места жительства и т. п. Они отличаются от вопросов о знании прежде всего своим рутинным характером.

Последовательность вопросов

Вряд ли можно предложить какие-либо жесткие правила согласования вопросов в интервью. Неформальная беседа достаточно гибка и фиксированная последовательность вопросов встречается достаточно редко, но именно при проведении интервью по «мягким» опросникам и в особенности стандартизированных интервью часто встречается проблема последовательности вопросов.

Возможно, интервью лучше начинать с вопросов о действиях человека в прошлом. Они позволяют получить описание событий из первых рук и требуют минимальных усилий по их интерпретации. Эти вопросы заставляют респондента отвечать в описательном ключе и, следовательно, ему проще на них ответить.

После того, как чей-либо опыт или действия уже описаны, уместно приступить к вопросам об интерпретациях, мнениях и чувствах.

Вопросы о знании обычно нуждаются в контексте. Лучше всего задавать их вместе с наводящими вопросами о ситуациях или событиях. Эти вопросы работают лучше всего, когда доверие между респондентом и интервьюером уже установлено.

Вопросы о настоящем считаются более легкими для респондента, чем вопросы о прошлом. Ответы на вопросы о будущем могут оказаться достаточно спекулятивными и их надежность заметно ниже, чем у вопросов, посвященных прошлому или настоящему. Можно начинать с вопросов о настоящем, а затем, используя настоящее как точку отсчета, задавать вопросы о той же самой деятельности или отношении в прошлом. Только после этого следует задавать вопросы о будущем.

Фоновые и демографические вопросы обычно считаются самыми скучными. Именно они символизируют то, что люди не любят в интервью. Некоторые из этих вопросов могут вызвать смущение или раздражение респондента, в зависимости от того, насколько личными они являются. Стоит свести эти вопросы к минимуму и тщательно продумать, где именно в тексте интервью их можно разместить. Никогда не нужно начинать интервью с длинного перечня рутинных демографических вопросов. Это сделает беседу слишком похожей на допрос. Вместо того чтобы давать короткие рутинные ответы на неинтересные категориальные вопросы, в качественном интервью респондент должен как можно раньше приступить к описанию. Возможно, некоторая фоновая информация и будет полезна в начале интервью, но ее следует как можно лучше увязать с описательной информацией. Многие полевики предпочитают задавать вопросы о возрасте, социально-экономическом статусе, семейном положении и т. п. в самом конце интервью.

Формулировки вопросов

Любой вопрос интервью является стимулом, направленном на то, чтобы вызвать отклик у респондента. Слова, которыми сформулирован вопрос, являются наиболее важными элементами, определяющими этот отклик. Без преувеличения можно сказать, что постановка вопроса является настоящим искусством. Применительно к качественному интервью, хорошие вопросы должны быть, как минимум, открытыми, нейтральными, «одноствольными» и ясными. Каждое из этих определений мы детально обсудим ниже.

Открытые вопросы

Главная проблема качественного интервью — как уменьшить влияние заранее предопределенных ответов при сборе данных. В использовании стратегий качественного интервью для сбора данных важно задавать открытые вопросы. Это означает, что вопросы должны позволять респондентам отвечать своими собственными словами.

Стандартный количественный опросник предоставляет респонденту возможность выбора из ограниченного круга альтернатив, например: совершенно удовлетворен, удовлетворен, не совсем удовлетворен, совсем не удовлетворен. В данном случае ясно, что предложенный респонденту вопрос являлся закрытым, а набор альтернатив — ограниченным и заранее предопределенным. Чаще всего, в том случае, если интервью ведется с использованием закрытого вопросника, респондент играет пассивную роль. Он только подтверждает или от-

рицает то, что сообщает ему интервьюер, который практически лишен возможности выяснить мотивы положительного или отрицательного ответа. Но если вопрос является действительно открытым, респонденту позволено употреблять любые слова для выражения своих чувств, оценок или мнений, пусть даже для этого ему понадобится не одно — два слова, вроде «да» или «нет», а десятки предложений.

При конструировании открытых вопросов в процессе интервью с респондентом следует придерживаться внутреннего диалога, который ведет респондент, задавая сам себе вопросы и отвечая на них. Особенно внимательно надо относиться к перефразированию респондентом вопросов исследователя. Например, в интервью о предстоящих выборах наш сельский респондент переспрашивает и уточняет вопрос интервьюера: «Вы спрашиваете, как пройдут выборы в нашем селе? Давайте порассуждаем. Вопрос вопросов — за кого будут голосовать? Так вот давайте подумаем. Нынешние власти...».

Скрытый смысл в вопросах

Скрытый смысл в вопросах является предметом изучения многих лингвистов. Наш язык полон такого рода конструкциями. В ходе повседневных бесед мы все время полагаемся на их скрытый смысл. Преобладание таких структур в языке имеет особое значение для интервью. Не избегая эффекта их влияния в ситуации интервью, опытный исследователь использует скрытую смысловую нагрузку для увеличения богатства и глубины ответов и полученных данных.

Посмотрим на следующий вопрос: «Каковы ваши пожелания относительно...». Этот вопрос предполагает, что у респондента есть такие пожелания, и хотя на самом деле он ни о чем таком не думал, вероятнее всего, он будет вынужден перейти к их описанию.

Сравним этот вопрос с другим вопросом, который предполагает дихотомический ответ: «Есть ли у вас пожелания относительно...». Используя такую форму вопроса, интервьюер фокусирует внимание на решении о том, произошло или нет нечто важное, а не выясняет, что именно произошло. Задавая вопрос со скрытым смыслом, мы обходим этот первоначальный шаг и спрашиваем об описании, а не о подтверждении того, что данное явление вообще существовало.

«Одноствольные» вопросы

Одним из важнейших правил интервьюирования является то, что каждый вопрос должен быть «одноствольным» — то есть содержать не более одной идеи. Рассмотрим, например, следующий вопрос: «Как

по-вашему, что изменится в вашем селе в следующем году и каковы ваши планы на будущее?». Ответ на этот вопрос трудно интерпретировать, поскольку на самом деле одновременно задано два вопроса. Когда речь идет об открытом интервью, многие думают, что некоторая точность задаваемых вопросов уже не нужна. Но даже в том случае, если предлагаемые респонденту вопросы тесно взаимосвязаны, задавая их респонденту одновременно, можно ввести его в заблуждение относительно того, о чем именно его спрашивают. Интервьюер, задающий несколько вопросов одновременно, взваливает на респондента непосильную ношу. Если, тем не менее, какой-то из ответов получен, зачастую бывает невозможно определить, к какому именно вопросу он относится, и все приходится начинать с самого начала.

Интервьюер, задающий несколько вопросов одновременно, может легко потерять контроль над ходом интервью. Респондент, не понимая, о чем именно его спрашивают, волен двигаться в любом направлении, в том числе и в том, которое совершенно не соответствует планам интервьюера. Вот почему для того чтобы добиться большей ясности, а также экономно использовать время, полезно заранее продумать формулировки, по крайней мере, наиболее важных вопросов.

Ясность вопросов

Требование к ясности, к смысловой однозначности вопросов было сформулировано еще в 40-е года 19 века статистиком и математиком Кетле и до сих пор не утратило своей актуальности. Интервьюер обязан сделать все возможное, чтобы респондент точно знал, о чем именно его спрашивают. Непонятные вопросы приведут к тому, что респондент будет чувствовать себя неудобно, казаться самому себе невеждой или даже начнет испытывать враждебность по отношению к интервьюеру. «Односмысловые» вопросы помогают делать интервью более ясным. Но есть множество и других факторов, которые влияют на ясность задаваемых вопросов.

Прежде всего необходимо понять, какой язык и термины используют участники диалога, т. к. от этого зависит ясность вопросов интервью. Те вопросы, которые сформулированы на собственном языке респондента, как правило, кажутся ему наиболее ясными и доступными для понимания.

Ясные вопросы заметно повышают качество материала, полученного в ходе интервью. Использование слов, имеющих смысл для респондента, слов, которые отражают его взгляд на мир, заметно улучшает качество данных, полученных в ходе интервью. В противном случае

ответ на неясный для респондента вопрос не будет иметь никакого смысла, или вы не получите никакого ответа вообще.

Вопросы «почему?»

Вопросы «почему» предполагают отношения причины и следствия, совершенное знание и рациональность. Они предполагают, что у всего есть своя причина, и что эти причины познаваемы. Трудность выявления причинных взаимосвязей неоднократно обсуждалась и обсуждается философами науки. С практической точки зрения, беседа, в которой постоянно встречается вопрос «почему», слишком часто напоминает разговор маленького ребенка со своими родителями и свидетельствует о том, как трудно бывает объяснить мир с точки зрения причинно-следственных связей. Поэтому гораздо лучше задавать интересующие вас вопросы так, чтобы не использовать слово «почему». Давайте сначала приведем пример вопроса «почему», а затем посмотрим на его возможные альтернативы.

«Почему вы решили вступить в колхоз?». Действительными причинами этого действия может быть большое количество вещей, включающих влияние других людей, природу институций, характер респондента, ожидания интервьюера и практические причины. Вряд ли респондент сможет сам структурировать эти причины. Скорее всего, он выберет одну-единственную причину, которая первой придет ему в голову. Вот возможные варианты ответов:

- Такое тогда было время;
- Все мои друзья вступили и посоветовали мне тоже сделать это (информационная причина);
- Я всегда был легок на подъем (личностная причина);
- Уполномоченный из города приказал нам всем вступить (социальное влияние);
- Мы были бедняками (экономическая причина);
- Чему быть — того не миновать (философская причина).

Перед тем как начинать интервью, исследователь должен был решить, какие уровни объяснений являются для него наиболее важными, и задавать соответствующие вопросы, избегая слова «почему». Например, если интервьюера интересуют характеристики институций, которые привлекли крестьян, то вместо вопроса: «Почему вы вступили?», — он должен был спросить нечто вроде «Что именно привлекло вас в колхозе?». Если же его интересует социальное влияние, которое было оказано на респондента, можно было бы спросить: «Какие люди сыграли наиболее важную роль при вашем вступлении в колхоз?».

Вопросы «почему» могут предполагать, что ответы респондента кажутся кому-то неподходящими. Вопрос «Почему вы это сделали?» может звучать как сомнение в том, что данное действие или чувство было оправданным. Следовательно, интервьюер должен найти такой «вординг», который показывает интерес и потребность в понимании тех или иных действий респондента, а не ставит под сомнение их правильность.

Степень расшифровки вопроса «почему?» зависит от глубины, с которой исследователь хочет изучить определенную ситуацию. Если интервьюер заранее продумает, что именно он хочет узнать, то велика вероятность, что респондент даст ответы полезные и имеющие смысл.

Взаимоотношения с респондентами: доброжелательный нейтралитет

О взаимоотношениях между интервьюером и респондентом написано так много учебной и методической литературы, что в рамках данной книги авторы считают более целесообразным поделиться своим опытом по налаживанию отношений с респондентами для создания благоприятной обстановки в ходе интервью в ситуации, когда интервьюер-горожанин работает в сельской местности и должен учитывать специфику сельского образа жизни, норм, традиций и обычаев российского села.

Нейтральные вопросы

Хотя исследователь, безусловно, должен установить тесный контакт с человеком, которому он задает вопросы, этот контакт не должен нарушать нейтральное отношение к тому, что отвечает респондент.

Нейтральность означает, что собеседник должен говорить интервьюеру абсолютно все, не опасаясь вызвать к себе плохое или хорошее отношение, в зависимости от содержания ответа. Интервьюер не должен показывать, что он шокирован, разгневан, смущен, опечален.

Хотя интервьюер сохраняет нейтралитет, он должен тщательно заботиться о том, чтобы респондент хотел делиться с ним тем, о чем он говорит. Контакт означает, что интервьюер относится к своему собеседнику уважительно и для него чрезвычайно важно все, что тот скажет. Респондент должен быть уверен, что его знания, опыт, отношения и чувства имеют ценность и важны для слушателя. Ни в коем случае нельзя осуждать респондента за то, что он говорит. Контакт должен быть построен на взаимной симпатии и понимании, которые не основаны на оценочных суждениях. Мы рассмотрим способы пост-

роения вопросов, которые укрепляют контакт посредством взаимопонимания. В следующем разделе мы коснемся формулировки вопросов, которые направлены на поддержание нейтральности.

Использование иллюстративных примеров в вопросах

Одним типом «вординга», который может помочь в поддержании нейтральности, является использование иллюстративных примеров. Формулируя вопросы таким образом, можно дать понять своему собеседнику, что его случай — далеко не первый, независимо от того, «хороший» он или «плохой», а интервьюер не ищет сенсаций и не пытается читать проповеди. Вопрос с примером, начинается обычно с короткого рассказа о похожих ситуациях, в которые попадали другие люди. Далее интервьюер говорит о том, как они вели себя в этих ситуациях, одни — так, другие — иначе, стараясь ни в коем случае не высказывать своих эмоциональных оценок этих альтернатив. После этого интервьюер может спросить своего собеседника, к какой именно группе он принадлежит, особенно не опасаясь, что своими оценками заставит его отвечать неискренне.

Если возможных способов поведения слишком много, в преамбуле вопроса можно называть не все возможные альтернативы, а только крайние или экстремальные. Можно надеяться, что респондент, ориентируясь на крайности как на тенденции, укажет одновременно и на степень их выраженности.

Но в любом случае нельзя давать респонденту подсказки, вольной или невольной, относительно того, какой тип ответа является наиболее подходящим или желательным. Скорее всего, в ситуации интервью у респондента может не оказаться причин оказывать сопротивление и настаивать на справедливости своей точки зрения, которая вполне может быть противоположна тому, что ему подсказывает интервьюер.

Очень важно добиться того, чтобы приводимые примеры были сбалансированы с точки зрения позитивного и негативного к ним отношения. Для того чтобы добиться такого баланса, один из примеров может быть целиком вымышленным и даже не иметь аналогов в реальной жизни.

Не стоит злоупотреблять иллюстративными примерами. Лучше всего начинать с простого, прямого и открытого вопроса, когда респондента еще не ограничивают примеры. И только если ответа на эти вопросы не удастся получить, можно предложить своему собеседнику вопросы с иллюстративными примерами.

Ролевые и имитационные вопросы

Иногда может оказаться полезным предложить интервьюеру тот или иной контекст для ответа на вопрос. Этот контекст помогает ему понять, на каком уровне должен быть дан ответ. Одним из способов создания такого контекста является ролевая игра, в которой респондента просят ответить интервьюеру, как если бы тот был кем-то иным. Очень часто такие вопросы начинаются словами «предположим», «допустим» или «представим себе».

«Предположим, что я только что переехал в ваше село и ничего не знаю о том, что здесь происходит. Что бы вы сказали мне о правилах, которым я должен следовать?».

Цель у этих вопросов — создать контекст для того, что в ином случае было бы не так просто сформулировать. Достаточно отбросить вводную часть предыдущего вопроса, и понять его смысл респонденту станет гораздо труднее: «Что бы вы сказали мне о правилах, которым я должен следовать?». Ролевые вопросы превращают респондента в эксперта, который знает нечто, представляющее ценность для кого-либо другого. Интервьюер ставит себя в положение ученика, новичка в данном деле, и просит «эксперта» поделиться своим опытом. Очень часто респонденты, которым задали ролевой вопрос, оживляются и проявляют неподдельный энтузиазм.

Другой тип ролевого вопроса состоит в том, что интервьюер как бы отделяет себя от того, кто задает такой вопрос. Допустим, например, что в интервью следует коснуться проблемы воровства. Сравните прямой вопрос: «Как вы выносите готовую продукцию с предприятия?» с его менее фрустрирующим вариантом: «Если бы кто-то, кому вы доверяете, спросил вас, как можно вынести готовую продукцию с предприятия, то что бы вы ему ответили?». Первый вопрос переносит респондента в атмосферу уголовного расследования, в то время как второй сформулирован гораздо мягче и выдержан в неформальном и информативном тоне. Несмотря на тот факт, что содержание вопроса совершенно одинаково, во втором использован психологический эффект разрыва связи респондента и заданного ему вопроса. Если этот прием использовать не очень часто и задавать его с подобающей «задумчиво-таинственной», а не напористой интонацией, то такая ролевая постановка может упростить процедуру и позволит интервьюеру получить ценную информацию.

Имитирующие вопросы создают необходимый контекст беседы несколько иным образом. Респондента просят вообразить себе ситуацию, которая интересует интервьюера: «Предположим, я присутствую

на закрытой планерке. Что будет на ней происходить? Кто, скорее всего, будет присутствовать? Какие вопросы будут задавать? Какие решения, скорее всего, будут приняты?». Фактически, респондента просят стать наблюдателем и поделиться своим опытом наблюдений в подобных ситуациях. Чем большим даром наблюдателя обладает респондент, тем более яркими и полными будут его описания. Подобные вопросы лучше задавать относительно тех ситуаций, к которым интервьюер не может получить доступ.

Вступительные слова и замечания

Цель вступительных слов заключается в том, чтобы дать респонденту понять, о чем именно его будут спрашивать. Вступление может играть две функции: во-первых, оно предупреждает респондента о природе вопросов, которые ему будут задаваться, мобилизует и фокусирует его внимание, во-вторых, вводные замечания, которые делает интервьюер, дают респонденту несколько секунд для того, чтобы тот сосредоточился на задаваемом далее вопросе. Такие вступления могут сделать ход интервью более плавным и свести к минимуму неприятные паузы, которые возникают тогда, когда респондент пытается вспомнить необходимую информацию. Существует несколько различных форм, которые можно использовать для вводных замечаний.

Переходная форма заключается в том, что интервьюер объявляет о завершении одного раздела или темы интервью и о начале нового раздела или темы: «Мы говорили о членах вашей семьи: кто они и чем занимаются. Сейчас я хотел бы задать вам несколько вопросов о ваших друзьях и товарищах по работе». В переходном заявлении обычно говорят респонденту: «Это то, где мы с вами только что находились..., а это — куда мы сейчас двинемся». Делать переходные замечания лучше всего в том случае, если без них переход от одного блока к другому будет казаться респонденту нелогичным и хаотическим. Альтернативной формой перехода является суммирующий переход, или подведение промежуточных итогов. Этот тип переходных замечаний подводит итог разделу интервью с помощью повторения сказанного респондентом. Здесь можно спросить респондента, правильно ли его поняли, не хочет ли он что-то добавить или пояснить перед началом новой темы. Прежде чем начинать озвучивать эту связку, интервьюеру следует убедиться, что он не прерывает респондента, если тому еще есть, что сказать: «Прежде чем мы перейдем к следующему разделу, позвольте мне убедиться, что я понял вас правильно и ничего не упустил. Прежде чем я задам вам несколько вопросов

на другую тему, скажите, пожалуйста, нет ли чего-то такого, что вы хотите добавить?».

Суммирующий переход позволяет респонденту понять, что интервьюер его внимательно слушает и беспокоится о том, чтобы донести слова своего собеседника без искажений и максимально полно. Вместе с тем, такая тактика оставляет респонденту шанс внести необходимые дополнения и уточнения. Наконец, суммирование сигнализирует о том, что настало время перейти к другим вопросам и дает респонденту понять, какие вопросы последуют далее. Форма непосредственного объявления подразумевает прямое заявление о том, какой вопрос будет задан следующим. Предисловие к вопросу смягчает его резкость или неожиданность. Такие предисловия помогут сделать интервью более разговорным и плавным. «Позвольте мне спросить вас о том, как изменилась ваша жизнь после перехода на новую работу? Что нового в ней появилось и от чего вам пришлось отказаться?».

Разумеется, в определенных ситуациях может оказаться, что лучше задать прямой вопрос, без всяких вводных слов или предисловий. В любом случае следует помнить, что постоянные повторения одной и той же формы или механическое повторение одного и того же приема сделает интервью неуклюжим и неестественным.

Предисловие, мобилизующее внимание респондента, представляет собой замечания относительно следующего вопроса. Это замечание может касаться важности вопроса, его трудности, деликатности или любой другой характеристики, которая, по мнению интервьюера, заставит респондента быть более внимательным к выбору ответа:

«Мой следующий вопрос особенно важен для нашего проекта»;

«Мой следующий вопрос может показаться вам довольно расплывчатым, но постарайтесь ответить на него так, как вы его поняли»;

«На мой следующий вопрос вам, возможно, будет непросто ответить, но, тем не менее...».

Предисловие, мобилизующее внимание, дает понять респонденту, что вопрос, который ему задают, имеет какую-то уникальную особенность, отличающую его от других.

Привычка делать замечания к задаваемым вопросам позволяет интервьюеру более активно участвовать в беседе, избегая комментариев к ответам респондента. Интервьюер получает возможность сказать нечто такое, что позволяет ему выйти за рамки незавидной роли простого «задавальщика вопросов». В результате интервью становится более интересным для самого собеседника, и беседа оказывается более комфортной и живой.

Уточнения и вопросы «вдогонку»

Уточнения используются для того, чтобы сделать ответ на вопрос более глубоким и дать понять респонденту, насколько подробным должен быть его ответ. Уточняющие вопросы должны быть заданы как можно более естественно и следовать за первоначальными ответами респондента.

Естественный набор уточнений состоит из вопросов, ориентированных на детали: «Когда это произошло? Кто еще присутствовал при этом? Где вы были в это время? Где это произошло? В чем заключалась ваша роль в этой ситуации?». Уточняющие вопросы «Кто? Где? Что? Когда? и Как?» используются для того, чтобы получить полную и детальную картину какого-то события.

В иных случаях интервьюер может захотеть, чтобы его собеседник продолжал рассказывать о предмете разговора. Есть множество способов дать понять респонденту, что его внимательно слушают и он может продолжать рассказ. Лучший способ для интервьюера — это просто кивать головой. Следует, впрочем, помнить, что слишком энергичные кивки головой могут быть восприняты как одобрение того, о чем респондент говорит, или как знак того, что пора прекратить разговор, поскольку интервьюер понял все, что ему хотели сказать.

Вербальным эквивалентом кивков головой являются междометия.

Иногда может быть уместной комбинация вербальных и невербальных способов продемонстрировать свое внимание. В дополнение к междометиям могут быть заданы и прямые уточняющие вопросы или реплики: «Не могли бы вы сказать об этом подробнее?», «Это очень интересно», «Не могли бы вы объяснить мне это более подробно?», «Я начинаю понимать...». Иногда респондент может почувствовать себя обязанным что-то добавить к своему ответу или пояснить его. Интервьюер может сообщить с помощью уточняющих обобщений, что ему нужно больше информации или что он хочет, чтобы ответ был изложен другими словами. Например: «Вы сказали, что прошлый год был удачным. Что вы имеете в виду под словом «удачный»? Я не уверен, что хорошо все понял. Не могли бы вы это уточнить?».

Проясняющие уточнения дают респонденту понять, что недостаточное взаимопонимание — это вина не его, а интервьюера. Интервьюер ни в коем случае не должен дать почувствовать своему собеседнику, что считает его косноязычным, туповатым или путающим все на свете. Вряд ли будет правильным «зацикливаться» на одном и том же вопросе. После одной или двух попыток прояснить ситуацию лучше всего оставить эту тему хотя бы на время и перейти к другим вопросам.

Еще одним типом вопросов «вдогонку» являются уточнения по контрасту. Их цель — определить границы, в пределах которых данный ответ остается истинным.

В отличие от общих вопросов, уточнения редко записываются в ходе интервью. Искусство задавать уточняющие вопросы рождается из понимания, чего вы хотите добиться вашим интервью, из умения слушать внимательно, контроля над тем, что было и что не было сказано, и внимательным наблюдением за поведением респондента. Уточнения задают направления, в котором должен идти респондент. Они так же позволяют интервьюеру более успешно контролировать ход беседы. Эту тему мы обсудим ниже.

Контроль над ходом интервью

В процессе проведения интервью одним из наиболее важных факторов является время. Пространные ответы «ни о чем», не относящиеся к делу замечания, бесконечные отступления резко сокращают время, которое должно быть использовано для выяснения центральных, критически важных вопросов. Интервьюер обязан контролировать ход интервью. Этот контроль поддерживается тем, что интервьюер четко сформулировал себе свои цели, правильно задает вопросы и постоянно подает вербальные и невербальные знаки своему собеседнику.

Знание своих целей означает, что интервьюер способен отличить важные ответы от ответов, не относящихся к делу. Не достаточно лишь задать правильный вопрос. Интервьюер, слушая внимательно ответ, должен убедиться, что респондент говорит именно о том, о чем его спросили. Например, вопрос мог быть задан о том, что происходило в прошлом, а ответ касался того, что должно было происходить. Именно интервьюер должен добиться, чтобы на все его вопросы был получен соответствующий ответ. Вербальные и невербальные сигналы также чрезвычайно важны для контроля над процессом интервью. Все кивки головой, междометия, ведение рукописных заметок, жесты и даже паузы являются сигналом для респондента, что он находится на правильном пути. С другой стороны, часто необходимо остановить разговорчивого респондента, который сбился с курса. Первый шаг для интервьюера заключается в том, чтобы прекратить подавать одобряющие знаки: не кивать головой, попытаться вставить новый вопрос, как только респондент сделает паузу, чтобы набрать дыхание, бросить ведение записей, закрыть блокнот, выключить диктофон и откинуться назад в ожидании. Когда эти невербальные сигналы не работают, появляется необходимость остановить респондента такой, например, фра-

зой: «Позвольте мне прервать вас на секунду. Правильно ли я вас понял, что...». Или: «Давайте прервемся на мгновение, потому что я хотел бы поговорить об этом позже. Но прежде я хотел бы спросить вас о...». Иногда неопытные интервьюеры считают, что прерывать своего собеседника было бы невежливо. Конечно, это может быть сделано неловко, но если прервать собеседника с уважением к его самолюбию, это только поможет интервью. Еще хуже позволить собеседнику продолжать, не проявляя искреннего внимания к тому, что он говорит. Экономия времени одинаково полезна для обеих сторон. Именно интервьюер обязан дать понять своему собеседнику, какую информацию он хочет получить. Он должен сделать все, чтобы создать для этого необходимые условия.

Глубинное интервью

Первый контакт. О том, что «встречают по одежке», знают все. Как правило, в инструкциях интервьюеру указано, что он не должен одеваться слишком модно или экстравагантно, а выглядеть так, чтобы одежда не бросалась в глаза. Но, на наш взгляд, интервьюер не должен выглядеть подчеркнуто «по-деревенски»: появление в сапогах и ватнике или заношенной «функциональной» (рабочей) одежде вызывает при первом контакте не расположение, а настороженность. Конечно, желательно знать о принятых в данной местности правилах приветствия, способах вхождения в разговор, ритуалах начала и окончания беседы. Например, в селах Саратовской области принято разуваться при входе в дом. Но хозяева, стремясь показать уважение к гостю, как правило, настойчиво убеждают его не снимать обувь у порога, а проходить в дом обутым. Гость, наоборот, соблюдая местные правила приличия, снимает обувь в прихожей или даже на крыльце дома. Не принято сразу начинать разговор о своем деле. Обычно гости, которые пришли впервые, говорят о том, как добрались к ним, кто посоветовал обратиться, или что шел мимо и вдруг заинтересовался чем-то необычным (постройкой дома, деревьями или цветами в палисаднике и т. п.).

Лучший способ вступить в разговор — это «молчаливая помощь». Например, один из авторов специально дождался, пока интересующая его респондентка пойдет к колонке за водой, чтобы поздороваться и помочь поднести ведра с водой, а затем спросить где живут такие-то и познакомиться. Как норма общения существует правило — застав крестьянина за каким-либо делом, следует либо помочь ему, либо подождать, пока он управится с делами.

В беседе с крестьянами надо не забывать о том, что их личностное пространство (т. е. условные границы вокруг собственного тела, пересечение которых другими людьми воспринимается как определенное направленное негативное или позитивное действие) гораздо шире, чем у горожан. Если в городе при разговоре друг с другом собеседники стоят на расстоянии 40–50 см друг от друга, то в селе, если подойти к незнакомому человеку на расстояние ближе вытянутой руки, то он непроизвольно делает шаг назад или чувствует состояние дискомфорта. Можно разговаривать с человеком, находящимся на расстоянии от 2 до 10 метров и это не будет считаться неприличным. Лучше всего интервьюеру в начале беседы самому близко (1,5–2 м) не подходить к респонденту в сельской местности, а ждать, когда он это сделает сам. Стремление респондента сократить дистанцию при разговоре будет свидетельствовать только об удачном начале беседы и в таком случае можно переходить к содержательной части встречи.

Заходя в сельский дом, если дверь не заперта, лучше не стучать, а, приоткрыв дверь, окликнуть хозяев дома (стук в незапертую дверь для сельского жителя является сигналом, что пришли чужие). Не принято в доме самому садиться на стул, не спросив разрешения хозяев. Но, даже получив разрешение, лучше взять дополнительный стул или спросить, где обычно сидит хозяин, чтобы случайно не занять его место. «Оккупация» привычного для хозяина дома места за столом или комнаты, где он обычно отдыхает, бессознательно воспринимается как посягательство на личную территорию. Так же негативно воспринимается демонстрация «жестов собственности» — когда исследователь стоит, прислонившись рукой к дому, забору, по-хозяйски поглаживает домашних животных и т. п.

Проблемы первого контакта при групповом опросе. Довольно часто исследователь в сельской местности оказывается в ситуации, когда индивидуальная беседа с респондентом превращается в групповой опрос. Так, например, во время такой беседы к ним могут подойти и вступить в разговор родственники, знакомые, односельчане. В связи с публичностью личной жизни сельских жителей, присутствующие при беседе с респондентом односельчане считают себя в праве вмешаться в разговор, комментировать ответы, задавать вопросы и т. п.

В зависимости от каждой конкретной ситуации или цели исследования, превращение индивидуального опроса в групповой имеет позитивные и негативные стороны. Однако если первый контакт с респондентом происходит в группе, то исследователь вынужден работать не с отдельным респондентом, а со всей группой. Обычно в начале ра-

боты главной задачей исследователя является создание положительной мотивации респондента на участие в опросе, где, как правило, обязательным элементом является демонстрация убедительного ответа на вопрос: «Зачем это исследование нужно?».

Как правило, при групповом опросе находится индивид, старающийся убедить группу в бесполезности любых опросов («после них все равно ничего не изменится») или даже прямого вреда от участия в них («мы здесь наговорим, а потом узнает начальство и нам будет плохо»). Он как бы бросает вызов исследователю, проверяя его на «серьезность» намерений по отношению к группе и важность исследования «мнения простых людей» для властных структур и т. п.

Наиболее распространенной тактикой поведения в данном случае является поиск дополнительных аргументов, показывающих значимость результатов исследования для «народного хозяйства, науки и человечества в целом» и его безвредность лично для респондента. В крайнем случае, исследователь разочарованно заявляет, что участие в опросе — дело добровольное, никто никого не заставляет, и если индивид не желает отвечать на вопросы, то ему не о чем беспокоиться.

Однако, как ни странно, в ряде случаев более эффективной тактикой оказалась демонстрация как бы «искренней обиды и возмущения», которые обращены на выделенного из группы «смутьяна». Возможно, что это поведение соответствует стереотипу «городского чиновника», «казенного человека», который всегда вправе требовать от крестьян выполнения малопонятных действий, якобы необходимых государству, а социолог часто воспринимается именно как городской чиновник, особенно если его представляет респондентам местное начальство. Встречаясь с сопротивлением крестьян, стереотип поведения предписывает «чиновнику» нешуточно «обидеться» за себя и в своем лице за государство, которое «заботится о крестьянах, а они этого не понимают».

На первый взгляд, такое поведение исследователя должно привести к последующей неискренности в ответах респондента, но это случается редко и зависит уже от непосредственного общения с ним. Гораздо чаще такая реакция исследователя вызывает к нему уважение и, наоборот, его заявление о добровольности участия в исследовании воспринимается многими сельскими респондентами как подтверждение бесполезности исследования и низком социальном статусе исследователя. Вот, например, запись разговора во время первого знакомства исследователя с респондентом на животноводческой ферме в с. Даниловка Саратовской области (1993 г.) в тот момент, когда к ним подошли пять или шесть доярок:

Одна из подошедших доярок: «А чего Вы ее спрашиваете?».

И.: «Мы проводим изучение хода аграрной реформы...» и т. д.

Доярка: «Вот полгода назад здесь тоже приходили с города. Анкеты давали писать. Что изменилось? Толку нет от этих... Хуже только стало. Нечего тут... Нам работать еще...».

И.: «А Вы кто? Как Вас зовут? Галя?! Как Вы Галя сказали: “Толку нет”? Вы что, думаете, мне делать нечего, к вам тут за тридевять земель добираться. Это важная государственная программа, нас специально послали, чтобы учесть мнения тех, кто работает и т. д.»

Д.: «Да я ничего. Что Вы так обиделись. Не надо. Нам тоже тут. Обещают все только. Я же понимаю, раз дело такое. А вот нас кто поймет?!».

И.: «Я и приехал для этого, чтобы понять, спрашиваю вас, а вы?!»

Д.: «Да ладно. Это я так. Что там у Вас?».

Вероятно, десятилетия диктата власти над крестьянством не прошли бесследно, и если в «приглашении» участвовать в исследовании нет привычных вербальных оборотов из лексикона представителей власти, то для респондентов, которые своим отказом проверяют «серьезность» исследования, это может быть подтверждением бесполезности этого мероприятия, и есть опасность, что такая установка на участие в исследовании овладеет всей группой. В таком случае в речи исследователя обязательно должны присутствовать фразы типа: «мы выполняем важное правительственное поручение», «необходимо», «государство», «закон», «все должны помогать» и т. п. Конечно, это переводит разговор в более официальное русло, но этим достигается возможность удержать нужного для исследования респондента, создать установку на серьезность и важность участия в исследовании, тем более, что потом официальность быстро уходит, как и казенный язык исследователя в самом начале беседы.

Следует учитывать присущий крестьянству прагматизм. В настоящее время жители села рассматривают встречу с социологом как дополнительную возможность донести свои проблемы до «начальства», т. е. ставших привычными за годы советской власти регулярных собраний производственного коллектива, совещаний, отчетов партийных и профсоюзных собраний и других встреч руководства с коллективом предприятия и жителями села, которые чаще носили ритуальный характер, стало значительно меньше. Поэтому заверения социолога, что их мнение будет известно правительству и будет учтено при принятии законов и постановлений, воспринимается позитивно. Например, при опросе общественного мнения жителей села накануне выборов социоло-

логи представились как научные сотрудники, проводящие исследование в их селе. Респонденты отвечали неохотно, стремились быстрее закончить беседу, но когда интервьюер сказал, что они выполняют задание администрации области по изучению положения на местах, их долго не хотели отпускать, рассказывая о своих наболевших проблемах.

Истории жизни: «Расскажите о себе все, что хотите» или «Мне бы хотелось спросить Вас о...»

Почти любая тема качественного социологического исследования, где используются методы беседы или глубинное интервью с респондентом, включает более или менее подробную историю его жизни, рассказанную им самим, или некоторые фрагменты этой истории. Методически истории жизни представляют собой традиционное поле качественных методов социологии и родственных ей наук, которые известны под названием «устные истории». В западной социологии известно достаточно много работ, где устные истории, записанные в беседах и интервью, являются важным дополнением к экономическому анализу, основанному на работе со статистикой и отчетными документами. Например, такие работы как «The Farm and the Village», «Where Beards Wag All», выполненные под руководством Джорджа Эванса⁶², где были записаны устные истории фермеров, торговцев и наемных сельскохозяйственных рабочих Англии. А книга Анжелы Хевинс «The Dillen» считается эталоном биографического жизнеописания английского рабочего, оказавшегося на социальном дне.⁶³

Чем меньше вмешательство исследователя в этот рассказ, тем меньше эффект интервьюера, т. е. скрытого навязывания интервьюером мнения или варианта ответа постановкой вопросов, вербальной или невербальной реакцией на ответ респондента. Эта реакция выражается либо в словесной форме согласия или несогласия с мнением респондента, одобрением или осуждением его высказываний, либо интонацией и языком тела — мимикой и жестом. Некоторые социологи считают, что если «не мешать» респонденту своими вопросами, то он расскажет подлинную историю своей жизни и именно так, как он ее представляет. Наша практика показала, что это не всегда так, кроме того, такой подход создает определенные проблемы для выполнения задач исследования.

⁶² Evans G.E. Where Beards Wag All, 1975; Evans G.E. The Days That We Have Seen, 1975.

⁶³ Hewins A. The Dillen, 1981.

Свободный рассказ

Прежде всего, в свободном рассказе респондент может не затрагивать темы, интересующие исследователя. Например, одной из задач нашего исследования был сбор материалов по истории крестьянских семей, восстановление генеалогии семьи респондента. Социолог, работающий в селе Калининградской области, так характеризует одного из своих самых интересных респондентов: *«Баба Наташа с удовольствием рассказывает о работе, о людях, но очень не любит говорить о своей семье. О своих предках она рассказывать отказалась — считает это неважным»*.⁶⁴ С одной стороны, выяснение причин, почему та или иная тема истории жизни респондента воспринимается им мало значащей, «неважной», является важным элементом понимания его жизненного пути, но с другой — «неважная» сторона биографии респондента может представлять основной интерес для исследователя.

Иллюзия невмешательства

Здесь кроется немалая опасность, которую можно назвать «иллюзией невмешательства». Социолог с твердой установкой не вмешиваться в рассказ респондента, которую он в начале беседы обозначает просьбой к респонденту типа: *«Расскажите о себе, своей семье, все что хотите (хотели бы рассказать, находите интересным, важным и т. п.)»*, считает, что это достаточно для того, чтобы респондент не чувствовал давления на него со стороны исследователя.

Однако избежать определенного давления интервьюера на респондента в процессе интервью невозможно, т. к. исследователь не может оставаться абсолютно нейтральным к содержанию беседы и своему собеседнику. Своими репликами, интонациями, уточняющими вопросами, мимикой он показывает респонденту, что его интересует больше всего, с чем он согласен, чему удивлен и т. д. «Иллюзия невмешательства» проявляется в том, что благодаря своей установке исследователь не осознает степени своего влияния на респондента, тогда как социолог, который придерживается определенного плана беседы и задает необходимые ему вопросы, понимает, что управляет ходом интервью и определенным образом влияет на рассказ респондента.

Обнаружить степень влияния исследователя в «свободном» рассказе о своей жизни можно по подробной стенограмме беседы в месте, где интервьюер ничего не говорит, а респондент по какой-то причине

⁶⁴ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 352.

меняет тему разговора или отвечает на не поставленный вопрос, начинает пояснять свою мысль или оправдываться. Как правило, интервьюер редко когда может вспомнить, что произошло в этот момент в беседе. Может быть, он удивленно покачал головой или вопросительно посмотрел на говорящего, или произнес реплику типа «да», «это интересно», «я понимаю» с определенной интонацией, либо перестал записывать, скучающе посмотрел куда-то мимо респондента и т. п.

Например, в ходе интервью, рассказывая о своей должности бригадира в колхозе, респондент говорит: *«Да, от меня тогда много зависело. Ты не думай, не хвастаю. Да, много чего было. Ну ладно, давай я тебе лучше о нашем МТС...»*. Может быть, респондент перехватил недоверчивый взгляд интервьюера или подумал о том, как он выглядит в глазах чужого человека, который его не знает. Он явно смутился и перевел тему разговора.

Опасение респондента, что его рассказ или он сам будут выглядеть со стороны не лучшим образом, может пробудиться совершенно неожиданно под влиянием собственной интерпретации невербального поведения интервьюера или даже просто его присутствия. Например, респондент ведет рассказ о трагедии своей семьи в период голода 1933 года:

«Вот свой человек, а все отобрал. Пуд свеклы Ваня нес и четверть молока. И Данька отобрал все. Подлец! Ни дна ему, ни крыши! Ну ведь каждый сам себя спасал, что ж тут сделаешь».

Опытный интервьюер, который вел запись беседы на диктофон, посчитал важным дополнить расшифровку записи этого момента в беседе своим замечанием, которое поясняет, что переход от эмоциональной характеристики кума Даньки к этическому обобщению произошел не сразу. Интервьюер отмечает в своей записи беседы: *«Долгая пауза, вздыхает, плачет ... Потом вдруг говорит в примирительно-прощающем тоне»*. Эта пауза, *«потом вдруг...»* и последующий вывод-оправдание может быть реакцией на присутствие собеседника. Именно на сам факт присутствия, так как респондентка была слепой и не могла видеть выражение лица собеседника или какие-либо его жесты. Содержание данной реакции может отражать как моральную позицию респондента и опасение, что его эмоциональный всплеск будет понят как проявление злопамятности, что противоречит христианской этической модели прощения греха, так и просто попытку осознать то время и себя в нем. Но, так или иначе, присутствие интервьюера каким-то образом повлияло на ее воспоминания.

«Метод слоеного пирога»

Одной из лучших стратегий для работы с семейными историями мы считаем метод сбора первичной информации, который был назван «методом слоеного пирога». При первом знакомстве с респондентом социолог просит его рассказать историю своей жизни и жизни семьи так, как он может и хочет, без привязки к определенной теме. Здесь раскрывается его ценность как информанта, выясняется, что респондент помнит, свидетелем каких событий он был, как излагает свои мысли, насколько расположен к беседам о себе и своей семье и т. п. Только после этого, исходя из анализа расшифровки записи его истории жизни, готовятся специальные вопросы, которые соответствуют задачам исследования. Следующая встреча с респондентом — новая история и новые вопросы, и так до тех пор, пока социолог не сочтет, что тема закрыта. Таким образом, история семьи респондента создается как бы послойно, по схеме: беседа — запись — расшифровка — новые вопросы — беседа — запись — расшифровка — новые вопросы и т. д. Эта схема применялась также в случае, когда интервью «структурировалось» с помощью тематического опросника, с которым социолог знакомил респондента.

Мы неоднократно замечали, что респонденты, как правило, рассказывают о себе одну и ту же историю жизни только в ситуации необязывающего общения, когда их просят рассказать что-то о себе так, как это принято в обыденном межличностном общении, т. е. без излишнего «копания» в биографии, косвенно ожидая услышать что-то интересное или поучительное из жизни собеседника. Например, на вопросы: «Кто Ваши родители? Где и как прошло детство? Вы воевали?» и проч., следуют «интересные», по мнению респондента, истории из его жизни, которые он обычно рассказывает о себе или своей семье. Эти рассказы практически без изменений могут повторяться при каждой встрече с исследователем. Изменения начинаются, когда исследователь начинает уточнять даты, имена, последовательность событий, интересуется их оценкой с позиций сегодняшнего дня и т. д. Начинается процесс переосмысления своей жизни, могут появиться новые воспоминания или прежние рассказы начинают звучать по-новому.

Например, если раньше не принято было открыто рассказывать о своих раскулаченных при советской власти предках, то теперь признание факта, что кулаки на селе являлись далеко не худшей частью крестьянства, меняет содержание рассказа, наполняя его новыми подробностями и оценками событий того времени. Респонденты отмечали: «Раньше мы про это говорили мало. Ни к чему это считалось.

Ну, опасались, что ли. Мало ли. Время тогда было... Сейчас говори, что хочешь. Да многое забылось уже...».

Сценарий жизни респондента в качественном исследовании

При планировании интервью после первого знакомства с респондентом социолог должен учитывать, что рассказы респондента и его ответы на вопросы складываются под влиянием его представления о своей жизни, о том, насколько удачно сложилась его судьба, добился ли он того, к чему стремился. Эти представления формируются под влиянием «жизненного сценария», который Эрик Берн определил как «бессознательный жизненный план». Этот термин широко используется в различных направлениях психологии, особенно в таком как транзактный анализ⁶⁵. В основе теории «сценария жизни» лежат несколько идей, которые важны для социолога, изучающего историю жизни респондента и его семьи:

а) детские впечатления оказывают сильное влияние на модели поведения взрослых людей. Это своеобразный план жизни с определенным началом, серединой и концом;

б) человек сам принимает решения о сценарии, а не только под влиянием родителей или обстоятельств;

в) сценарий подкрепляется родителями. Родители постоянно передают ребенку какие-то послания, на основе которых формируются представления ребенка о себе и мире вокруг него. Главные решения в сценарии принимаются на основе этих представлений;

г) сценарий находится вне пределов сознания. Мы не осознаем решения, которые были приняты в раннем детстве;

д) реальность искажается с целью оправдания сценария.

Для социолога, работающего в поле, важно понимать, какой сценарий представляет респондент в общении с исследователем. Это важно для того, чтобы знать, почему респондент поступил или сказал именно таким образом.

Например, практически все фермеры, имеющие крестьянские корни, с которыми приходилось общаться исследователям в селах Саратовской области, говорили, что их предки были зажиточными крестьянами, имели свою землю и большое хозяйство. Это они узнали от своих родственников еще в детстве. Возможно, ребенок еще не понимает, что такое иметь свою землю, зачем иметь много лошадей и ко-

⁶⁵ Стюарт Ян, Джойнс Венн. Транзактный анализ / Пер. с англ. СПб., 1996. С. 105–125.

ров, но он хорошо понимает одобрительные интонации голоса авторитетных для него людей — родителей, бабушек и дедушек. Он делает вывод, что иметь свою землю хорошо и включает это в свой жизненный сценарий. И когда представляется возможность реализовать этот сценарий, то он принимает соответствующее решение.

Поэтому выявление содержания, глубины и механизма передачи памяти семьи и коллективной памяти социальной общности детям становится одной из задач социолога в качественном исследовании. Сам рассказ респондента может строиться в соответствии со своим сценарием, например, в истории жизни одного из наших респондентов из села Вологодской области центральной идеей является представление, что основой жизни крестьянина является экономическая независимость, основанная на труде его и всех членов семьи. Он говорит: *«Все же крестьянин, в моем понимании, ни от кого и ни от чего не должен зависеть — только от природы и погоды. ... Считаю, что только труд, еще раз труд в колхозе и на своем подворье — вот основа нашей жизни»*.

Это представление предопределило многие важные решения в его жизни и саму канву повествования о ней. История его жизни — это попытка показать, что лишение крестьян самостоятельности и отлучения добросовестно трудиться — причина неудач и в его судьбе. Поэтому не случайно большое место в его истории занимает тема «перегибов» советской власти на селе и перечень ремесел и умений, которыми владели члены его семьи.

Помочь вспомнить

Социолог, применяющий в полевом исследовании качественные методы, достаточно часто сталкивается с ситуацией, когда респондент говорит, что он не может вспомнить те или иные события, имена, даты, какие-либо факты своей биографии и т. п. Однако эти «белые пятна» в истории жизни респондента появляются не случайно, а вследствие особенностей действия социально-психологических механизмов памяти.

Кроме индивидуальных особенностей памяти, которые изучает психология, существуют социальные причины, влияющие на объем и качество памяти. Как правило, люди, прошедшие войну, не могут до конца дней забыть связанные с ней события. Факты биографии, которые сопровождались сильными эмоциями (участие в войне, голод, свадьба, рождение детей) не могут забыться. Механизм памяти, вероятно, фиксирует и запоминает все без исключения, но воспроизводит только выборочно, подчиняясь особому коду на языке эмоций.

Социолог должен отыскать этот эмоциональный код исходя из исторического контекста, к которому относятся воспоминания собеседника. Например, можно оживить воспоминания о «серых буднях», когда респондент говорит, что ничего особенного не может вспомнить, дни тянулись однообразно, похожие один на другой, вопросом о праздниках, о приобретениях, о поездках, о награждениях, о ссорах и конфликтах, болезнях и проч. Иногда бывает, что респонденты, обладающие хорошей памятью, тем не менее не могут припомнить некоторые интересующие социолога события своей жизни, но в процессе интервью они вдруг их вспоминают и, сами удивляясь этому, говорят: *«Смотри, вдруг вспомнилось, не забыл я, значит, а ведь столько лет прошло...»*. Видимо, в ходе беседы с интервьюером произошло что-то такое, что помогло респонденту «освежить» свою память. Это может быть какой-то вопрос, случайно оброненная фраза и даже просто посторонний звук, который каким-то образом связан с событиями в памяти респондента.

Например, такой случай произошел во время интервью в с. Тепловка Саратовской области. Социолог в беседе с жительницей села Марией Б., дочерью раскулаченных крестьян, пытался восстановить картину раскулачивания, которой она была свидетельницей в двенадцатилетнем возрасте. Он располагал найденным в областном архиве историческим документом — описью имущества семьи респондента, составленной в 1932 г. сельскими активистами, которые проводили раскулачивание в Тепловке. В ней было подробно перечислено все «кулацкое добро», начиная от дома с постройками, лошадьми, скотом и птицей и кончая юбками хозяйки, тулупом хозяина и ботиночками их дочки.

Обладая от природы хорошей памятью, М. Б. много и подробно рассказывала о том, что происходило вне дома, как «активисты» подходили к их двору, как спрашивали хозяев, во что были одеты, но что они делали в доме, она почему-то рассказывала неохотно, отрывочно, как будто ее там не было. Социолог, у которого перед глазами находились списки вещей, был очень заинтересован сравнить воспоминания «свидетеля» и документ из архива, чтобы проверить свою гипотезу о возможности фальсификации представителями советской власти описи имущества крестьян при раскулачивании. Он задавал наводящие вопросы о том, во что члены ее семьи одевались в то время, что было в доме и т. п., но ответы были слишком приблизительными, т. к. действительно прошло более полувека, девочка — очевидец раскулачивания — могла получить психологическую травму, которая «запеча-

тала» навсегда ее воспоминания об этом трагичном для ее судьбы дне. Однако вдруг ее воспоминания наполнились яркими подробностями, она почти точно стала воспроизводить, что лежало в сундуке, какого цвета была одежда, из чего сшита, подробно описала действия «активистов» в доме и т. д. Что же произошло в ходе интервью? Что заставило открыть «запертую дверь» ее воспоминаний о начале 30-х?

Мы могли бы без конца строить догадки о том, какой из вопросов интервьюера послужил ключом к кладовым памяти, если бы не был постоянно включен диктофон. Позже, расшифровывая запись интервью, исследователь нашел момент, когда М. Б. начала как бы смотреть документальный фильм о своем прошлом, но обнаружилось, что перед этим не было вопроса интервьюера, а она сама что-то вспоминала, была пауза и какой-то звякающий звук. Оказалось, что этот звук был стуком засова для замка на сундуке, где сидел интервьюер, который его нечаянно задел. Именно этот звук и был тем самым эмоциональным кодом к воскрешению памяти респондента, потому что после этой паузы со звяканьем засова сундука ее воспоминания были связаны именно с тем моментом, когда «активисты» открыли сундук, в котором хранилась одежда семьи, доставали одну вещь за другой, заносили в список, тут же что-то прикидывали на себя и т. д. Очевидно эта картина была как-то связана со стуком запора сундука, который в контексте данной беседы сыграл свою роль в пробуждении вытесненных из памяти воспоминаний.

Социально-психологические особенности работы с респондентом в российских селах

Опросы в сельской местности всегда представляли сложную задачу для исследователя не только из-за труднодоступности объекта исследования, но и из-за сложности установления контакта с сельским жителем в процессе опроса, интервью или тестирования. Эти коммуникативные затруднения можно условно разделить на вербальные и невербальные, т. е. те, которые проявляются в жестях, мимике, различных действиях, например, ритуалах знакомства или поведения в гостях, и те, которые проявляются в речевых оборотах, постановке вопросов и т. п. Одни из них вызваны диссонансом сельской и городской культур, другие несовпадением ролей, которые присваивают друг другу интервьюер и респондент, третьи зависят от чисто личностных, индивидуальных особенностей собеседников.

Однако здесь речь пойдет не о специфических «барьерах интимности» крестьян или о каких-то особых психологических механизмах

защиты их личности. В целом, как в селе, так и городе исследователь сталкивается с одинаковыми коммуникативными проблемами, но в сельской местности на них накладывается отпечаток традиций, установок и стереотипов сельского образа жизни, который создает свое особое психологическое пространство общения. Это проявляется в определенном стиле общения во время беседы, в процессе работы, на отдыхе, в темпе разговора, в ритуалах встреч и прощаний и т. п. Кое-что уже уходит в прошлое, например, обычай здороваться с незнакомцем на улице села, но многое остается неизменным как в вербальном, так и в невербальном общении.

Проблема диссонанса ролей при работе с сельским респондентом

Понятная респонденту постановка вопросов, привычные обороты речи, неспешный темп беседы — все это необходимые составляющие успеха полевого исследования. Однако часто случается, что установленный с респондентом контакт и взаимопонимание вдруг обрываются, интерес к общению с исследователем теряется, качество получаемой информации значительно ухудшается и даже следует отказ от участия в исследовании. Одна из причин — диссонанс ролей между исследователем и респондентом. Нередко исследователь забывает, что не только он «использует» собеседника в своих научных целях, но и респондент также сознательно или неосознанно «использует» его для решения своих личных проблем. Если исследователь вовремя не распознает ту роль, которую ему предлагает собеседник, то возникающий ролевой диссонанс сведет на нет все усилия исследователя. Большинство предлагаемых исследователю ролей имеет три типа ориентации: информационную, прагматическую и психотерапевтическую.

Информационная ориентация. Респондент, испытывая информационный голод, стремится утолить его с помощью исследователя, постоянно навязывая ему роль политинформатора. Вопросы следуют один за другим, захватывая все больший круг проблем: от положения в стране и полетов НЛО до «куда девать ваучер?» и т. п. В этой ситуации следует, с одной стороны, продемонстрировать известную эрудицию, а с другой — дать понять, что информация будет выдана по ходу исследования (в перерывах между интервью или после беседы), но не вместо него. Однако прежде чем налаживать взаимообмен информацией, надо убедиться, что это не попытка респондента уклониться от участия в самом исследовании.

Прагматическая ориентация. Через прямые или косвенные вопросы постоянно делаются попытки выяснить властные возможности исследователя в решении тех или иных проблем респондента. Например, может ли он способствовать в приобретении кормов, техники, получении различных льгот и т. п. Беседа, как правило, строится так, чтобы собеседник проникся трудностями респондента, «вошел в положение». Таким образом, исследователю навязывают роль благодетеля и, если он этой роли не соответствует, то быстро теряют к нему интерес.

Существует мнение, что в этой ситуации нельзя напускать на себя важный вид, а надо сразу дать понять, что благотворительные возможности исследователя весьма скромны. Но гораздо лучше выглядит искреннее желание помочь респонденту всем, что в силах исследователя (ходатайство перед властями, посреднические услуги и т. п.). Иногда «человек с анкетой» может реально помочь респонденту в решении его проблем. Так, в селе Тепловка Саратовской области исследователь помог одной из своих респонденток вернуть дом с участком земли, отнятый у ее родителей при раскулачивании в 1932 году. Часто респондент с подобной ориентацией руководствуется в общении с исследователем поговоркой «с паршивой овцы, хоть шерсти клок», даже мелкие услуги (привезти «городские товары», помочь по хозяйству) способствуют установлению более прочных контактов.

Психотерапевтическая ориентация. До сих пор мы рассматривали разные формы «функциональной беседы» и соответствующие им роли исследователя как нежелательные, которых он должен стремиться избежать в процессе работы в сельской местности. Однако психотерапевтическую ориентацию респондента надо, напротив, всячески поддерживать и развивать.

Психотерапевтическая ориентация возникает естественным образом в ходе исследования, как только в беседе с респондентом мы касаемся его биографии и задаем вопросы: «Как ты жил? Что ты видел и понял в этой жизни?». Наиболее ярко психотерапевтическая ориентация проявляется в прямых или косвенных требованиях респондента оценить его поступки, образ жизни, нравственные нормы, которым он следует в своем поведении. Он часто задает исследователю вопросы: «А как еще можно было поступить?... Разве я сделал неправильно (несправедливо)?». Исследователь невольно оказывается в роли судьи и адвоката одновременно, удовлетворяя потребность респондента в понимании и одобрении или сочувствии, что его жизнь сложилась (складывается) не так, как он хотел и мог бы жить. Если такая направленность в беседе усиливается в присутствии родственников или одно-

сельчан, то это может говорить о наличии психотравмы. Что-то в его жизни подвергалось или подвергается в настоящее время осуждению окружающих.

Как быть в этой ситуации? Ведь то, что вызвало психотравму у респондента, может быть предательством, трусостью, ложью, эгоизмом, подлостью, т. е. тем, что нельзя одобрить и оправдать. Это особенно часто встречается именно в вопросах о власти, независимо от степени включенности респондента во властные структуры. Если явно демонстрировать свое осуждение, то неминуемо превратишься в «городского недоумка», который не знает жизни, норовит обидеть и вообще отнимает время. Демонстрация одобрения и понимания также, в конечном итоге, не приводит к установлению доверительных отношений между исследователем и респондентом.

Можно расположить к себе респондента, радуясь вместе с ним его ловкости в обеспечении кормами своего ЛПХ за счет колхоза, но тогда трудно будет выполнить основную свою функцию в беседе, ради которой респондент приоткрыл исследователю эту сторону своей жизни. Позднее мы остановимся на одном очень важном моменте полевого исследования — этических вопросах социологического исследования.

Фиксация данных в качественном интервью

Вне зависимости от того, какой тип интервью проведен и как сформулированы вопросы, все это окажется напрасной тратой времени, если интервьюер не сможет зафиксировать слова респондента. Результатом интервью может быть только запись того, что сказали респонденты, причем запись как можно более полная. Ничто не может заменить эти данные. Ниже мы уделим внимание некоторым хорошо зарекомендовавшим себя методам фиксации вопросов и ответов.

Запись интервью на диктофон

Без всякого преувеличения можно назвать диктофон важнейшим приспособлением из всех, которые имеются в распоряжении исследователя-«качественника». Диктофон способен точно фиксировать все повороты беседы, независимо от ее сложности или скорости. Разумеется, диктофоны могут сломаться или функционировать неправильно, но эти проблемы будут рассмотрены в следующем разделе. Помимо резкого повышения точности сбора данных, использование диктофона позволяет интервьюеру сконцентрировать все свое внимание на поддержании контакта с респондентом и на его словах, не отвлекаясь на ведение дословных записей. Без диктофона темп беседы заметно

падает и респонденту часто приходится ждать, когда исследователь запишет его ответ на предыдущий вопрос. Иначе говоря, выхолащивается сама суть глубинного интервью.

Метод ведения диктофонных записей зависит от особенностей полевой работы. Часто исследователь встает перед необходимостью замаскировать наличие диктофона, особенно в том случае, если он ведет параллельно включенное наблюдение. Тем не менее, в большинстве случаев диктофон может использоваться и открыто, особенно если респонденту будет объяснена необходимость его использования. Например: «С вашего разрешения, я хотел бы воспользоваться диктофоном для того, чтобы не пропустить ничего из сказанного вами. Я не хотел бы полагаться только на свои заметки, пропустить что-нибудь важное или по случайности как-то исказить ваши слова. Если в ходе нашей беседы вы захотите, чтобы я выключил диктофон, вам стоит только сказать мне об этом».

Несмотря на все преимущества, которые дает диктофон, его использование, тем не менее, не освобождает интервьюера от ведения записей. Эти заметки могут служить по крайней мере двум целям: а) помогать интервьюеру формулировать новые вопросы, возникшие по ходу беседы, или напоминать о необходимости проверить какие-то высказывания респондента позднее; б) помочь найти наиболее важные моменты беседы впоследствии и облегчить дальнейший анализ. Кроме того, ведение заметок — чрезвычайно важный невербальный сигнал, который дает респонденту понять, что в данный момент он говорит нечто очень важное и интересное для своего собеседника. Вместе с тем, в том случае, если запись не ведется, респондент быстрее поймет, что сказанное им не представляет особого интереса, и не будет спешить развивать свою точку зрения по этому вопросу.

Составление транскриптов интервью

Наиболее ценной формой представления текста интервью является его транскрипт — полная запись сказанного, которая сделана с диктофонной ленты. К сожалению, расшифровка диктофонных лент требует большого количества времени — примерно в 3–4 раза больше, чем проведение собственно интервью. Тем не менее результат стоит потраченных усилий. Транскрипты чрезвычайно полезны для анализа данных и особенно для проведения повторных независимых исследований.

В том случае, если полный транскрипт сделать невозможно, в качестве паллиатива исследователь может сделать частичную запись наиболее важных вопросов и ответов, постоянно сверяясь со своей за-

писной книжкой. В любом случае, сделанная запись должна иметь достаточно высокое техническое качество. Немногие вещи в полевом исследовании вызывают такое раздражение, переходящее в чувство отчаяния, когда в ходе расшифровки исключительно важной беседы выясняется, что на диктофонной ленте нет никаких записей, или что сильный шум от часов, радио или швейной машинки сделал расшифровку записи практически бесполезной. Неудивительно, что исследователи со стажем, наученные горьким опытом, не считают лишними любые предосторожности и тщательно следуют простым правилам, а именно:

Оборудование для звукозаписи должно иметь питание и от сети и от батарей. Если предполагается использовать батареи, следует проверить их заряд непосредственно перед самим интервью, в особенности зимой, поскольку на морозе батареи разряжаются быстрее. Всегда нужно носить с собой дополнительные батареи и чистые кассеты.

Перед началом интервью следует выбрать тихое место, где беседе ничто не помешает. Микрофон должен находиться на одинаково близком расстоянии от интервьюера и респондента. В том случае, если этого нельзя добиться, диктофон должен быть помещен ближе к респонденту, а все вопросы к нему необходимо фиксировать в записной книжке. Диктофон (или переносной микрофон) должен находиться на устойчивой, неподвижной поверхности. Перед началом записи оборудование должно быть проверено: запишите несколько слов и, отмотав ленту назад, включите воспроизведение. Если звук слишком тихий — следует сменить батарейки или придвинуть микрофон ближе к респонденту.

В самом начале записи следует сказать в микрофон (может быть, лучше еще до того, как вы увидите респондента): «Интервью с...». В случае необходимости продиктуйте также дату, номер пленки или беседы (если их предполагается несколько). В ходе интервью следует задавать вопросы отчетливо и не слишком быстро — скорее всего, респондент сделает то же самое, и его слова легче будет расшифровать. Если респондент говорит невнятно, можно попросить его произносить слова более отчетливо, а также, включив воспроизведение, наглядно продемонстрировать ему плохое качество записи, непригодное для составления транскрипта. И вновь, причина этого требования должна быть ясна для респондента — фиксация его слов полностью и без искажений. Во время записи не следует шелестеть бумагами, щелкать ручкой, манипулировать какими-либо предметами. Не нужно стесняться выключать диктофон в том случае, если респондент заметно отстает от темы или начинает говорить «не по делу». Следует периодически проверять работу лентопротяжного механизма: работает ли

он, «не зажевана» или не кончилась ли лента. Не забывайте вовремя менять кассеты в диктофоне или переставлять их на другую сторону. Пока вы меняете ленту, попросите респондента подождать с рассказом. В конце интервью скажите в микрофон: «Это конец интервью...».

После интервью следует хотя бы один раз прослушать пленку — убедитесь в том, что качество записи можно назвать приемлемым. Уточните у респондента, как пишутся собственные имена или незнакомые термины. Напишите на кассете фамилию респондента, порядковый номер, дату интервью или любые другие пометки, необходимые для ее идентификации. Обеспечьте подходящие условия для хранения кассет — держите их в сухом месте в стороне от сильных источников электромагнитных излучений.

Ведение записей в ходе интервью

Если во время интервью использовался магнитофон, рукописные заметки состоят обычно из ключевых фраз, списка главных пунктов, содержащихся в речи респондента и ключевых терминов или выражений, которые передают особенности речи респондента. Поскольку искусство стенографии можно, пожалуй, считать забытым, полезно разработать свою собственную систему сокращений. В системе обозначений обязательно следует предусмотреть, как отделить то, что сказано самим респондентом, от мыслей, мнений, оценок и идей исследователя. Для этого можно выделять слова респондента при помощи скобок или записывать их пастой особого цвета.

В том случае, если пользоваться диктофоном нельзя или произошел технический сбой, записи должны быть самыми подробными. И вновь наибольшее значение имеют слова респондента, а не впечатления исследователя. Когда респондент начинает говорить нечто важное, вполне уместно попросить его не торопиться, «чтобы ничего не выпустить из виду».

После интервью

Период после интервью, так же как и после состоявшегося наблюдения, особенно важен для обеспечения строгости и валидности данных. На этом этапе нужно сделать все, чтобы можно было гарантировать качество данных.

В первую очередь сразу же после интервью необходимо проверить пленку, чтобы убедиться в качестве записи. Если обнаружен сбой, интервьюер должен немедленно записать все, что он сможет вспомнить. Если диктофон работал нормально и техническое качество хоро-

шее, следует проверить свои записи, для того чтобы убедиться в том, что они понятны и способны облегчить работу с транскриптом.

Очень часто обнаруживается, что в интервью имеются непонятные или двусмысленные места, когда исследователь не может понять, что именно ему сказал респондент. В этом случае, если это только возможно, следует вернуться к респонденту и попросить его пояснить свои слова как можно более тщательно. Эти уточнения могут быть сделаны и по телефону. Респонденты очень редко отказываются от дополнительных встреч, поскольку их проведение свидетельствует о серьезности, с которой относятся к их словам. Ни в коем случае нельзя гадать или давать собственное, приблизительное толкование слов респондента. В том случае, если респондент оказался недоступным, непонятные места приходится исключать из анализа.

Сразу же после интервью следует описать характер его проведения. Исследователь должен указать, где именно состоялось интервью, кто присутствовал при беседе, как респондент реагировал на интервьюера, какими невербальными знаками они обменивались и т. п. Все эти комментарии могут быть также записаны на диктофон.

Разумеется, соблюдение этих правил требует высокого уровня дисциплины и самоконтроля. Полевая работа достаточно трудна и у исследователя может появиться искушение пренебречь некоторыми «лишними» процедурами, надеясь на свою память и опыт. Излишне говорить о том, что это снизит качество данных, сделает их отрывочными и ненадежными. В рабочем расписании полевого исследования обязательно должно быть предусмотрено время для проверок, уточнений, записи комментариев. Когда в поле работает целая команда исследователей, полезно или даже необходимо регулярно организовывать их встречи для обмена информацией и наблюдениями. Фактически, эти встречи могут стать началом анализа, поскольку впечатления еще свежи и гипотезы, которые появляются прямо в поле, могут оказаться наиболее яркими и интересными.

Интервью и этические проблемы

Интервью является вмешательством в чужую жизнь и способно оказать глубокое влияние на обе стороны, участвующие в беседе. Хорошее интервью позволяет понять многое о мыслях, чувствах, знании и опыте не только респондента, но и интервьюера. В ходе беседы люди узнают о себе то, о чем не догадывались или в чем не были уверены до интервью. Несколько часов, проведенных вместе с собеседником, способны изменить взгляд на мир и перевернуть привычные представления.

Разумеется, цель интервью — это сбор данных, а не изменение сознания. Интервьюер не судья и не врач-психотерапевт, и это ни в коем случае не следует упускать из виду. Тем не менее у интервьюера часто возникает соблазн отступить от своей главной цели. Обычно респондент просит совета, одобрения или подтверждения правильности своих слов или действий. Поддавшись этому соблазну, интервьюер сам может превратиться в респондента и ему придется отвечать на вопросы в большей степени, чем их задавать.

С другой стороны, интервьюер не может быть куском льда, не проявляющим эмоций, когда ему рассказывают о десятилетиях страданиях и боли. Трудно оставаться спокойным, неделями и месяцами выслушивая рассказы крестьян обо всех перипетиях их жизни — неурожаях и голоде, несправедливости чиновников и военных потерях, отъезде детей в города и семейных проблемах. Хотя интервью и является вмешательством в жизнь респондентов, но что мы можно реально для них сделать? Перед исследователем возникает непростая этическая дилемма, которая проистекает из самой природы интервью.

Хотя интервью часто и бередят старые раны, они также оказывают и исцеляющее воздействие. Респонденты чрезвычайно ценят оказанное им внимание и искренне благодарны своему собеседнику за предоставленную им возможность высказаться, поделиться своими мыслями и чувствами. Иногда интервью продолжаются дольше, чем это было запланировано, просто потому, что людям хочется высказать все накопившееся за многие годы. Когда респонденты открыто не хотят говорить, продолжение интервью чревато новым риском. Люди будут говорить вам вещи, которые они никогда не намеревались сказать. Это может быть верно и в том случае, когда респонденты настроены враждебно. Иногда кажется, что вам говорят в первую очередь те самые вещи, которые не собирались никому говорить, возможно, лишь для того, чтобы снять собственное психологическое напряжение. В процессе беседы интервьюер меняется и сам. Сталкиваясь с новыми для себя условиями жизни и ситуациями, выслушивая многочасовые исповеди, интервьюер может впасть в депрессию. Поэтому в некоторых случаях они нуждаются в специальной психологической подготовке, которая поможет им справиться с депрессией и превратить свои наблюдения и эмоции в пригодные для анализа данные.

Перечислим ниже этические проблемы, с которыми сталкивается исследователь при подготовке и проведении качественного исследования: а) Обещания и взаимные обязательства. Как объяснить респонденту, почему он должен участвовать в беседе? Никогда не давай-

те респонденту пустых обещаний. Если вы ему что-то пообещали, обязательно сдержите свое слово. б) Оценка рисков. Будет ли участие в интервью представлять собой риск для респондента? Рискует ли он получить психологический стресс, навлечет ли на себя административную или уголовную ответственность, будет ли он подвергаться остракизму со стороны соседей, членов семьи, товарищей по работе. в) Конфиденциальность. Может ли конфиденциальность быть полностью гарантирована? Если респонденту обещана анонимность, не смогут ли посторонние установить его личность по косвенным данным? г) Доступ к данным. Кто будет иметь доступ к первичным материалам? В каких целях эти материалы будут использоваться?

«Реальное Я» и «духовное Я»

В исследовании, где от респондента требуется размышление над прожитой им жизнью, всегда в той или иной мере присутствует стремление к духовному катарсису, которое реализуется через возможность «выговориться». Однако выговориться можно не с каждым. Это должен быть человек, который «может понять» (обычно это близкий друг), или человек, с которым, вероятно, встретиться больше не придется. Достаточно вспомнить с какой легкостью мы иногда «открываем душу» незнакомому попутчику в поезде. Для того чтобы исследователь смог стать таким «попутчиком», он должен выйти на уровень «духовного Я» своего собеседника.⁶⁶

В отличие от «реального Я», которое несет в себе прошлый опыт индивида, установки, стереотипы сознания и поведения, выработанные в течении его жизни, «духовное Я» — это не всегда ясно осознаваемое стремление к общечеловеческим ценностям, к своему творческому призванию, это вечные понятия «добра» и «зла». Поэтому воровство, как его не называй и не оправдывай, все равно останется воровством, и «духовное Я» человека требует это признать. В результате этого в оптимальной стратегии поведения исследователя возникает противоречие по отношению к «реальному Я» респондента. Необходимость сопереживания и сострадания, понимание и принятие его «реального Я» сталкиваются со стремлением «духовного Я» отстаивать универсальные духовно-нравственные ценности и осуждать жестокость, зависть, корысть, преступность, которые проявляются в его рассказах, в личной истории его жизни. Если не шадить самолюбие чело-

⁶⁶ Флоренская, Т.А. Диалог в практической психологии. М., Институт Психологии АН СССР, 1991. С. 244.

века, брать на себя роль «судьи», то психологические механизмы самозащиты личности не позволят разглядеть его «духовное Я», а значит исследователю будет сложно принять на себя роль «попутчика», с помощью которого собеседник пытается разобраться в себе, в причинах своих поступков, мотивах действий и оценить их последствия.

Особенно это важно в исследовании, где через память людей собирается информация о событиях отдаленного прошлого. Диалог с носителем подобной информации — это особая проблема беседы с пожилым человеком, на которую важно обратить внимание отдельно.

Респондент в возрасте: проблема взаимопонимания

Работа с пожилыми респондентами имеет свою специфику, которая связана с состоянием их здоровья, особенностями памяти и мышления в пожилом возрасте. Но, как правило, без них обойтись очень трудно. В нашем проекте это особенно ощущалось в работе над такими тематическими направлениями в исследовании как «семейные истории» или «власть на селе». Например, роль бывших руководителей среди прочих респондентов в исследовании проблем власти на селе трудно переоценить. Без их участия, несмотря на часто предвзятое отношение к нынешней власти, очень трудно составить политическую историю села, динамику развития властных отношений.

Работая с пожилыми респондентами, исследователь должен иметь в виду, что свое «духовное Я» в процессе беседы раскрывается не для того, чтобы, осмысливая свои ошибки и грехи, постараться их в будущем не повторить в стремлении изменить себя. Для многих из них перспективы изменения своих взглядов и привычек не выглядят привлекательными. Взгляд собеседника чаще обращен в прошлое, чем в будущее, где он подводит итоги прожитых лет. Поэтому лучшей стратегией поведения исследователя в ситуации, где нужно как-то оценить услышанное — это использование косвенной критики в адрес респондента.⁶⁷

Столкнувшись в беседе с эпизодом из жизни респондента, где он проявил себя не с лучшей стороны, следует также признать свою возможную растерянность и слабость в сходной ситуации: «На вашем месте я бы, наверное, поступил так же, хотя это и не правильно». При этом важно больше говорить о своих переживаниях, а не о его недостатках: «Я всегда чувствую себя ужасно неловко, когда попадаю в такую ситуацию. Мне всегда неприятно об этом вспоминать». Напри-

⁶⁷ Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л., 1988.

мер, не помог родственникам или знакомым в трудную для них минуту, не одолжил денег, не встал на защиту невиновного и т. п.

Психотерапевтическая ориентация в беседе с пожилым человеком ярко проявляется в стремлении получить от нового поколения подтверждение того, что жизнь прожита не напрасно. Известный американский психотерапевт Дж. Рейнуотер считает, что главная психологическая потребность пожилых людей — поиск смысла прожитой жизни. Она приводит в пример высказывание М. Кун — основательницы проекта «Седые пантеры»: «Когда молодой интервьюер просит старых людей вспомнить о прошлом, о их достижениях, то они начинают ощущать новое, положительное отношение к себе. Пожилой человек испытывает очень сильное чувство самоутверждения, когда молодые спрашивают у него, какие уроки он извлек из опыта жизни».⁶⁸

Уважительное отношение к опыту прожитой жизни пожилого человека, к его оценкам событий прошлого — это обязательный общий фон беседы. Однако здесь недостаточно просто попросить респондента оценить то или иное событие из его биографии и благожелательно выслушать ответ. Иногда респондент стремится корректировать свои оценки так, чтобы они совпадали с мнением собеседника или общепринятым на данный момент общественным мнением по этому вопросу. Здесь очень важно показать, что исследователь не судья ему и его жизни, потому что тогда действовали другие нормы и правила и только с тех позиций можно судить о поступках людей того времени.

В нашем исследовании это было особенно важно в беседах с бывшими налоговыми агентами, бригадирами, которые занимали эти должности до начала 60-х. В их рассказах одновременно проявлялось желание отмежеваться от своей причастности к власти и в то же время стремление подчеркнуть свою значимость, свое бывшее влияние на судьбы односельчан. Такая позиция хорошо заметна в записи беседы исследователя с Д. С., жителем с. Большое Таловое Ростовской области, который с 1930 по 1955 годы был бригадиром в местном колхозе:

И.: Вот говорят, власть большая была у бригадира.

Д. С.: Ну яка власть? Не жив, а мучался. Потому что на работу не идуть. Никакой дисциплины. Придумали, что норма 280 дней в год, а женщине 200 с чем-то (не помню) поменьше. Учетчик все учитывал. Не выработаешь, тогда и хлебушек по 20 коп. за килограмм с тебя возьмут. А з мене, киль я выработал, тилько 7 коп. за килограмм.

⁶⁸ Рейнуотер Дж. Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом. / Пер. с англ. М., 1992. С.104.

А потом ни отпуску, ничего, и лишаешься всех премий (Ха-ха) — это самое основное, понял.

Сидит бригадир на бригаде и тилько выглядит пришли вовремя в 8 часов. За палочки работали. Люди не хотели выходить на работу. Палочку тебе поставили и все. Пишется, что заработал один трудодень, 50 соток, т. е. за день 1,5 дня. А денег мы не знали.

И.: Да, суровое время было, сейчас даже трудно понять, как это так жить можно, но тогда, наверно, по-другому и нельзя было. А трудодень ставили, когда он норму выполнит или только выйдет на работу?

Д.С.: Как вышел. Назывались выхододень. Например, вы вышли полоть бахчу — 35 соток сделали, а вам 20 соток только норма, значит, вы перевыполнили на 15 соток, очки начисляются. А если не выполнила норму, то запишем сколько вы сделали и все.

И.: Кто решал куда людей посылать, бригадир?

Д.С.: Да, бригадир, а председатель сидит себе в конторе, не вмешивается. Дали наряд, я вечером отчитываюсь, людей сам распределял. С 30 году я бригадир по 55 год, вот войну выкиньте 4 года. Ой, надоело, не с кем было работать, мужиков после войны не было, одни женщины. Даже за волами ухаживать некому было. Есть кто, да и тот калека.

О роли «попутчика» в беседе

Принятие на себя роли «попутчика», придание беседе исповедального характера требуют от исследователя подлинного и искреннего интереса к личности респондента. Так как практически каждый индивид претендует на то, что много пережил в своей жизни, уже само признание того, что его биография представляет интерес для исследователя, вызывает массу положительных эмоций. Однако этот интерес не должен быть надуманным или показным. Долго играть в заинтересованного и внимательного собеседника мало кому удается. Исследователю необходимо постараться найти в биографии респондента реальные обстоятельства его жизни, которые выделяют его среди других односельчан, подчеркивают уникальность его истории.

Например, респондент — коренной житель села, первый тракторист, бригадир и т. п. В каждой истории жизни конкретного человека можно найти поступки, достойные восхищения, когда проявлялось его «духовное Я». Исследователь должен выделить их, подчеркнуть их значимость, выразить свое одобрение. Это можно делать и при непосредственном общении вне рамок исследования.

Проблемы контакта «на равных»

Контакт «на равных» неизбежно влечет установление личных отношений и равноправия в общении. Потеря дистанции между респондентом и исследователем — это потеря объективности восприятия собеседника и ситуации. Это пристрастное отношение к личности респондента и к содержанию бесед с ним. Главная опасность заключается в том, что субъективизм восприятия возникает незаметно для исследователя. Более того, у него возникает чувство, что он «только сейчас до конца понял» респондента, после того как поставил себя на его место, почувствовал ему расположение.

Возникают проблемы «переноса», т. е. проекции на респондента своих чувств, эмоций, личного опыта. Внешне по ходу беседы это проявляется в том, что исследователь прерывает респондента высказыванием своего мнения или рассказом о своем опыте жизни. Часто сам заканчивает за него предложение и предлагает решение проблем собеседника исходя из своего опыта. Вероятно, следует признать, что понимание респондента «до конца» всегда иллюзорно. Его фактическое поведение, его мысли являются лишь отражением единства и борьбы «реального» и «духовного Я», всегда находятся где-то между ними. Поэтому вся глубина личности респондента не может быть познана даже у тех респондентов, которых исследователь находит примитивными, а их поступки легко предсказуемыми.

Единственно возможная позиция для исследователя — это позиция «внеаходимости»⁶⁹, т. е. позиция отстраненности, психологическая дистанция, позволяющая создавать цельный образ собеседника без привнесения авторской субъективности. Это сложная задача, особенно когда сам исследователь в своей собственной жизни вовлечен как активный участник в подобную ситуацию, или то, о чем говорит респондент, несет очень сильный эмоциональный заряд. Например, в нашем проекте мы имели дело с судьбами крестьян России, где их история — это, за редким исключением, страшная история искалеченных жизней, потерь и страданий, бесправия и унижений.

Опытные интервьюеры в таких случаях предлагают находиться в состоянии уравновешенности, т. е. пребывать в состоянии внутренней сосредоточенности не на собственных переживаниях, а на фактах и реакциях респондента. Однако нам в нашей работе сохранять относительную отстраненность помогала не выработка у себя «эмоциональ-

⁶⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

ной тупости», с которой мы в воспоминаниях респондента шли вместе по «черной дороге зла», ведущей в голодающую деревню 1933 года или в сибирское спецпоселение раскулаченных «врагов народа». «Черные дороги зла» в судьбе респондента всегда пересекались со «светлыми дорогами добра», где есть место празднику и высоким человеческим поступкам. Надо просто постоянно помнить, что все это — наша История, которую никому уже не дано изменить.

Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога

В современной социологии одна из традиционных тем научных дискуссий — это проблема негативных последствий неизбежного влияния исследователя на респондента в интервью, которое приводит к различным «смещениям», получению недостоверной информации и т. п. А что происходит с самим исследователем в ситуации качественного интервью, который стремится понять собеседника, чьи мнения не отделимы от его эмоций и чувств, причем не всегда положительных? Приводит ли длительное воздействие «поля» на исследователя к эмоциональному истощению — первому признаку профессионального выгорания у социальных работников, врачей и учителей? Если да, то почему тогда профессиональное сообщество так мало уделяет внимание этой проблеме? Если нет, то каков механизм защиты социолога от негативных последствий использования качественных методов исследования, предполагающих эмоциональное взаимодействие в системе «человек-человек»?

Задачей данного исследования является попытка обобщить имеющиеся у автора наблюдения относительно проявлений «профессионального выгорания» у участников долгосрочных социологических проектов с различной степенью «погружения в поле», а также анализ возможных причин его возникновения. Представляется важным сравнение понятия «психического выгорания» (*«burn-out»*), широко распространенного в помогающих профессиях социальной сферы, где имеется постоянный прямой эмоциональный контакт с «клиентом», с негативными последствиями непосредственных контактов социолога с респондентами.

Итак, попытаемся представить предпосылки возникновения этого явления в полевой работе. Действительно, опыт показывает, что полевая работа с использованием качественных методов исследования, таких как наблюдение, индивидуальные или групповые интервью, предполагает включенность в жизненный мир респондентов. Процесс

так называемого «сбора первичных данных» практически неотделим от позитивных и негативных эмоций и чувств респондентов, от их проблем, тревог и надежд. Миф об особой «объективной» и отстраненной позиции исследователя разбивается о необходимость установить доверительные отношения, которые предполагают обычные человеческие реакции исследователя на полевую ситуацию. Исследователь не может не переживать соответствующие эмоции и чувства, не испытывать нормальное человеческое желание чем-то помочь, поддержать собеседника, который искренне делится своими переживаниями, сомнениями или рассказывает трагическую историю.

Иногда респондент в ходе интервью в прямой или косвенной форме просит помощи в решении его житейских проблем. Например, в наших «сельских» проектах⁷⁰ респонденты просили нас привезти из города лекарства, дефицитные в то время продукты, помочь в разрешении конфликтных ситуаций в семье и т. п. Классическая методология качественного исследования строго требует от исследователя не выходить из своей роли, чтобы не превратиться в социального работника или «нужного человека». Считается необходимым постоянно соблюдать определенную «дистанцию» в отношениях с респондентом, чтобы минимизировать свое «влияние на поле».

Однако практика полевой работы показывает, что держать дистанцию отстраненного наблюдателя в поле не просто очень сложно, но и нередко несет в себе опасность разрушить особое пространство взаимоотношений исследователя и респондента, которое необходимо для качественного интервью. Это противоречие представляется довольно ощутимой психологической нагрузкой, связанной с необходимостью отказываться в помощи, удерживаться от соблазна пообещать респонденту решить его проблемы в надежде, что это сделает его более открытым и искренним. Поэтому мы в своих проектах, как правило, не отказывали своим респондентам в мелких услугах, но при этом старались сделать так, чтобы эти услуги не заставляли их чувствовать себя обязанными. Например, можно выполнить просьбу сельского респондента узнать информацию об условиях поступления в учебные заведения, но лучше не обещать ему помочь при поступлении его детей в эти заведения.

В зависимости от предмета исследования интервьюер не застрахован от погружения в бездны страданий, утрат, не сложившихся судеб, неразрешимых материальных или моральных проблем и проч.

⁷⁰ Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. / Под. ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., РОСПЭН, 2002.- 592 с.

Например, это исследования социальных причин распространения наркомании, алкоголизма, ВИЧ-инфекции, преступности детей и взрослых, нищеты и бедности, сиротства, суицида, национальных конфликтов, адаптации беженцев и переселенцев.

В принципе, любое глубинное интервью может нести в себе угрозу эмоционального истощения для исследователя, если респондент приводит примеры из своей жизни, связанные с глубокими переживаниями. Например, это присуще интервью, где фокус исследовательского интереса находится в трагическом прошлом респондента, и перед исследователем последовательно разворачивается насыщенная негативными эмоциями история его жизни. Так, в полевом дневнике исследователя, который брал интервью у очевидца событий голода в Поволжье и раскулачивания начала XX века, есть запись: *«Я не могу больше этого слышать. Нормальный человек не может долго слушать о голодных смертях женщин и детей, о людоедстве, доведенных до безумия людей и т. п. Чужая память волочится за тобой, как ядро на цепи каторжника. Не можешь отцепиться от этого. Все ужасно: и то, что они вспоминают, и как они это вспоминают. Ловишь себя на том, что избегаешь вопросов на эти темы или как будто не слышишь их слова. Если бы не диктофон, мало бы что запомнил и записал. Лучше пусть о свадьбах, о битве за урожай, о кормах, грибах, пьянстве и...»* (Одно из сел Поволжья, 1991 г.).

В этой дневниковой рефлексии исследователя важно отметить несколько моментов, которые способствуют его эмоциональному выгоранию:

1. Ключом к памяти респондента о событиях многолетней давности чаще всего является сильная эмоция. Интервьюер осознанно или бессознательно оживляет эмоциональную память. Рассказы о прошлом в устной истории наполнены эмоциями не только в словах, но и в жестах, интонациях, слезах и смехе или долгом молчании, в особом выражении глаз и еще в чем-то, что невозможно описать словами. Если такие эмоции заряжают «волны памяти» респондента отрицательной энергией, то они буквально «накрывают и смывают» интервьюера, особенно, если в истории его жизни или в судьбе его семьи было что-то сходное, способное вызывать у него «эффект эмоционального присоединения».

2. Уже «в поле» или сразу после взятого у респондента интервью исследователь, как правило, стремится как можно быстрее расшифровать диктофонные записи, если, конечно, позволяют условия. Тем самым он многократно воспроизводит и закрепляет психотравмирующие воспоминания.

3. Сама тема интервью и общий социальный контекст, который включает место проведения интервью, значимость темы для респондента и т. п., являются факторами, провоцирующими выгорание. В полевой работе есть такие темы, раскрытие которых небезопасно для респондента и для исследователя, где степень достоверности данных имеет достаточно ощутимую для исследователя цену. За «понимание другого» он платит моральным и физическим дискомфортом в процессе вживания в иную среду, изменением своего образа жизни в условиях длительного пребывания в «поле», необходимостью принятия зачастую чуждых ему представлений и ценностей своих респондентов. Он должен свыкнуться и с незавидной ролью наблюдателя, когда ситуация требует вмешаться, принять чью-то сторону, кого-то защитить и т. п.

Понятие «burn-out» в социологии, медицине и психологии. Насколько автору известно, классики социологии специально не рассматривали проблематику эмоционального истощения исследователя социальных явлений общества, хотя обращали внимание на необходимость в его работе включения собственных чувств и эмоций. Например, в работах М. Вебера⁷¹, посвященных различным аспектам «понимающей социологии», мы можем обнаружить размышления о связи «понимания» с эмоциональным миром исследователя. В дискуссии о «практических оценках» М. Вебер обращает внимание, что социологу необходимо постоянно исследовать собственные «единичные ценностные суждения и их смысловой анализ» в сопоставлении с «более высокими, более принципиальными ценностными позициями»⁷². Особенно он выделял у исследователя «способность при необходимости, понимая, «вчувствоваться» в мышление, отклоняющееся от того, к которому он привык, и представляющееся ему поэтому нормативно «неправильным»⁷³. Однако Вебер не размышляет о том, что происходит с самим социологом от частого употребления этой «способности» к «вчувствованию» во внутренний мир респондента.

В современной отечественной социологической литературе проблематика влияния «поля» на исследователя практически не представлена, если сравнивать с многочисленными работами о влиянии исследователя на «поле». Из последних публикаций можно отметить сбор-

⁷¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. С. 568.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 592.

ник статей «Полевая кухня: как провести исследование», который опубликовали коллеги из НИЦ «Регион» г. Ульяновска⁷⁴.

На мой взгляд, особенностью этой работы является то, что форма и содержание большинства статей возвращает нас к истокам истории методологии и методики качественных методов. Детальное описание полевого поведения социолога, начиная с первого контакта с респондентами и заканчивая выходом из «поля», рефлексия исследовательского опыта, упоминание о периодах возникновения чувства одиночества, скуки, разочарования и депрессии (статьи И. Костериной и Э. Шарифуллиной) удивительно напоминают дневники автора «Аргонавтов Тихого океана» Бронислава Малиновского⁷⁵, опубликованные его вдовой в 1960 г. В них он также упоминал о том, что не смог и никогда не сможет принять чужую для него культуру и раствориться в ней, но, тем не менее, непосредственное изучение респондентов в их обычных условиях предпочтительнее, чем использование платных информантов. Он также считал, что длительность пребывания, завоевание доверия и следование нормам и правилам поведения, знание языка и символики своих респондентов со временем перестает оказывать влияние на их жизнь, что смягчает последствия его присутствия в «поле», но все это может негативно отражаться на психологическом состоянии исследователя⁷⁶. Такой повтор означает, что в вопросах психологической защиты социолога от неблагоприятных последствий работы в «поле» мы со времен Малиновского далеко не продвинулись. К примеру, содержание курсов по качественным методам социологии направлено на обучение самим методам, но ничего не сообщает студентам, как защититься от вредных для психического здоровья последствий использования этих методик на практике.

Это особенно отчетливо видно на фоне других социальных профессий, таких как социальный работник, врач, учитель, психолог, спасатель. Только зарубежная литература по проблемам *психического выгорания* («*burn-out*») насчитывает более 2000 наименований. В последнее время проблематика эмоционального выгорания стала довольно часто упоминаться отечественными психологами и социальными работниками. Но, по наблюдению автора, в среде людей, профессионально

⁷⁴ Полевая кухня: как провести исследование / Под ред. Н. Гончаровой. – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. – 180 с.

⁷⁵ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922.

⁷⁶ Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. «Качественные методы в полевых социологических исследованиях». М.: «Логос», 1999. С. 37.

занимающихся качественными исследованиями, об эмоциональном выгорании между собой говорят редко, а вне своего круга почти никогда.

Может быть, это связано с тем, что социология не относится к «помогающим» профессиям и от социолога не ждут ни лечения, ни учения, ни спасения. В его исследовательские задачи не входят функции «помогателя-спасателя». Таким образом, может показаться, что — пока он остается в роли беспристрастного наблюдателя — он, в принципе, защищен от эмоционального выгорания. Приведенные выше примеры из прошлого и настоящего качественных методов исследования заставляют в этом сомневаться. Попытаемся сравнить классические определения «*burn-out*» в помогающих профессиях с тем, что происходит с психическим состоянием социолога в «поле».

Само появление термина «*burn-out*» чаще всего связывают с именем австрийского психиатра Фрайденбергера (Freudenberger), который в 1974 г. обнаружил явление деморализации, разочарования и крайней усталости, которые он наблюдал у работников психиатрических учреждений. Позже термин «выгорание» стал применяться не только к врачам, испытывающим дистресс, связанный с работой, но и к другим помогающим профессиям. В 1978 г. появилась статья психолога из Калифорнийского университета США К. Маслач «Плата за сострадание», которая определила феномен «*burn-out*» как эмоциональное истощение, следующее из стресса межличностного взаимодействия. Выгорание проявлялось в неспособности находиться в негативном эмоциональном контакте с людьми длительное время. В дальнейшем вместе с другими авторами она расширила это определение, доказывая, что «выгорание» отличается от депрессии и хронической усталости тем, что оно вызвано определенными особенностями помогающих профессий⁷⁷.

В современной научной литературе наиболее распространено определение психического выгорания как состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений.

⁷⁷ Maslach C. Burnout: A multidimensional perspective // Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W.B. Shaufeli, Cr. Maslach and T. Marek. Washington D.C: Taylor & Francis, 1993. P. 19-32.; Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. Burnout Inventory Manual (Third Edition). Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 1996.

Под *эмоциональным истощением*, как правило, понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости от выполняемой работы вне зависимости от ее результатов. Такой социальный работник практически не проявляет эмоций по отношению к состоянию клиента. Страдает ли клиент или испытывает облегчение, «профессионал» реагирует одинаково: «Это только работа, ничего личного и т. п.».

Деперсонализацию отождествляют с особым профессиональным цинизмом по отношению к своим обязанностям и людям, которые превращаются из подопечных в некоторые безличные объекты для «учения, лечения, кормления и т. п.». Например, к проявлению деперсонализации относят так называемый «черный юмор» врачей, когда на вопрос пациента: «Скажите, доктор, я смогу выздороветь?», — следует ответ: «А смысл?».

Под *редукцией профессиональных достижений* подразумевают неудовлетворенность своей профессией, возникновение у работников чувства некомпетентности и безнадежности в достижении успешного результата: «Что ни делай, как ни старайся, все равно ничего не изменится..., чтобы ты для людей не делал, им все кажется недостаточно, они думают, что я могу решить все их проблемы по жизни, но мои возможности ограничены».

Следует подчеркнуть, что все три компонента выгорания в определенной степени отражают специфику профессиональной сферы социальной работы, что позволяет говорить о выгорании как о профессиональном кризисе, связанном с характером деятельности в целом, а не только с личностными особенностями работника или социально-психологическими взаимоотношениями с подопечными или друг с другом⁷⁸.

Социолог, работающий в «поле», также находится в «прямом эмоциональном контакте» с респондентами и также нередко сталкивается с их негативными переживаниями. Более того, некоторые респонденты стремятся использовать социолога как «клапан для выпуска пара» или «утешителя». Поэтому симптоматика профессионального выгорания может проявляться у него так же, как и у представителей «помогающих» профессий.

Если проблема профессионального выгорания социолога-интервьюера — не очередная химера «рефлексирующего разума» или особенно «чувствительных натур», претендующих, что их работа тоже «вся на нервах», то необходимо признать, что полевой исследователь мо-

⁷⁸ Орел В.Е. Феномен выгорания в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Том 22. № 1. С. 90–101.

жет быть подвержен эмоциональному истощению, следующему «из стресса межличностного взаимодействия» с респондентами.

В случае длительного негативного эмоционального контакта с объектом исследования, социолог, как и врач или социальный работник, может проявлять эмоциональную «тупость», относиться к респондентам как безличным «объектам изучения», цинично считая их только «единицами наблюдения», а не живыми людьми. Мы уже имеем достаточно примеров из своей практики, которые подтверждают, что социологу, работающему в поле, как и другим профессионалам в социальной сфере, свойственны депрессивные состояния и «редукция профессиональных достижений», вызванные неверием в то, что результаты их работы смогут как-то облегчить жизнь их респондентам и обществу в целом.

Справедливости ради следует отметить, что со слов самих «полевиков», сильно «выгоревших» среди них гораздо меньше, чем среди врачей, учителей и социальных работников. Этому способствуют иные цели профессиональной деятельности, нерегулярные контакты с респондентами («не каждый день»), возможность переключения на другие «неконтактные» виды работы, большая степень самостоятельности в выборе «объекта» и способе взаимодействия с ним, определенные отличия в восприятии своей ответственности за ошибки и невыполнение работы. Однако те исследователи, которые длительное время были погружены в полевые условия, сопряженные с негативной эмоциональной нагрузкой, демонстрируют те же симптомы выгорания, которые характерны для социальных работников и других «спасателей».

Что можно сделать? Анализ литературы по профилактике выгорания в социальной сфере показывает, что все профилактические мероприятия можно условно разделить на две категории. *Первая* — это овладение самими «выгорающими» способами самопомощи и *вторая* — это так называемый стресс-менеджмент, т. е. регулярная деятельность организации, направленная на своевременное выявление симптомов выгорания у сотрудников и проведение профилактических мероприятий. Можно выделить также бытовые и профессиональные методы профилактики выгорания.

К бытовым способам профилактики выгорания можно отнести широкий набор народных средств защиты от стресса. Это общение с природой, друзьями, домашними животными, баня, спорт и активный отдых, хобби, путешествия и многое другое, зависящее от склонностей и возможностей человека. Профессиональные способы заключаются в овладении специальными упражнениями по релаксации и вклю-

чением в групповые занятия и мероприятия по защите от выгорания, которые могут проводить либо психологи, либо специально обученные члены группы.

Программы таких занятий можно найти в литературе по саморегуляции, где дается общее представление о существующих системах профилактики выгорания, приводятся полезные советы по самопомощи в борьбе со стрессом, раздражительностью, гневом и т. п.⁷⁹ По личному опыту автора статьи, попытка самостоятельного использования этих пособий сталкивается с особенностями нашей евразийской культуры, где ценность личности относительно невысока для того, чтобы обращать особое внимание на моральные переживания и психическую усталость. Преобладает отношение к работе как к суровому испытанию, которое должно сопровождаться «тяготами», если к ней относиться «серьезно» и работать на результат. Привычка к авральному труду, неизбежность «экстрима» и «цейтнота» как неременного фона почти любого вида деятельности (которые часто сами себе создаем) заставляют нас пренебрегать мерами «психологической безопасности».

С одной стороны, «гореть на работе» — это позитивное качество героя труда. Наша трудовая этика, доставшаяся в наследство от энтузиастов строительства коммунизма, предполагает, что не «сгорают» только те работники, которые не «горят». Причина их «огнеупорности» в том, что они «работают без запала», «огонька» и прочей «пиротехники», т. е. для них работа — это только способ заработать на жизнь, а не ее главный смысл. Занятно, что у современного поколения выражение «зажигать», «жечь» — позитивная способность личности, связанная в большей степени с вызовом рутинности, обыденности в любой сфере деятельности, но не связанная с жертвенностью в процессе труда.

С другой стороны, в тех же культурных кодах нашего российского общества содержится установка на сочувствие и сострадание собеседнику, жалующемуся на «вредность» работы. Можно без затруднений проговорить свои проблемы, при этом допускается «сгущение красок» и прочая драматизация событий. Эта «народная психотерапия» очень важный механизм защиты от профессионального стресса, кото-

⁷⁹ Степанова Е. Профилактика эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб ИСОП им. Вильяма Розенвальда, СПб., 2001; Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 1999; Черепанова Е.М. Саморегуляция и самопомощь в экстремальных условиях. М., 1995; Алиев Х. Ключ к себе (этюды о саморегуляции) М., 1993; Пергаменщик Л.А. Список Робинзона: Психологический практикум. Минск, 1996.

рому нет нужды препятствовать или изобретать искусственные формы в виде «балентовых групп», тренингов защиты от стресса и проч.

Однако бытовые способы защиты от профессионального стресса не всегда эффективны, часто оказываются недостаточными при высоком темпе и эмоциональной «нагруженности» работы. Кроме того они предполагают определенный уровень развития отношений в коллективе, понимание проблемы руководителем. К сожалению, мода на стресс-менеджмент, распространенная в «мире офисов», похожа, обошла стороной социологическое сообщество. Хотя было бы полезно провести занятие по обнаружению у членов исследовательской группы симптомов выгорания и поговорить о том, что можно сделать для снижения вреда от негативных последствий полевой работы. Эффект будет гарантирован, если не заниматься поиском универсальных рецептов профилактики выгорания, а обеспечить включенность всех участников дискуссии в обсуждение темы, продемонстрировать факт наличия переживания этих симптомов практически у всех членов группы, найти сходство и различия в способах защиты от стресса и выгорания, который использует каждый из них.

Если уровень выгорания достаточно высок и «бытовых» способов профилактики недостаточно, можно пригласить специалиста, который обучит приемам выявления ранних стадий выгорания, покажет базовые комплексы психофизиологической и психологической профилактики выгорания. Например, приемам саморегуляции с помощью глубокого дыхания, методики прогрессивной мышечной релаксации по Джекобсону-Эверли или методам самопомощи посредством медитативных упражнений типа «безопасное место», техникам работы с «трудными респондентами» и т. п.

Социологический «стресс-менеджмент» для профилактики «выгорания». В наших проектах признаки выгорания у полевых исследователей, о которых говорилось выше, проявлялись в разной степени, но серьезной проблемой для выполнения программ проектов за 10 лет полевой работы, к счастью, не стали. Хотя причины для этого были. Это длительное (до нескольких месяцев) пребывание в «поле» в условиях сельской бедности начала 90-х, среди людей, относящихся к «городским ученым» иногда с предубеждением. Это сами темы исследования крестьянских судеб, которые в большинстве были трагическими. Это ситуации, когда невозможно оставаться сторонним наблюдателем, а возможности помочь респондентам очень малы и т. п.

Мы не прибегали к помощи специалистов, не проводили специальных тренингов, хотя они могли быть полезными, обошлись, как го-

ворится, своими средствами. Если обобщить наши «профилактические мероприятия», то к основным из них можно отнести следующие:

1. Работа «парами». В полевой группе было не менее двух исследователей, что позволяло проговаривать сложные полевые ситуации и «вентилировать» эмоции. Несколько наших полевых групп представляли собой семейные пары, что решало многие бытовые проблемы в случае длительного пребывания в селе и достаточно позитивно воспринималось местным населением. Однако трудно найти супружескую пару, где оба супруга были бы исследователями, могли одновременно быть в «поле» и проч.

2. Регулярные «длинные столы», где была возможность с членами команды проговорить различные «полевые» ситуации, получить объективную оценку своих действий, дружеский совет.

3. «Скорая помощь», моральная и материальная поддержка участникам проекта в течение полевого этапа исследования. У участников проекта была уверенность в возможности своевременной поддержки и помощи в самых сложных ситуациях.

4. Реабилитационные мероприятия проекта, связанные с возможностью сменить обстановку, неформально пообщаться с коллегами, встретиться с «друзьями проекта» (известные ученые, проявляющие интерес к результатам проекта).

5. Гибкие графики полевой работы. Исследователь самостоятельно определяет график работы в «поле» между отчетными периодами.

6. Регулярные индивидуальные встречи с руководителем проекта по различным рабочим и личным проблемам.

7. Создание и поддержка традиций и ритуалов проекта. В ходе регулярных встреч участников проекта складываются традиции и ритуалы, определяющие рамки общения и создающие благоприятный климат в группе.

8. Ведение дневника исследователя, где он описывает свое эмоциональное состояние, фиксирует перепады в настроении, т. е. письменно «выговаривается».

9. Преподавательская деятельность. Те, участники проекта, которые вне поля вели занятия со студентами, говорили о них как средстве психологической разгрузки «после поля». Возможно, проговаривание перед студентами или коллегами своего полевого опыта, процесс его осмысления в учебной аудитории также могут быть способом профилактики выгорания. Может быть, имеет смысл создать что-то вроде «института наставников», т. е. привлекать стажеров к полевым

исследованиям, заключать с учебными заведениями договора о практике студентов в исследовательской группе.

Этот список может быть продолжен, но в заключение важно отметить, что сама постановка проблемы профессионального выгорания в полевой работе социолога определенно связана с этическими проблемами социологических исследований и так называемой *экологией профессии*. Это особенно важно для обучающих программ по качественным методам исследования, где необходимо не только помогать овладению методиками глубинных интервью, наблюдения и фокус-групп, но и предупреждать о «побочных последствиях» для исследователя его использования на практике и дать представление о способах защиты от них.

Глава 9. Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях

Предварительные замечания

Данная глава посвящается вопросам проведения так называемых открытых групповых дискуссий (иногда для краткости — ОГД) в тех условиях, когда технически невозможно провести обычные фокус-группы (иногда для краткости — ФГ). Для того чтобы было легче объяснить и обосновать рекомендации по такому виду работ, вначале излагаются некоторые общие положения, касающиеся групповых дискуссий в целом как широкого класса исследований и фокус-групп как наиболее известного и распространенного вида групповых дискуссий. Далее излагается история возникновения метода ОГД в практике зарубежных исследований. Затем рассказывается об опыте автора и его коллег по применению этого метода в отечественных условиях. Даются практические рекомендации по организации и проведению ОГД. Проводится сравнение некоторых характеристик ФГ и ОГД.

Под групповыми дискуссиями мы будем понимать несколько видов так называемых качественных исследований. Эти исследования вместе с индивидуальными глубинными интервью относят к глубинным методам. Можно представить ряд, в котором групповые дискуссии расположены по мере возрастания числа участников. Начинается этот ряд с парных интервью. Его продолжают интервью в триадах,

мини-группы (три-пять человек). Наиболее известным и разработанным является метод фокус-групп. Состав респондентов обычно насчитывает семь-девять человек, иногда его доводят до 12. Венчают этот ряд ОГД, открытые групповые дискуссии, в основном и обсуждаемые в данной главе. Численность их участников варьирует от десятка до нескольких десятков человек.

Есть несколько положений, которые являются общими для всех перечисленных видов групповых дискуссий. Начнем с их обсуждения.

Социальное действие как предмет и метод изучения в групповых дискуссиях

Социальное действие, полагают в социологии, это действие, которое Актор (индивид, группа, институт) проводит или планирует с учетом ожидаемой реакции Другого (другого человека или других людей, других институтов).

Индивид, отдельный человек, совершая любые свои поступки, ориентируется на реакции окружающих в основном безотчетно для себя, иначе он просто не может действовать. Случаи, когда он сознательно и специально выясняет возможные реакции других на свои поступки — редкие и непоказательные исключения.

Есть категория социальных действий, которые совершает не индивид, а корпоративный актор, такой как компания, партия, государственное учреждение и пр. Его действие может или должно вызвать реакцию не отдельного человека, а некоего множества людей — социальной группы, категории, сообщества или общества в целом. Если эти реакции для подобного актора важны, но не известны, он может предпринять специальные шаги по выяснению и прогнозированию этих реакций. Подчеркнем, его интересуют именно коллективные реакции и их детерминанты, в частности — содержание массового сознания, которое может предопределить поведение общественных групп в качестве потребителей, избирателей, работников, граждан и пр.⁸⁰

⁸⁰ Индивидуальные мнения людей, как ни резко прозвучит это высказывание, редко интересуют социологию как науку и практически никогда — прикладную социологию, то есть ту, которая проводит исследования в интересах некоторого стороннего Заказчика. Заказчика, которым является упомянутый выше корпоративный актор, реакции отдельного человека на его действия не занимают. Его интересует, как на его действия или предложения отреагирует целевая группа, то есть какова будет коллективная реакция или каким будет состояние коллективного сознания до и после его действий. Использование индивидуальных интервью в прикладной социологии служит тем же целям: выяснить содержание массового/коллективного сознания.

К сегодняшнему дню накоплен опыт составления подобных прогнозов. На этом специализируется одно из направлений прикладной социологии, а также ряда сопредельных дисциплин. Часть используемых при этом методов основывается на наблюдении аналогичных ситуаций и построении прогноза на базе экстраполяции. Часть опирается на опросные методы. У предполагаемых субъектов реакции — их называют целевой группой — могут напрямую спрашивать об их возможных реакциях. Могут спрашивать о мотивах и установках, которые существуют у целевой группы и на этом основании делать предсказания реакций. Такие исследования проводятся, например, методом индивидуальных интервью (высоко- или слабоструктурированных).

Отличие групповых дискуссий от соцопроса

Знание об этом, как выяснила теперь уже многолетняя мировая практика, удобно получать с помощью такого метода, который внешне похож на выяснение мнений нескольких человек. Сами эти люди, что слышавшие о социологических методах, часто считают, что их пригласили на «соцопрос». Чуть больше думавшие на эту тему люди могут считать, что соцопрос — это опрос сотен и тысяч человек, а фокус-группа — это то же самое в миниатюре. Мол, отобрать людей потщательнее, расспросить их поподробнее, вот и получим тот же результат, только быстрее и дешевле.

Фокус-группы, действительно, зачастую демонстрируют именно эти преимущества — скорость и относительная дешевизна получения примерно той же информации, которую дает массовый опрос. Но фокус-группа не есть маленький опрос. Между этими способами сбора информации существует принципиальная разница. Обычно указывают на то, что в одном случае эта информация имеет количественную форму, в другом качественную. Это, как правило, верно, но мы укажем на иное различие. Опрос — вне зависимости от того, сколько человек опрошено — это сбор индивидуальных и не зависимых друг от друга мнений. То, что они независимые (на момент их фиксации) считается важным, и принимаются меры к тому, чтобы эту независимость обеспечить. На этапе собственно опроса, таким образом, существуют только индивидуальные мнения. Лишь на этапе обработки и анализа совокупности этих ответов выясняется, что есть общего между этими независимыми мнениями. Наличие этой общности во мнениях разных людей объясняют тем (или приписывают тому факту), что существует коллективное сознание, которое и предопределяет единообразие ответов. Оно, полагают, и в дальнейшем предопределяет единообразие

потребительских или гражданских действий этой выборочной совокупности людей, а также и генеральной совокупности, которую они репрезентируют.

При массовом опросе собирают готовые примеры действия коллективных факторов. На фокус-группе, считая ее подобием выборки, можно сделать то же самое — выявить общее и различное в ответах нескольких собранных людей, но достоверных заключений о генеральной совокупности сделать нельзя. Законы больших чисел, которые позволяют делать это при опросах сотен и тысяч человек, здесь не действуют. Можно «почувствовать», «нащупать» массовую тенденцию, если она проступила в ответах большинства или всех респондентов на группе. Это будет немаловажный результат. (Беда в том, что надежность и точность его определить невозможно.)

Но не это есть главное, ради чего предпринимаются все исследования, проводимые методом групповых дискуссий, в частности — фокус-группы.

Групповые дискуссии как способ исследования массового сознания

Главное, что делает групповые дискуссии и, в частности, фокус-группы уникальным методом — это возможность показать не одни лишь следы и результаты работы массового сознания, но сам процесс его функционирования, процесс возникновения, выработки его решений, которые далее будут проступать в качестве индивидуальных мнений, реакций, поступков и действий множества отдельных личностей.

Просто так, из расспросов и разговоров нескольких собравшихся человек этот результат не возникает. Не возникает он и из дискуссии как таковой. Это направление недаром зовется методом групповых дискуссий. Лишь только если есть коллектив как носитель коллективного сознания (как в ОГД), или если он создан из собранных в одно место (студию) нескольких человек (как в мини-группах или ФГ), возможно моделирование изучаемого социального действия в миниатюре с использованием этого коллектива как динамической микро-модели целевой группы.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о количестве респондентов на фокус-группе. Вопрос выглядит чисто техническим, но на деле он связан с самой сущностью процессов, отличающих групповые дискуссии от прочих методов социологического исследования.

Итак, обычно считается, что число респондентов на фокус-группе не должно быть менее семи, и оно редко превышает десять. Опти-

мум, как подсказывает наша практика, это восемь человек. А каковы теоретические обоснования этого «магического числа»?

Из данных экспериментальной психологии известно, что обычный человек способен контролировать несколько своих партнеров по общению, выстраивая с каждым свой канал отношений. Но число таких контролируемых партнеров заведомо меньше семи. Если их больше семи, то человек не имеет возможности ориентироваться на них как на отдельных субъектов и вынужден ориентироваться на обобщенные нормы. Таким образом, в группе, где больше семи персон, все участники вынуждены строить общение друг с другом не как человек с человеком, а как «люди», то есть, как социальные существа в глубинном смысле этого слова. Тогда группа демонстрирует качества не малой группы, а микро-модели целевой группы или общества в целом. Образующаяся в ходе влияния членов группы друг на друга коллективное сознание имеет в этом случае не те неповторимые черты, которые отличают каждого из индивидов-участников, а, напротив, признаки общественного сознания, которые общи как для данных восьми участников в их качестве единой группы, так и для целевой группы в целом.⁸¹

Индивидуальные мнения и коллективное сознание

Фокус-группа представляет собой, если смотреть со стороны респондента, поводы и возможности для него высказать «то, что на душе». (Откровенность респондентов на фокус-группах может изумить непривычного человека. Люди порой берутся рассказывать то, что кажется отнюдь не предназначенным для публичных признаний.)

Парадокс ситуации (а на деле — в полном соответствии с теорией) состоит в том, что каждый из участников уверен, что происходящее, обсуждаемое задевает его личные струны, его личный опыт, и реагирует — по его самоощущению — искренне и «от себя». Он если и соглашается с другими участниками (а чаще всего он соглашается), то потому, что лично он именно так и чувствует.

Другие участники испытывают совершенно то же самое. Очень часто возникает эффект согласия, сим-патии, со-чувствия, единомыслия, единодушия. Переживается сам этот факт единения высоко пози-

⁸¹ В силу сказанного понятно, что наращивание количества респондентов выше этой границы не дает существенных прибавок качества. Ухудшение же может наступить, поскольку с умножением числа респондентов в условиях ограниченной длительности ФГ сокращается время для выражения каждым его реакций. Возникает вероятность появления «немых» или «отмалчивающихся» респондентов.

тивно, и порой открывает для участников неожиданные стороны и возможности в них самих. Люди обнаруживают, что они близки друг другу в неких глубинных основах их личностей. Очень часто можно заметить, что говорит всего лишь один из респондентов, но остальные непроизвольно кивают головами, проявляя свое согласие⁸².

Врач, психотерапевт, учитель, социальный работник обязаны за массовым и единообразным разглядеть индивидуальное и субъективное в каждом человеке и общаться именно с индивидом, неповторимой личностью. Социолог вынужден идти в противоположном направлении. Общаюсь с индивидами, делая многое для того, чтобы эти люди доверили ему свои сугубо личные переживания и мысли, он делает это лишь для того, чтобы извлечь из них то, что предопределило их сходство, их единообразие.

В технике проведения групповых дискуссий это создает определенные сложности. Если не проявить предельного внимания к индивидуальностям людей, не убедить их в том, что именно их частные, индивидуальные мнения и представляют общественный интерес, никакой существенный результат не будет получен. Не настроенные на откровенность люди будут отделяться высказыванием так называемых социально-признанных формул, суждений, получивших, на их взгляд, авторитетную социальную санкцию, например, из СМИ.

⁸² Сторонний наблюдатель (а модератор должен не только сливаться с респондентами в этом единодушии, но и сохранять позицию внимательного наблюдателя за происходящим) замечает, что эти слова — на взгляд самих говорящих — «из глубины души» более uniformны, стандартны, чем речь того же человека при обычном разговоре. Особенно это бросается в глаза, когда откровение, сделанное каким-либо из участников на одной группе, затем повторяется на другой — в другом городе.

Специально принятые меры настраивают людей друг на друга, причем — в отличие от того, что происходит в малых группах, семьях, парах — не на конкретного индивида, а на «всех» или на обобщенного Другого. А эти ориентации задаются культурой, системой воспитания, принятой в нашем обществе. Они если не едины для всех россиян, то все равно куда менее вариативны, чем индивидуальные или семейные особенности людей.

Можно подойти к этому с объяснением через тот упоминавшийся факт, что мы имеем дело с социальным действием, социальным поведением людей, в ходе которого непременно существует их влияние друг на друга. Но это влияние лишь в малой части предстает в формах доминирования одних участников над другими, подражания одних другим. Главное — это постоянная ориентация людей друг на друга в частности, и на людей вообще. Именно это постоянное пребывание в социальной реальности ведет к тому, что реакции людей, ощущаемые ими как свои собственные и более ничьи, оказываются внешне одинаковыми.

Массовое сознание и его стереотипы

Нельзя исключить, что по некоторым вопросам содержание массового сознания вообще ограничивается только этими стереотипами. И, сколько ни копай, другого получить невозможно. Но это — особая и требующая специальной оговорки ситуация. Во всех прочих случаях глубинные методы, к которым относят себя методы групповых дискуссий, претендуют на вскрытие более интересных и сложных социальных связей и механизмов. Для этого требуется проникновение в глубины индивидуальных сознаний.

Это и практикуется в методах индивидуальных глубинных интервью. В чем отличие того, что происходит на групповых дискуссиях, в частности на фокус-группах? Отличие в том, что люди обращают свои откровенные высказывания не к индивиду-интервьюеру, а к целой группе людей, которых они считают «такими же, как я». В силу этого извлекаемые из глубин «я» содержания оказываются, что чаще всего не осознаются участниками, теми, которые соприродны коллективному «мы».

Как и в только что описанном случае реагирования «социально-признанными» формулами, люди демонстрируют содержания, сформированные коллективно, прошедшие социальный контроль, униформированные и клишированные. В этом случае униформированность возникает за счет работы глубинных механизмов культуры и социальности — архетипов, ценностей, базовых норм этой культуры или субкультуры. Там могут встречаться и элементы из СМИ и массовой культуры, но это будет значить, что таковым удалось проникнуть на глубинные уровни национальной, народной культуры.

Добившись своей главной цели — сформировав на множестве в несколько человек механизм работы массового сознания, или, по-другому, заглянув через объединенные индивидуальные сознания нескольких человек в глубину сознания массового, исследователь обнаруживает там надиндивидуальные смыслы и их выражения. Если эти выражения уже сформировались ранее, они всплывают на поверхность в виде клише, устоявшихся образов или речевых оборотов.

Был период политической истории новой России, когда общество с изумлением обнаружило масштабы и распространенность коррупции и правонарушений в действиях прежде почитаемого института государственной власти. К идее, что вместо власти у нас *мафия*, приходили на глазах у исследователя десятки раз. Еще чаще делились этим открытием как главным, горюя и торжествуя, что тайна наших общих несчастий вскрыта. Тогда же формулу «рыба тухнет с головы» на

глазах исследователя множество людей находили как неожиданно точное выражение того, что они чувствовали, но не знали, как назвать.

При разговорах на тему о благосостоянии, экономическом положении люди в разных концах страны в девяностые годы, не договариваясь, формулировали: «мы не живем, мы выживаем».

Но методу, о котором идет речь, доступно не только вскрытие уже готовых коллективных мнений. В мире не было бы заплачено столько денег за проведение фокус-групп, если бы они не могли того, что недоступно вообще никакому другому методу. Речь идет о моделировании реакций массового сознания на те обстоятельства, стимулы, предложения, с которыми оно до того еще не встречалось. Мы говорим о всей той массе исследований, когда Заказчику важно знать, что произойдет, когда он выйдет на рынок (или на политическую сцену) с этим прежде не предлагавшимся товаром, этим брэндом, этой рекламой, этой политической программой, этим кандидатом и т. д.

Групповая дискуссия, в частности фокус-группа, позволяет Заказчику не только узнать, что именно произойдет, но при желании и увидеть собственными глазами, как формируется такая реакция, как она возникает из уже имеющихся элементов — установок, ценностей, культурных смыслов и пр.

В этих случаях реакция часто также получает словесное оформление. Участники стремятся выразить, как могут, свои чувства, свое отношение, которое у них только что сформировалось. В хоре, бывает, вдруг рождается слово, словцо. Оно еще не клише, оно имеет его свойство — емко и энергично выражать коллективно переживаемое отношение, но оно только что родилось, сорвалось с уст. Его признаки — те же, что у паремий (поговорок, пословиц, местных или групповых модных выражений). Оно сразу, как сказалось, перестает принадлежать сказавшему. Для Заказчика такие выражения — находка. Они аккумулируют смысловую энергию. Их можно использовать как средства для инсайта — прорыва к пониманию сути дела, их можно использовать для возвращения в массовое сознание в виде рекламных или политических слоганов. В связи с этим исследователю надо следить за появлением подобных слов-словечек и если такая формулировка не возникает ясно и определенно сама, уметь порой в многоголосице выделить потенциально наделенную этими свойствами формулу и вернуть ее группе на обкатку.

Такие выражения потом помещаются в отчет под названием «дословные высказывания респондентов». Принято (вместо знака кавычек) выделять их *курсивом*. «Полный отчет с дословными высказывания-

ми» (Full report with verbatims) — это и есть, как правило, основной итог работы исследователей, то, за что Заказчик и платит деньги. Часто за такой отчет при составлении договора назначается отдельная цена, сопоставимая с ценой одной фокус-группы. А краткий отчет, в котором нет этих дословных высказываний (Short report / Executive summary), зачастую считают входящим в общую стоимость фокус-группы или набора из нескольких фокус-групп, и не таксируют отдельно.

Социальное происхождение метода ФГ

Есть несколько версий происхождения метода ФГ. Не разбирая их подробно, отметим лишь то, что в одних случаях это происхождение обнаруживают в недрах позитивистской традиции, а в других — связывают с появлением новых подходов в русле феноменологии. В последнем случае обычно отмечают связь «мягких» методов с духом постмодерна, духом европейских студенческих бунтов 1968 года, которые означали для социологии пересмотр авторитарной модели «исследователь — начальник, респонденты — подчиненные» в пользу равенства или хотя бы меньшего неравенства статусов этих субъектов. Однако эти процессы совершались в основном в академической социологии, там, где принято рефлексировать и по поводу методологии, и по поводу этики исследовательской работы. Мы же будем говорить о ФГ в рамках прикладной социологии или тех дисциплин и исследовательских областей, которые сами себя к социологии вообще не относят. Здесь в первую очередь надо помянуть маркетинговые исследования как область наиболее массового применения ФГ.

Для фокус-групп было очень важным событием попадание в орбиту маркетинга, в арсенал маркетинговых исследований. Маркетинг — некогда одна из многих вспомогательных дисциплин экономики — далее обнаружил в себе эвристический и концептуальный потенциал, который позволил ему превратиться, во-первых, в один из самых распространенных видов исследовательской и организационной деятельности, а во-вторых, стать подобием парадигмы мышления, способом новой разметки и понимания социальной действительности, источником новых метафор для понимания и описания социальных явлений.

Маркетинг как практическая деятельность тесно связан с современной офисной и бизнес-культурой. В эту совокупность правил, подходов, практик и встроились фокус-группы как особый вид исследовательской и коммерческой деятельности. В этом контексте фокус-группы превратились в один из видов стандартных услуг, которые участвуют в обеспечении маркетинга как процесса. Проведение фокус-груп-

пы — формальное действие исследовательского учреждения, элемент осуществляемого им исследования. Это действие документально регистрируется, описывается в стандартных формах.

Следует принять во внимание, в какой социальной среде сложился, и в каких ситуациях отработывался этот метод: фокус-группы. Это была современная городская среда, в которой присутствует и известен большинству людей определенный репертуар публичных социальных ролей и связанных с ними взаимоотношений акторов. Имеется в виду, что для этих людей существует сфера приватных отношений, в которой люди выступают друг для друга как родственники, друзья, враги, сексуальные партнеры и другие участники личных, первичных отношений. Но есть — и в этом особенность именно городской ситуации — сфера публичная, в которой люди взаимодействуют, не вступая или необязательно вступая в личные отношения. Да и взаимодействуют иногда в отношении человек-человек, а иногда — человек-организация, организация-организация. В приватной сфере отношения регулирует прежде всего обычай, а также частные нормы, устанавливаемые самими людьми в их частных сообществах — семьях, диадах, компаниях и пр. В публичной же сфере действуют более обобщенные правила поведения больших групп (вроде этикета, приличий, мод), а также предельно универсализированные правила для всех членов общества, закрепленные в писаных законах, инструкциях, правилах.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на фокус-группу, то увидим, что она основывается именно на том, что трактует людей как участников вторичных — публичных — взаимоотношений. Мы говорим об отношениях, на которых строится сам институт фокус-групп. Отношения первичного приватного уровня не могут быть основой для конструирования фокус-группы, но они могут быть предметом изучения в ходе групповой дискуссии. (Например, изучается отношение молодых матерей к своим младенцам, это может интересовать производителей детского питания).

Современная городская цивилизация представляет собой сообщество независимых, самостоятельных индивидов, располагающих ресурсами, которые они готовы обменивать. Эти индивиды (акторы) суть покупатели, потребители благ и услуг, в том числе социальных, культурных и политических. Они приобретают эти услуги, расходуя, т. е. обменивая на них принадлежащие им ресурсы, такие как деньги, время, право голоса и др.

Эти обмены совершаются в определенных институциональных обстоятельствах, а именно в магазинах, на зрелищных предприятиях,

на избирательных участках, на митингах и собраниях, при просмотре телепередач или прослушивании радио и пр. Параллельно совершаются и иные виды обменов. Они идут в среде людей как суверенных носителей мнений, позиций, симпатий и антипатий относительно упомянутых институтов. Эти собственные мнения, позиции и пр. люди предъявляют друг другу и обменивают на выражение солидарности, поддержки, признания их претензий на авторитет, на то или иное место в группах и иных ситуациях общения. Все эти ситуации, отметим, мы описали как обменные или, значит, рыночные.

Именно эти отношения обменов являются предметом изучения на фокус-группах. И именно такие и только такие люди, обладающие набором именно таких ресурсов и компетенций, могут выступать в качестве участников фокус-групп, быть респондентами.

Фокус-группа — регулярная исследовательская процедура. Это значит, что она осуществляется по правилам. Относительно этих правил должно существовать согласие всех трех субъектов, участвующих в процессе. Согласие обычно фиксируется в документах или в специальных формулах, договоренностях.

Рекрутмент

Набор респондентов (рекрутмент) для фокус-групп осуществляется как самостоятельная планируемая и контролируемая агентством регулярная процедура. Ее осуществляет специализированная группа, служба или подразделение рекрутеров, руководимых ответственным лицом — бригадиром. Рекрутмент не может осуществляться модератором или с участием модератора. Рекрутмент не может осуществляться как неформальная процедура, как действие в рамках личных отношений (знакомства, родства, соседства, подчинения), в формах одолжений, просьб, принуждений. Рекрутмент предполагает установление формальных договорных (контрактных) отношений между представителями целевой группы — потенциальными или будущими респондентами (с каждым индивидуально), с одной стороны, и исследовательским агентством (или действующим у него на подряде рекрутером), с другой.

Рекрутмент осуществляется по социально-демографическим или иным критериям, которые согласованы с Заказчиком. Рекрутер отвечает перед бригадиром, бригадир перед исследователем, а исследователь перед заказчиком за соответствие респондентов установленным критериям. Все указанные отношения ответственности предполагают, что при невыполнении условий соответствия следуют штрафные санкции.

Если специально не оговорено иное, респонденты не должны быть лично знакомы друг с другом и с модератором. Если все респонденты знакомы между собой, это означает, что исследование принадлежит другому типу (см. ниже) и должно проводиться в ином режиме. Если между собой знакомы некоторые из участников, это является нарушением правил проведения фокус-групп, поскольку неконтролируемым для исследователя образом искажает процесс формирования общественной реакции на новый стимул. Респонденты в идеальном случае не должны иметь никакого опыта участия в подобных исследованиях. Считается допустимым приглашать лица, которые уже выступали в качестве респондентов, но не менее чем шесть месяцев назад (по аналогичной теме — не менее года назад). Соблюдать эти условия также необходимо для того, чтобы строить модель воздействия нового стимула (предложения) на общество или целевую группу.

Функции фокус-групп

Функция любой фокус-группы — моделирование социального действия. В силу этого ФГ можно применять в том числе для первичного ознакомления с состоянием сознания той или иной группы в отношении некоторой темы. (Под «темой» имеется в виду любое событие, процесс, состояние, объект, которое или который имеет или может иметь значение для данной целевой группы). Это — так называемые эксплоративные или разведывательные, осведомляющие группы.

Но все же наибольший интерес фокус-группы представляют как практически уникальный инструмент для моделирования на глазах у наблюдателей процесса выработки массовым сознанием — групповым сознанием данной целевой группы — реакции на некоторое предложение. Это так называемые эвалюативные группы, т. е. группы, оценивающие возможную реакцию на предложение. Под «предложением» имеется в виду подготовленный для данной целевой группы тем или иным субъектом текст или иной символический объект — бренд, товар, услуга, реклама бренда, товара или услуги, политическая или социальная программа, выражающий ее лозунг, призыв и т. п.

Фокус-группа есть сочетание опросных методов и наблюдения. Это значит, что информация о реакциях и мнениях, состояниях и действиях получается со слов, методом вербального общения, но также и путем наблюдения за вербальными и невербальными реакциями. Наблюдение осуществляет сам модератор, работающий в студии, но также и те, кто находятся в специальном помещении, оборудованном средствами наблюдения. Они наблюдают за ходом фокус-группы, но оста-

ются незаметными для ее участников. Этими лицами могут быть как участники исследовательского коллектива, так и представители заказчика. Фокус-группа вообще имеет вид не только исследования, но и демонстрации, зрелища, предназначенного для наблюдения Заказчиком. Наблюдение может осуществляться непосредственно и в реальном времени или дистанционно и в отложенном времени (в записи), наконец может быть виртуальным, потенциальным — не имеющим места фактически, но предположенным и как бы происходящим.

Таким образом, у фокус-группы есть еще одна уникальная функция: фокус-группа в контролируемых условиях осуществляет контакт субъекта, делающего предложение (фирмы, инстанции, рекламного агентства, политической организации и пр.) с адресатом этого предложения: представителями потребителей, избирателей, зрителей и др. в момент, когда моделируется реакция вторых на предложение первых.

Стандартизация метода

В практике маркетинга присутствуют в основном типичные и стандартные задачи. Соответственно, стандартизация распространяется на требования к проведению фокус-групп и критерии, по которым оцениваются результаты в его содержательном аспекте и в смысле качества предоставленной услуги. Фокус-группы — один из инструментов маркетинга. Последний, в свою очередь, есть один из институтов, организующих и обеспечивающих социальные взаимодействия и социальные коммуникации. В сложном городском обществе, где господствуют упомянутые ранее вторичные анонимные отношения, коммуникации возможны только при помощи стандартных средств, таких, по поводу которых у участников взаимодействия, не знакомых между собой и не заключавших никакой конвенции по поводу этих средств, не возникает сомнений и затруднений. Фокус-группы относятся к таким же стандартным средствам обеспечения бизнес-процесса, как и средства связи, офисные помещения или формулы договоров, наконец, деньги. Стандартные формы наполняются уникальным содержанием, так осуществляется коммуникация.

Поэтому фокус-группы и осуществляются в этой сфере в стандартно-универсальных формах. Когда клиент заказывает исследование, он оговаривает не эти формальные требования и условия, но только их содержательную часть, например, критерии рекрутмента / параметры целевой группы.

Сказанное не означает, что из процесса изгнаны такие конститутивные атрибуты фокус-групп, как спонтанность респондентов, важ-

ность личностных черт и искусности модератора, роль интуиции и наглядности и т. п. Однако эти творческие элементы не могут не испытывать давления стандартизирующего организационного контекста.⁸³

Маркетинговые исследования, в том числе и качественные, профессионалами зовутся словом *industry*. Фокус-группы, осуществляемые одинаковым образом, поставленные в больших агентствах в условия непрерывного или циклического процесса, и в самом деле приобретают черты индустриального производства.

Индустриализация, массовое производство стандартного продукта — одно из выдающихся человеческих изобретений. Ее эффективность и польза несомненны, индустриализация очень много дала и такому ремесленному по своей природе делу, как проведение фокус-групп. Но нельзя не заметить парадокса. Фокус-группы, качественные исследования в ходе своего становления противопоставляли себя количественным исследованиям, обвиняя последние в их связи с дегуманизированным массовым производством, диктатом стандарта и т. п. Парадокс, состоящий в том, что качественные исследования как бизнес начинают зарабатывать все более и более на том, что противоположно их родовой сущности, осознан многими участниками процесса, и как результат возникли два новых направления. О первом скажем очень коротко, второе и будет основным предметом нашего внимания.

Модифицированные фокус группы

Когда рынок наполнен однотипными продуктами (предложениями), как правило, появляются попытки выделиться на этом фоне. Такие попытки рано или поздно приводят к появлению нового продукта (предложения) с соответствующей перестройкой рынка. Однако в описываемом нами деле на настоящий момент такое новшество еще не появилось.

Самое серьезное из новшеств было связано с распространением новых информационных и коммуникационных технологий, прежде всего — интернета. Несколько лет назад появилась новация, которая имела многие признаки революционной, и, как казалось очень многим, должна была полностью перевернуть рынок качественных исследований. Речь идет о так называемых онлайн-фокус-группах. Своей

⁸³ Стандартизация услуг, будь то в гостиничном бизнесе, будь то в качественных маркетинговых исследованиях, связана, прежде всего, с пресловутой глобализацией. Клиент в любом данном месте желает получить услугу в знакомых ему (т. е. стандартных) и не зависящих от местных условий форматах.

дешевизной и скоростью, другими техническими преимуществами они, как полагали, навсегда вытеснят обычные фокус-группы. Однако, как и электронная торговля, насчет которой также имелись грандиозные ожидания / опасения, электронные фокус-группы всего лишь создали собственную нишу, пребыванием в которой и ограничились. Единственный вид исследований, который они «отбили» у традиционных технологий — опрос экспертов. Его проведение в онлайн-режиме имеет неоспоримые преимущества, а недостатки носят приемлемый характер. Выявленные же недостатки и ограничения онлайн-фокус-групп показали их неприемлемость в значительном числе случаев. Рынок обычных фокус-групп сохранился.

На этом рынке попытки отличиться от конкурентов пока что делаются за счет жертвования отдельными элементами сложившегося стандартного формата фокус-групп. Клиенту могут предложить провести фокус-группу по обсуждению его продукта (например, напитка) не в «искусственной» среде студии, а в «естественной» среде бара. В иных случаях фокус-группы переносят в жилье, на открытый воздух и пр. Пробуют играть с числом респондентов, числом модераторов, длительностью фокус-группы. Под модификацию того или иного стандартного параметра фокус-группы иной раз подводится «теоретическая база». Ее назначение, как и назначение самой модификации — убедить заказчика, что он приобретает новый или даже принципиально новый вид услуги. Коммерческий смысл таких новаций понятен, но их роль для развития отрасли пока остается несущественной. Новшества оказываются однодневками и не закрепляются.

Open-ended group discussions

Но одно существенное нововведение сложилось, правда, контекст его был далек от коммерческих маркетинговых исследований. Поэтому разговор о нем придется начать издалека.

Авторитаризм, насилие, неравенство, подчинение одних людей другим возникают в самых различных социальных обстоятельствах. В самых разных условиях и по самым разным поводам возникает протест против этих явлений. Выше уже отмечалось влияние молодежных бунтов 1968 года. Заложенная тогда линия критики социальных исследований за авторитаризм, встроенный в их методический аппарат и организационные схемы, не прошла даром. Она сказалась в самых разных областях, с ней связан интерес к этнометодологии, устной истории, социологии повседневности и многое другое. С ней, как отмечалось, связана поддержка мягких / качественных методов исследователями новых

школ, родившихся в ходе философской и методологической рефлексии над импульсом 1968 года, в противовес жестким/количественным.

Но импульс, давший такие богатые плоды,⁸⁴ не иссяк и десятилетия спустя. Теперь он повлиял на судьбу качественных исследований еще раз. Снова можно говорить об эффектах глобализации, но ее проявления оказались в этом случае иными.

В последней четверти 20 столетия в Западной Европе получили значительное распространение различные инициативы по оказанию помощи населению бедных стран. В этих инициативах видное место принадлежало представителям социальных наук. Описанные выше перемены в этих науках вызвали изменения и в самой трактовке помощи. На месте авторитарной модели, при которой богатый, доминирующий Запад/Север благодетельствует бедному и зависимому Востоку/Югу, появилась новая модель, требующая по мере возможности выравнивать статусы сторон. Для социологов и иных представителей социальных наук, участвовавших в подобных проектах, было ясно, что оказание помощи должно предваряться и сопровождаться изучением мнений, желаний, потребностей тех, кому эта помощь предназначалась. Фокус-группы были бы одним из самых подходящих инструментов для этих целей, но два ряда обстоятельств затрудняли их применение. Первый ряд составляли факторы, о которых уже шла речь.

В повседневной маркетинговой практике, где требуется четкость и быстрота получения результата, респондент — это человек, кото-

⁸⁴ Выходит далеко за границы нашей темы и потому не обсуждается один из самых значительных результатов, связанных все с тем же импульсом. Речь идет о сексуальной революции, породившей и сексуальную контрреволюцию, и общий интерес к гендерной проблематике. Этот интерес, сначала существовавший лишь как гражданский либо философский, вскоре дал значительный по своим социальным последствиям результат. Он стимулировал новую фазу в решении так называемого женского вопроса в европейской социальной культуре. У этой новой фазы название — феминизм. Таковой в свою очередь дал толчок новой волне в социологии. Гендерные исследования превратились в отдельную социологическую дисциплину, но что еще важнее, феминистски настроенные социологи фактически наново переписали социологию. Их трактовка социальной реальности во многом напоминает марксистскую. Это сходство определило как ее односторонность и предвзятость, так и большой эвристический потенциал. Социологи этой ориентации свежим взглядом обозрели традиционные объекты социологического исследования. Они искали и находили там все новые примеры гендерного неравенства и гендерной эксплуатации, но попутно обнаруживали и множество новых форм неравенства, и вообще новых для социологии форм социальных отношений. Стоит добавить, что подавляющее большинство лиц, обучающихся во всем мире по специальности социология и маркетинг, а значит — большинство практикующих социологов и маркетологов, это (молодые) женщины. Для них феминистская социология — «своя» социология.

рый согласился за деньги предоставить себя в распоряжение исследователя. Они оба — свободные контрагенты на рынке, но после заключения контракта их роли оказываются не симметричными. Авторитарная ситуация воспроизводит себя в новых формах. Можно усмотреть параллель между положением респондента и положением работника, который как свободный субъект заключает контракт с работодателем, но затем становится (по Марксу) объектом эксплуатации.

Для левой университетской общественности, которая участвовала в вышеназванных проектах по оказанию помощи, это было достаточным основанием, чтобы пересмотреть социальную конструкцию исследования с использованием фокус-групп.

Второй ряд обстоятельств был связан с условиями работы на местах. Объектами помощи чаще всего были наиболее бедные страны Азии, Африки и Латинской Америки, а в этих странах — наиболее бедные районы или общественные группы. После первых попыток провести среди этого населения фокус-группы с соблюдением всех правил, которые считаются необходимыми для участников, стало ясно, что это невозможно. Исследователи, совершавшие эти попытки, говорили потом, что только там и только тогда, когда они потерпели серию неудач в организации фокус-групп, они поняли, на какое большое число неоговариваемых конвенций и правил, само собой разумеющихся и населением, и исследователями, опирается конструкция обычного маркетингового или социологического исследования. Люди же, принадлежащие этим сообществам, были в минимальной степени знакомы с европейской культурой и присущими ей конвенциями.

Так, не удавалось соблюсти такое, казалось бы, простое условие, как набор на группу определенных людей в определенном числе. Приглашенный на группу приходил не один, а с целой компанией родственников и друзей, и организаторам не удавалось ни ему, ни им объяснить, почему приглашение касается лишь его одного. Возникающие уже на этом шаге обиды и конфликты порой делали невозможными все остальные шаги.

Разрушительной, а не конструктивной оказывалась практика оплаты участия (подарков респондентам). Люди, которым было непонятно, что за эти деньги приобретается их время (действительно, странная идея), искали понятные им объяснения и адекватные реакции. В некоторых случаях они решали, что им платят за то, чтобы они соглашались со всем, что им говорит модератор, в других — что это знак их особых отличий от остальных жителей той же деревни, и т. д.

Деревенские условия, в которых приходилось чаще всего работать, разумеется, не позволяли соблюсти такое требование, как знакомство участников друг с другом. Не приходилось говорить об анонимности и конфиденциальности, и т. д. и т. д.

Зарождение нового метода

После серии неудач, показавших невозможность применения метода фокус-групп в этих условиях, исследователи, попавшие в такие обстоятельства, пошли по пути, который в некоторых чертах совпадает с описанными выше действиями по модификации фокус-групп. Но действия по модификации фокус-групп, однако, были не вынужденными, а произвольными. Далее, их инициаторы, как правило, модифицировали одно из условий или правил, оставляя неизменными остальные. В описываемых же обстоятельствах приходилось соглашаться на одновременный отказ от целого ряда условий и требований, и делать это ввиду их практической неосуществимости.

Более того, стало понятно, что изнутри социологии, по крайней мере, изнутри самого знания о фокус-группах эту проблему разрешить невозможно. Анализ ситуации потребовал подхода к ней с этнографической (этнологической), антропологической и культурологической позиции. Европейская социология впервые стала объектом своих наук-сестер. Такой подход позволил представить фокус-группы как одну из ритуальных практик, как совокупность средств для реализации ценностей определенной социальной группы или категории европейского общества. Этой группой или категорией являлись собственно ученые-социологи, выступавшие в качестве жрецов этих ритуалов либо в качестве тех, кто претендовал на преимущественное право в обществе на «держание» таких ценностей как знание, объективность, информация.

Методические требования, формирующие само явление «фокус-группа», оказывались при таком анализе средствами перенести ситуацию общения, разговора с обычными членами общества из пространства-времени, контролируемого обществом, в особое пространство-время, контролируемое институтом науки и людьми науки, социологами, психологами или иными исследователями. В самом таком действии, коль скоро оно осуществляется в контексте новоевропейской культуры, нет ничего необычного. Требования гигиены и антисептики в медицине, требования точности и чистоты в экспериментальной физике или химии и пр. принадлежат тому же ряду ритуалов, отделяющих события внутри института науки от событий обыденной жизни. Слово ритуал в этом случае означает действия, которые по убеждени-

ям и тех, кто их совершает, и тех, кто их наблюдает, должны привести к особым значимым следствиям, не вытекающим из простой физической природы самих действий. Перенос этой конструкции в общество, в котором института науки не было и нет, неожиданно для самих ученых обесмысливает и обесценивает эти требования и соответствующие действия. Их квалификация как ритуалов теперь означает иное. Они теперь ритуалы в том значении этого слова, когда говорится о действиях, потерявших или не имеющих смысл, но совершаемых ввиду неких внешних причин или требований⁸⁵.

Таким образом, возникла задача выработать исследовательские техники для социальных условий, которые сильно отличаются от условий западноевропейского урбанизированного общества. Решать задачу взялись социологи и антропологи, у которых были свои претензии к фокус-группам как практике.

Опыт неудач показал, какие компоненты метода фокус-групп не могут применяться. Мировоззрение исследователей также диктовало отказ от некоторых атрибутов метода. Встал вопрос, что останется от него, если удалить из методических требований к фокус-группе все эти элементы.

Вопрос решался не отвлеченно теоретически, не отвлеченно методологически, а конкретно практически. Неправительственные организации в Бангладеш осуществляли кампанию по электрификации сельских поселений в одной из частей страны. Местные условия позволяли поставить на ручьях и малых реках небольшие гидроэлектростанции, которые могли бы обеспечивать ближайшие селения электроэнергией. Проект был организован так, что электростанции ставились только там, где местное сообщество выражало согласие и желание обзавестись такой электростанцией и взять на себя определенные работы по ее установке и т. п.

Группа университетских исследователей из Великобритании, Индии и Бангладеш проводила работу по сбору мнений об этом замысле в деревнях соответствующего района страны. По воспоминаниям

⁸⁵ Врачи могут заметить, что представители европейской медицины, действующие в сходных условиях в туземных деревнях, продолжают соблюдать правила антисептики и пр. Действительно, параллель с медициной здесь кончается. Причина в том, что институт медицины имеет сходство с институтом целительства, существующим практически во всех туземных обществах. Гигиенические и иные медицинские правила и приемы, оказываются ритуалами, в значимость которых верят (пусть и на совершенно разных основаниях) и врачи и их пациенты. В случае с фокус-группами такого консенсуса достичь, как правило, не удавалось.

участников, которые делились опытом с автором этих строк, получалось, что они прибывали в деревню и там устраивали нечто вроде (более строго: способствовали образованию чего-то вроде) сельского схода. Для этого они помещались в «фокальной точке» поселения. В большинстве случаев это было большое дерево в центре поселения, где обычно собирались жители. Их появление вызывало интерес, подтягивались первые любопытные, завязывался разговор. В ходе разговора приезжие рассказывали о проекте, показывали рисунки, давали пояснения. Опыт показал, что через недолгое время на площадке оказывалось практически все активное население деревни, а также дети. Как правило, начиналась дискуссия по теме.

Осторожные исследователи положили себе за правило никак не вмешиваться в дискуссию и не влиять на ее естественный ход. И если в течение одного дня дискуссию не давала никакого определенного результата относительно проекта, они оставались в деревне и приходили на площадку на следующий день, иногда для достижения результатов требовалось несколько дней. Они считали свою задачу выполненной, если у них (у исследователей), во-первых, составлялось определенное мнение о том, какую позицию занимает местное сообщество по обсуждаемому вопросу, и, во-вторых, в ходе дискуссий появлялись лидеры мнений, которые очевидно будут организаторами общественных действий на следующих этапах. Этим лидерам передавались необходимые информационные материалы и пр.

Исследователи же увозили с собой собственные заметки, сделанные в ходе дискуссий. На основании этих заметок они далее составляли отчеты, которые передавали направившей их неправительственной организации. Отчеты были приняты, Заказчик тем самым констатировал, что цели, которые он ставил, обращаясь к исследователям, достигнуты. Мнения, установки, мотивы возможных действий тех людей, среди которых предполагалось проводить намеченные преобразования, были достаточно полным образом представлены и описаны. Метод доказал свою работоспособность.

Успешный опыт осуществления поставленных перед этой командой задач был повторен в нескольких аналогичных проектах в разных странах, куда приглашали отдельных членов исходной команды. Постепенно оформились их приемы и правила, они осознали, что фактически им удалось выработать новый метод. Метод они назвали *open-ended group discussion*. В буквальном переводе это означает «групповая дискуссия с открытым концом». Мы предлагаем передавать смысл этого названия словами «открытая групповая дискуссия» (сокращенно ОГД).

Особенности open-ended group discussions

Особенностями ОГД, бросающимися в глаза тем, кто привык к такой разновидности групповых дискуссий, как фокус-группа, оказались следующие.

1. Неограниченное и непостоянное число присутствующих и участников. Люди приходят и уходят, некоторые приходят снова. Замечены закономерности, отличие первоначального состава от состава второй, потом третьей очереди, а также лидеров первой, второй и третьей очереди. Типично выделение сублидерской группы — актива, который, как правило, не уходит.

2. Неопределенность временных рамок дискуссии. Динамика дискуссии, как правило, волнообразна, но предсказать число волн весьма трудно.

3. Преобладание пассивных участников. Известно, что присутствующих будет (относительно) много, а участвующих в дискуссии (относительно) мало. Однако известно и то, что в группе пассивно присутствующих находятся носители очень существенных точек зрения, каковые до поры не фигурируют в дискуссии. Зато когда и если эти точки зрения высказываются публично, они способны поменять весь ход разговора.

4. Разумеется, практически все участники ОГД знакомы друг с другом. Значительное время в дискуссиях уходит на пререкания тех, кто обычно спорит друг с другом, на продолжение не имеющих отношения к обсуждаемому предмету распрей, обид, насмешек и пр.

Представляем несколько правил, которые выработали организаторы ОГД.

Тот, кто проводит *Open-ended group discussion*, называется не модератор (*moderator*), а фасилитатор (*facilitator*). Если слово модератор буквально означает «смягчающий», «утихомиривающий», то буквальным же переводом слова фасилитатор — это «облегчающий, способствующий, помогающий (выражению мнений)». Переход к другому термину (не столь уж сильно отличающемуся по смыслу), связан с обсуждавшимися выше претензиями исследователей этой новой волны к фокус-группам, какими они стали при массовом тиражировании, а именно авторитарным конструкциям, основанным на доминировании модератора над респондентами. По этой же причине фасилитатору не разрешается позой демонстрировать свое отличие от участников ОГД. Кстати, и эти люди именуется именно «участниками» (*participants*), а не респондентами. Этим подчеркивается, что они участвуют в ОГД

добровольно, и они не имеют обязанности отвечать (respondent, респондент — буквально означает «отвечающий») на вопросы ведущего⁸⁶.

Регламент ОГД, как он задан основоположниками, не предусматривает «подарков респондентам» ни в какой форме. Однако они рекомендуют на месте встречи угощать всех желающих каким-либо из недорогих безалкогольных напитков, принятых в этой местности (чай, газированные напитки и т. п.)

Важной методической рекомендацией было использование не менее чем двух ассистентов для ведения записей. Ветераны ОГД не доверяли магнитофонам и диктофонам, на сельской сходке, объясняли они, несколько человек говорят одновременно, звукозапись бессмысленна. Нужны квалифицированные исследователи, понимающие, в чем суть дискуссии и какие высказывания являются важными для решения основных вопросов. Только их рукописные заметки и записи будут иметь практический смысл.

Серьезным отличием ОГД от фокус-групп было принципиальное отсутствие гайда, сценария дискуссии. Предполагалось, что фасилитатор лишь предлагает тему / проблему для обсуждения, дискуссия же разгорается сама ввиду актуальности темы / проблемы для участников. Фасилитатор же далее по возможности вообще не вмешивается в ход дискуссии, а если вмешивается, то только для того, чтобы в случае нужды снова напомнить участникам ее предмет (ту же тему / проблему). Если дискуссия приходит к определенным выводам или результатам, фасилитатор имеет право переспросить собравшихся, правильно ли он понял, что они пришли к согласию с такими-то и такими-то положениями.

Было еще несколько рекомендаций, связанных со спецификой работы в общинах, где подавляющее большинство людей неграмотны.

Использование метода ОГД в российских условиях

Знакомство автора с некоторыми членами команды, разработавшей методику ОГД, произошло в ходе работ по проекту «Бедность», финансируемому Мировым Банком. Этот заказчик привлек вышеописанную команду на роль инструкторов, методических руководителей и тренеров. Обучение и первые пробные полевые работы проводились в деревнях Болгарии. Тренерам приходилось на ходу менять неко-

⁸⁶ Ниже при обсуждении метода ОГД для российских условий, мы предложим пользоваться термином «исследователь» для обозначения того, кто проводит мероприятие, и термином «участники» для обозначения его аудитории.

торые элементы своего методического арсенала. Прежние проекты, как было сказано, связывались с решением конкретных проблем в местных сообществах. Проект Мирового Банка не предполагал этой модальности и ограничивался выяснением того, как представители беднейших слоев населения воспринимают и описывают свое состояние.

Проект готовился к юбилею банка и был призван показать, что банк проявляет внимание и к нуждам беднейших слоев населения. Проект охватывал 26 стран, в том числе Россию. В России к осуществлению проекта был привлечен Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ, директор — Ю.А.Левада).

На момент исследования значительная часть населения России испытывала материальную нужду в связи с кризисными явлениями в народном хозяйстве. Однако наша бедность оказалась особой. Как показало сравнение с результатами в таких странах как Индия, ситуация в России и других постсоветских обществах сильно отличалась от положения в восточноазиатских странах. В постсоветских странах не существовала прежде и к моменту исследования не сложилась «культура бедности». Россияне относили себя не к «бедным», но к внезапно «обнищавшим».

Для ВЦИОМа как для организации, изучавшей состояние российского общества, участие в таком проекте было очень большой удачей. Проект был грандиозным по масштабам, он охватывал практически всю страну и включал проведение более сотни ОГД (а также индивидуальных интервью) в селах, малых и средних городах. Он ориентировал исследователей на изучение тех социальных слоев, которые ввиду их низкой покупательной способности и низкой политической активности не интересовали тогдашних основных заказчиков ВЦИОМа. Ни до, ни после того автору не доводилось участвовать в качественных исследованиях такого масштаба (как по охвату, так и по глубине) в России.

Уже самые первые шаги исследования в России показали, что неизбежны дальнейшие трансформации метода и его приспособление к нашим условиям. С одной стороны, мы не нуждались в целом ряде приемов, рассчитанных на работу с неграмотными людьми. С другой стороны, мы должны были искать собственные средства определения и выделения единицы исследования. Разработчики метода ОГД исходили из предположения, которое в их условиях работы относилось к числу само собой разумеющихся. А именно — что единицей исследования выступает соседская община (community).

Наши исследовательские группы с самого начала столкнулись с тем, что не только в городах и поселках городского типа, но и в боль-

шинстве сельских населенных мест не существует в сколько-нибудь выраженной форме объединений людей в территориальную или соседскую общину. Связи соседства, безусловно, есть, но они не замыкаются в ограниченное целое, каким по определению является община. Нам пришлось искать общинно-подобные структуры — например, жителей одного общежития, собрание родителей, чьи дети посещают одну школу или один класс, и т. д.

Опыт показал, что отсутствие конкретной проблемы для обсуждения делает дискуссию бесструктурной. Понадобилось придумывать вопросы, проблематизировать тему бедности, чтобы у дискуссии появлялась внутренняя динамика. Приходилось возвращаться к идее гайда, нарочито отброшенной теоретиками ОГД, стремившимися исключить подавление ведущими спонтанности участников.

Уже в проекте «Бедность» выявились основные возможности и ограничения самого метода ОГД, а также его конкретной формы, предложенной инструкторами-тренерами. С другой стороны, большие масштабы проекта позволяли нашим командам экспериментировать с различными приемами работы.

После этого проекта мы убедились в практической полезности этого метода и далее по собственной инициативе применили его в ряде других проектов, заменив на ОГД те фокус-группы, которые имел в виду провести заказчик. К сегодняшнему дню накопился опыт применения ОГД в различных условиях и для различных целей⁸⁷. Мы считаем себя имеющими и право и обязанность поделиться таким опытом с коллегами.

⁸⁷ Методом ОГД были проведены исследования:

- Бедность (население средних, малых городов и сел девяти регионов РФ)
- Отношение рабочих и служащих предприятия к действиям руководства предприятия (Мясокомбинат в г. Раменское)
- Отношение учащихся, родителей и преподавателей сельских школ к реформе образования (Респ. Чувашия, Самарская обл., Воронежская обл.)
- Проблемы школы (младшие и старшие классы школ, Саратовская обл., совместно с И. Штейнбергом)
- Отношение к проблеме ВИЧ/СПИДа работников различных производств (Рыбокомбинат и морской порт в Мурманске, автоколонна в Подмосковье)
- Вопросы организации и охраны труда (Металлургический комбинат в гг. Заплярный и Мончегорск).
- Отношение молодежи к контактам с МВД (техникумы и школы в гг. Сыктывкар и Ухта).

Когда использовать метод ОГД

При проведении социальных исследований исполнитель нередко сталкивается с тем, что предусмотренное программой проведение фокус-групп оказывается практически неосуществимым. Точнее сказать, обнаруживается, что в том месте и в тех условиях, где предполагалось провести фокус-группы, невозможно выполнить требования, которые предъявляются к организации такого мероприятия.

Чаще всего подобные ситуации возникают в условиях небольших поселений — деревень, поселков, малых городов. Там практически невозможно выполнить требование, чтобы респонденты не были знакомы друг с другом. То же самое происходит при проведении исследований в организациях, на производстве, в учебных заведениях.

В силу тех же причин, в исследованиях, где проводится несколько групп, нет возможности обеспечить требование, чтобы респонденты второй и последующих групп не знали, о чем пойдет речь на фокус-группе. В малочисленных, но тесно контактирующих коллективах участники первой групповой дискуссии непременно делятся с остальными своими впечатлениями.

В сельских условиях и в условиях производств порой бывает очень трудно найти изолированное помещение и практически обеспечить изоляцию групповой дискуссии от вмешательства «сторонних» лиц.

Наконец, один из самых сложных моментов в организации качественного исследования — рекрутмент. Если приходится работать в месте, где нет опытных рекрутеров, набор респондентов обычно ложится на неподготовленных людей. Список типичных ошибок, которые они при этом делают, занял бы много места. Нередко в малых населенных пунктах рекрутмент проводится столь неудачно, что не только проведенные фокус-группы нельзя считать удовлетворительными, но и проведение повторных групп становится невозможным или бессмысленным: поле испорчено неквалифицированными рекрутерами.

Бывает, между тем, что целевая аудитория в том учреждении, заведении, населенном пункте, где предстоит проводить исследование, за счет самой специфики его деятельности уже объединены в относительно небольшие группы. Таковы классы, группы в учебных заведениях, бригады на производстве. Это не «общины» в том смысле, который имели в виду разработчики ОГД, но приближающиеся к ним по социологическим характеристикам образования.

Как уже понятно читателю, в таких условиях возникает смысл внести изменения в программу исследования и вместо фокус-групп провести открытые групповые дискуссии.

Автор опирается на свой опыт работы во ВЦИОМ и Левада-центре. В ходе упомянутых исследований мы значительно видоизменили формат и порядок проведения ОГД. Мы полагали, что важнейшим признаком этого варианта групповых дискуссий является его приспособление к тем обстоятельствам коллективного поведения, формам агрегации, которые характерны и естественны для изучаемых сообществ. Мы проводили ОГД со школьниками в форматах, напоминающих урок или классный час, ОГД с родителями в форматах, напоминающих родительское собрание, а встречи с рабочими в форматах, напоминающих летучки или профсоюзные собрания.

Из этого следует разнообразие большинства параметров, проведенных нами ОГД — численность участников, время начала и длительность дискуссии, место проведения. Читателям, которые хотели бы использовать наш опыт в практических целях, мы можем сказать, что список ситуаций, в которых целесообразно использование ОГД, принципиально не закрыт и, конечно, не исчерпывается нашим опытом. Решение использовать ли этот метод должно приниматься исходя из конкретных обстоятельств, наличных ресурсов и возможностей.

Организация ОГД

Из сказанного выше понятно, что большинство ОГД в такой стране, как современная Россия, приходится проводить на территории учреждений, заведений и предприятий. Исследователь идет туда потому, что там находится его целевая группа, там она пребывает в условиях, наиболее близких к естественным для нее. Но, в отличие от пространства студии или какого-то приспособленного для проведения фокус-группы помещения, где «главным» обычно бывает сам исследователь, на территории упомянутых учреждений, заведений и пр., скорее всего, есть свое начальство. Провести ОГД, не заручившись его согласием и содействием, как правило, невозможно. Бывает полезно иметь поддержку «сверху» в виде письма, телефонного звонка или иного личного обращения со стороны руководящих (по отношению к данному руководителю) инстанций. При этом очень важно, чтобы в этом обращении от высшего руководства было разъяснение о том, что ваша работа не является формой контроля, проверки, оценки чьей-либо деятельности. Обычно бывает полезным обеспечить ту или иную заинтересованность руководителей соответствующего звена либо в самом факте участия в этом исследовании, либо в его результатах.

Однако вовлечению руководства в этот процесс должны быть поставлены очень ясные границы. Ни руководители, ни кто-либо еще,

кроме представителей самого исследовательского агентства, не должны брать на себя интерпретацию и объяснение цели исследования своим подчиненным. Еще строже следует относиться к правилу, что никто из руководителей первичного, среднего или высшего звена, либо их представителей не должен присутствовать при проведении ОГД. Последнее требование бывает выполнить очень не легко. Обычно удавалось добиться этого, пообещав руководителю сообщить все существенные результаты, в том числе критические мнения подчиненных, с единственным условием: не будет раскрываться авторство передаваемых мнений и замечаний. После проведения ОГД правильным будет продемонстрировать руководству свою готовность выполнить обещанное.

От руководства заведения исследователям требуется:

- согласие на сам факт проведения исследования во вверенном ему заведении;
- разрешение на отвлечение / привлечение людей для проведения ОГД;
- предоставление подходящего помещения.

Планируя исследование, необходимо предусматривать этот организационный этап, резервировать на него время, которое может занять половину рабочего дня у руководителя проекта. Переговоры с руководством заведения должен вести человек с наивысшим формальным статусом. Желательно иметь и предъявлять атрибуты этого статуса — визитные карточки, официальное письмо и т. п.

Место проведения ОГД

Для проведения ОГД не требуется специализированная студия. Работа, как правило, ведется в производственных или учебных помещениях. Приходилось проводить ОГД в цехах, в рабочих курилках, в столовых, в красном уголке, а один раз — в коровнике. При всей гибкости обсуждаемого метода все же существуют некоторые ограничения, которые надо соблюдать при выборе помещения (если есть выбор).

· Крайне нежелательно, чтобы помещение было проходным. Приход и уход участников допустим, а вот проход посторонних людей, которые заведомо не будут участвовать в групповой дискуссии, может сильно помешать.

• Нельзя допускать, чтобы во время проведения ОГД в помещении работало радио или телевизор.

Выполнение участниками ОГД их обычной работы, если она не требует значительного внимания и позволяет им полноценно участвовать в дискуссии, как подсказывает наш опыт, является допустимым.

Нам приходилось проводить ОГД в швейной мастерской. Было хорошо заметно, что возможность оторваться от работы для участия в дискуссии, нравилась швеям. Но и возможность отвлечься на время от дискуссии, обратиться к работе также помогала, давала возможность выдержать паузу, отмолчаться в сложных / конфликтных моментах.

Особо оговорим работу в учебных заведениях. Начнем со школьного класса. Как мы говорили, целесообразность применения метода ОГД в этом случае опирается, в частности, на то, что используется формат урока или классного часа. Однако опыт показал, что слишком большое подобие школьным занятиям мешает проведению свободной дискуссии. Стандартные привычки школьной дисциплины оказываются сильнее усилий ведущего «разогреть» аудиторию, добиться свободного выражения мнений, свободной дискуссии. В таких обстоятельствах учащиеся ведут себя скованно, желающие что-то сказать поднимают руку, как хорошие ученики на уроке.

Для того чтобы дезактивировать эти стереотипы, нужно, например, изменить пространственное размещение участников. Школьные парты надо переставить каким-нибудь образом, чтобы комната перестала напоминать школьный класс. Надо привлечь к этому самих участников. Их участие в этой «перемене декораций» само по себе будет выполнять функцию создания новой атмосферы, благоприятной для свободной дискуссии.

Если приходится работать в вузовской аудитории, где присутствует значительное количество студентов, изменить их размещение не представляется возможным. Но тогда тот, кто проводит дискуссию, должен избегать отождествления себя с преподавателем, профессором. В частности, ему не следует находиться все время или длительное время на кафедре, за преподавательским столом. Лучше найти другие точки в этом пространстве, может быть несколько раз менять свое местоположение.

Нередко приходится проводить дискуссию в большой аудитории, но с относительно небольшим числом участников. Если последние будут рассеяны по большому пространству, активная дискуссия не состоится или выльется в разговор двух-трех человек при полной пассивности остальных. Желательно поэтому с самого начала сконцентрировать всех немногочисленных участников в одном из углов этого помещения. Хорошо, если при этом они образуют нечто вроде круга. Ведущий может несколько раз занять место в центре этого круга, но, как правило, он не должен занимать это особое, доминирующее место. В других коллективах и в других ситуациях следует придерживаться

ся этих же правил: во-первых, создавать как можно более плотное социальное пространство для участников, во-вторых, избегать доминирования в этом пространстве.

Время ОГД

В отличие от описанных ранее ситуаций, в которых отработывался метод его «основоположниками», в наших условиях очень редко удавалось пользоваться неограниченно долгим временем. Обычно положение бывало противоположным. Время для проведения ОГД оказывалось ограничено рамками урока, лекции, обеденного перерыва и т. п. Такие условия требуют от ведущего ОГД очень больших усилий. «Разогрев», настройку аудитории на участие, завоевание ее доверия, гашение мешающих тенденций (шутки, реплики, вопросы не по существу) приходится проводить одновременно и в очень короткие сроки, положившись на то, что конструктивную атмосферу будет поддерживать интерес и вовлеченность участников.

Однако не это требует основных усилий. Больше всего энергии, умения и сосредоточенности требует от ведущего задача увлечь собравшихся самой перспективой свободного разговора, темой или сюжетом дискуссии. В случае успеха при интенсивной работе даже за полчаса можно успеть добиться того, что в аудитории прозвучат главные мнения, суждения на интересующую исследователя тему. Иначе говоря, цель исследования будет достигнута. Следует иметь в виду и то, что при большой нагрузке ресурс внимания со стороны аудитории уже через сорок минут будет близок к исчерпанию.

Количество участников ОГД может быть вне контроля исследователя. Практика показывает, что при числе участников больше трех десятков доля активно участвующих начинает падать. В аудитории, где собрано около сотни человек или более, можно ставить на обсуждение только «горячие» вопросы, имеющие значение для большинства участников, и рекомендуется проводить только короткие сессии.

Кто проводит ОГД

Основоположники метода ОГД отказались от термина «модератор», заменив его термином «фасилитатор». В отечественной практике фокус-групп слово модератор часто переводится словом «ведущий». Из трех этих терминов последний в наибольшей степени содержит идею доминирования профессионала над профанами, специалиста — над «людьми с улицы», сотрудника исследовательского агентства — над приглашенными со стороны, носителя инициативы и замысла —

над теми, кто его не знает, хозяина студии — над теми, кого пригласили поучаствовать, словом, идею статусного главенствования.

При проведении ОГД в условиях нашей страны этот момент дополнительно усугубляется⁸⁸. Если на ФГ респондентов приглашают по одному и предлагают им по сути дела контракт, покупая за подарок или деньги их согласие на участие и трату своего времени, то в случае с ОГД все начинается не так. Здесь, как правило, вы встретите людей, находящихся в рамках требований определенной (производственной или учебной или иной корпоративной) дисциплины и расписания, т. е. людей изначально не вполне свободных. Их собирал и направлял на участие в дискуссии некто, имеющий над ними власть (ректор, учитель, мастер, профорг и т. п.). Этот же человек, как это очень часто бывает, публично передает исследователю эту власть на время дискуссии. («Сейчас с вами будет проводить беседу представитель социологического центра...»).

Авторитарная ситуация к началу встречи бывает вполне сформирована. Собравшиеся привычно помещают пришедшего к ним человека на ролевою позицию распорядителя — она не обязательно авторитарна, но почти обязательно авторитарна, от него ожидают распоряжений.

Как уже говорилось, на начальной фазе не исключено проявление тех тенденций неподчинения, которые всякий коллектив имеет в запасе как средство ограничить распорядительные возможности начальника. Это ситуативное неподчинение не отменяет авторитарную конструкцию в целом.

Все эти предпосылки — как полного подчинения, так и полного неподчинения — крайне неблагоприятны для проведения групповой дискуссии. Тот, кто проводит групповую дискуссию, с самого начала имеет перед собой психологически очень сложную, но интересную задачу. Ему(ей) предстоит нарушить сформированные всеми вышеназ-

⁸⁸ Выше отмечалось, что по истории и логике своего возникновения метод ОГД строится на анти-авторитаристских началах. Теперь надо дополнительно отметить, что в отечественной социальной и культурной истории отсутствует такой момент, который можно было бы признать эквивалентом событий 1968 г. во Франции и других западноевропейских странах. В Западной Европе этот год запомнился как успешная попытка убрать из академической культуры многие элементы авторитаризма, подчинения и командования. В нашей истории этот год, напротив, запомнился подавлением войсками нашей страны попыток либерализации социализма в Чехословакии. Наследственность нашей академической культуры в значительной степени отягощена авторитаристскими началами. Это вполне относится и к отечественной культуре проведения групповых дискуссий.

ванными предпосылками ожидания относительно своей роли и статуса. При этом необходимо очень энергично и преимущественно несловесными средствами утвердить новые, незнакомые участникам правила, распорядок ролевого участия и очертания собственной роли. Понятие «несловесных средств» в данном случае значит многое — от выражения лица и манеры двигаться, до темпа речи, наполнения голоса. Очень многое будет решать интонация. В первые минуты общения информацию о том, кто вы, кем вас надо считать, и кем вы считаете людей, к которым обращаетесь, несет именно интонация. Собственно, ее прежде всего и воспринимают собравшиеся, обращая на нее внимание в гораздо большей степени, нежели на формальное содержание и значение произносимых слов.

В этот момент самое главное — этими несловесными средствами сбить все ожидания привычных отношений (учительница — ученики, начальник — подчиненные и пр.) и создать для людей новое социальное пространство, убедив их, что оно безопасно, несмотря на то, что неизвестно, и комфортно для них, несмотря на то, что непривычно.

Непривычность ситуации — если сумеет ее создать — работает на основную цель исследования. В непривычной ситуации людям придется использовать не ситуативно-привязанные, а весьма обобщенные нормы представления о действительности. Они по необходимости будут максимально социализированными, близкими к содержанию коллективного сознания.

Вернемся к вопросу о названии роли, о слове, которым стоит обозначать роль человека, проводящего ОГД. Почему русское слово «исследователь», на наш взгляд, подходит более всего? Во-первых, оно фиксирует ролевою, но не статусную разницу среди участвующих. Во-вторых, оно акцентирует очень важный смысл: проведение ОГД (как, впрочем, и ФГ) есть уже само по себе исследовательское действие (а не сбор полевого материала, как это имеет место в случае массового опроса). Тот, кто проводит ОГД, прямо в процессе ее проведения делает выводы и заключения по поводу изучаемой темы, и зачастую именно эти результаты являются основными. А те, которые получаются при кабинетном анализе записей, выполняют роль подкрепления, развития полученных прямо в поле наблюдений и заключений.

Собственно, и практика проведения ФГ зачастую именно такова: исследователь является главным лицом на всех ступенях (фазах) работы. Он⁸⁹ ведет переговоры с клиентом, он разрабатывает полевые

⁸⁹ Разумеется, в гендерном отношении это чаще всего «она». Мы используем мужской род, ибо таков род термина как слова в русском языке.

документы, он проводит групповые дискуссии, он делает первые устные брифы для клиентов, он анализирует записи и он пишет отчет, он, наконец, проводит презентацию результатов для клиента. Такое объединение функций приветствуется клиентами, ибо позволяет лучше всего контролировать процесс в целом и позволяет не потерять из поля зрения детали, значение которых может оценить только тот, кто полностью включен в замысел исследования⁹⁰.

В случае ОГД подобное совмещение функций исследователем или небольшим коллективом исследователей имеет еще больше смысла.

Функции ОГД

Выше говорилось о том, что ФГ бывают ознакомительными или оценочными. ОГД особенно эффективны для ознакомительных, разведывательных исследований. Что касается эвалюативных функций, то ограничения могут возникнуть при попытках проводить строго прототипируемое индивидуальное тестирование образцов продукта в ситуации, когда участников много или их состав непостоянен. Но коллективное обсуждение рекламного ролика, слогана, крупно изображенного логотипа и т. п. может проводиться весьма успешно.

Особо плодотворным является метод ОГД при обсуждении проблем, которые являются актуальными для данного коллектива. Например, обсуждение со школьниками, учителями и родителями учеников такой проблемы, как замена традиционных экзаменов на тесты ЕГЭ, неизменно давало яркие результаты.

Более того, в подобных случаях групповые дискуссии из исследовательских процедур зачастую перерастали в дискуссии заинтересованных лиц и в выражение претензий, накопившихся проблем и вопросов. Их нередко обращали к коллективу исследователей.

Записи

То, что происходит на ОГД, подлежит фиксации. Фиксация происходящего необходима по нескольким причинам. Важнейшая из них состоит в том, что процесс существования и проявлений массового

⁹⁰ Надо оговориться, что в некоторых крупных агентствах с целью повышения производительности всего заведения в целом вводят разделение труда. С клиентами общается руководитель агентства, один специалист выступает постоянно в роли модератора, другой — в роли аналитика, третий в роли составителя отчетов. Может выделяться и роль того, кто только готовит презентации. Это положительно сказывается на скорости работы, но снижает степень глубины исследования. Для некоторых задач такое решение является вполне рациональным.

сознания в случае ОГД может протекать, так сказать, несколькими руслами, в нескольких и меняющихся зонах социального пространства. В групповой дискуссии могут принимать участие не просто несколько человек, а несколько групп людей, по сути дела может идти одновременно несколько групповых дискуссий, произвольно пересекающихся одна с другой. Наименее разумно в таких случаях призывать к тишине и порядку, требовать, чтобы участники говорили по очереди и чтобы все молчали, пока один говорит.

Так не следует поступать и на фокус-группе⁹¹, тем более — на ОГД. Репрессировать стремление к дискуссии на групповой дискуссии — это может означать потерю самого главного, что можно добыть этим способом исследования. Модератор должен уметь в возникающей многоголосице выделить наиболее интересные для целей исследования суждения или линии дискуссии, и осторожно вывести их в центр общего внимания — этим, а не предписаниями «говорить по-одному» добиваясь фокусирования всех на некотором едином предмете.

Между тем, запись на магнитофон или диктофон большой ОГД порой представляет трудно преодолимые препятствия. Помимо одновременного говорения нескольких человек проблему представляет и то, что участники, подающие реплики, могут оказаться в разных местах обширного помещения. Практика показала, что лучше всего сочетать звукозапись с письменными заметками. Запись лучше вести на магнитофон/диктофон с так называемым конференц-микрофоном, размещенным в центре помещения. Но главную роль в фиксации надо доверить ассистенту или двум ассистентам, работающим с исследователем.

Роль ассистентов очень велика. Они должны хорошо понимать цель исследования, суть социальных процессов, совершающихся в ходе групповой дискуссии, значение каждой реплики, каждого жеста со стороны участников. Те слова, выражения, реплики, которые имеют значение как выражение коллективного мнения аудитории или ее части, они должны фиксировать.

Записи ассистентов следует обсудить с исследователем и расшифровать по возможности сразу после окончания дискуссии. Часто ассистенты замечают то, что ускользнуло от внимания исследователя, это может касаться очень важных реплик. Носитель мнения, которое от-

⁹¹ Очень многие клиенты и руководства этого требуют, и в ответ очень многие модераторы, к сожалению, именно так и поступают, ссылаясь при этом на то, что слова одновременно говорящих нельзя будет разобрать в звукозаписи. Обеспечивать разборчивость записи можно разными способами, это, в конце концов, чисто технический вопрос.

личается от господствующего, может выразить свою позицию очень незаметно. Хороший ассистент этого не упустит. Сравнение записей одной реплики двумя разными ассистентами давало повод глубже задуматься над ее интерпретацией и прийти к важным выводам.

Проективные методики

Известно, что на фокус-группах применяется широкий спектр проективных методик. Значительная часть из них тесно связана с ограниченным количеством участников. Если число участников ОГД также не велико (скажем, менее 20 чел.), можно практиковать использование таких экономных и быстрых методов, как словесные ассоциации. Дает хороший эффект предложение к участникам определить обсуждаемое явление, предмет, лицо одним словом (желательно в форме прилагательного). Более многословные методики (например, закончить предложение) можно проводить в два тура, каждый с половиной аудитории (через одного участника).

При работе с учащимися удобно проводить разнообразные письменные и рисуночные тесты. Учащиеся, как правило, имеют бумагу и ручку при себе. Можно также раздавать им заготовленные средства письма или рисования. Важно, что навыки такой деятельности у них имеются.

Основоположники метода ОГД предлагали участникам схематически изображать кривую их жизни. В наших условиях это предложение оказалось работающим плохо. Мы, в свою очередь, практиковали тесты на изображение «мой дом, Россия». Многочисленность участников позволяет получать массовый материал, обработка которого может дать интересные дополнения к результатам словесных упражнений.

Этические проблемы

ОГД, как и ФГ, есть выборочный метод. Но способ получения знания о реакциях генеральной совокупности здесь иной. В случае ФГ совокупность из определенного числа респондентов является выборкой, которой должны быть присущи качества генеральной совокупности. Никакой специальной внутренней структуры в этой совокупности не предполагается. В случае ОГД исследователь исходит из того, что генеральная совокупность состоит из коллективов или общин, и коллектив, с которым проводится ОГД, типичен для этой совокупности. При этом искусственный коллектив, который создается из респондентов ФГ, существует только на протяжении часа-двух. А коллектив,

в котором проводится ОГД, существовал до проведения исследования и будет существовать после его окончания.

ФГ, если она проводится с соблюдением правил, предъявляемых к такому виду исследований, не влияет на процессы и отношения в целевой аудитории.⁹² Это возможно и необходимо в условиях достаточно большого городского поселения, но в условиях небольшого поселения трудно осуществимо.

ОГД имеет другой статус. Она сама является социальным действием в том смысле, что может иметь реальные последствия для отношений в том коллективе, где она проводится. В этом смысле на исследователе, проводящем ОГД, лежит гораздо более значительная ответственность за все, что происходит во время ОГД.

Прежде всего, исследователь обязан гарантировать, что разногласия, споры, которые вполне вероятно могут возникнуть в ходе ОГД, не породят конфликт в коллективе или не усугубят конфликт, который имеется. Исследователь обязан гасить такие споры⁹³.

⁹² Крупнейшая международная профессиональная организация – Европейское общество исследователей общественного мнения и рынка European Society for Opinion and Market Research ESOMAR уделяет значительное внимание этике качественных исследований и выпускает документы нормативно-рекомендательного характера по этим вопросам. Эта организация тратит исключительно большие средства на то, чтобы добиться законодательно закрепленного (например, в решениях Европарламента) признания того факта, что маркетинговые исследования не являются вмешательством ни в жизнь общества, ни в жизнь респондентов – в отличие, например, от так называемого прямого маркетинга, осуществляемого порой в похожих организационно-методических формах. В этой связи членам ESOMAR предлагается строго следить за тем, чтобы клиенты не использовали фокус-группы или интервью для рекламы и продвижения своих товаров среди респондентов. Рекомендуется модератору подчеркивать, что ни обсуждение бренда, ни концентрация обсуждения на его достоинствах не является рекламой. Выполнять эти рекомендации модераторам из независимых агентств непросто в тех случаях, когда представители заказчика предлагают в качестве подарков респондентам свои сувениры с корпоративной символикой.

Свои проблемы возникают и в зеркально-симметричной ситуации, когда, например, при проведении предвыборных исследований некие организации со стороны, например, местные власти, предъявляют исследовательскому агентству обвинения в том, что их исследование отношения к какому-либо политическому субъекту (кандидату, политику, партии и пр.) являются видом агитации за или против такового. Требуются значительные усилия чтобы, во-первых, обеспечить именно такой статус исследования, а, во-вторых, убедить в этом своих оппонентов.

⁹³ При этом заметим, что с точки зрения целей исследования дискуссия как средство выявления мнений и позиций полезна, а горячий спор не полезен. Он, как правило, уводит разговор от обсуждаемого предмета к отношениям участников, блокирует возможности продвижения по плану и пр.

Обсуждения политических программ, кандидатур в случае ОГД могут фактически вылиться в политическую агитацию (неважно, за или против). По окончании ОГД политические ориентации коллектива окажутся иными, чем до дискуссии. Это может нравиться заказчику и, возможно, даже руководству того предприятия, учреждения, заведения, поселения, где проводилась ОГД. Но, с нашей точки зрения, это недопустимое нарушение этики исследователя. Чтобы избежать такого эффекта, нужно представить на обсуждение несколько однопорядковых, равностатусных объектов оценки, подчеркивая, что ни одному из них исследователи не отдают предпочтения. Аналогичное требование касается и объектов коммерции, рекламы.

Метод ОГД, как мы рассказывали, родился из обсуждения проблем, имевших важное значение для жизни данного сообщества. Опыт проводившихся нами исследований включал в том числе случаи, когда приходилось затрагивать болезненные и не нашедшие разрешения ситуации⁹⁴. В части случаев это бывали действия властей, которые предпринимались без консультаций с гражданами, по крайней мере, с теми, кто принимал участие в наших групповых дискуссиях. Тогда на исследователей могли направляться реакции и проекции, смещавшие их роль.

Наиболее простой и относительно благоприятный для исследования вариант — это переживание и выражение благодарности исследователям: «Спасибо, хоть вы нас выслушали». Отметим, что в этом случае роли исследователей оказываются опознанными верно и не смещенными. Этическая сторона вопроса состоит в том, что исследователей благодарят незаслуженно, но отвергать эту благодарность нельзя. Давать рекомендации по поведению в таком случае мы не будем, обратим лишь внимание на то, что от исследователей здесь требуется особое внимание к ситуации и такт в реакциях на нее.

В более сложном случае происходит смещение в восприятии, и исследователей воспринимают как представителей некоторой власти, независимой от местной. Нас, москвичей, часто отождествляли с федеральным центром. Соответственно, к нам обращались просьбы подействовать на местную власть или выдвигались претензии по поводу того, что такое действие не оказывается: «Что же вы там им не скажете, что так нельзя с людьми обращаться...». Опыт показал, что реагировать на такую претензию разъяснениями, мол, мы к этому не имеем

⁹⁴ Например, приходилось обсуждать проблемы закрытия так называемых малокомплектных школ в небольших сельских поселениях, что весьма болезненно воспринималось многими их жителями.

отношения и т. п., не следует. В полемической обстановке это может вызвать демонстративный отказ в интересе и доверии к исследователям: «Тогда чего с вами разговаривать!», — и проведение ОГД станет затруднительным или просто невозможным. Можно рекомендовать следующее: на реплики и заявления, о которых идет речь, реагировать не содержательно, а процедурно: «А об этом давайте поговорим после того, как обсудим вопросы, которые у нас в программе». В таком случае, каков бы ни был исход разговора, он уже не повлияет на ход ОГД и ее результаты. Сам же разговор мы рекомендуем сводить к уточнению собственной роли: «Все, что вы говорите, мы постараемся как можно точнее изложить в наших отчетах. Отчеты мы передадим нашему руководству. Надеемся, что это в конечном счете поможет тому, что и ваши власти будут лучше знать о ваших мнениях». Во всяком случае, не следует брать на себя обязательства делать что-либо, выходящее за рамки профессиональной роли и статуса исследователя — хотя иной раз приходится выслушивать весьма драматические истории. Разумеется, наши рекомендации относятся к исследователям в роли исследователей. Как поступать гражданам как частным лицам, здесь не обсуждается.

Третий вариант возникает тогда, когда исследователей принимают за прямых представителей каких-либо властных структур или инстанций. Соответственно, на них могут возложить ответственность за какие-либо действия этих инстанций. Еще чаще полагают, что «соцопрос» означает, что власти готовят некоторые действия, которые могут вызвать протест. (В некоторых случаях это бывает действительно так.)

Мы не обсуждаем здесь этическую проблему, какие действия заказчика должен или не должен поддерживать исполнитель. На это есть действующее законодательство и собственные жизненные принципы каждого исследователя. Но есть ряд более частных этических вопросов. Во-первых, может ли исследователь открывать или напротив, скрывать имя своего заказчика? Ответ на этот вопрос дает Кодекс ESOMAR. Имя заказчика сообщается респонденту только с безусловного (желательно документированного) разрешения такового. Кодекс предусматривает и симметричное правило: фамилия и другие идентифицирующие данные о любом респонденте могут быть сообщены заказчику лишь с согласия респондента (желательно, также документированного).

Если заказчик не дал согласия на разглашение своего имени, то на все вопросы участников ОГД (как и других лиц) по этому поводу мы рекомендуем отвечать примерно так: «По нашим правилам, мы не сообщаем никому имена тех, кто — как вы — общается с нами и пред-

ставляет нам свои мнения, и точно так же не сообщаем никому имена тех, кому направляется эта информация. Но о себе как об организации мы готовы рассказать вам все подробно». Если респонденты высказывают свои догадки, в том числе верные, по поводу имени заказчика, необходимо ясно заявить: «Мы не будем ни подтверждать, ни опровергать того, что вы говорите». Как правило, такая позиция, если она заявлена твердо и определенно, позволяет прекратить разговоры на эту тему и перейти к вопросам программы.

Второй вопрос — это вопрос о целях исследования. Исследователь может знать или догадываться о целях заказчика. В свою очередь, респонденты также могут знать или догадываться о них. Работу исследователей респонденты могут считать частью некоего проекта, замысла неких инстанций или организаций. Если исследователей смешивают с этими организациями и их работу — с этим проектом, наша рекомендация будет состоять в том, чтобы подчеркнуть свою самостоятельность. То есть если работы проводит независимое исследовательское агентство, ему рекомендуется подчеркнуть свою независимость и свою профессиональную роль. При этом можно уточнить: «Наша цель — выяснить все мнения по данному вопросу, которые здесь существуют у людей. Мы не принимаем ничью сторону, наше дело — выслушать всех и точно записать то, что они говорят».

Заканчивая этот раздел и эту главу, мы хотели бы сказать читателям, что открытая групповая дискуссия — это метод работы, который не только имеет определенные удобства или практические преимущества. Это еще вид работы, который дарит вам исключительно интересные профессиональные и жизненные наблюдения, позволяет увидеть то, что порой остается невидимым и для коллег-профессионалов и для людей других профессий и занятий. Ситуация, когда вы один-на-один ведете беседу с большой и внутренне организованной (сплоченной ли, расколотой ли) группой, знакома нескольким профессиям, например, преподавателям. Известно, что для такой работы нужны не только знания, но и определенное воспитание собственной души, чувства собственного достоинства и многое другое. Но если, как в случае с проведением открытых групповых дискуссий, ваша задача не поведать или преподать группе, коллективу нечто такое, что вы знаете, а они нет, а, напротив — узнать у них то, что им известно, но неведомо вам — это требует дополнительной работы над собственной натурой. Работу эту описать здесь не беремся, но скажем, что вашу душу она непременно обогатит.

Часть IV. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОСЛЕ ПОЛЯ

Глава 10. Анализ и интерпретация качественных данных

Качественное исследование не заканчивается на сборе данных. Кульминацией всей работы является скорее не полевая стадия, а анализ, интерпретация и представление результатов заказчику или читательской аудитории.

Проблема заключается в том, чтобы в массе собранных материалов найти скрытый смысл, эффективно «свернуть» огромный объем информации, создать или открыть важные модели или структуры и решить, в какой форме лучше передать то, что открывают нам данные. К сожалению, бесспорных правил качественного анализа данных, которые имели бы универсальное значение для получения выводов и проверки их устойчивости и надежности, не существует. В отличие от количественного анализа у нас нет неоспоримых формул или эффективных критериев для определения значимости результатов. Нет по существу никаких прямых тестов для проверки надежности и обоснованности выводов. Кроме того, мы не можем точно воспроизвести процесс аналитического мышления исследователя, и поэтому его выводы могут оказаться невозпроизводимыми. Короче говоря, нет никаких абсолютных правил за исключением одного — сделать все возможное для того, чтобы ясно и полно представить читателям данные и то, что в них удалось обнаружить.

Это не означает, впрочем, что у нас нет никаких путеводных нитей, которые могли бы помочь в анализе данных. Но эти путеводные нити и процедурные предложения не являются правилами. Поскольку каждое качественное исследование является уникальным, таким же будет и используемый аналитический аппарат. Точно так же как полевое качественное исследование зависит на каждой своей стадии от умения, подготовки и способностей исследователя-полевого, качественный анализ зависит от аналитических способностей и стиля аналитика. Важно помнить, что пресловутый «человеческий фактор» является одновременно и большой силой и фундаментальной слабостью качественного обследования и анализа.

В этой главе мы продемонстрируем стратегии, путеводные нити и идеи анализа, интерпретации и представления качественных данных. Эти стратегии и идеи скорее заставляют думать и облегчают работу, а

не ограничивают в чем-то исследователя или усложняют его труд. Обычно, для того чтобы лучше приспособиться к специфической ситуации исследования, аналитику приходится адаптировать для своих нужд целый ряд стратегий и методик. Тем не менее как только анализ закончен, те, кто его проводил, обязаны сообщить о своих собственных аналитических процедурах так полно и достоверно, как только это возможно. Это означает, что качественный анализ является фактически еще одной стадией полевой работы, на которой аналитики должны точно также заниматься самонаблюдением и самоконтролем. В любом случае аналитик обязан сообщить о примененных аналитических процедурах в специальном разделе своего отчета о полученных результатах.

Фокусировка анализа

Первая задача в качественном анализе — описание. Оно отвечает на вопросы типа: «Что происходило, как и при каких условиях? Каковы были цели участников? Что с ними стало в дальнейшем?».

Описание обязательно следует отделять от интерпретации. Интерпретация включает объяснение результатов, получение ответов на вопросы «почему» и развитие моделей и теоретических объяснений. Большое искушение — приступить к творческой работе по интерпретации данных прежде, чем довести до конца тяжелую работу по сведению вместе согласованных ответов на главные описательные вопросы. Но описание всегда должно предшествовать анализу. Дисциплина и строгость качественного анализа зависят от представления основательных описательных данных таким образом, чтобы читатели смогли их понять и извлечь из них свои собственные выводы и интерпретации.

Стратегии анализа интервью

Первое решение, которое следует сделать при анализе интервью, заключается в том, начать ли с анализа одного случая или сравнивать случаи друг с другом. Если принято решение начинать с анализа случая, это означает, что необходимо провести исследование для каждого интервьюируемого или каждой исследуемой единицы (т. е. каждого критического события, каждой группы и т. п.). Если принято решение начать с перекрестного анализа, это означает, что будет проведена группировка ответов, полученных от разных людей на одни и те же вопросы, или анализ различных точек зрения на одни и те же проблемы.

Перекрестный анализ ряда случаев или фрагментов интервью, посвященных одним и тем же вопросам можно сделать сравнительно легко только в том случае, если используется стандартизированное

открытое интервью. Если же принято решение остановиться на неструктурированном глубинном интервью, ответы разных людей хотя и могут быть, при известном желании, сгруппированы по темам, но вряд ли можно ожидать, что соответствующие данные будут находиться в одном и том же месте в каждом транскрипте. Эти стратегии не являются взаимоисключающими. Исследование обычно включает оба вида анализа, но начинать приходится с чего-то одного. Попытка одновременно и исследовать отдельные случаи, и провести перекрестный анализ по какой-то теме может привести лишь к путанице.

Стратегии анализа наблюдений

Первоначальный анализ данных наблюдения заметно облегчается ясностью в вопросе о том, в каком виде он будет наиболее полезен для представления результатов. Выбор может быть сделан в пользу принципов хронологии, ключевых событий, условий, людей, процессов и ключевых вопросов. Принцип хронологического описания заключается в том, чтобы описывать то, что наблюдалось, в хронологическом порядке, рассказать «историю» от начала до конца. Принцип описания в соответствии с ключевыми событиями основан на представлении данных, начиная с критически важных случаев, упорядоченных по их значению, а не в том порядке, как они происходили во времени. Принцип описания условий ставит в центр описание различных мест, пунктов, особенностей размещения, территории для последующего перекрестного анализа. Если первичной единицей анализа являются люди или группы, то они также могут становиться фокусом исследования. Данные могут быть организованы таким образом, чтобы описать важные процессы, происходящие в таких группах (контроль, принятие решений, социализацию, коммуникацию). Наблюдения могут быть также сведены вместе для того, чтобы осветить в первую очередь те ключевые проблемы, которые совпадают с первичными исследовательскими вопросами.

Следует еще раз повторить, что взаимоисключающих способов организации данных наблюдений не существует. Суть проблемы заключается просто в том, что исследователь должен иметь некоторую первоначальную конструкцию для контроля за чрезвычайно обширными и, как правило, плохо структурированными данными, собранными на полевой стадии работы.

Начало анализа

Часто невозможно указать ту точку, в которой сбор данных прекращается и начинается анализ, поскольку идеи относительно возмож-

ного анализа появляются уже на полевой стадии. Настоящий анализ начинается именно с этих «черновых» идей, сохранившихся в полевых дневниках. Вот почему так важно записывать аналитические соображения, которые приходят в голову при сборе данных. Это «перекрытие» во времени этапов сбора и анализа улучшает как качество собираемых данных, так и качество анализа, по крайней мере, до тех пор, пока исследователи не позволят своим первоначальным интерпретациям исказить сбор новых данных. В самом деле, вместо того, чтобы направить сбор дополнительных данных на подтверждение первоначальных полевых гипотез (зачем вообще нужно выходить в поле, если ответ на все вопросы известен заранее?), исследователь может переориентировать полевую работу на поиск альтернативных объяснений, которые показали бы ошибочность первоначальных догадок. Когда сбор данных формально завершается и приходит время начинать окончательный анализ, исследователь имеет два первичных источника, из которых он может исходить при организации анализа. Первый из них — это те вопросы, которые возникли во время концептуальной фазы исследования и прояснились вплоть до окончательного анализа, второй — аналитические идеи и интерпретации, которые возникли во время сбора данных.

Организация данных

Данные, собранные при помощи качественных методов, могут оказаться огромными по своему объему. Обычно это сотни диктофонных кассет, тысячи страниц транскриптов интервью, толстые тетради, испещренные полевыми заметками. Разобраться в этом может показаться непосильной задачей.

В первую очередь следует убедиться: собрано все, что следовало собрать. Полны ли полевые заметки? Может быть, какие-то полевые записи не были сделаны вовремя, отложены на потом и забыты? Нет ли каких-нибудь пробелов в данных, которые все еще можно заполнить при сборе дополнительной информации, прежде чем начнется анализ? Полны ли транскрипты интервью? Итак, прежде всего проверяем полноту и качество собранной информации.

Когда интервьюер уверен, что все данные собраны, проверил их качество и заполнил все пробелы и пропуски, можно начинать анализ. Но прежде рекомендуется сделать по крайней мере четыре полные копии всех данных, одну — резервную и три копии для разных видов анализа, описанных ниже. Но если данные собираются в течении длительного времени, разумно взять за правило всегда делать копии по

мере их сбора и хранить одну копию в безопасном месте, где ее нельзя будет повредить, уничтожить или потерять. В любом случае, можно без всякого преувеличения сказать, что все полевые данные бесценны. Они уникальны, поскольку ни те наблюдения, которые были сделаны, ни точные слова, которые были сказаны в ходе интервью, никогда не удастся получить в том же самом виде, даже если будут предприняты новые наблюдения и проведены новые интервью. В любом случае, первичные материалы полевых исследований бесценны и с ними нужно обращаться как с таковыми.

Итак, одна копия, назовем ее «мастер-копией», хранится в резерве, одна копия остается для анализа, одна — для пометок и одна — для вырезок и вклеек. Значительная часть работы над качественным анализом включает вырезание и вклеивание данных, независимо от того, делается ли это при помощи компьютера или вручную, методом «реклею», то есть при помощи ножниц и клея. Лучше всего иметь для этих целей хотя бы одну копию, чтобы ни при каких обстоятельствах не поддаваться искушению «приводить в порядок» мастер-копию. Мастер-копия становится ключевым ресурсом для размещения материалов и сохранения контекста сырых данных. Той же самой цели должен служить и компьютерный «мастер-файл».

Когда копии данных сделаны, можно начинать формальный анализ. Анализ качественных данных — творческий процесс. Он требует интеллектуальной дисциплины, аналитической строгости и большого труда. Поскольку каждый человек привык делать интеллектуальную работу по-своему, нет единого способа организации, анализа и интерпретации качественных данных. Поэтому описание аналитических процедур, следующее ниже, скорее дает почву для новых размышлений, чем претендует на нормативность. Каждый исследователь может выбрать для себя ту процедуру анализа, которая лучше всего отвечает его склонностям. Ниже, в следующих разделах описываются некоторые альтернативные способы организации и представления качественных данных.

Контент-анализ

Под контент-анализом обычно понимается процесс идентификации, кодирования и категоризации первичных структур, содержащихся в интервью и наблюдениях.

Начало контент-анализа: кодировка. Один из способов начать контент-анализ — просмотреть все полевые заметки или транскрипты интервью и сделать комментарии на полях или даже прикрепить к ним листки бумаги, которые содержат замечания о том, что следует

сделать с теми или иными кусками данных. Эта процедура является первым шагом на пути организации данных по темам и файлам. Работа с темами похожа на индексирование — подготовку предметного указателя для книги или закладок в компьютерных текстовых редакторах. Нужно просто рассмотреть то, о чем говорится в том или ином куске и присвоить ему какое-либо имя или метку. Та копия, в которой содержатся эти пометы, становится индексированной копией полевых заметок или интервью.

Сокращения пишутся прямо на абзацах, содержащих данные, на полях, или на дополнительных листках, прикрепляемых к страницам. Полная «легенда» для этих пометок разрабатывается отдельно для каждого файла и служит в качестве первого шага на пути организации данных методом вырезания и вклеивания. Одни и те же куски текста могут служить самым разным целям или иллюстрировать разные темы. Именно поэтому перед полным индексированием необходимо изготавливать несколько копий данных.

Этот процесс организации меток для различных типов данных является первым шагом контент-анализа, с помощью которого классифицируется содержание данных. Критически важной является предварительная разработка классификационной системы, без которой в данных царит полный хаос. Итак, первый шаг анализа — сведение сложной реальности в некоторое количество управляемых классификаций. Жорж Санд в «Письмах путешественника» писала, что классификация — это нить Ариадны в лабиринте природы.

В том случае, когда для этого есть возможность, лучше, если над кодировкой будут работать не один, а несколько человек. Каждый из них может кодировать данные по классификационным схемам независимо от остальных, и затем результаты кодирования можно сравнить и обсудить. Если обнаружатся различия в том, как два человека смотрят на одни и те же данные, могут появиться новые важные для понимания данных идеи. В таком контексте этот подход можно назвать формой аналитической триангуляции.

Компьютерная обработка данных

Иногда возможен и желателен более тщательный классификационный анализ, чем составление простой системы файлов. Это особенно справедливо для больших проектов, когда одному человеку бывает очень трудно закодировать весь огромный массив данных. В этом случае следует разработать более формальную классификационную схему, которую могут использовать тренированные кодировщики, по-

могающие в организации данных. В идеале классификационная схема должна обеспечить легкий доступ к данным всем, кто хочет их использовать. Если бы данными собирался воспользоваться один-единственный исследователь, в такой классификации не было бы необходимости. Для того чтобы обеспечить доступ нескольким исследователям, каждому параграфу в каждом интервью присваивается номер, состоящий из номера страницы этого интервью и номера параграфа на данной странице. В ходе первичного исследования интервью развивается сложная классификационная схема, которая состоит из нескольких основных категорий и множества подкатегорий. Все эти категории и подкатегории имеют свои кодовые номера. Каждый параграф каждого интервью можно затем закодировать любым количеством цифровых или буквенно-цифровых комбинаций, достаточным для того, чтобы описать содержание параграфа. Отдельный компьютерный вход имеется для каждой идеи, присутствующей в каждом параграфе. Вход содержит идентификационный номер интервью, общий классификационный номер кода содержания, классификационный номер подгруппы, номер страницы и параграфа, где можно найти соответствующий материал и/или краткое описание тех данных, которые содержит параграф.

Далее каждый из полученных кодов может быть введен в компьютерную систему, которая позволяет провести распечатку всех тем, включенных в классификационную схему, с кратким описанием содержания соответствующих отрывков. Аналитик может затем использовать это меню для того, чтобы непосредственно перейти к полным текстам. Кроме того, компьютерные системы обработки данных позволяют проводить простые перекрестные классификации и сравнения фрагментов текста для более углубленного анализа.

Только такая система кодировок подходит для строгого анализа большого количества данных. Система с множественным категориальным кодированием каждого параграфа в каждом интервью представляет собой, конечно, экстраординарную форму кодирования, которую вряд ли стоит использовать для небольших проектов. Создание такой совершенной системы, несмотря на всю ее желательность и универсальность, может оказаться чересчур дорогостоящим и долгим. Тем не менее если предполагается, что данные будут использованы несколькими аналитиками или в течение длительного периода времени, учитывая также и те дополнительные данные, которые, возможно, придется получить спустя некоторое время, такая система может оказаться чрезвычайно полезной и в итоге сэкономит большое количество времени.

Исследование случая

Цель классификации качественных данных для контент-анализа — облегчить поиск моделей в определенных условиях или для набора случаев. Существует ряд проблем, которые лучше всего исследовать с помощью анализа случаев. Случаями могут быть отдельные люди, программы, институции или группы. Исследование случая в качественном анализе — специфический способ сбора, организации и анализа данных. Его цель — собрать исчерпывающую, всестороннюю, систематическую информацию о каждом случае, представляющем интерес. Следовательно, необходимо убедиться в том, что информация о каждом случае полна, насколько это возможно, — с этого начинается анализ случая.

Исследованием случая может быть изучение, например, отдельной институции. Такой анализ может начинаться с индивидуальных случаев, затем следует их перекрестный анализ и, наконец, — их комбинация, которая и становится основой для анализа всей институции в целом. Возможно, таких уровней или слоев может быть и больше, особенно если какое-либо явление исследуется на региональном или национальном уровне.

Каждое исследование случая опирается на все материалы, которые удалось применительно к нему собрать: все материалы интервью, данные наблюдений, документы, впечатления и утверждения других лиц и сведения об изменении каких-либо характеристик объекта изучения во времени. Все это становится сырым материалом, служащим для анализа случая. На персональном уровне данные о случае могут включать статистическую информацию о человеке, анализ условий жизни, автобиографию и дневники. На уровне институций анализ случая может включать программные документы, отчеты, интервью с участниками каких-либо событий, персоналом, наблюдения над ее работой и сведения об истории институции.

Содержание анализа случая

Когда исходные данные собраны, исследователь может начинать работу над описанием случая. Такое описание соединяет вместе и организует огромные по объему данные в единое обозримое целое. Эти записи включают всю информацию, которая будет использована в проведении окончательного анализа случая. Информация редактируется, многословия выбрасываются, отдельные части лучше подгоняются друг к другу и записи организуются для легкого доступа или в соответствии с хронологическим или тематическим принципом. Итоговые записи

должны быть полными, но контролируемыми. Хотя в них сохраняется вся исходная информация, они организованы и классифицированы на порядок лучше, чем сырые материалы и уже не нуждаются в дополнительной преданалитической обработке или интерпретации. Этот этап может и не являться обязательным. Но его следует предусмотреть, если имеется слишком большое количество сырых данных, полученных в ходе интервью, наблюдений и сбора документов. Во многих случаях исследователь может работать непосредственно с сырыми данными и сразу же начать подготовку окончательного отчета.

Записи случая используются для конструирования исследования случая. Последнее включает информацию, которая будет помещена в заключительный отчет. Она состоит из представления описательных данных. Отчет может включать не одно, а несколько исследований случаев, но, так или иначе, именно случай является базовым описательным компонентом отчета.

Исследование случая должно погружать читателя в данную ситуацию, в чью-то личную жизнь, жизнь группы, жизнь институции. Каждый случай, даже когда их несколько, стоит особняком, что позволяет читателю понять его как уникальное, холистическое единство. Позднее может оказаться возможным и полезным сравнение и противопоставление случаев, но в первую очередь именно случаи должны быть представлены и поняты как выражение того явления, которое представляет интерес для исследователя. Описание случаев будет холистическим, всесторонним и станет включать множество размерностей, факторов и категорий, сплетенных в единое целое в идеографической конструкции.

Таким образом, описание случая должно дать читаемую, описательную картину человека, институции или процесса, которая делает доступной читателю всю информацию, необходимую для их понимания. Исследование случая может быть организовано хронологически или тематически и представлять холистический портрет человека или институции.

После того как исследование случая закончено, необходимы новые аналитические стратегии для будущего анализа и интерпретации данных, которые будут описаны ниже.

Индуктивный анализ

Индуктивный анализ означает, что модели, темы и категории анализа вытекают из данных, а не накладываются на них еще до сбора и анализа. Аналитик смотрит на естественные вариации в данных.

Два способа представления проистекают из анализа данных. В первых, аналитик может использовать категории, развитые самими респондентами для организации представления определенных тем. Во вторых, аналитик может также быть знаком с категориями и моделями, о которых изучаемые люди не подозревали и для описания которых не имели соответствующих терминов. В этом случае аналитики развивают свою систему терминов для описания индуктивно генерированных категорий.

В первом случае, прежде чем применять эти «естественные» термины, полезно предварительно выяснить насколько часто они употребляются и, главное — не ли заметных различий в их понимании. Во втором случае те концепции, которые привносит исследователь, имеют свои корни в социальной теории, имеющейся научной литературе или в исследовательских вопросах, сформулированных еще до начала исследования. Такие концепции дают общее чувство вовлеченности в общий исследовательский процесс и играют для аналитика роль «дорожных указателей».

Посмотрим, как это разделение на естественные и привнесенные термины используется при составлении типологий.

«Естественные» типологии

Типологии — это классификационные системы, построенные из категорий, которые разделяют некоторые аспекты мира на части. Естественные типологии впервые появились в антропологии. Согласно взглядам некоторых антропологов, например, Пелто, культурное поведение следует всегда изучать и категоризировать с точки зрения самих участников событий. Иначе говоря, единицы концептуализации в антропологических теориях должны быть «открыты» с помощью анализа когнитивных процессов у изучаемых людей, а не привнесены извне из инокультурных (и поэтому этноцентрических) классификаций поведения.

Существует мощная тенденция, берущая свое начало с работ по сравнительной антропологии, направленная на сохранение и включение в отчеты тех «естественных» типологий, которыми пользуются люди. Как выразился по этому поводу Франц Боас, «наша главная цель — понять мысли людей, и весь анализ их опыта должен быть основан на их, а не на наших концепциях».

Этот подход требует анализа вербальных категорий, используемых респондентами, для того чтобы разбить сложную реальность на части. Фундаментальная цель языка — сказать нам, что представляется важным, дав этому имя, и тем самым отделить его от других ве-

щей с другими именами. После того как эти метки идентифицированы на основе анализа того, что говорят люди, следующий шаг — идентифицировать атрибуты или характеристики, которые отличают одну вещь от другой. Итак, главное понять, как люди конструируют мир своего опыта исходя из того, что они говорят об этом (Фрейк).

Два примера естественных типологий, сконструированных респондентом

Типология селян по достатку. «Бывает, человек чего-то хочет, чего-то добивается, но не может. Он хоть и работает, но маленькая зарплата. Но они стараются содержать детей хотя бы. А помогаем-то конкретно тем, кто получил эти несчастные... Даже пускай они и безработные, у нас бывает и безработные достаточно приличные люди; а вот есть те, которые... но помогаем мы им все-таки, помогаем, потому что жалко детей. Не родителей, конечно, а детей. Они получили эти несчастные 30 тыс. — пособие на ребенка и быстренько постарались их пропить. А мы вот этим семьям помогаем. Купят себе бутылку, ребенку — жвачку, радуйся! И ребенок радуется, потому что они редко это видят. А хлеба кусок им соседи дадут. Они голодные не останутся. А потом, в конце концов, та же мама пойдет на ГВК у нас на фабрике, украдет ту курицу, которая сдохла, которую только перерабатывать на удобрения, а она ее сварит и все равно дети будут есть. Выживают же, ведь выживают. Дохлятиной питаются и живут. И нормально. А кто сказал, что можно умереть от этого? Это одна прослойка, которые нищенствуют, не работают, живет на «детские» деньги. Но мы собираем им, что можем, потому что дети-то не виноваты, хотя дети такие же. Нельзя, конечно, ярлык вешать, что такой же вырастет, но, глядя на такую жизнь, очень сложно человеку подняться.

Другие, которые не пьющие, но опять же, на стадии вымирания. Ну, как живут... Сельское хозяйство, конечно. Я даже считаю, если нам вообще платить не будут, хоть как-то, но выживем. Хотя бы картошка все равно уродится. На огороде все равно что-то будет: огурцы, помидоры, лук. Ягоды какие-то, грибы. Этим лес кормит. С хозяйством подсобным, конечно, сложно, если не имеешь заработной платы, потому что сейчас свое хозяйство обходится очень дорого. Но на это у нас есть птицефабрика, с которой можно в случае чего что-то утащить. Тот же самый комбикорм. Из-за этого фабрика у нас и (жест — тонет). Половина комбикорма у нас идет на птицу, половина — на поселок. Все у нас растаскивается, это у нас все понимают прекрасно, но ведь не пойман — не вор.

— А меня убедили на птицефабрике, что сейчас там хорошая охрана.

— Сейчас хорошая охрана, но я же, если честно сказать, я же здесь живу, я никуда не уехала и у меня здесь хозяйство, и у соседей, и у всех остальных. Но я же знаю, что говорю, какая бы там охрана ни была. Меньше стали воровать, меньше, я ничего не говорю, но все равно это есть. И у охраны тоже свое хозяйство. У всех семьи, у всех знакомые. Это всю жизнь и везде было. За это, в принципе, кого-то осуждать нет смысла. За что осуждать, если людям больше неоткуда взять и никто им не собирается помогать. Потому что и мы сами все бюджетники. Я, например, и рада чем-то помочь, а откуда я возьму денег. Хотели помочь хотя бы бабкам старым, которым пенсию долго не выплачивали, так мы не знали, по какой статье это все отнести, чтобы выплатить. В бухгалтерии говорят: «Мы сами без конца на ссудах живем, а ты сейчас начнешь деньги раздавать». Из своего кошелька только. Вот когда придет бабка, здесь сидит и говорит, что на хлеб денег нету — достанешь 5000: «Хватит тебе на два дня?» — «Хватит». Поплачет здесь и пойдет. Нормально это. Это бабки. Те, которым долго пенсию не выплачивали. Сейчас, конечно, к выборам два месяца будут платить, а потом опять неизвестно, что будет с этим населением».

Средняя прослойка. «Это те, которые более-менее устроились в жизни, работают. Вот я, например, себя к средней прослойке отношу. Зарплата у меня достаточно стабильная, муж неплохо зарабатывает. Ильдус, директор его предприятия — надо отдать ему должное, вот он из всех жил рвется, старается как-то приподнять социальное положение своих рабочих. Он во всем, во всех отношениях — вот и нам (администрации округа) ни в чем отказа нет. И кто бы ни обратился, особенно эти старухи... Но у него свое предприятие, у него же с деньгами... Но он последнее, вот кто бы ни умер из старушек — но некому похоронить — он обязательно и оградку сделает, и гроб закажет и транспорт даст. В этом плане он очень сердобольный человек. Для своих рабочих он тоже старается, как может, и зарплата у него — ну вот по всему нашему «кусту» ни у кого, наверное, такой зарплаты нету, как на его предприятии. Хотя у него тоже своих проблем достаточно. И мы ратуем за то, чтобы это предприятие держалось. С ним и мы кое-как, но достаточно прилично сможем жить. Ну и все. Кто в администрации работает, на птицефабрике — ИТР — более-менее. Птичницы — конечно, им сложнее жить. Хотя тоже средняя прослойка. Все равно они как-то живут. Хоть какая-то материальная помощь. Пусть там мало зарабатывают, но там дают помощь яйцами и курами, ну и свое под-

собное хозяйство, и люди выкручиваются. Если семья, конечно, не увлекается спиртным. Кто увлекается, у того, соответственно, хуже все это идет. Хотя если действительно взять общий совокупный доход, то пора бы всем умереть. Но из-за этого и покупают меньше всего. Если раньше привозили в магазин ту же самую колбасу, ее брали палками и батонами, сейчас же очень мало всего этого расходуется. Это даже по магазину видно: выручка совсем небольшая. То есть она больше стала, по сравнению с прошлыми годами, но за счет роста цен, а такого нет, как было раньше».

Богатые. «Те, которые богатые и неработающие — такие люди смогли где-то когда-то что-то хорошо достать. Есть такие. Их же, богатых, тоже очень много. Есть кому что-то досталось в наследство. Сумел крутануться, и на это живет. Есть кто-то хорошо, выгодно что-то продал и тоже у него и машина и дом, и все хорошо, хотя он не работает. Но вот удачно вложил свои средства и с процентов живет. Есть богатые, которые нигде никуда ничего не вкладывали и, однако, богатые. Потому что они могут вот так придти, меня взять за горло и сказать: «Подруга, ты мне должна». У меня поначалу был такой вариант. Я говорю: «А что это я тебе должна?». — «У тебя есть дети — ты не забывай». Я сказала: «Я не забыла об этом». В принципе, когда детьми попрекают, всегда хочется сказать: «Вот забери, что тебе надо, только отстань от меня и от моих детей, ради Бога». Они даже подходят во время торговли — вот какая бы торговля ни приезжала — я замучилась выходить: машина подъехала, эти богатые неработающие уже возле этой машины. Вот тут трудно сказать, работают они или нет — может, они это работой считают — обирать эти машины. Они зато богатые, все у них есть. Можно поехать на рынок — они к любому подойдут, один — в лоб, сзади еще трое: «Вот эту куртку мы берем». И что этот продавец ему скажет? Да ничего. Бери — только уходи, больше ничего не надо. «Я ящик этих фруктов забираю». — «Забирай, только больше никаких претензий». Лично сама видела, как это делается. И ничего, все нормально. Все отдают, и они... Потому что каждый боится и за свою жизнь, и за детей. И вроде думаешь, забирают не последнее. Вроде еще есть, зато уйдут и хоть оставят в покое, а то ведь могут и все забрать, человек лишится всего, а так — только части лишается. Сейчас такие люди берут все спокойно, нагло, не стесняясь. Они выполняют свою работу. Это их работа».

Основная масса населения. «Ну, хотя бы судить по тому, как они одеваются, какая у них дома обстановка — еще далеки от вымирания, далеки. Хотя тяжело, но мы уже привыкли. Деньги, в принципе,

есть у населения. В малых, конечно, количествах, потому что каждый уповает, в основном, на свое подсобное хозяйство. Раньше так не было, чтобы за каждый клочок земли люди приходили тут ... «Вот мне еще земли, еще земли...». Из-за чего ее не стало? Не из-за того, что ее распродали кому-то и раздали. А из-за того, что сейчас действительно стали крестьяне обрабатывать эту землю. И они уже поняли, что действительно надо, чтобы земля родила. Что ее надо менять, делать севооборот... Сами сажают то картошку, то на этом месте клевер — для подсобного хозяйства. Раньше им было как-то наплевать «А, хватит мне и три мешка картошки». Сейчас все борются за урожайность. Все поняли, что это — основной доход. Если она вырастит сорок мешков картошки, а 10 продаст на дороге... На которой, кстати, запрещают продавать, мы здесь с милицией столкнулись — ругались. Я говорю: «Три месяца зарплату не дают, у нее единственный доход — продать эту картошку здесь». — «Пусть едут в город». «Да ей ехать — дорожке встанет эта картошка». А многим и не на чем. Да и из-за чего ей ехать-то? Чтобы там налог заплатить? Конечно, тут можно подходить с разных позиций, и что аварийная ситуация может быть на дороге... Милиции, короче, не нравится, что они здесь продают. Считают, что тем самым создается аварийная ситуация на дороге. Раньше ведь такого не было, не продавали. Раньше ведь была стабильность, и никто не шел — кому надо это ведро за три рубля продавать? И не было такой торговли. А сейчас нету ни пенсии, ни зарплаты, поэтому люди и вынуждены идти на дорогу — продавать то, что вырастили: картошку, капусту, морковку. Живут за счет своего подсобного хозяйства.

...У нас есть специальное распоряжение, какой мы можем получить налог с тех, кто торгует на территории поселка. За грузовые машины — 10 000, с легковой — 7 000 за место. Просто так с лотка — 5 000 за место. Мы оформляем им квитанции, как положено. Вот кто к нам приезжает — ни одна торговля не отказалась заплатить, и торгуют на законных основаниях. Из-за этого они и бегут ко мне, когда начинают их «богатые» обкладывать своим налогом. Если это местные богатые, то пока я прихожу, их уже и след простыл, но и стоять возле машины, пока те торгуют, я тоже не могу. Получается, что торговля обижается на меня. А я не знаю, кто те богатые, которые мешали им торговать. Записали тут, конечно, несколько номеров, разобрались с ними. Вот сейчас, последнее время, не очень бегают. Богатые, наверное, немножко успокоились.

Вот так люди и живут, воруют. Бомжей предостаточно. Приватизация привела не только к положительным, но в основном, навер-

ное, к отрицательным результатам. Вот эти все, которые не могут отказать от спиртного, они приватизировали сразу, когда была поголовная, всеобщая приватизация, а теперь свои квартиры продают. Они считают, что вот они продали, получили 15 млн. и теперь обеспечены на всю жизнь. А этих миллионов им на два месяца выпивки хватило. И они друг у друга здесь теснятся, ютятся — я даже не знаю, вроде все прописаны, значит, не совсем бомжи и одновременно они бесквартирные. И с землей также. Набрали все в собственность, все продали, купили стенку и счастливы до безумия. А через два года придут к нам за этим куском земли обратно — чтоб им картошку сажать. А может, и пшеницу уже скоро сеять придется самостоятельно, а земли — ее больше нету, она к кому-то в частную собственность попала, ее не возьмешь, скоро ходить самим сельским жителям будет негде. Будем ходить по специально отведенным тропкам — население не очень понимает это. И не хочет понимать. Очень сложно с ними. Они считают, что кто-то виноват в этом, но не они. Вся приватизация боком обходится. Это мы поймем до конца лет через десять — к чему она привела, и поквартирно, и поземельно.

...Вся эта приватизация привела к худшему — может потому, что сразу не была разработана система, как это должно проходить. Первые два года — это же вообще было...! Налево, направо. Это сейчас немного остепенились, какие-то законодательства появились. Вот эти бомжи, которые здесь живут... Я знаю, что они нигде не работают; продавать им уже нечего — все продано, у меня все время встает вопрос — а на что ты пьешь, дорогой? Кто тебя поит? Сейчас ведь просто так кто кого будет поить? Уже ушло то время, когда друзья кого-то угощали. Но вот у всех сейчас погреба... У нас некоторые считают: «Ну ладно, на птицефабрике воруют. Пошел, коробку яйца вынес, продал — это все нормально». И вот все видели, что он ворованное нес, и все молчали. «Слава Богу, не у меня, не из моего кармана». А вот когда зима начнется... Сейчас осень, вроде еще ничего, у всех запасы свои есть, а вот зимой и весной... Они завалят здесь заявлениями и жалобами. Вроде как я должна ходить и сторожить их погреба. И все прекрасно знают, кто ворует. Но ведь опять же, их надо выловить, конкретно. А у нас рассуждают: «У государства воруют — пусть! Я и вижу, а не скажу». А когда у тебя самого будут воровать — уже будет поздно, потому что человек, который пошел конкретно к соседу воровать — это уже не человек».

Типология сельских элит.

— Элита села и элита власти — это две разные вещи?

— Вообще конечно это разные вещи, с моей точки зрения.

Элита села. «Это те люди, которым доверяет народ, как-то презносит их. Они стоят над всеми самостоятельно, часто даже не пользуясь определенной властью, данной государством. Это вот одна часть. А элита власти — это те, которые стоят у власти. Они вроде бы как у власти, а доверия к ним нет никакого. На данный момент наибольшей популярностью пользуется директор электромеханического. Он очень отзывчив к населению. Какое бы несчастье не случилось, он всегда первым откликнется. И как директор предприятия, он свое дело знает отлично. Птицефабрика, конечно, дисквалифицировала себя в том плане, что ее директор упал в глазах людей и как власть, и как элита. Хотя, как элита, он, может быть, и остался, потому что для людей элита часто связана и с материальным положением. Так у нас судят многие. Так что как элита власти — нет, а как элита села — существует. А в основном то, что сейчас такая деградация происходит и для людей элитой села являются не те, кто вызывает доверие, а те, кто нигде не работает, могут нахамить, обозвать посреди дороги. Вот эта кучка неопределенная, в основном молодежь неработающая, которые творят полный беспредел. Для кого-то они являются элитой. Само понятие не увязывается с тем, что есть на самом деле.

— Кого бы вы назвали элитой в селе из тех, кто не стоит у власти?

— Ну, наверное, в первую очередь старост. Это достаточно элитные люди, и они избирались народом, а значит к ним существует определенное доверие, хотя у них нет никакой власти. Кроме того, есть два три человека, которым народ «смотрит в рот» и верит им.

— Долгое время элитой села были учителя. Какую роль они теперь играют?

— К своему раскаянию, ни разу про учителей даже не упомянула, потому что у населения прежнее уважение к учителю куда-то ушло. Ни споров, ни распрей не было, вот это уважение само по себе куда-то утекло. Люди перестали верить учителю, в учителя.

— Почему?

— Трудно винить в нашей жизни кого-то, например учителей. Все люди — выходцы своего времени. Раньше образование считалось чем-то первым, как бы тяжело материально не было. Учителя никогда не могли похвастаться высокой зарплатой, но они, однако ж, отдавали всего себя, чтобы воспитать в ребенке что-то хорошее. Но хотя в каждом времени есть свои отрицательные стороны. Я не хочу сказать про всех, пускай про наших учителей. Для них сейчас на первом месте один критерий — материальный. Они, например, считают, что могут объя-

вить забастовку и требовать чего-то. Я в корне против этого, я считаю, что учителя не имеют права объявлять забастовки, как и врачи. Вы выбрали свой путь самостоятельно, вас никто туда не толкал. Это вот ваш порыв был, и вы знали, куда шли, знали, что зарплата всегда там была маленькой. И как же вы можете бастовать из-за того, что вам не добавили зарплату!? Я понимаю, что материальный стимул для всех материален, но вот это моя точка зрения. Приглашать хороших специалистов проблематично, все упирается в жилье. Если мы будем снимать ему квартиру, то еще неизвестно понравится ли она ему. Мы не можем платить даже двести тысяч в месяц. Опять мы связаны материальными проблемами.

А учителей менять бы у нас половину можно. Их квалификация совершенно не соответствует их статусу. Но так как лучшего нет, считают, что пусть будет то, что есть. А то, что мы калечим детей... Я вижу по своим детям, что учителям-то они точно не нужны. Внеклассная работа никогда не отменялась и оплачивается, но заниматься с детьми никто не хочет. Начинаешь спрашивать, что делают — перечисляют огоньки. Но ведь раньше в школе такие застолья только по великим праздникам были. А теперь у них к каждому празднику застолье. Я считаю, что детей лучше на природу вывезти, чтобы они что-то новое узнали, увидели. А учителям сейчас удобнее за столом с детьми сидеть, пить чай, есть пирожное, фрукты, чем чему-то их научить. Но это мое мнение, может, потому что я по профессии педагог — учитель начальных классов, и университет закончила как педагог-психолог. Из-за этого у меня свои взгляды на это дело. Они в корне расходятся с тем, что есть. Поэтому я, наверное, и не работаю в нашей школе. Кроме того, многое зависит не только от профессиональных, но и от моральных качеств человека. Один может быть сильным профессионалом, но в отношениях с людьми что-то не ладится. А другой — наоборот: как профессионал он не очень хорош, но всей душой хочет помочь. Часто он и вредит своей помощью.

И про медиков также можно сказать. Тоже вроде бы интеллигенция, они должны нести добро, что-то светлое. Все тухнет с головы, от руководителя. И вся расхлябанность, и халатное отношение к населению, к ученикам — это все большой пробел самих руководителей, которые не хотят осложнять отношений с коллективом, им легче закрыть глаза на все творящееся у них безобразие. Они считают, что работают с коллективом, а на население им наплевать. Любой руководитель может наладить и хороших специалистов, и хорошие отношения. Вот в нашу больницу постоянно набирают людей в обслуживающий

персонал. Кого он туда берет? Один алкогольнее другого. Вот откуда он набирает этих людей, я не знаю, хотя есть достаточно много приличных людей, которые пошли бы работать. Я не знаю — или это выгодно руководителю, или еще что. Не понимаю... Но врачи у нас хорошие есть, что Елена Давыдовна, у нее своя методика, что Татьяна Владимировна, у нее совершенно противоположная методика лечения. Вот оба эти врача стараются, но подходы у них разные, противоположные. Им очень тяжело в одной больнице уживаться. Это проблема нашей больницы — два лидера не могут поделить первенство. И им тяжело, и другим это мало пользы приносит. Хотя два замечательных человека! В.П. скорее характеризуется не как врач, а как хозяйственник. Он уже фактически не практикует. У него много хозяйственных забот, и он весь «в бегах», его поймать практически невозможно. Он всеми хозяйственными делами занимается сам, хотя у него есть завхоз. По натуре В.П. — мягкий человек, добродушный, в нем нет жесткости, которая должна быть у руководителя. Он хочет быть со всеми в хороших отношениях. Это его портит, и портит его коллектив. Я не верю, что так нужно, и считаю, что наша больница скоро развалится. Я, и не только я, принимаем все возможные меры. Но добиваемся разве только того, что один день в больнице пройдет нормально. У него полно проблем. Он боится взять на себя лишнюю ответственность. Как-то другие руководители гораздо сильнее. Тот же Б.В., директор школы, может раскрутиться, не перекладывая свои печали на чью-то голову. В.П. очень просто все решает — что-то у него случилось, он быстренько сюда бежит, а ты как хочешь, так и расхлебывай.

— Элитой со знаком «минус», но все же признанной элитой считались продавцы. Как сейчас с ними обстоят дела?

— Они не котируются никак. На прилавках все имеется в достаточных количествах. Если раньше знакомый продавец мог что-то достать из-под прилавка, то сейчас многие продавцы живут гораздо хуже, чем те, кто приобретает этот товар. Конечно, у них и сейчас есть завистники, но не так, как раньше. Если раньше считали, что они наживаются за счет укрывательства товаров, а потом подпольного бизнеса, то на данный момент самым актуальным является обвешивание. Но все равно больше негативное отношение к продавцу сохраняется по привычке.

...Церковь за последнее время, конечно, выросла в глазах. Церковь сейчас стала действительно элитной. Администрация, вообще говоря, сравнилась с церковью. Церковь должна помогать душевно, вот и мы теперь можем помочь только душевно, больше никак. Выслушать

и отпустить. Но мы же не Боги. А там конкретно люди идут отдыхать все-таки, послушать, посмотреть всю эту красоту. И молодежь из-за этого пошла. Они же ведь молиться не умеют, не говоря уже об отпущении грехов. Они далеки от этого, идут просто как на зрелище. Из-за этого церковь выросла в глазах населения. Раньше это было что-то недоступное и непонятное, теперь же, пожалуйста, вход открыли, ворота, как в рай, для всех. И народ вроде как пошел. Но я, хотя и надеюсь, что народ начнет верить, все-таки не вижу подкрепления своим надеждам. Потому что прибыло в церкви не за счет старого населения, а за счет молодежи. Но это временная прибыль, это уйдет у них, потому что зрелищность надоедает. И потом, если власть будет меняться, а если даже и не будет меняться, то все равно замаливание грехов непонятно. Посмотрите, кто в церковь ходит — вот эти мафиозные структуры, которые нигде не работают, раскатываются на «джипах», прямо на них подъезжают к церкви. Я считаю, что для таких людей церковь должна бы была закрыть свои ворота. Потому что это душегубцы и собиратели с нормального населения взяток. Может быть, они и кладут на восстановление храма сто тысяч, но нельзя же церковь продавать за сто тысяч! Ну какой же это служитель Богу, если позволяет им свободно, как хозяевам, чувствовать себя в храме Божьем!? Это все не очень приятно. Сейчас считается престижным приходить в церковь, так же как иметь иномарку. Это не из-за того, что ему хочется, а из-за того, что престижно, из-за того, что все «великие» вдруг стали ходить в церковь. Конечно, никаких душевных порывов у них нет. Сколько я с ними говорила, поняла только одно — никто не верует.

— самого батюшку вы бы включили в элиту села?

— Ну, про А.А. сложно сказать. Раньше, до его выборов в депутаты, его положение было более престижным и уважаемым. Немножечко по-другому все было. Пока был депутатом, тоже было еще ровненькое такое отношение. Но здесь был новый батюшка, и народ почему-то больше потянулся к нему, к отцу Л. А вот когда получилось так, что из депутатов А.А. уже ушел, и пришлось того батюшку убирать куда-то, ибо вместе они не смогли сработаться, вот здесь-то и случился какой-то надлом у части населения. Многие считали, что А.А. уже более мирской стал. Из-за этого сейчас он уже потерял тот авторитет, который имел.

— Церковь занимается благотворительностью?

— В основном для тех, кто у него работает. А для остальных — ничего. Обращалась я как-то к нему, не для себя, для погорельцев, просила поселить их временно куда-нибудь. Он из мирских побужде-

ний отказал. Пожалуй, больница наша большей благотворительностью занимается. Там столько бабушек немощных лежит, которым некуда деться. Я на это закрываю глаза, потому что понимаю, что без поддержки они не проживут, помочь им мы ничем не можем. Пусть уж лучше в больнице живут...

...Ведь не показывают, как наше высшее начальство посетило балет или сходило, допустим, на новую постановку в театр. Показывают как наше начальство пошло к Патриарху Всея Руси или еще к какому-то, как службу отстояло. На нас давит вот это телевидение, радио, где каждые пятнадцать минут показывают, как батюшка благословил Президента. Ну а местные структуры как рассуждают — если наше начальство так делает, то и мы должны им подражать. Под знаменем Бога мы можем делать все, что хотим. Все грехи наши отмолятся, а чем больше денег дадим, тем лучше отмолятся. И свечечку не забыть поставить... У нас опять перекося какой-то страшный идет. Это невероятно, но поменялись полюса. Куда идем?! Невероятно, но и у интеллигенции та же склонность пошла. Не хочу говорить страшные слова, но на кого была надежда, на того ее практически не осталось. На словах все ратуют за чистое, доброе, хорошее, а на деле как-то все наоборот получается.

— Вы себя причисляете к элите?

— Ну, наверное, большинство населения меня причисляет. Отношение ко мне, как к власти. Вообще отношение разное, на две части можно разделить население. Одни считают, что вот наконец-то она пришла, давно такой человек нужен был. А другие наоборот — Господи, ну кто же пришел?! О себе трудно говорить, но я уверена, что все, кто ко мне приходили, уходили с хорошим настроением, по возможности, конечно. Я считаю, что я каждого могу выслушать и постараться помочь.

— То есть вы — элита не по должности, а по отношению к вам населения?

— Трудно сказать. Не знаю. Я бы хотела, чтобы так было.

— Допустим, если муж — генерал, то жена пользуется правами мужа и часто чувствует себя гораздо увереннее, чем сам муж. У вас в поселке это есть?

— Да, мой муж тоже чувствует себя... Хотя я ему сто раз говорила, что ты в этих делах совершенно неуместен. Я дома фактически тоже руководитель. Я уже вошла в эту роль и не могу остановиться. Это иногда трудно, поскольку бывают моменты, когда хочется, чтобы кто-то сказал: «Да сядь, успокойся»...

— Главные специалисты являются элитой?

— Конечно, каждый специалист по-своему элитен для населения. Любой специалист. Тот же главный энергетик своей «некоронованной властью» может разрешить или не разрешить что-то сделать, обойти закон или нет. Соответственно, он тоже элитен. Также завгар, там своя кормушка, и он тоже на каком-то особом положении.

...У нас главным энергетиком был Б., замечательный специалист, он стоял у истоков, и все здесь его руками сделано. А народ у нас странный какой-то — когда Б. убирала, все говорили, что наконец-то, вот, мол, допрыгался. У людей нет сочувствия, нет понимания. А Б., он ведь для них работал-то по идее и много чего сделал, не для себя, а для всех. А люди в большом масштабе мыслить не хотят, все зачеркивается одной ошибкой. Каждый себя самого видеть не хочет, а в жизни других копаются с удовольствием.

У всех специалистов элитна должность, а не они сами. Сказать, что кто-то из специалистов элитен сам, как человек, к которому можно обратиться за советом, ну, возможно, вот Н.Н.; есть у нее, как у специалиста, такие задатки. К ней всегда можно было обратиться, кем бы она по должности не была. Она грамотный специалист. А все остальные интересны только своей должностью. Сейчас А.И. занимает должность главного энергетика. Раньше он был помощником Б., и, в общем-то, люди его обходили, интереса он ни для кого не представлял. А сейчас он главный энергетик, и к нему вроде бы потянулись люди. Будь проще, и к тебе потянутся люди.

— Каковы взаимоотношения элиты? Она разрознена или существуют какие-то традиции?

— В основном по принадлежности к какому-то предприятию. Компанию все-таки, наверное, складывает женщина. Если я дружу с бухгалтерией администрации, то мы и собираемся, а их мужья тоже попадают в нашу компанию независимо от места работы. Мне кажется, что у мужчин рабочие связи менее прослеживаются и поддерживаются.

— Мы как-то обошли П. Он вообще стороной держится или просто не вписывается во все эти отношения?

— Мы сразу с ним не нашли общий язык. Он как раз начал строиться, когда я на должность вступила. У нас не получилась та взаимосвязь, которую хотелось бы видеть. Потому что он — коммерческая структура и ему надо нажать капитал, чтобы раскрутиться. Мне важно было выудить все, что возможно, хотя бы какую-то часть. Мне некогда было ждать, пока он там раскрутится. Налоги есть налоги, они

обязательны для всех. Раз ты на нашей территории находишься, почему ты должен отличаться от И.У., от П.Я.? Ты такое же предприятие. Они помогают в разных вопросах, и ты, раз здесь появился, должен поступать также. Ну на этой почве у нас и начались проблемы. Я не люблю необязательных людей, лучше уж вообще не обещать. Он обещал полгода, я ему неоднократно напоминала, а он в итоге так и не сделал. Из-за этого у меня к нему негативное отношение сложилось. Я теперь с ним не общаюсь. Видимо, у него тоже такое отношение ко мне, может быть, из-за моей напористости. Теперь мы общаемся только через главного бухгалтера. Сам он сюда еще не заявлялся.

— Вы к нему относитесь как к элите?

— На данный момент он уже можно считать раскрутился, материальная база у него достаточно приличная, а так как работать у нас негде и везде заработки нестабильные, то к нему потянулись женщины. Это стоянка, это отдельные чаевые и т. п. Конечно, работа там не очень престижная, но туда, однако, пошли достаточно приличные женщины. Из-за того, что гнетет материальный недостаток. Деньги нужны до такой степени, что они плюют даже на образование и идут туда работать «принеси-унеси». Исходя из этого, для кого-то он является элитой, а для кого-то и нет. Для меня, например, он не элита.

— То есть понятие «элита» на ваш взгляд избирательно? Для одних — эти элита, для других — другие?

— Да. Для меня элита в первую очередь — это Ильдус. Какой бы он ни был грубый или неправильный в чем-то там (у него тоже криминальных ситуаций предостаточно), но я считаю, что это все же человек, который старается и вертится. Поражает его трудоспособность. Это подкупает. А некоторые руководители больше все свои личные проблемы решают, даже когда едут решать государственные.

— Я понимаю так, что элита — это те люди, которые по всем понятиям были бы примером, чтобы их уважали.

— В те годы, до перестройки, еще можно было выбрать людей, которых можно было уважать. А сейчас... они то ли замкнуты все, боятся раскрыться, боятся показать себя такими, как они есть. Большинство сейчас живет только своей семьей: было бы в семье хорошо, а остальное... наплевать. Никто ни о ком не будет заботиться. Вот болтаются у нас пьяницы — они хорошими людьми когда-то были, нормально работали... Кого ведь в первую очередь сокращали? Тех, кто слаб к алкоголю, или по характеру... И у них уже нет сил подняться, они не могут найти работу. И о них уже никто не вспоминает, хотя они были хорошие труженики, и по характеру очень добрые. У нас в после-

днее время спились очень много хороших людей. И были на должностях... Еще до перестройки у нас было много коллективных поездов — в театр, на экскурсии... поэтому люди больше общались, были сплоченнее, лучше друг друга знали, помогали друг другу. А сейчас у нас в селе многие даже не знают друг друга по характеру, только в лицо. Я привыкла, что мы в деревне все друг друга знаем, и все друг о друге знаем «от» и «до». А сейчас это уже не так. Я про многих уже не могу сказать, как они живут. Уже все так и говорят: «А какое нам дело, кто как живет?» У всех своя жизнь; плохо ему — и пусть плохо, пусть он голодает, умирает, пьет, гуляет... Раньше все говорили: не надо лезть в чужие семьи. А может, как раз надо, чтобы вовремя помочь? ...У нас вот спились две сестры. Нигде они не работают, у каждой четверо детей, дети неухоженные, а ходят в школу, и другие дети уже брезгуют с ними рядом сидеть: «Фу, от тебя пахнет». Дети озлобляются, чувствуют себя...

— Второй сорт?

— Да уж какой там второй, там я уж не знаю, какой... И вот об элите — я даже не представляю, кого здесь можно назвать элитой, у нас в селе. Может, кого-то и можно, но я не всех знаю.

— А для вас лично нет таких людей, которых бы вы уважали, которые были бы для вас авторитетом?

— Ну, почему, есть такие люди, но я бы их не назвала элитой. У меня много подруг и друзей, которых можно уважать, с которыми можно дружить...

— Т. е. это люди, авторитетные и уважаемые для вас, но не для всего села?

— Да. Для меня они хорошие, прекрасные.

...Главные специалисты, учителя, врачи, библиотекари — раньше таких людей как-то уважали (до перестройки), а сейчас уважают тех, кто... да хотя не знаю, вряд ли их и уважают... Мне кажется, сейчас больше уважают бедных. Я, лично, не уважаю тех, кто тащит, наживается на чужом горе, воруют... Как мне один сказал: «Не умеешь ты жить. Вот мы поехали, в каком-то там совхозе договорились, взяли копалку, с ружьями, в поле выехали; копалка работает, две машины загрузили — и поехали, продали картошку»... И они сколько-то там миллионов отхватили. И это, говорю, ты считаешь, что вы нормально заработали? Как можно еще об этом говорить? А он только смеется, вроде того, что я — «старая коммунистка, кто так сейчас рассуждает? Сейчас надо искать выходы...». Мне не нужны такие деньги. Я не хочу такого. Я говорю ему: «Хорошо, вы выехали в поле, и к вам приехали те ребята, которые сажали эту картошку, вы бы в них стреляли?» —

«Стреляли бы, а что ты думаешь? А что еще сделаешь?» И он запросто об этом говорит. И ездит на машине с таким понтом... Ну, правильно, каждый деньги зарабатывает по-своему.

В конце 80-х годов по радио, по телевизору все выступали, что вот коммунисты... вот они дачи строят... вот они по пять квартир имеют... А сейчас? Что сейчас делается?

...Или вот у нас на краю села сын Лужкова строится, и в какой-то праздник устроили там стрельбу. К нам женщина в сельсовет прибежала, сама москвичка, здесь отдыхает. Я говорю: «Что вы хотели?» Она: «Ну как же, устроили стрельбище, так страшно, надо что-то делать...» Я говорю: «Пишите заявление в милицию». — «Ой, да я не знаю...» — «А чего тут знать — пишите заявление, отвезете в район...» — «Ну какая-то власть должна здесь быть...» Я говорю: «А почему вы считаете, что женщины из сельсовета должны идти, разбираться с этим Лужковым?» А милиция, конечно, тоже не поедет. А до этого у нас с ней еще был разговор, она приходила к нам: «Ой, я посмотрела — ведь люди все за коммунистов, это же будет война, да это же я не знаю, что будет...» Я говорю: «А у нас что, сейчас не война? У нас сейчас убивают больше, чем в войну». И сейчас она тоже: «Лужков...» — «Ну и что — Лужков. Нам он не мешает; пусть себе стреляет, главное, что не в людей».

...Они сами себе хозяева. Кто к ним пойдет? Наш участковый, этот мальчик? Да они его пристрелят, закопают, и никто знать не будет. При коммунистах такого не было. Вот говорят — они в лагеря ссылали... А у нас сейчас убивают, расправляются... не нравишься ты мне — застрелят тебя, и искать никто не будет. У нас с Москвы выселяли стариков, чтобы квартиры себе захватить; стариков убивали, хоронили на нашем кладбище. ...Да, прилавки сейчас полные, но я не могу купить эти продукты. ...Талоны-то начались только во время перестройки, а до этого мы разве по талонам жили? Я, помню, на свою зарплату съезжу в Москву, наберу продуктов, и живу целый месяц спокойно. Всю мебель я покупала в кредит; постоянно ездила на экскурсии, на концерты — и в Москву, и в Ленинград... Мне кажется, честным трудом сейчас не разбогатеешь, поэтому я с ... даже рядом бы не прошла, а с пьяным остановлюсь, поговорю. И мне будет с ним интересно.

...Вот у нас главный зоотехник, женщина, поставлена на это место совершенно незаслуженно. На нее смеялись все, а она ходит, плюет на всех, она теперь царь; и все молчат, потому что знают: если ей что скажи — завтра иди ищи работу. Ее элитой назвать — ху! — она в подметки не годится любому пьянице. А ходит — вся из себя... Операцию сделала: кожу натянула, все красоту блюдет... Здороваается сквозь зубы.

...Я считаю, интеллигентность — это у человека в душе, это не зависит от образования. ...Элиты нет, что интеллигенция вывелась вся, что элита — можно разве эти слова к людям применять? Если бы мне написали, что элита — это такой, такой и такой человек, без погрешностей... да и то такого сейчас не найти. Я по породам вот знаю, как мы кур проходили, что такое элита. А как к людям это применить... Интеллигентных-то сейчас только среди низшего класса можно искать, из старых людей, которые мудрые. Раньше такими людьми считались попы, духовные люди. ...А сейчас батюшка — ну как сказать, я его не очень хорошо знаю. Раньше он мне очень нравился, потом, когда он в депутаты ушел, он стал дерганый какой-то. Может быть, из-за того, что ему приходится много работать...

...А власть у нас ... настоящая — я считаю, у Ильдуса Усмановича, который умеет руководить властью. И если он построился, он это заслужил. Этот дом, усадьбу он заслужил, про него я ничего не могу сказать. Этот человек старается не только для себя, но и для других. А директор п/ф пользуется своей властью только для себя, в свою пользу, для людей он не старается.

...Да какая сейчас у директоров власть? У них власть над нами, над рабочими, а так-то они сами без власти. Единственно, кто мне нравится — это Ильдус Усманович. Вот этого человека я уважаю. Как руководителя. С его приходом на завод производство поднялось; он набрал хороший коллектив, держит дисциплину. Кто-то напился — его увольняют. Предупреждают об этом сразу; и люди как-то подтягиваются, побаиваются... Получают они хорошо; руководство о них заботится. И сам Ильдус ведет себя не вызывающе, люди на него не злятся. Богатые люди так и должны себя вести, немного по-другому, чтоб не вызывать ни зависти, ни злобы. И дисциплина, конечно, нужна; нужно, чтобы люди работали как следует и хорошо получали, а то на п/ф также работают, боятся потерять работу и ничего не получают. Перед выборами все ждали на п/ф, что поднимут зарплату, все уже обговорили, а директор вышел, говорит: «У нас денег нет, мы и так задолжали». И никакой прибавки теперь не предвидится. Некоторые получают по 200 тысяч, по 150. Если кто побольше получает, так начальство найдет, как «срезать», к чему придраться».

Аналитические типологии

Вторая задача индукции для аналитика заключается в том, чтобы искать модели, категории и темы, для которых типологии могут быть сконструированы самим аналитиком. Такие конструкции следует со-

здавать с особым вниманием, поскольку существует постоянная опасность произвести на свет артефакты, обнаружить структуры, которых на самом деле в данных нет. Главный способ выяснить, являются ли такие типологии, сконструированные аналитиком, точными и полезными или нет, заключается в том, чтобы показать их респондентам и спросить, имеют ли они для них смысл.

Аналитик, в том случае, если он собирается как можно дальше отойти от «естественных» типологий, решает задачу конструирования точных моделей, которые существуют, но не воспринимаются теми людьми, которых изучают. Такие типологии, сконструированные аналитиком, являются легитимным способом наложения мира значений на участников событий, что лучше отражает мир наблюдателя и мир, который он изучает. Лучшей наградой аналитику является признание респондентов, ознакомленных с результатами: «Да, точно, так оно и есть, я просто не замечал этого раньше».

Пример аналитической типологии: избиратели 1995 г.

Приведем вначале исходные тексты бесед с избирателями накануне парламентских и губернаторских выборов 1995 г., а затем — один из первых вариантов аналитической типологии респондентов.

Муж и жена, пенсионеры:

«Мы однозначно будем голосовать за Черномырдина и «Наш дом — Россия». Это реальные люди, они предлагают реальные действия. Но самое главное, среди них нет нечестных людей, нет хапуг. Поэтому мы только за НДР, за Виктора Степановича.

...Из местных еще не знаем за кого, но точно не за Втулкина. Он и его компания — чужие люди. Они скупили всю Сибирь, скупили всю Якутию, все там обворовали, приехали сюда с миллионами, миллиардами. Здесь скупили все вокруг, пытаются завладеть нашими лучшими русскими землями. На нашей земле должен быть наш хозяин, свой человек, родной, который любит эту землю и уважает тех, кто на ней живет. Чужаки нам не нужны. Но главное во Втулкине — страсть к обогащению, ненасытность. То же, что и у Злобина. Тому депутатство тоже нужно было для обогащения. Он заимел такой автопарк, которого даже не было на птицефабрике. Сейчас это, конечно, все старое стало, да никому не нужное, это выброшенные деньги, зря потраченные.

Что касается губернатора, то не за Сулова, потому что это коммунист, который уже наворовался, и все разорил. И другим позволил все разорить. Вот наш птичник — его же просто весь разворовали. Вот Жуков был настоящим хозяином. При нем тоже воровали, но чуть-чуть.

Ну, там одно яйцо в день вынесут. А что сегодня творится? Ведь все же начальство настроило себе огромных коттеджей, купило машины, все только на себя работают, а деньги-то идут откуда? От производства. А потом начинают разводиться руками — птицефабрика разоряется. Почему не хотят ничего делать? Почему не хотят акционироваться? Потому что директор не дает. А зачем, говорит он, вам ее акционировать? Конечно, он не дурак. Если фабрику акционировать, то будет контроль, станет невозможным хапать себе, все под себя грести. У них там такая шайка-лейка! А рабочим это преподносится как забота об их труде, об их социальных гарантиях. Вот, к примеру, Завидовская фабрика. Там директор молодой, ездит себе на старом уазике. Его спрашивают: «Ты чего себе новую машину не купишь?». А он говорит: «Вот открыли 5 цехов, еще 5 откроем годика через два, тогда я спрошу своих рабочих — могу ли я позволить себе купить машину или нет...». А у нас бардак творится. Так что нечего Сулова у власти держать. При нем порядка не будет...»

Мужчина, 76 лет:

«Да, на выборы, конечно, пойду, если дойти сумею. А вот у меня соседка, ей 86 лет, она не встает, парализованная, так как с ней-то быть, придет кто или нет?»

Я телевизор-то не смотрю, некогда, да и глаза плохо видят. Вот проблема у нас с газом, вот бы там подсказали, пусть помогут. Наш поселок Жуковский, это как раньше мы жили, самое плохое место в Городне, как будто нас вовсе нет. Третий год как в Городне провели газ, а у нас — забыли, или денег не хватило. Но мы бы терпели, если бы газ возили, как раньше, каждый четверг. Теперь-то уж и не помню, когда в последний раз возили. Готовим в печке, дрова сами заготавливаем. В сельсовете говорят, что хлопочут, но толку-то нет, я уж ходить туда перестал. Баллоны пустые стоят давно. Вот так. Но на выборы-то я пойду. А голосовать буду — за кого скажут, в сельсовете уж кто-нибудь знает, за кого надо голосовать».

Мужчина, 56 лет. (Бывший летчик, приехал из Ташкента в 1989 году, воевал в Афганистане, дочь учится в Москве):

«На выборы я не пойду, потому что никому не верю. Некому доверять, некому. А вообще, по большому счету, пусть бы там остались Гайдар с Явлинским, Черномырдин, и для того чтобы эти все не дремали, обязательно туда Лебеда. Вот это нужно. Тогда может быть толк какой-то будет. А вообще, я не верю в то, что может что-то измениться. Вот мы приехали сюда из Ташкента, еще был 1989 г., но фактически мы беженцы. Мы оставили там все, что имели. В свое время мы

жили очень хорошо, я получал 470 рублей, по тем временам это были бешеные деньги, жена у меня работала. Сюда успели два контейнера привезти, это было начало развала Союза. Здесь был мамин дом, который можно было восстановить. Строимся вот уже 4-й год, все своими силами. Обида берет — что нам эти облицовочные плиты импортные предлагают? Неужели свои такие же не можем сделать? В общем, у нас здесь как проверка на выживание. Не знаю, вот мне бы сейчас десяток бывших десантников и кого надо — перестрелять! Грубо говорю, утрирую. Но на душе это... Вы посмотрите, что здесь творится. Фабрику всю растащили себе на коттеджи, и спокойно все строятся. У меня жена на трех работах работает — на птичнике целыми днями торчит и еще в двух местах. 300 тысяч она приносит зарплаты. У нас с матерью пенсия вдвоем — 500 тыс. Это еще хорошо. А они хапают не по одному миллиону. И все это делается открыто, на глазах людей. Рабочие молчат, боятся. Конечно, а чего же им не бояться? Ведь почти у каждого рыльце в пушку — одного поймали, когда корма воровал, другого — когда яйцо тасил, третий вечно в пьяном виде на работе болтается. Конечно, все будут молчать.

Я 20 лет отдал авиации, и что имею? Да ничего. Вот строимся, к маминому дому все пристраиваем.

Вот посмотрите в Городне кто строится — от Лужкова не знаю до кого. А как они эту землю приобрели? Я как в сельсовет приду, так они дергаться начинают, суетиться. Грамотный, говорят, пришел. Прежний председатель сельсовета был вообще барчук. Эти себя сначала ничего, скромно вели, а потом заелись. Ужасно. А народ у нас — что? Вот сидят, вспоминают, как хорошо было при коммунистах. Колбаса по 2–20, водочка дармовая, костюмчик они себе, видите ли, могли купить. Да что сравнивать то, извините меня, дерьмо с дерьмом! Наболело на душе и высказать некому. А что у нас на улице творится? Вот пока мы — три дома — не скинулись, была темнота. Сами купили лампочку, сами ввернули. Теперь у наших домов хоть свет есть, а дальше — темнота. Про то, что у нас газа нет, я вообще молчу. Мы этот газ когда последний раз видели? Да, наверное, уже 2 месяца скоро. Мы его экономим. То свет отключают, то еще что. Живем, не знаю как. Конец XX века! И ничего, народ терпит. Ждет чего-то, надеется на кого-то. А на кого надеяться? Все сами должны делать и прежде всего сами жить по-человечески. И голосовать вот пойдут, да только большинство проголосует, за кого скажут. И опять выберут неизвестно кого. Не знаю... Вот Гайдар ведь накормил страну, а народ этого не понял...»

Женщина, пенсионерка:

«На выборы обязательно пойду, а как же? И за кого голосовать буду, тоже знаю. Сказать вам? За Святослава Федорова! Именно за Святослава, а не за Бориса Федорова. Он человек дела, не вор, всю жизнь доброе дело делает, лечит людей. Вот таких людей надо в правительство выбирать».

Женщина, пенсионерка:

«Я вот что скажу. Сама я в Москве прописана, здесь дом стерегу. Голосовать обязательно пойду. И только из-за Лебеда, чтобы за него свой голос отдать. Он может спасти Россию, мне так кажется. А о Федорове вот что скажу. Это он только отсюда кажется таким хорошим. Он ведь уже сколько лет живет, как царь. Миллионером еще при советской власти стал. Также неспроста. Другим не давали развернуться, а он смог. А сейчас себя тоже непорядочно ведет. У меня дочка живет рядом с его центром. Так он все более-менее жилое пространство у домов жилых загородил, ну как бы под свой центр землю отобрал. Теперь детям играть негде. Там все против него настроены.

А в губернаторы я хочу, чтобы Донцова выбрали, надо чтобы молодые работали и руководили...»

Мужчина, пенсионер:

«Говорят-то они все хорошо, обещают много, а кто из них дело будет делать, когда властью станет? Боюсь, что никто, каждый обогащаться начнет. Им ведь депутатство зачем нужно? Чтобы все свои темные дела покрывать, дворцы строить, машины покупать. Нет веры у меня никому. Каждый под себя грести норовит. Пожалуй, что и не пойду я на выборы, там ведь опять из меня хотят игрушку сделать. Хватит, надоело. И так всю жизнь в грязи живем, да еще и не хватало, чтобы на нашей шее кто-то в богачи выбивался. Пусть они делами сначала докажут, что добра людям желают, а потом мы уж поглядим голосовать за них или нет. Вот какое мое слово».

Мужчина, 55 лет:

«Конечно, на выборы пойду, обязательно. И жену свою приведу. Голосовать за Черномырдина будем — самый серьезный мужик там. Да, пожалуй, что и единственный. Остальные ведь — «веселые ребята», что еще о них можно сказать. Они поиграться, поразвлекаться хотят, а не понимают, что речь-то ведь о судьбе родины идет. Ну что демократы друг перед другом, как петухи выставляются? Им бы объединиться, да мощным фронтом выступить, а они ведут себя, словно дети малые. И опыт их ничему не учит. Обидно, вроде бы головастые мужики, тот же Гайдар, Явлинский, а поди ж ты, сговориться не могут...»

...Суслов — хороший мужик, но на второй срок ему не надо оставаться. Это некрасиво. Надо ему это понимать — попользовался властью, теперь другому дай. Платов, видно, неплохой мужик, серьезный. Свой план действий имеет, это хорошо. Но власть — штука сложная. Что такое власть? Власть — это проявление мудрости и владеть, ей, властью, дано не каждому, а только тому, у кого талант для этого имеется. Вот у меня таланта нет, я и не хочу идти во власть. Каждый должен заниматься своим делом. К примеру, гармонист: если у него слуха нет, так все ж разбегутся, а если у него гармонь в руках поет, то самым любимым человеком в деревне будет...»

Женщина, пенсионерка:

«Обязательно пойдем на выборы, будем за Эллу Памфилову голосовать. Она о стариках заботится, о нас. Да и о детях наших. Вообще она умница, милая такая и в то же время, мне кажется, напористая, может добиться своего. Так что за нее голосовать буду. А из местных я никого не знаю, за кого скажут, за того проголосую. Но за Суслова точно буду голосовать. Он столько хорошего для области сделал. И потом он же знает все, а новый пока ко всему привыкнет, все узнает, мы и не доживем. Пусть лучше Суслов остается, тем более что он вроде бы о нас не забывает...»

Женщина, 50 лет:

«Голосовать обязательно пойду, и только за аграриев. Мы же на селе живем, за кого нам голосовать? Только на них вся надежда. Больше никто о нас не вспомнит. Вся забыли нас, а мы ведь — основа России. Вся Россия на селе держится. А коли сейчас в селе такой развал, то и во всей стране бардак.

Только не за Втулкина. Эту морду на всех колодцах развесили и думают, что народ побежит его выбирать. Сейчас, как бы нет! Разбогател за чужой счет. Дела доброго никому не сделал, а доверия просит. Вот если бы Ильдус Усманович выдвинул свою кандидатуру, то вся Городня за него бы пошла. Я вам это точно говорю. Все же его стараниями сделано. Мы как в городской квартире теперь живем. Таких людей надо в Думу. Тогда может что-то и изменится к лучшему.

В губернаторы только Платова надо. Нечего этому Суслову штаны просиживать».

Женщина, пенсионерка:

«Как же, обязательно пойдем на выборы. Мы люди старые, давнишние, к порядку приученные. Столько всего пережили, испытали, но и теперь от жизни не отстаем. И сами пойдем, и детей своих агитировать будем. Вот только ты подсказала бы за кого голосовать. Мы ведь

привыкли выбирать того, кого нам скажут. Я вот ведь все-таки думаю, что надо коммунистов поддержать, хоть и ругают их теперь, а мне почему-то верится, что коммунисты смогут все вернуть, как раньше сделать. И без тюрем смогут — это ведь другие коммунисты. Зюганов ведь не Сталин, правда?»

Женщина, пенсионерка:

«Нет, на выборы не пойдем. Пенсию должна была 1-го числа получить, а дали только вчера. Не верю я никому. Всех нас здесь бросили. Правильно, меньше людей — меньше проблем. Тех, кто выживет, и кормить потом будут. А сейчас каждый должен выживать сам. И чем меньше будет выживших, тем правительству лучше».

Женщина, 40 лет:

«Мы только за аграриев будем голосовать. Нам больше надеяться не на кого. А из местных надо за женщину, только за женщину, тем более что та, которая в магазине висит, вроде бы аграрную партию представляет. Вообще во главе государства должна стоять женщина. Вот когда Маргарет Тетчер была в Англии, так там же порядок был, а теперь один этот королевский скандал — уже позор... А Суслову давно пора убираться, наворовался, пора и честь знать...»

Мужчина, пенсионер:

«Только за коммунистов буду голосовать. Кроме них — никто порядок навести не сможет. Лебедь — мужик хороший, но боюсь, что при нем хуже, чем с коммунистами будет. Коммунисты-то за счет чего народом управляют? За счет того, что они народ наш в страхе держат. А страх — он великие дела сотворить может. И порядок будет, и, главное, работать народ начнет. Сейчас-то никто, считай, не работает. Даже на себя-то работать не умеют, а что говорить об общем деле. Коммунисты быстро заставят вспомнить, что такое труд. А об этих демократах я и говорить не хочу. Они уже все создали себе крышу за границей и семьи свои туда отправили. Они же в действительности не верят в Россию, они не патриоты.

За Платова голосовать буду. Суслов мужик неплохой, но уж больно сильно за него районное начальство агитирует, значит, дело здесь не чистое. Пусть новый человек попробует, может и удастся ему что-нибудь с места сдвинуть».

Женщина, 50 лет:

«За коммунистов буду голосовать, потому что верю только им. Из местных — не знаю, но не поэта же (Дементьева) выбирать. Вот Втулкин мне понравился сегодня — на фабрике выступал. Он вроде бы и рабочий — строитель всю жизнь, и в то же время посмотрите,

какое у него лицо: с таким лицом он и начальником может быть, и говорит он хорошо. Не знаю, может быть, за него буду голосовать. Губернатором пусть Суслов остается: он справляется со своими обязанностями, пускай дальше работает».

Водитель:

«— А что нынешний батюшка хороший? Он ведь депутатом избирался...

— Да кто его знает...

— А отец Леонид, что раньше был, лучше?

— Конечно лучше, намного лучше... Этот грубоват. Я сам-то не знаю, но народ говорит, что грубоват. Много для себя делает. Надо людям помогать, а он все для себя сначала делает. Нехорошо. Да и важный он очень...

— За кого на выборах голосовать собираетесь?

— Не знаю. Много их, а толку все равно не будет. Я вот вам что скажу. Ко мне Жириновский приезжал...

— ?!

— Просто в Москву возвращался и заехал в первый попавшийся дом. У меня там место очень красивое. Он и за руку со мной поздоровался, и за стол не побрезговал есть, и выпил со мной, и закусил... Вот теперь скажите мне — кто из нынешних политиков так запросто, на равных с простым рабочим будет сидеть? Разве ж Ельцин или Горбачев станут так себя вести? А Жириновский не побрезговал — молодец! Вот и думай — за кого голосовать?

— А что Жириновский говорил?

— Да ничего особо не говорил. Спрашивал о жизни, о хозяйстве.

— У вас большое хозяйство?

— Нет, две коровы, лошадь. Но и их трудно содержать. Тонна сена стоит 300 тысяч, а одной корове надо три тонны. Вот и думай — где такие деньги взять. А кроме сена и корма нужны, ведь не будет молока корова много давать, если корма бедные? А где их взять — проблема!

— Как вы думаете, что надо сделать для подъема экономики?

— Что делать? Не знаю. Поздно уж поднимать, слишком все развалилось, теперь уже не собрать...»

Аналитическая типология. Первая группа избирателей — сторонники Жириновского. Обычно это агрессивно настроенные рабочие, чаще всего водители средних лет. Они не скрывали своих симпатий к Жириновскому, в то время как остальные относились к нему иронично. Некоторым было даже неприятно о нем говорить. А вот Владимир И. (водитель «скорой» при местной больнице) рассказывал о Жиринов-

ком с удовольствием. Дело в том, что как-то осенью Владимир Вольфович посетил Тверь. Возвращаясь в Москву, он остановился возле дома И. и зашел к нему «в гости». Хозяин был очень польщен таким визитом. Его покорила простота Жириновского и то, что он «не побрезговал сидеть со мной за одним столом». Ильин много раз рассказывал потом, как жал руку Жириновскому. Сравнивая его с другими политическими деятелями, он непременно заканчивал рассказ риторическим вопросом: «Кто еще из руководителей государства так запросто зайдет в гости к простому человеку, будет здороваться с ним за руку, не побрезгует его едой». Этот эпизод — лучше любой рекламы.

Вторая группа — сторонники коммунистов — менее агрессивная, но значительно большая по размерам, доказывала всем, что при Брежневе жилось лучше. Вспышки злобы у этих людей возникали, лишь когда кто-нибудь вспоминал имя Гайдара или Ельцина. Этих двух лидеров сторонники коммунистов были готовы обвинить во всех грехах. Вероятно, поэтому разговоров о Гайдаре и его партии мы вообще не слышали. Его даже не ругали, как Ельцина, о нем просто не говорили. И лишь в двух семьях, с которыми мы беседовали за день до выборов, о Гайдаре отзывались хорошо. В эту вторую группу входила большая часть пенсионеров, работающие люди старшего возраста и часто — их взрослые дети.

Третья группа, еще менее воинственная, но самая многочисленная — это сторонники аграрной партии. Большинство занимает позицию «тружеников села, которых обидел город». Немалый процент в этой группе составляют и те люди, которые решили отдать свой голос за аграриев чисто механически: «Раз мы живем на селе, значит, мы — аграрии, и голосовать должны за них». Мне показалось, что у некоторых людей неприязнь к «городу» граничит с завистью и обидой. В эту группу входили мужчины и женщины самого разного возраста.

Четвертая большая группа, самая «мирная», состоящая, в основном, из женщин разного возраста — тех, кто собирался голосовать за блок «Женщины России». Они объясняли свой выбор следующими причинами: «Я женщина, значит — за женщин»; «Женщина лучше поймет женские заботы и тревоги, мужчины думают только о войне»; «Не хочу вникать в политические споры лидеров других партий»....

Модели и категориальные системы

Существует несколько шагов для превращения полевых заметок и результатов наблюдений по тем или иным вопросам в систематические категории анализа. Аналитик начинает с поиска «повторяющейся

упорядоченности» в данных. Эти упорядоченности представляют собой модели, которые могут быть рассортированы по категориям. Категории, следовательно, должны быть оценены по двум критериям: «внутренней гомогенности» и «внешней гетерогенности». Первый критерий относится к степени, в которой данные, относящиеся к определенной категории, группируются вместе или «соответствуют» друг другу значимым образом. Второй критерий относится к степени, в которой различия между категориями представляются четкими и ясными. О наличии крупной ошибки в категориальной системе свидетельствует существование большого количества «нераспределенных» или «перекрывающихся» данных. Аналитик постоянно увязывает между собой данные и классификационную систему для того, чтобы проверить значимость и точность категорий и контролировать процесс распределения данных по категориям. В том случае, если разработано несколько разных классификационных систем, следует установить приоритеты для того, чтобы определить, какая категориальная система более важна, чем другие. Выбор следует сделать в пользу выпуклости, правдоподобия, уникальности, эвристической ценности, воспроизводимости результатов, обоснованности классификационных схем. Наконец, категориальная система проверяется на полноту.

Следующей является проблема «дивергенции». Под ней понимается то, как аналитик «насыщает» свои модели или категории. Предполагается, что это насыщение может быть достигнуто при помощи расширения (использования уже известных классификационных рубрик), наведения мостов (установления связей между различными рубриками) и насыщения (то есть поиском новой информации, которая могла бы здесь находиться, и затем проверки, нельзя ли ее получить на самом деле). Аналитик доводит этот процесс до того момента, когда источники информации уже исчерпаны, категории насыщены так, что использование новых источников ведет к избыточности, когда появляются ясные и универсальные принципы и правила классификации и когда при дальнейшем анализе аналитик уже начинает выходить за границы тех вопросов и проблем, которые он себе наметил.

Усилия исследователя-качественника по созданию моделей, тем и категорий — это творческий процесс, который требует тщательной выработки суждений о том, что действительно важно и значимо в данных. Поскольку исследователь не имеет в своем распоряжении статистических тестов, которые помогли бы ему определить, являются ли наблюдения и модели значимыми, он должен полагаться на свой опыт и свое мнение. Иногда это ведет к тому, что он делает ошибки, эквива-

лентные ошибкам первого и второго рода в статистике. Во-первых, он может решить, что закономерности не являются справедливыми, когда они на самом деле таковы, и, во-вторых, наоборот, аналитик может ошибочно указать на наличие закономерностей, которых на самом деле не существует.

Логический анализ

Работая в индуктивном ключе, аналитик ищет скрытые модели, существующие в данных. Эти модели могут представлять собой размерности, классификационные схемы, темы и категории. Когда размерности уже построены, или с помощью конструкций, которые генерируют участники, или с помощью конструкций, выработанных (привнесенных) исследователем, иногда полезно сравнить между собой различные размерности для того, чтобы возникли новые идеи относительно того, как могут быть организованы данные. Кроме того, такие перекрестные классификации помогают найти структуры, которые не очевидны при первоначальном, индуктивном анализе. Создание кросс-классификационных матриц является упражнением в логике. Эта процедура включает создание потенциальных категорий на пересечении разных размерностей или типологий друг с другом и затем непрерывное уточняющее движение между данными и логическими конструкциями, результаты которого заполняют результирующую матрицу. Эта логическая система позволит создать новую типологию, все части которой не обязательно могут быть представлены в данных. Таким образом, аналитик движется между логической конструкцией и данными в поисках моделей, которые бы имели смысл.

Следует с большой осторожностью применять этот вид логического анализа. Матрица может поощрять манипулирование данными, поскольку аналитик не всегда может устоять перед искушением насильно размещать данные по тем категориям, которые созданы перекрестной классификацией для того, чтобы заполнить матрицу и заставить ее работать. Логический анализ, предназначенный для генерирования новых концепций, должен быть перепроверен и подтвержден фактическими данными. Пустая ячейка матрицы, созданная двумя размерностями, для которых пока нет обозначения, наталкивает аналитика на мысль о существовании категории поведения или деятельности, которая или была упущена из виду, хотя и присутствует в данных, или же логически допустима, но в данном случае просто не проявилась. Этот случай особенно важен, поскольку позволяет поднять вопрос о том, почему то или иное явление в данный момент отсутствует.

Интерпретация данных: причины, следствия, взаимосвязи

Анализ данных подчеркивает задачи организации и описания. Даже матрица процесс-результат была нацелена на обеспечение механизма для организации и описания тем, моделей, а не разъяснения причинных взаимосвязей, между процессами и последствиями. Тем не менее ясная связь между описанием и причинной интерпретацией существует. После того, как задача организации и описания завершена, уместно перейти к рассмотрению причин, следствий и взаимосвязей.

В любом случае, размышления над тем, какие существуют процессы и что они имеют своим результатом, являются аренной умозрительных предположений, интерпретаций и выдвижения гипотез. В том, что тщательное изучение данных приводит к появлению идей о причинных взаимосвязях, нет ничего плохого, и исследователь не должен отказываться от предположений просто на том основании, что не может их доказать. Гораздо важнее четко квалифицировать свои заключения — являются ли они умозрительными предположениями, интерпретациями или гипотезами.

Интерпретация по определению включает нечто, что находится за пределами описательных данных. Интерпретация означает наделение смыслом того, что уже найдено, предложение объяснений, вытягивание выводов, экстраполяцию уроков, построение связей, прикрепление значений, упорядочивание и работу с конкурирующими объяснениями, неподтвержденными случаями и ошибками в данных как часть проверки жизненности интерпретации. Все это ожидается и уместно, когда исследователь ясно видит различия между описанием и интерпретацией.

Одна из самых больших опасностей для тех, кто проводит качественный анализ, заключается в том, что, интерпретируя причины, следствия и взаимосвязи, они исходят из предположения об их линейности, обычном для количественного анализа, и начинают определять изолированные переменные, которые механически связаны с контекстом. Эта попытка интерпретировать поведение людей и их деятельность с помощью линейных взаимосвязей может скорее ввести в заблуждение, чем привести к новым открытиям. Парадоксальность качественного анализа заключается в том, что мы должны постоянно перемещаться между изучаемым явлением и его абстракцией, которое мы сами и составляем, между описаниями того, что происходит, и нашей интерпретацией этих описаний, между сложностью реальности и нашим упрощением этой сложности, между полными обратных связей

человеческой деятельности и нашей потребностью в линейных, упорядоченных конструкциях типа причина-следствие.

Исключительно важно отметить, что объясняющее начало качественного анализа не поддается знанию в том же смысле, как и количественное описание. Ударение здесь сделано скорее на понимании и экстраполяции, чем на причинной детерминации, предсказании и генерализации.

Переход от интервью к анализу: Власть на селе

Данные примеры показывают, как поэтапно из первичного материала — расшифровки записей интервью, сделанных исследователями в российских селах в начале 90-х, — создавался аналитический текст по теме «Власть на селе». На первом этапе качественного анализа исследователь изучает все материалы интервью, дневниковых записей и наблюдений, которые, по его мнению, содержат информацию о властных отношениях. Сюжеты о власти могут содержаться в беседах на любые темы интервью с респондентом. Вот фрагмент беседы с сельским респондентом на тему «Ремесла на селе», где житель села вспоминает о мастерах-жестянщиках:

«А он вечно занимался жестяной работой: ведра делал, кухни делал, крыши крыл, красил... У него эта работа отличная была. И брат у него такой же был. Тоже занимался этим. Вот это мастера были! Они и в районе, и во всех селах работали. И их уже знали! Василий Алексеевич и Иван Алексеевич.

Василий рассказывал, как его один раз Райком крышу на себе красить заставил. Вызвали: «Крась, мол!» Приказывают. Даром, заметь... Ему неохота, противно. Ну, он и удумал одну вещь. Маленько полазил, покрасил, потом углядел кучку песчаную внизу. Кисточку свою почистил, в тряпку завернул, прибрал. И ка-ак на кучку сиганет! Откатился на сторону, на землю и: «Ох-ох, бок зашиб, руку зашиб!» Жалуется, как будто и по правде зашибся. Райком выскочил, смотрит, злится. Ну, все-таки отстал...». (В. Виноградский).

Здесь внимание аналитика привлек эпизод, где районная власть заставляет жителя села даром выполнять какую-то работу.

Другой фрагмент взят из записи беседы с жителем села о наиболее уважаемых односельчанах:

«Были такие, которых уважали, но официальные должности не занимали. Таким был Евграф Семенович Кульков. Всегда его отправляли судиться от имени колхоза. Например, какая-то организация подает в суд. Кулькова уговаривают — дают доверенность как предста-

вителю. Не было случая, чтобы Евграф Семенович не выиграл дело. Он был еще членом правления сельпо. Как в сельпо трудно с продуктами — председателем была Блинова Анна Федоровна, она обращается к Кулькову, чтобы тот съездил в облпотребсоюз, минуя райпотребсоюз. У Кулькова для этого был специальный костюм. Валенки, прошитые льняной веревкой, армяк, шапка, подпоясется веревкой. В таком виде он идет сразу к председателю райпотребсоюза, причем подгадывает прямо к этому совещанию. Секретарша не пускает. Кульков начинает громко говорить, шум, в кабинете услышали. Кульков: «Здрасьте, я из городенского сельпо. Торговать нечем. Вот прислали, помогите». Председатель взглянет и ужаснется — правда, если посланец в таком виде, то точно, торговать уже нечем. А тут из обкома партии сидят. Ну, что Вам нужно? — Вот список! Председатель торопится, чтобы ушел быстрее — подписывает. Кульков: «А вот еще беда — чай пить нечем». Вот еще список на кондитерские товары. И назад он целую машину и привезет».

Этот эпизод аналитик выделил из текста, так как здесь содержится упоминание об отношении крестьян с представителями районной власти в вопросах обеспечения товарами первой необходимости.

Следующий фрагмент взят из полевого дневника исследователя, где описана встреча с родственницей хозяйки дома, где проживали исследователи во время экспедиции в одном из сел Саратовской области:

«Вечером пришла родственница тети Нюры Вера. Она, оказывается, работает заведующей сельской библиотекой. Я расспросил ее о том, кто записан и что берут читать. Договорились на среду о встрече к 11 ч. Кстати, она рассказала интересную историю о том, как она у районного начальства выбила для библиотеки новое помещение.

Библиотека раньше находилась в старой избе, где постоянно протекала крыша и портились книги. Ей часто, когда начинался дождь, приходилось бегать в библиотеку, подставлять ведра под воду, которая капала с потолка. Помещение много лет не ремонтировалось, просьбы о выделении денег на ремонт крыши оставались без ответа. О новом помещении не приходилось и мечтать. Районное начальство из отдела культуры было в курсе плачевного состояния тепловской библиотеки, но реально ничем помочь не могло.

Но вот, как-то раз Вера узнает, что из областного отдела культуры должна приехать комиссия по проверке состояния «культуры» в селе и должна осмотреть клуб и библиотеку. Тогда она собирает своих родственников и ночью они приходят в библиотеку и ломают потолоч-

ное перекрытие, как будто оно прогнило от постоянной сырости и, кажется, еще с полом что-то делают. Когда на следующий день в библиотеку пришли члены этой комиссии, то они увидели огромную дыру в потолке, книги, засыпанные штукатуркой, проваленный пол. Комиссия пришла в ужас и устроила районному начальству страшный разнос. После чего под библиотеку местный колхоз выделил часть нового коттеджа, предназначенного для семей специалистов хозяйства.

Интересно, что я уже не в первый раз слышу, как крестьяне, чтобы что-либо получить у начальства, доводят ситуацию до абсурда, доламывают технику, чтобы получить новую, или намеренно выполняют дурацкий приказ начальства так, чтобы он привел к плачевным последствиям, чтобы избавиться от начальника или заставить считаться с собой, хотя можно было бы этого избежать».

Этот фрагмент, очевидно, был выделен для анализа темы власти, т. к. он также содержит упоминание о роли внешней власти и способах воздействия на нее. Таких фрагментов из материалов исследования было выделено около 60, достаточно, чтобы начать работу по группировке цитат для этапа преданализа по теме «Власть». Цитаты выстраиваются в зависимости от соответствия теме власти и более конкретной подтемы, например, «отношения крестьян с районной властью». Подтема кодируется, например, «крестьяне и райком» и далее все цитаты объединяются в тематический блок и нумеруются или снабжаются еще дополнительными кодами или пометками. Например:

«Крестьяне и райком — обком» («оружие слабых» 7, 12, 21)

7. «один раз Райком крышу на себе красить заставил. Вызвали: «Крась, мол!» Приказывают. Даром, заметь... Ему неохота, противно».

21. «Помещение много лет не ремонтировалось, просьбы о выделении денег на ремонт крыши оставались без ответа. О новом помещении не приходилось и мечтать. Районное начальство из отдела культуры было в курсе плачевного состояния тепловской библиотеки, но реально ничем помочь не могло. Но вот, как-то раз Вера узнает, что из областного отдела культуры должна приехать комиссия по проверке состояния «культуры» в селе и должна осмотреть клуб и библиотеку. Тогда она собирает своих родственников и ночью они приходят в библиотеку и ломают потолочное перекрытие, как-будто оно прогнило от постоянной сырости и, кажется, еще с полом что-то делают. Когда на следующий день в библиотеку пришли члены этой комиссии, то они увидели огромную дыру в потолке, книги, засыпанные штукатуркой, проваленный пол. Комиссия пришла в ужас и устроила районному начальству страшный разнос. После чего под библиотеку местный кол-

хоз выделил часть нового коттеджа, предназначенного для семей специалистов хозяйства.

Интересно, что я уже не в первый раз слышу, как крестьяне, чтобы что-либо получить у начальства, доводят ситуацию до абсурда, доламывают технику, чтобы получить новую, или намеренно выполняют дурацкий приказ начальства так, чтобы он привел к плачевным последствиям, чтобы избавиться от начальника или заставить считаться с собой, хотя можно было бы этого избежать».

Этот этап особенно важен для качественного анализа. Здесь отслеживается повторяемость сюжетных линий в интервью с разными респондентами. Определяются основания для последующей классификации поведенческих актов или мотивировок поведения акторов в представлении респондентов и исследователя.

В нашем примере аналитик выделил в цитатах несколько сюжетных линий. Одна из них описывает, по его мнению, роль районной и областной власти в жизни жителя села, а другая свидетельствует о наличии некоего арсенала средств у крестьян, с помощью которого они нейтрализуют засилье властей и заставляют их удовлетворить свои нужды. Здесь следует отметить роль записи в полевом дневнике, где по сути автором сделано аналитическое обобщение о типизации поведения крестьян в контактах с властью. Это заставляет аналитика еще раз обратиться к текстам, где он более целенаправленно выявляет и группирует смысловые единицы, соответствующие понятию «способы защиты подвластных».

Окончательный этап качественного анализа заключается в классификации арсенала «оружия слабых» (данный термин заимствован у Дж. Скотта⁹⁵), например, в окончательном отчете он выглядит так (фрагмент отчета):

«...В этих условиях оттачивается «оружие слабых», чтобы сохранить не только традиционные крестьянские ценности, но и самую жизнь.

Условно формы скрытого сопротивления власти или виды «оружия слабых», можно разделить на семь групп:

1) «Побег» — это различного рода избегание под любыми предлогами прямого конфликта с властями. Не дожидаясь репрессий, десятки крестьянских семей покинули село еще до коллективизации и

⁹⁵ Скотт Дж. Оружие слабых: Повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец. М., 1992. С. 285-286.

во время ее. География исхода была самая широкая, например, в Поволжье крестьянские семьи мигрировали не только в районные и областные центры России, но и в Среднюю Азию.

В 50-е массовый отток молодежи из села. Родители пускались в немислимые ухищрения, лишь бы устроить свое чадо в городе. Отсутствие паспорта не остановило тех, кто не мог или не хотел приспособиться к реалиям колхозной деревни. А те, кто остался, упражнялись в искусстве избегания «оказаться не вовремя под горячей рукой».

2) «Демонстрация порока». Избегание травмирующей ситуации нажима властей можно осуществить, не только убегая за пределы села, но и уходя в себя самого. В этом смысле пьянство и различного рода тяжелые заболевания становятся верным путем ухода от действительности. Демонстрация своих пороков, стремление произвести впечатление слабого, неопасного, зависимого, бесполезного, чтобы отстали, потому что «чего с него возьмешь», — вот одна из причин распространенного «запойного» пьянства в деревне, появления значительного числа инвалидов и хронически больных людей (обращает на себя внимание обилие упоминания в семейных историях за период 30–50-х годов о парализованных родственниках). Вспышка массовых психосоматических заболеваний (паралич конечностей, речи) отмечается в средневековье. Позднее это могло закрепиться как стереотип поведения, как стиль жизни. Не случайны фразы, много раз повторяемые разными респондентами: «От такой жизни как не запить»; «С пьяного, да хворого какой спрос»; «Кому работать-то, остались пьяницы, старики, да молодежь вся больная».

3) «Заставь дурака богу молиться». Две вышеперечисленные группы можно считать крайними проявлениями «тихого» сопротивления, т. е. «тяжелой артиллерией» в арсенале «слабых». Более традиционное и распространенное «оружие слабых» — это демонстрация своей тупости, забитости, интеллектуальной и профессиональной неполноценности. Заставляя власти бесконечно объяснять, втолковывать, можно демонстрировать лояльность, не исполняя при этом требуемые властью действия. Это традиционное крестьянское: «Куда нам, дуракам, чай пить». Прикинуться простаком, «дурачком» всегда считалось крестьянской доблестью в общении с «городскими», «сторонними» — чужаками. Но иногда эта «игра» принимала прямо противоположный характер. Демонстрировалась «сверхактивность», когда субъект с «бешеной энергией» принимался за дело, стремясь «наломать побольше дров», чтобы в результате часть вины за содеянное легла на «власть», потому что она не все предусмотрела, плохо объясни-

ла и не научила. Финал тот же — демонстрация лояльности, впечатление «верного» человека, с которым, тем не менее, лучше не связываться. Примеров достаточно много. Это переломанная «от неумелого обращения техника», перепаханные «не там» и «не так» поля, затопленные мелиорацией земли на фоне замечания, что «настоящий хозяин так бы никогда не сделал».

4) «Довести до абсурда». Это как бы продолжение предыдущего вида «оружия». Например, для того чтобы добиться от властей желаемого или защититься от их вмешательства, существующую ситуацию доводят до абсурда. Приводят в окончательную негодность строение или технику, чтобы добиться средств для ремонта, или даже демонстрируют собственный плачевный внешний вид.

5) «Столкни лбами». В связи с увеличением аппарата управления, в хозяйстве появилось значительное число руководителей, дублирующих друг друга. Например, зав. фермой, зоотехник, главный зоотехник. Избежать наказания, судя по рассказам рядовых работников, за нарушение дисциплины или иные проступки можно было, используя силу взаимоисключающих распоряжений руководителей разного уровня. Тогда часто можно услышать фразы типа: «Мы не знаем, кого слушать. Вы сначала договоритесь между собой».

6) «Покровитель». Заручиться поддержкой и защитой высокопоставленного покровителя для обеспечения безопасности — одно из распространенных видов «оружия» слабых. «Покровители» в селе могли быть из числа хозяйственных и партийных руководителей, их жен или родственников. Для завоевания их расположения использовались оказание личных услуг или родственные связи. Особенно престижно было иметь «покровителя» из числа районного начальства, от которого зависели непосредственные руководители.

7) «Шантаж». В арсенале «оружия слабых» косвенный шантаж встречается довольно часто. В беседах с респондентами, когда они объясняют причины своих «неблаговидных» поступков, очень часто встречаются ссылки на аналогичные поступки представителей власти. «Они тоже воруют, пьют и...». Руководитель, за которым «водится грех», как правило, редко бывает «принципиальным и требовательным» к подчиненным, которые «в курсе» его деяний. Нельзя сказать, что все эти виды «оружия слабых» специфичны только для крестьянства. Нет, они присущи всем социальным группам общества. Различия только в масштабе и частоте применения. Кроме этого, следует учитывать специфику сельского образа жизни, например, публичность личной жизни крестьянина (любого сельского жителя), которое делает распрост-

раненным «шантаж». Или традиционную силу родства и землячества в поиске «покровителя».

Составление отчета

Хотя индивидуальный стиль неизбежно повлияет на то, как будет выглядеть окончательный отчет, существуют некоторые базовые идеи, которые могут улучшить представление качественных данных.

Для того чтобы облегчить составление отчета, важно вернуться к исследовательским вопросам и все время на них опираться, то есть привести описание, дать анализ и интерпретацию каждого исследовательского вопроса в определенном порядке и в одном месте отчета. Отчет должен быть свободно читаем, легок для понимания и по возможности, свободен от академического жаргона. Читателя должны впечатлять собранные данные, а не уровень академической подготовки исследователя.

Даже самый лучший отчет неизбежно должен будет опустить большое количество информации, собранной исследователем. Фокусировка отчета при этом должна быть на первом месте. Исследователи, которые попытаются включить все подряд, рискуют растерять своих читателей в неподъемной и необозримой массе материалов. Очень часто решение о том, что включить, а что оставить, дается тяжело и становится одним из самых мучительных шагов во всем исследовании. Но следует помнить, что эти мучения просто отражают проблемы фокусировки всей работы. Чем лучше поставлены исследовательские вопросы и чем в большей степени именно на них сфокусировано исследование, тем меньше проблем возникает при составлении итогового документа.

Баланс между описанием и интерпретацией

Одно из важнейших решений, которые приходится принимать в процессе написания отчета, является решение о том, какова именно должна быть доля описательного материала. Описания и цитирование информантов является одним из важнейших ингредиентов качественного исследования. Описания и цитаты должны быть включены для того, чтобы позволить читателю лучше познакомиться с ситуацией и с мыслями людей, поведение и мнение которых описано в отчете. Тем не менее описания не должны быть тривиальными и приземленными. Читатель не обязан знать абсолютно все, что было сделано или сказано, — и здесь вновь встает проблема фокусировки.

Хорошее описание не должно быть поверхностным или необработанным перечнем фактов. Это не просто запись того, что люди

делали. Оно должно проникать вглубь повседневных дел, не довольствоваться тем, что лежит на поверхности. Такое описание помогает понять детали, контекст, эмоции, тонкие нити социальных взаимоотношений, которые связывают людей, подчеркивает значимость опыта, последовательность событий для человека или группы людей. В таком описании слышатся голоса, чувства, действия, ценности взаимодействующих людей. Хорошее описание балансирует между анализом и интерпретацией, усиливая их и повышая их эффективность. Необозримое описание усложняет структурирование. Одна из целей анализа — организовать описание таким образом, чтобы оно стало управляемым. Интересный и читабельный отчет позволяет аудитории понять основы интерпретации, а интерпретация позволяет понять описание.

Сведения о проверке информации вряд ли следует выделять в особый раздел. Замечания в скобках о том, как информация была проверена, разбросанные по тексту, могут оказаться более полезными для читателя.

Вряд ли автору следует претендовать на одинаковую степень важности всех его результатов. Автор ответственен перед читателем за то, чтобы помочь ему определить силы и слабости различных частей описания, анализа и интерпретации. Качественный анализ не располагает экономными статистическими тестами определения значимости результатов, которые существуют у исследователей-количественников. В качественном анализе аналитик может лишь делать суждения, которые дают читателю ключи, позволяющие верить автору, правдоподобности и надежности приводимых им данных. В какой степени автор уверен в том, что его модели и интерпретации хорошо соответствуют фактам? Читатели могут составить свое мнение об этом, но мнения и оценки исследователя, который знает весь массив данных, также заслуживают того, чтобы их сохранили в итоговом отчете.

Краткое содержание работы

Отчет, как правило, бывает весьма объемным. Для того чтобы результаты работы были ясны читателю, автору следует научиться писать краткое и эффективное резюме всей работы. На одной-двух страничках необходимо представить главные результаты, заключения и обоснования того, почему им можно доверять. Резюме должно быть написано простым и ясным языком, в высшей степени отражать все важнейшие исследовательские вопросы и соответствовать логике и смыслу всего исследования. Следует помнить, что большинство чита-

телей, вероятнее всего, начнут с краткого изложения исследования, а потом обратятся к деталям работы, которые их заинтересуют.

Помнить о своей аудитории

При написании отчета всегда полезно понимать, кому именно предназначены результаты исследования. Кто эти люди, составляющие будущую аудиторию — студенты, коллеги из академического мира, политики или любознательные люди?

Техника написания отчета

Лучший способ научиться редактировать и переписывать текст, улучшая его качество — это проследить за тем, как совершенствовался текст на примере серии черновиков. Но прежде чем начать писать черновик, нужно обсудить работу над предметом изложения.

Некоторые люди любят работать над предметом систематически, открывая новые темы, задавая новые вопросы. Другие предпочитают менее структурированный, менее аналитический подход, новизность мозгового штурма. В последнем случае, как правило, пишут быстро и свободно, выписывая идеи беспорядочно, без жесткой увязки их друг с другом. Затем распечатывают то, что написали (для этого идеально подходят современные компьютеры с мощными текстовыми редакторами), отбраковывая одни темы и выбирая другие для будущего развития.

Ни один из способов не является «единственно правильным» или «универсальным». Скорее всего, правильны оба. То, какой именно способ будет использовать автор отчета, да и любого другого текста, зависит от его привычек, знаний о предмете и от самого предмета. Если мы пишем о том, что легко анализировать, или о том, что хорошо обдуманно, лучше всего использовать аналитический подход. Но если предмет менее определен, не обдуман, то при попытке использовать аналитический подход вполне можно попасть в затруднительное положение. В таком случае может оказаться, что лучше всего писать быстро, чтобы успеть зафиксировать на бумаге любые идеи в самом произвольном порядке, как бы они не были притянуты за уши.

Искусство задавать вопросы самому себе

При работе над текстом всегда полезно задавать себе вопросы: Что случилось? Как? Когда? Почему? Что вызвало это? Каковы были причины? Как можно определить предмет? Что это подразумевает? Какие пределы существуют для этого? Есть ли какие-либо исключения или огра-

ничения? Какие примеры существуют? Можно ли проанализировать этот предмет по частям или аспектам? Могут ли быть эти части сгруппированы тем или иным способом? С чего это началось? Что было потом? Чем все это закончилось? На что похож этот предмет? Чем он отличается? Имеет ли он преимущества или достоинства? Имеет ли он недостатки или дефекты? Что другие люди говорят об этом?

Разумеется, это все общие вопросы и они далеко не исчерпывают перечень тех, которые вообще можно задать. Другие предметы потребуют и других вопросов. Точно так же далеко не все из этих вопросов применимы в каждом случае. Обычно для того, чтобы развить тему, потребуется пять или шесть вопросов.

Чаще всего у нас уже есть темы для обсуждения и порой даже слишком много. Появляются новые вопросы: «На какой из этих тем я хочу сфокусировать свое внимание?» Или по другому: «Как я могу ограничить свой предмет?» Выбор не будет совсем произвольным. Он будет зависеть частично от наших интересов и амбиций. В толстой книге можно рассмотреть все эти темы. В десятистраничном тексте — лишь только две или три.

Мозговой штурм

Свободное изложение означает просто изложение идей на бумаге в оперативном порядке. Хитрость заключается в том, чтобы позволить чувствам и идеям свободно ложиться на бумагу. Нужно записывать все, не заботясь о последовательности, продолжая это делать без остановки. Пауза может привести к тому, что мы увязнем, как машина в снегу. Записываем все, что бы ни пришло на ум. Не следует бояться сделать ошибку или сказать что-нибудь глупое. Возможно, мы это и сделаем. И что из того? Мы пишем для себя и если не хотим рисковать, сказав какую-то глупость, то не сможем сказать и что-то умное.

Первые записи обычно не подводят окончательных итогов. Многие идеи спекулятивны и поспешно генерализованы; некоторые, вероятно, искажены. Темы еще разработаны поверхностно. Следующий этап — отвергая одни, выбирать другие.

Составление плана

Итак, мы выбрали предмет (или нам его предложили другие), исследовали его, продумали темы, подготовили о них всю имеющуюся информацию. Что делать сейчас? Готовы ли мы начинать писать?

Может быть. Но в первую очередь нам необходим план. Иначе не получится ничего, кроме неопределенного и рыхлого чувства цели,

того, что мы имеем в голове и о чем никогда не писали — то, что джазовые музыканты называют импровизацией. Иногда импровизация может сработать очень хорошо — если есть соответствующие способности и если мы полностью знакомы с предметом. Но порой все мы (и почти всегда большинство из нас) нуждаемся в осязаемом плане. Одна его разновидность — подробное изложение цели и намерений, другая — черновой набросок.

Изложение цели

Ничего сложного нет в том, чтобы в одном или двух параграфах описать то, что мы хотим сказать, как мы собираемся организовать это, что должны понять читатели, что они должны почувствовать, во что поверить. Параграфы написаны для себя, чтобы прояснить наши идеи и помочь нам определиться в дальнейших действиях. Не следует беспокоиться, что кто-то другой их прочитает, всегда можно сказать, что изложение цели очень трудно или вообще невозможно, и это означает, что мы просто не знаем на самом деле, в чем состоит наша цель. Но даже неудача ценна, поскольку она заставляет нас ответить на вопрос: «Какую цель я ставлю перед этой работой, чего я добиваюсь?» То, что люди не задают себя прямо этот вопрос до того, как начинают писать, и является одной из главных причин, почему писать статьи или книги так трудно. Дело не столько в том, что люди вообще не способны обдумывать то, что им нужно сказать, сколько в том, что они не думают, о чем хотят высказаться.

Черновые наброски

Набросок — способ разделить предмет исследования на его главные части, затем на подразделы и так далее, оформляя все более мелкие детали. Нас интересуют прежде всего черновые наброски, которые нужны только автору и могут быть составлены в любой произвольной форме. Начнем с вопроса: «Каковы основные разделы нашего сочинения?» Как далеко мы продвинемся в детализации пунктов плана, зависит от длины сочинения и от желания тратить время на планирование. Но чем более детальным будет план, тем проще будет писать. Хороший черновой набросок сам предполагает, где пройдут границы между параграфами, и те идеи, которые мы изложим в заголовках, являются зародышами названий тем и поддерживающих их абзацев и предложений. Следует помнить, однако, что любой план носит предварительный характер, он может и должен совершенствоваться. Не имеет значения, как долго мы думали над предметом или как тщательно мы пла-

нировали, реалии письма открывают непредвиденные вещи и обнаруживают слабость точек зрения, которые казались неоспоримыми. Набросок плана — это путеводитель, но изменяйте его без колебаний, если это необходимо.

Работа с черновиками

Черновик — это одна из первых версий текста. Большинство из нас не могут хорошо написать что-либо с первой попытки. Мы должны писать и переписывать. Плоды этих первоначальных усилий называются черновиками, в отличие от окончательной версии. Как правило, чем больше написать черновиков, тем лучше результат.

Для написания черновика следует придерживаться тех правил, которые предлагались для свободного письма. Пишите его смело, не боясь наделать ошибок. Черновик — это не окончательный продукт, это нечто предварительное и несовершенное. Написание текста стало бы почти невозможным, если пытаться писать одно идеально обработанное предложение за один раз. Можно много потерять в погоне за совершенством. Сделаем грубый, первоначальный вариант нашей статьи или отчета, затем усовершенствуем его и очистим от лишнего, всегда удерживая в голове общий смысл работы.

Не нужно задерживаться на небольших проблемах. Если в голову не приходит точное слово, можно выбрать пока какой-либо другой вариант и поставить значок на полях, чтобы напомнить себе о необходимости вернуться потом и поискать более точное слово. Все уточнения можно внести и позднее. Тем не менее, есть и свои пределы для сравнения черновика и свободного письма. Свободное письмо — это скорее вдохновение и открытие. Черновик обязывает. Мы уже знаем, что хотим сделать, и черновик — это ранняя версия организованного сочинения. Поэтому мы не так свободны, как в фазе мозгового штурма. Если мы попадаем в тупик при написании черновика, то должны вернуться и выбрать новое направление. Любая ошибка полезна, если подскажет нам, где бы мы не хотели оказаться.

Некоторые авторы предпочитают писать черновик карандашом, другие успешнее работают на машинке или компьютере. Если мы делаем черновик на листке бумаги, можно писать через строчку (или через два интервала на компьютере) и оставить большие поля, поскольку может понадобиться место для поправок. Если мы печатаем на машинке, можно установить на ней двойной интервал. Лучше использовать бумагу только с одной стороны, сохраняя другую сторону для обширных изменений или дополнений. Когда мы нумеруем страницы сво-

его черновика, хорошей идеей будет включить краткий идентифицирующий заголовок, хотя бы: «Первый черновик, стр. 1» или «Третий черновик, стр. 3».

Работая над текстом, следует прерываться и возвращаться к началу. Перечитайте то, что вы написали, скорректируйте текст, а затем напечатайте то, что вы сделали. После того, как исследователь видит свои мысли в напечатанном виде, он обычно успокаивается и воспринимает работу совсем по-другому. Если нет пишущей машинки или компьютера, можно переписать этот раздел хорошим почерком, хотя печатная страница всегда лучше воспринимается, чем рукописная. Но, тем не менее, результат скорее всего будет примерно тем же. Затем можно вернуться к черновику; поработать над следующим разделом, снова остановиться и вновь напечатать. Чередование между написанием черновиков и печатанием на машинке или компьютере снимет напряжение постоянного письма и позволит сделать паузу и поразмышлять над тем, что уже закончено и что нужно сделать дальше.

Это советы, а не догмы. Люди отличаются друг от друга своими привычками, и то, что хорошо работает в одном случае, плохо в другом. Лучшее правило — найти время и место для письма, которое позволит нам работать продуктивно и следовать процедуре, которую мы считаем близкой и удобной. Для кого-то предпочтительнее писать зелеными или красными чернилами, составить черновик для всего десятистраничного отчета и затем перепечатать все сразу вместо того, чтобы переходить от раздела к разделу. Поступайте так, как считаете нужным, не нарушая своих привычек.

Подготовка черновиков и их доводка — творческие процессы, имеющие свои отличия. Черновая работа — более самопроизвольна и поверхностна, доводка — более скрупулезна и критична. Как авторы черновика мы не отвлекаемся на небольшие проблемы. Пересматривая вариант, мы превращаемся в требовательного читателя, критически оценивая написанный текст. Когда мы пишем, то видим наши слова как бы изнутри, знаем, что хотим сказать, и просто не замечаем ошибки или места, которые окажутся загадочными для читателей. Когда же мы пересматриваем текст, то ставим себя на место читателя. Конечно, мы не можем перестать быть самими собой, но можем оценить то, что читатели знают и чего они могут не знать, во что они верят и что считают важным. Мы можем спросить себя, на самом ли деле то, что ясно для нас, столь же очевидно и для них.

Чтобы получить эффект от пересмотра текста, следует читать его медленно. Некоторые люди при чтении текста могут осмысливать

строчку за строчкой. Другие читают свою работу вслух. Это более эффективно (хотя и не всегда возможно). Чтение вслух не только замедляет наш темп, оно дистанцирует нас от слов, усиливая объективность, которая необходима для успешного пересмотра. Более того, это создает и другое ощущение: мы как бы слышим нашу прозу и одновременно видим ее. Слух часто более надежен, чем глаза. Он обнаруживает неуклюжесть в структуре предложения или раздражающие повторения, мимо которых проскальзывает взор. Даже если мы точно уверены в своей правоте, попробуем увидеть текст в целом и поработать над каждым предложением, пока они не станут лучше. Одна из возможностей улучшить текст — дать послушать его другому и получить дружеские пожелания или критику.

При доработке текста следует работать карандашом (лучше другого цвета). Смело делайте пометки в тексте. Вычеркивайте неточные слова, вставляйте более точные термины над ними (используйте преимущество пропущенных строчек). Если при чтении возникла другая идея и или желание использовать какой-то новый термин, можно написать новый вариант на полях, пусть он будет довольно приближенным, поскольку потом всегда можно вернуться и внести изменения. Если этот кусок изложен неясно, следует его отметить, чтобы в дальнейшем поработать над ним. Если вам кажется, что существует разрыв между параграфами или между предложениями одного параграфа, можно нарисовать стрелку от одного к другому со знаком вопроса. Будьте безжалостны, вычеркивая все лишнее.

Наиболее фундаментальный принцип при переработке текста — достижение большей ясности. Если мы полагаем, что данное предложение может оставить читателя в недоумении, следует задать себе вопрос — почему, и пересмотреть его снова. Точно также важно расставить ударение. Усиливайте важные куски, выражая их коротко или необычно. Ищите еще неподтвержденные обобщения. Меняйте композицию слов и предложений, чтобы выделить наиболее важные идеи. Даже если они очевидны, ценность обобщения возрастет от иллюстративных деталей. Избегайте неуклюжего повторения одного и того же слова. Заменяйте неясные абстрактные термины более точными, и тогда текст станет более емким, вызовет дополнительные мысли. Обращайте внимание на тон изложения: не обижайте читателя и не становитесь в позу. Старайтесь не делать грамматических ошибок, правильно употребляйте и пишите те или иные слова. Убедитесь в том, что ваша пунктуация соответствует правилам. Избегайте манерности в изложении. Многим из нас присуще часто начинать предложения со

слов «однако», «также» и «кроме того», прерывать предмет изложения, писать длинные, сложные предложения, нанизывая один на другой деепричастные обороты. Например, словосочетание «тем не менее», встречаясь в параграфе один раз, может работать хорошо, два — привлечет внимание читателя, три — заставит его начать ерзать.

Сколько черновиков и пересмотров нужно сделать — зависит от нашей энергии, амбиций, времени. Большинство авторов считают, что было бы не совсем правильно останавливаться после того, как они написали всего один черновик. Разве мы менее требовательны к себе и к тексту, чем Лев Толстой, переписавший восемнадцать раз свою «Войну и мир»? Многие издатели согласны принимать ограниченное число исправлений. Некоторые хотят работать с уже чистой копией — с полностью готовыми страницами, без всяких исправлений, дополнений или помарок.

Проблема надежности

Вопрос надежности для качественного исследования зависит от двух различных, но взаимосвязанных элементов: 1) строгой техники и методов сбора качественных данных, которые тщательно анализируются, с вниманием к вопросам валидности, надежности и триангуляции; 2) надежности исследователя, которая зависит от тренированности, опыта и статуса. Следует особо подчеркнуть роль исследователя, поскольку именно он является инструментом для сбора данных.

Надежное качественное исследование должно быть обращено к двум следующим вопросам: 1) Какие техники и методы были использованы для обеспечения интегральности, валидности и точности результатов? 2) Что исследователь приносит в исследование с точки зрения квалификации, опыта и перспектив?

Техники для улучшения качества анализа

Частично качественный анализ зависит от концептуальных способностей аналитика. Но в анализе есть также и техническая сторона, которая требует аналитической точности, воспроизводимости и систематичности. Исследователь-качественник обязан быть методичным в сообщении важных деталей сбора данных и процессов анализа, для того чтобы позволить другим судить о качестве исследовательского проекта.

Полнота анализа: проверка конкурирующих объяснений

Как только аналитик закончил описание моделей, связей и нашел посредством индуктивного анализа правдоподобное объяснение,

важно поискать конкурирующие темы и объяснения. Этот поиск может быть индуктивным или логическим. Индуктивный поиск включает попытки найти другие способы организации данных, которые могут привести к иным результатам. Логический поиск означает необходимость продумать логические возможности и затем посмотреть, можно ли их подтвердить данными.

При рассмотрении конкурирующих схем и объяснений главный приоритет отдается не возможности опровергнуть их, а скорее тому, чтобы найти данные, которые поддерживают эти альтернативные объяснения. Неудача в поиске подтверждающих свидетельств для альтернативных способов представления данных или противоположных объяснений помогает увеличивать доверие к оригинальному, принципиальному объяснению, которое вырабатывает аналитик. Вероятнее всего, эти сопоставимые альтернативные объяснения или просмотр данных, поддерживающих альтернативные модели не приведет к ясному «да, есть поддержка» или «нет поддержки» для разных объяснений. Это уже вопрос рассмотрения веса свидетельств и их постоянного просмотра для поиска лучшего соответствия между данными и анализом. В тексте отчета важно отметить, что в ходе анализа данных альтернативные классификационные системы, темы и объяснения рассматривались и «проверялись». Такая информация будет свидетельствовать о полноте анализа и придаст надежность окончательным результатам, которые предлагает аналитик. Ниже, в качестве иллюстрации проблемы мы приведем два взгляда на одного и того же человека. Какое объяснение выбрать, на чью точку зрения встать? Может быть, истина находится посередине, а может быть где-то в другом месте и оба этих взгляда ошибочны?

Пример двух взглядов на людей и события

Пример первый:

«...Все было бы хорошо, если бы директор поменьше себе хапал. Вон какой дом себе отгрохал — один забор три метра высотой. Собаки там бегают, оружием запаса... Он на фабрике-то и не показывается, все свои дела дома решает. Пока дорога-то сухая, еще может заехать, — электрика или какого-нибудь другого специалиста с работы «сдернуть», отправить что-нибудь себе делать. При Жукове такого не было. Он каждый день сам лично в любую погоду обходил все птичники. Он и себе ничего не брал, и у других даже мысли не было что-то утащить. Зато Жуков всю жизнь в типовом домике живет. А этот нанял свору бездельников — охрана называется. Оклад им положил — 450 тысяч рублей. А

у шофера — 200. Те ходят, ничего не делают, а я работаю почти без выходных. И машины свои мы должны сами в порядке содержать. А по-пробуй-ка, когда запчастей нет. А тем же главным специалистам машины ремонтируют, смазывают, все что положено — делают в мастерской. Их главная обязанность — содержать в порядке машины главных специалистов. Этих мастеров подкаблучниками называют — потому что у многих из них Москвич-Иж «Каблучок». Я тут как-то смотрю — проехал в город директор — один, за ним главбух — тоже одна, за ней зоотехник — тоже один. Неужели нельзя всех посадить в одну машину и отвезти, кого куда надо. Да и ехали-то, скорее всего, в одно место — или на мелькомбинат, или в Птицепром. А директор потом кричит: «Экономьте бензин». Я когда на автобусе работал, помню, назначается время, когда я еду в город, все специалисты, кому надо — садятся, и я всех развозил, потом в определенном месте собирались и я всех вез обратно. А тут ведь — для главбуха специального шофера держат, сейчас увольняется А.М. — зоотехник, на его место женщину ставят — жену главного инженера — она же не будет сама ездить, значит, ей тоже шофер нужен. А директор и может сам, а все равно у него личный шофер — сын. И зарплата у него, наверное, побольше, чем у нас. Эти специалисты, особенно завгар и снабженцы, только и катаются туда-сюда. Каждый по своим делам. Завгар какую дачу себе построил! Огромный крепкий дом, с хорошей печкой, со всем. Это на зарплату в 400 тыс.? Все они любят прибедняться, бедненькими себя показывать. Хоть этот Ванька-Ушастый, мы его так и зовем — Ушастый, — председатель садоводческого товарищества. Себе машину купил, сыну машину купил, зятю — машину, дачу построил — что надо. Везде без мыла пролезет и вылезет, главный директорский наушник — чуть что, сразу бежит докладывать. Я тут как-то попросил женщин на птичнике оставить мне тарелку яйца (3 десятка) — они без базара, когда кто просит — всегда оставляют. Донес уже почти до магазина на поселке, смотрю — Ушастый едет. Увидел меня — и сразу директору докладывать. Не поленился прибежать в магазин (может, я там купил!) — узнал, что там нет яйца в продаже — и давай орать на все село: «Я вас всех выловлю, все ворье переведу! Все равно на чем-нибудь поймаю». А через некоторое время сам ко мне подкатывает: «Ты ссыпь мне пару мешков комбикорма». У меня и глаза на лоб полезли: разыгрывает, что ли? Нет, серьезно. «Не знаю, — говорю, — как получится». С ним связываться — себе дороже. Я был с ним в правлении этого самого товарищества, когда оно только-только начиналось. Меня, так сказать, народ выдвинул. Остальные-то все были директором назначены. Дали мне участок на хорошем месте, чтоб помалкивал, а то я все «выступал» по-первости.

А потом как-то на собрание не смог придти, они меня и исключили из правления. А я думаю: «Ну ладно». Участок я себе хороший взял и влезать в их дела у меня охоты нет. А участок я потом продал. Когда брал, думал, для брата, а ему потом под городом дали. А мне зачем? У меня 15 соток под картошку, да 2 сотки овощник — мне вполне хватит. У нас все почти брали или кому-то или чтоб продать. А с продажей что делалось? Правление хорошо себе руки на этом погрело. И участков себе по 2, по 3 забрали. У директора, говорят, 5 было, он уже все продал. Ну, по документам-то там все гладко, конечно, ни к чему не придерешься. Они там друг с другом делятся. А сейчас уже ничего не перепадает, землю всю продали, так и стали уходить из правления, больше там нечего делать. Но Ушастый-то все равно не уйдет, он только так говорит. Его туда директор поставил, чтобы своя рука там была. Ему что директор скажет, то он и делает. И чуть что — бежит докладывать.

...Пока директора не было, все у нас шло нормально. И яйцо продавалось, и платежки на мелькомбинат каждый день шли по 70 миллионов. Мы уж думали: все, выбрались, опять на ноги встаем. Главный экономист посчитал, что деньги есть, можно рабочим в два раза зарплату повысить. Ждали директора, чтобы он распоряжение отдал. А он пришел с больничного (загорелый), говорит: «Какие деньги? откуда у вас деньги?». И все, опять по-старому пошло. Платежки посылаем через раз, и то по 40, по 50 миллионов.

— А куда же деваются деньги? Он что, в карман берет каждый день по 20 млн.?

— Да что ты, больше. Мы же всего не знаем. Они с главбухом на пару такие дела проворачивают... И никто не пикни. ...Правда, сокращать никого не стал. Сказал только, что если кто провинится (пьяный придет или опоздает, или еще чего...), чтоб сразу увольняли, без разговоров».

Пример второй:

«...те же проблемы и остались, и добавились еще новые.

Проблема кормов — она была, есть и будет. Мелькомбинаты, которые производят для нас корма, не заинтересованы и не зависят от наших результатов (привесы, получение яйца). Рынок сбыта нашей продукции остался диким. И, я думаю, он и в ближайшее время будет диким. Затраты на нашу продукцию растут семимильными шагами, а цены на нашу продукцию почти не растут. Это увязывается в первую очередь с неплатежеспособностью населения. Не потому, что люди не хотят есть нашу продукцию, а потому, что им не на что ее купить.

Корма мы получаем на мелькомбинате.

— Только на одном?

— Да. И добавилась проблема — нигде нет сырья. То есть, не из чего готовить корма. Комбикорма готовятся из нескольких компонентов, это набор зерносмеси — кукуруза, пшеница, ячмень, овес, просо — минимально 5–6 компонентов. На сегодняшний день на мелькомбинатах имеется только ячмень. Руководство мелькомбинатов вроде бы бегают по всей России, пытаются выйти за рубеж, но сырья нет. И будет ли оно в новом урожае — а его ждать еще 4 месяца (до июля, когда южные области начнут производить уборку) — трудно сказать что-то положительное. А раз нет набора кормовых компонентов для производства комбикормов, соответственно, и отдача наша резко падает — поголовье, привесы. Ну и опасения, что может подойти день, когда на мелькомбинате не будет и последнего сырья — ячменя.

За последние три года поголовье птицы мы выдержали на уровне. Вот как сбросили три года назад 20–30%, так и держим. Тенденции на сегодняшний день сокращать — нет. И я считаю, что не надо этого и делать. Надо производить продукты питания. Кормовые резервы — по существующим на сегодняшний день 600 га пашни — мы производим только травяную муку, полностью закрываем потребности по фабрике, и корма для фермы на 200 коров и 300 голов шлейф крупного рогатого скота.

— 600 га — это фабричная земля?

— Да, и ферма, и земля принадлежат п/ф.

Резервы по существующим земельным угодьям — 600 га пашни — мы производим только травяную муку, в полном объеме потребности закрываем по фабрике и корма для фермы — на 200 коров и 300 голов (шлейф) крупного рогатого скота. Ферма принадлежит нам.

Птицы сейчас держим 189 тысяч голов взрослой и 100 тысяч голов молодняка.

— Расскажите о сбыте продукции.

— Сбыт продукции идет в область. Основной потребитель — это город. Торговля сейчас не берет нашу продукцию, не знаю, почему. Торгуем «с колес». Продаем 90% яйца с машин, 60% мяса с машин и на сегодняшний день 90%, а с завтрашнего дня, когда пойдет второй молоковоз, — все 100% молока будем продавать с колес. Это удобнее и выгоднее. Если мы сдаем молоко на молокозаводы — то по 400 рублей за литр, а в розницу продаем до 1300 за литр, и люди очень хорошо берут наше молоко, потому что это не разбавленное, свежее парное молоко с жирностью до 4%.

В районный центр нашей продукции поступает примерно 10% — это яйцо. Мясо мы туда практически и не поставляем, молоко не по-

ставляем, потому что там поблизости есть Завидовская птицефабрика, она туда поставляет.

Объем продаж в рублях — где-то 1 миллиард 200 млн. в месяц — птицы, молока, мяса.

Что касается проблемы дисциплины в хозяйстве — на сегодняшний день коллектив, рабочие, очевидно, почувствовали положение дел в стране, в области, в районе и у нас дисциплина на сегодняшний день, можно сказать, идеальная.

— Это связано с безработицей?

— Связано. И когда мы сокращали производство — на 20%, потом на 10%, в общей сложности на треть, мы, конечно, освободили всех... таких... (делает характерный жест).

По сокращению штатов мы никого не сокращали, единственно, в декабре 1993 года вывели пенсионеров, которые работали положенный срок, ушли на пенсию и продолжали работать. Встал вопрос — либо сокращать рабочих, оставлять пенсионеров, либо... мы приняли решение, совместно с профсоюзной организацией, вывести пенсионеров. А основные кадры сохранились. Вывели в 1993 году 23 пенсионеров.

— Есть ли у вас рынок специалистов, или вы зависите от тех, кто у вас работает?

— Заменить можно. Один вопрос — это вопрос жилья. Как можно привезти специалиста извне, откуда-то, не обеспечив его жильем? Жилья на сегодняшний день у нас нет, и ничего мы не строим.

Нет ни жилого, ни промышленного строительства из-за нехватки средств. Кредитов мы набрали миллиард, на сегодняшний день половину мы где-то погасили, но, тем не менее, еще полмиллиарда остается.

Заработная плата зависит от продуктивности птицы, привеса цыплят, от надоев, то есть напрямую связана с прибылью предприятия.

Для наших рабочих и служащих — в коллективе у нас 420 человек, если нет нарушений трудовой дисциплины, по итогам месяца мы собираемся всем командным составом, приказом оформляются, отмечаются нарушители, лишаются льгот (льготы — это 60 яиц и 3 кг мяса в месяц бесплатно) и 30% премии ежемесячно. Если есть нарушения, нарушитель этими льготами не пользуется. Нарушения — прогулы, пьянка, это еще процветает в какой-то мере, — и есть нарушения технологического процесса. Льготами пользуются и пенсионеры, которые ушли уже с фабрики. Они получают 30 яиц бесплатно и 2 кг мяса.

Мы первые в области ввели эти льготы и поначалу нас не понимали, все возмущались в Птицепроме: как так, почему бесплатно? Но это, между прочим, позволило и укрепить дисциплину, меньше стали

воровать. Свои практически перестали воровать. Зачем им рисковать, лишать себя льгот и премии? К тому же, если на фабрике работают и муж и жена, то (делает жест рукой).

География командировок у нас очень обширна: Казахстан, Мурманск, Украина, Краснодар, Ставрополь, Курск, Брянск, Орел, Москва, Вологда. Основные вопросы — это племенное яйцо, кормовые добавки, зерновые массы, чтобы как-то обогатить рацион: тот комбикорм, который мы получаем с мелькомбината, недоброкачественный. Это и оборудование птицеводческое. Мы в этом году ни одного комплекта не заменили, но в декабре месяце приобрели два комплекта птицеводческого оборудования для несушек, в этом году заменили, обновили два цеха. Закупили техники. Тракторов приобрели 12 штук, 9 автомобилей новых приобрели, кое-что для реконструкции — ведем реконструкцию, обновляем производство...

Свободы больше, конечно, стало, самостоятельности. В вышестоящую организацию только отчетность сдаем, цифровую отчетность. На сегодняшний день, если есть деньги на счету, можно все приобрести помимо вышестоящих организаций, с выходом напрямую на заводы-изготовители.

С главой райцентра (администрации района) встречи есть — деловые, конечно. Бывает, и мы ездим; на совещания масштабные, районные, туда вызывают по приглашению. Но поддержка какая? — моральная, психологическая... Финансовой практически нет. Хотя потуги и были от Тидо, главы администрации района, в частности, по реконструкции котельной — мы заменили в прошлом году два котла, оставались вообще без тепла зимой — но с большими усилиями, с большой нагрузкой, отвлечением денежных средств на реконструкцию котельной. Было желание, район обещал помочь, но ни копейки не помогли. Из областного бюджета — 220 миллионов на реконструкцию — то, что было записано в титуле, выделено на сегодняшний день 50 миллионов. Конечно, обещают до 10 мая, согласно постановлению Черномырдина, рассчитаться с долгами, но как это будут делать, не знаю.

В город часто приходится ездить. Во-первых, это вопросы тесного контакта с мелькомбинатом, вопросы кормов. Технологи практически каждый день, через день ездят. В Московский Птицепром. В частности, были попытки на ремонт котельной из республиканского бюджета привлечь какую-то массу денег — не получилось. Но, правда, Птицепром помог по реконструкции 12-го цеха, из республиканского бюджета. 350 миллионов обещали, выделили 265. Осталось 85 миллионов — они уже освоены, но думаю, что в мае, согласно распоряжению Черномырдина, рассчитаются.

— Расскажите о налогах. Как много их, насколько они оправданы с вашей точки зрения.

— Налоги все направлены против производства и против руководителя. Сейчас по любому пункту любого руководителя можно садить... (сажать в тюрьму). Ну, сейчас-то не садят, но минимальными зарплатами задушили практически... Много непонятого в налоговой политике. Казалось бы, налоговая политика должна работать на производителя, помогать ему, а практически душит. И сколько ни выходили на совещания — и на уровне района и области, ставили этот вопрос и ставится он всегда руководителям, чтобы рассказали конкретно, над чем нам работать, какие именно не допускать ошибки в налоговой политике, и никто конкретно ничего не объясняет. Говорят: читайте указы, читайте постановления. Но помимо указов и постановлений идет масса инструкций, которые мы не улавливаем, они идут напрямую в налоговую инспекцию. Потом приезжают, ставят перед фактом. Мы не ведаем, не знаем. Но пока на сегодняшний день нарушений не зафиксировано, стараемся их не допускать.

Были какие нарушения — оформляли дотацию на продукцию, которую реализовали с колес, налоговая инспекция, статуправление это уловили, что, якобы, это не правильно, лишили нас дотации — в частности, по прошлому году нас лишили 20 миллионов, спасибо Суслову с Бобковым, которые поняли положение дел и дали распоряжение производить зачет реализованной с колес продукции.

А социологическое обследование потребительского рынка показало, что народ доволен нашей продукцией, которой торгуем с колес.

Торговля давит, душит сама себя этими процентами, накрутками необоснованными. Что такое на 20% повысить цену на нашу продукцию — допустим, на яйцо? Мы продаем на сегодняшний день по 2600–2700 рублей за десяток, в зависимости от категории яйца — 20% накрутить — получается уже 3200–3300 (в магазинах бывает по 4500 — значит, магазины накручивают гораздо больше). Нам произвести, включая все затраты — по 2600, а чтобы переложить этот десяток яиц — 600 рублей накручивают. Это непонятно и потребителю, и нам непонятно.

Мы — государственное предприятие, и весь коллектив, все специалисты, рабочие, решили, что акционирование ни к чему. Не надо изобретать ничего нового, не изобретать тот велосипед, который уже давно изобретен и оправдан 70 лет — птицеводство...

— Нам сказали, что когда начались разговоры об акционировании, у вас было собрание...

— Да, было собрание... Но люди не понимают, потому что люди почувствовали и увидели плоды этой всей приватизации и на примерах других хозяйств — это ничего не дало, только растащили все — и корма, и основные средства и, практически, колхозы и совхозы, те предприятия, которые приватизировались, они распались.

— Даете ли вы землю своим рабочим под индивидуальное строительство?

— Да, выделяем землю для сельского Совета, а глава администрации нашего округа делит это по заявлениям.

— Вы свою землю выделяете?

— Конечно, чужую же не выделишь.

— Тогда получается, что если вы помогаете кому-то строиться, то уменьшаете тем самым свои пастбища, меньше заготавливаете кормов?

— Да, так оно и есть.

— А как здесь найти золотую середину? Ведь кормов вам и так не хватает?

— Ну, золотая середина — это повышать плодородие, повышать отдачу гектара пашни. Сейчас мы выделили землю под строительство гаражей. Худо ли, бедно ли — говорят, мы плохо живем, но личный парк автомобилей растет. Ну надо же где-то выделить эту землю — ведь не за Волгой же, не в соседнем хозяйстве... Это же для наших рабочих. И для строительства индивидуального жилого сектора тоже выделяем, здесь препон не ставим, если будет строительство, значит, будут жить на селе. Это мы понимаем. Как ни тяжело — но у кого есть возможности, Бога ради. Для своих рабочих помогаем техникой бесплатно. Конечно, материально и финансово у нас нет возможности помочь, но техникой, которая имеется у фабрики в наливии, конечно, поможем.

Несколько раз нас «кидали». Прошлой зимой въехал на территорию КАМАЗ, туда загрузили продукцию и вывезли с территории. Так потом никого и не нашли. Они подгадали это сделать между обходами территории. Обходы проводятся раз в 40 минут, а они управились за 20. Все было у них рассчитано очень точно, они прекрасно знали наш график обходов. Наверняка навел кто-то из своих. С тех пор мы завели настоящую охрану. Держим собак, взяли на работу 15 парней, одели их, купили им рации, газовое оружие. Охраняют весь периметр.

Другой случай — недавно нас ограбили на 13 миллионов. Дело в том, что товар мы отпускаем так: выписывается накладная, ее оплачивают в бухгалтерии и несут на склад, где отпускается то, что закупили. Приехали, выписали накладную, но в бухгалтерию не пошли,

а поставили поддельную печать и подпись. Вечером стали снимать кассу — денег нет. И, главное, номера известны, но никак не докажешь. Посмотрели их подделку — сделано так, что совершенно не отличишь — только цвет их печати чуть-чуть отличается от нашей. Мы тут всех построили, все начеку, ждем их, вдруг опять приедут. И точно, приезжают на BMW накачанные парни и с ними — три ЗИЛа. Но они видят, мы знаем, что это они были, купили по 10 коробок яиц для отвода глаз в нашем магазине, и уехали ни с чем. И здесь без помощи своих не обошлось — кто-то же им подсказал, как сделать, дал оттиск печати для изготовления подделки.

Мафия местная ко мне часто приезжает. Проходят в кабинет, угрожают. Они хотят, чтобы им продукцию отдавали по низким ценам, а они бы всю прибыль себе оставляли. Милиция не работает совершенно, хотя ее начальник у нас живет. Но пока держимся.

Какой я руководитель, мне трудно судить — вы лучше у людей спросите, но стараюсь с них требовать. Из специалистов только одному из десяти можно доверять, за остальными глаз да глаз нужен. Если приходится наказывать — некоторые люди это нормально воспринимают, а некоторые ругают, грозятся. Вот дом мне сожгли. Но все равно, я на своем смогу настоять.

Негативные случаи

С проверкой альтернативных конструкторов тесно связан поиск негативных случаев. Там, где идет речь об идентификации моделей и трендов, наше понимание происходящего будет заметно усилено при рассмотрении тех примеров и случаев, которые этим моделям не удовлетворяют. Это могут быть исключения, которые доказывают правило. Они также могут расширять правило, менять его или сеять сомнения в его справедливости.

Нет никаких четких инструкций о том, как искать негативные случаи и альтернативные гипотезы, сформированные на основе имеющихся в нашем распоряжении качественных данных. Обязанность аналитика — продолжать поиск до тех пор, пока новые негативные случаи не перестанут появляться.

Вероятно, наиболее интересными разделами отчета могут оказаться те, в которых содержится обсуждение альтернативных объяснений и причин несоответствия определенных случаев главным моделям. Иногда этот раздел, если к тому же он хорошо написан, может читаться как детективная история, в которой аналитик получает улики, уводящие его в разных направлениях, и пытается рассор-

тировать их так, чтобы найти те, которые лучше всего соответствуют имеющимся данным.

Более того, весь тон отчета становится иным, когда исследователь открыто намеревается рассматривать другие возможности, а не те, которые он рекомендует в окончательном варианте работы как наиболее приемлемые. Сравните такой подход взвешивания альтернатив с отчетом, в котором все данные ведут, в нарастающем крещендо, по направлению к ошеломляющей презентации одной-единственной точки зрения. Великолепные модели и всеобъемлющие объяснения, вероятнее всего, будут встречены скептически, и на это есть основание: мир людей — это не механические часы, он не организован в необыкновенном порядке и любое исследование никогда не будет считаться полным, окончательным и «закрывающим тему». Безусловно, глубокое и искреннее внимание к сложностям и дилеммам, которые предлагают негативные случаи, интеллектуально честно и стратегически выгодно.

Триангуляция

Выше уже отмечалось значение использования различных методов сбора данных для изучения одного и того же явления. Но наибольшие дивиденды стратегия триангуляции способна принести именно на стадии анализа данных. В целом существует четыре типа триангуляции, которые способны внести вклад в проверку и обоснованность качественного анализа. Это проверка устойчивости результатов, полученных при помощи разных методов сбора данных, т. е. методическая триангуляция; проверка устойчивости различных источников данных в пределах одного и того же метода, т. е. триангуляция источников; использование нескольких аналитиков для обработки данных, т. е. триангуляция аналитиков; и, наконец, использование нескольких теорий для интерпретации данных, т. е. теоретическая триангуляция.

Комбинируя наблюдателей, теории, методы и источники данных, исследователи могут надеяться на то, что преодолению смещения, неизбежного при подходе к исследованию с одним-единственным методом, одним наблюдателем, одной теорией.

Триангуляция методов: примирение качественных и количественных данных

Триангуляция методов часто основана на сравнении данных, собранных некоторыми видами качественных методов, с данными, полученными при помощи количественных методов. Этот процесс сравне-

ния не всегда является прямым, поскольку качественные и количественные методы отвечают на разные вопросы, и их ответы нелегко объединить, чтобы сформировать целостную картину социального мира. Впрочем, конфликты между двумя типами данных — скорее результат измерения разных вещей, хотя то, какой именно тип методов лучше выбрать, далеко не всегда очевидно. Проблема также и в том, что не все исследователи одинаково свободно ориентируются и в количественных, и в качественных методах, и процедуры для их одновременного использования все еще не разработаны. Обычно один тип анализа играет основную, а другой — второстепенную, вспомогательную роль, в зависимости от природы исследования и пристрастий исследователей. Данные наблюдений принято использовать для «генерирования гипотез» и «описания процессов», а количественные данные используются для «анализа последствий» и «проверки гипотез».

Исследователь, использующий различные методы для исследования одного и того же явления, не должен ожидать, что результаты, полученные разными методами, автоматически будут согласованы между собой. Напротив, следует приготовиться к конфликту результатов, полученных с помощью качественных и количественных методов. Можно также ожидать, что эти результаты будут получены с разной степенью надежности.

Триангуляция источников качественных данных

Второй тип триангуляции включает триангуляцию источников данных, то есть сравнение и проверку устойчивости информации «внутри» качественных данных, относящейся к разным временным периодам и полученной разными способами. Это означает: сравнение результатов наблюдения и результатов интервью; сравнение того, что люди говорят публично, с тем, что они говорят в частной обстановке; проверку устойчивости того, что говорят люди об одних и тех же вещах в разное время; сравнение того, что говорят люди, играющие разную роль в изучаемых событиях. Это означает также перекрестную проверку информации, полученной в ходе интервью с помощью использования письменных источников, которые могут подтверждать, а могут и не подтверждать то, о чем говорят респонденты в ходе интервью. Такая триангуляция документального анализа, историй жизни респондентов и этнографического включенного наблюдения может заметно улучшить результаты.

Как и триангуляция методов, триангуляция источников данных редко ведет к одной-единственной устойчивой картине. Самое глав-

ное — выявить различия и понять, почему они существуют. Тот факт, что данные наблюдений дают иные результаты, чем интервью, не означает, что один из этих методов сбора информации или даже оба из них негодны, хотя и это не исключено. Вероятнее всего, это означает, что разные типы данных описывают разные вещи и поэтому аналитику крайне важно понять причины этих отличий. В то же самое время устойчивость общих структур данных, полученных из разных источников, и приемлемые объяснения различий в данных их разных источников существенно повышают надежность результатов.

Аналитическая триангуляция

Третий вид триангуляции — исследовательская или аналитическая триангуляция, то есть использование нескольких наблюдателей или аналитиков. Триангуляция наблюдателей или интервьюеров помогает сократить потенциальное смещение, которое является в том случае, если данные будет собирать один-единственный человек, и представляет собой эффективное средство непосредственной оценки надежности и валидности полученных данных. Триангуляция наблюдателей обеспечивает проверку смещения при сборе данных. Триангуляция аналитиков подразумевает независимое использование нескольких человек, обрабатывающих одни и те же данные и затем сравнивающих свои результаты. В частности, один из аналитиков может сосредоточиться на сборе фактов, подтверждающих гипотезу, в то время как другой будет искать факты, которые могли бы ее опровергнуть.

Другой подход к аналитической триангуляции — демонстрация респондентам полученных результатов и фиксирование их реакции. Только так можно получить ответ на вопросы, в какой степени интерпретации заслуживают доверия, не вызывают ли они внутреннего отторжения у респондентов, убеждает ли интерпретация самих участников событий, в какой степени они соглашались с ней, а в какой — нет? Их реакция может быть зафиксирована на пленке или на бумаге и использована как составная часть данных.

Теоретическая триангуляция

Четвертый тип триангуляции включает использование различных теорий при рассмотрении одних и тех же данных. Ряд общих теоретических конструкций берет свое начало в различных интеллектуальных и дисциплинарных традициях. Например, наблюдения над

группой, общиной или организацией могут быть интерпретированы с точки зрения Маркса или Вебера, с конфликтной или функционалистской позиций. Цель теоретической триангуляции — понять, как на результаты влияют различные предположения и фундаментальные предпосылки.

Связь методов и данных

Одним из возможных источников искажений результатов качественных исследований могут быть решения исследователя, связанные с организацией всей работы, в частности, со стратегией формирования выборки или выбора периода, когда исследование было проведено.

В качественном исследовании возможны три типа ошибок выборки. Первая потенциальная ошибка — смещение из-за ситуаций, которые были выбраны для наблюдения (поскольку никогда нельзя наблюдать все), вторая — искажения, связанные с временем наблюдения; третья — смещение из-за ошибки в выборе респондентов для наблюдения или интервью.

Учитывая влияние этих стратегий по формированию выборки, можно вернуться к причинам, которые заставляли сделать первоначальное решение. Если решения, касающиеся организации исследования, принимались на основе вопросов, которые должны были быть изучены, и заключения ограничены данными условиями, искажения не могут быть серьезными. Но искажения неизбежно усиливаются при попытке генерализации результатов для других ситуаций, других временных периодов и других респондентов.

Надежность исследователя

Поскольку исследователь сам является инструментом в качественном обследовании, отчет должен включать информацию и о самом исследователе. Какой опыт, знания он приносит в поле? Какие личные связи он имеет с изучаемым явлением и людьми? Кто оплачивает исследование и каковы условия договора с исследователем?

Общий принцип заключается в том, чтобы сообщить о себе личную и профессиональную информацию, которая может повлиять на сбор данных, анализ и интерпретацию — все равно, в позитивном, или в негативном смысле. Сам исследователь не обязан оправдываться или отвергать влияния каких бы то ни было обстоятельств на результаты — читатель его отчета вправе иметь возможность самому сделать соответствующие выводы.

Эффект исследователя

Существует несколько типов влияния (искажающего влияния) исследователя на результаты. Среди них — реакция респондентов на присутствие исследователя; изменения исследователя в ходе работы (инструментальный эффект); предвзятость или ангажированность исследователя; некомпетентность исследователя (недостаток профессиональной подготовки).

Разумеется, присутствие исследователя неизбежно оказывает влияние на те события, которые он наблюдает. Сам факт проведения исследования может создать «гало-эффект», искажающий обычное поведение людей. С другой стороны, присутствие исследователя может создать такую натянутость и беспокойство, что это сведет на нет ценность возможных наблюдений и выводов. Проблемы такого рода хорошо описаны в антропологической и социологической литературе. Это одна из главных причин того, почему методологи качественного анализа защищают долговременные наблюдения, которые позволяют и наблюдателю и тем людям, среди которых он живет, привыкнуть друг к другу. Хотя полностью этого «гало-эффекта» вряд ли удастся избежать, наблюдатели должны отдавать себе в этом отчет, и их полевые материалы должны содержать соответствующие комментарии, чтобы читатель сам мог оценить влияние этого эффекта на результаты. Следует отметить, что не менее вредно не только недооценивать влияние исследователя, но и переоценивать его. В конце длительного срока наблюдений, когда исследователь в определенной степени стал своим для респондентов, «гало-эффект» практически полностью исчезает и появляется только при выяснении каких-либо аспектов жизни респондентов, к которым они могут быть особенно чувствительны.

Вторая проблема касается того, что исследователь сам меняется в ходе полевых исследований. В антропологических исследованиях это иногда происходит, когда включенные наблюдатели становятся «настоящими туземцами» и абсорбируются местной культурой. После такой самоидентификации обычно теряется наблюдательность и чувствительность к полному спектру событий, которые происходят. Основной способ борьбы с этой разновидностью эффекта наблюдателя в какой-то мере схож с предыдущим: наблюдатель не может не меняться. Но ему следует отдавать себе в этом отчет и тщательно фиксировать происходящие с ним изменения. Полевые заметки, интроспекция, беседы с информантами и коллегами — вот главные средства измерения этого эффекта наблюдателя.

Третий тип эффекта наблюдателя влияет на степень, в которой предрасположенность или предвзятость наблюдателя может повлиять на анализ данных и интерпретацию. Против предвзятости есть только одно средство — сочетать интерес к респондентам с подлинной беспристрастностью по отношению к результатам своей работы. Беспристрастность не означает, что исследователь вообще не должен испытывать никаких эмоций или вообще не иметь никаких ценностей и точек зрения, а, напротив, должен уметь их балансировать. Добиться нейтральности и беспристрастности не так-то просто. Перед началом работы исследователи обязаны отдавать себе отчет в собственных предубеждениях, предпочтениях и ценностях, сделать их явными для читателя и тем самым дать ему возможность оценить, насколько они могли повлиять на результаты и в какой степени этим результатам можно доверять.

Последний вопрос связан с влиянием компетентности исследователя. Компетентность демонстрируется использованием процедур проверки, необходимых для того, чтобы добиться качества. Компетентность проявляется в полевых записях о своих собственных склонностях и предпочтениях. Компетентность означает, что не будет обещано ничего лишнего, но исследование, тем не менее, будет доведено до конца.

Краткие выводы

Итак, в количественном социологическом исследовании завершение работы анкетеров или интервьюеров в поле является стартом для начала обработки полевых документов (анкет, бланков интервью и т. п.): проверки правильности заполнения анкет, кодировки ответов, «закрытия» открытых вопросов, подготовки полевых документов к математической обработке на компьютере и т. п. Следующим этапом является классификация данных в соответствии с гипотезами, интерпретация и анализ полученных результатов, обобщение данных, проверка числовых значений переменных и соответствующих гипотез исследования.

Особенностью качественного социологического исследования является то, что окончание полевого этапа работы не служит сигналом для начала обработки и анализа собранных данных. Использование качественных методов исследования предполагает, что интерпретация и анализ первичной информации происходит постоянно на всем протяжении полевого этапа работы исследователей. Кроме того, в качественном исследовании интервьюер обычно сам осуществляет последующую обработку и анализ социологических данных, тогда как в количественном исследовании эти функции, как правило, разделены.

Обработку, обобщение и анализ материала в качественном исследовании можно условно разделить на три части:

1. Обработка, интерпретация и анализ результатов бесед, интервью и наблюдений непосредственно по ходу полевой работы. Сюда входит расшифровка диктофонных записей бесед с респондентами, заметок о наблюдениях, первичный анализ содержания имеющейся информации для подготовки последующих встреч с информантами и выбора объектов наблюдения, а также необходимой корректировке методики исследования.

2. Групповое обсуждение результатов полевого этапа работы во время периодических встреч вне поля всех участников исследования (см. главу 6 «Метод “Длинного стола”»). На этих встречах происходит сопоставление результатов полевой работы всех исследовательских групп, обсуждается полученная информация, вносятся необходимые изменения в программу исследования и методики сбора данных. Обычно для этих встреч «полевика» готовят краткие отчеты о проделанной работе, небольшие аналитические обзоры по отдельным вопросам, подводят итоги текущего этапа сбора данных, делают краткие обобщения своих материалов по теме исследования, оценивают работоспособность применяемых приемов полевой работы.

3. Работа с собранным материалом после окончания полевых исследований. Эту часть работы с документами можно также разделить на несколько этапов. На первом этапе делается тщательная ревизия всех результатов исследования, создается подробный архив проекта с кратким описанием содержания документов, кино и фото материалов. Желательно создать компьютерную поисковую систему, с помощью которой облегчается нахождение и чтение любого документа.

На втором этапе исследователи приступают собственно к анализу собранных материалов: проводится контент-анализ, кодировка записей, выделяются концепты, формируются их типологии, составляются или, точнее, восстанавливаются лексические модели и категориальные системы, которыми оперируют респонденты. Интерпретация данных может сводиться к выявлению причин, следствий и поиску взаимосвязей между ними. Результаты такого анализа похожи на тщательные описания происходящих событий, в которых, тем не менее, не пропущена ни одна важная деталь, ни одна причинно-следственная связь. Интерпретация данных может также вестись сугубо в рамках феноменологической традиции. В этом случае большое значение приобретают исходные записи интервью, протоколы наблюдений, тексты семейных историй, снабженные минимальными комментариями иссле-

дователя. Принято считать, что читатель подобных текстов не нуждается в комментариях, поскольку эти первичные материалы непосредственно ложатся на его жизненный опыт и создают уникальные образы, с помощью которых и познается мир. В любом случае в итоговой аналитической работе, готовящейся для публикации, следует добиваться оптимального баланса между описанием и интерпретацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение качественных методов исследования в социологии, рожденных из антипозитивистских теоретических концепций феноменологии Г. Гуссерля, понимающей социологии А. Шютца, этнометодологии Г. Гарфинкеля, символического интеракционизма Дж. Мида, социологии знания Т. Лукмана и Л. Бергера, привело к постановке новых методологических и методических проблем. Наиболее важными для гуманитарных наук являются концепции множественности социальных миров и разнообразия способов конструирования социальных реальностей, представление о невозможности достижения истинного понимания и интерпретации явлений повседневной жизни. Однако результатам качественных социологических исследований, которые даны в описательной форме, пока не хватает детального систематического изучения и сравнения с результатами структурно-функционального подхода в исследовании. Попытки пробиться в «жизненный мир» с помощью количественного инструментария сбора материала и математического аппарата анализа данных практически не удаются из-за неизбежного омертвления «живой ткани жизни в мертвых схемах чистой науки», а стремление наполнить эти схемы живым дыханием жизни размывает строгость определений и представлений о закономерностях развития общества. Но научная реальность такова, что как понимание общества, так и выявление законов его развития лежат на перекрестках этих двух подходов. Поэтому любые попытки эмпирических исследователей достичь если не симбиоза, то хотя бы результативной комбинации количественных и качественных методов в сборе данных, обработке, анализе и интерпретации полученных результатов, должны быть внимательно изучены. С другой стороны, переосмысление теоретических концепций, которые лежат в основе количественных и качественных методов, с точки зрения их возможностей и ограничений в изучении социальной реальности, может помочь выбрать направление поиска для достижения подобного симбиоза.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Качественные методы в международных проектах по изучению российского села

Краткая история создания методики качественного социологического исследования в проекте «Реальная экономика и реальная политика российских деревень»

Здесь мы расскажем о методике социологического исследования нового типа, о методике, которая развивалась на протяжении шести лет в процессе социологического исследования российских сел большой группой ученых из России, Великобритании и США. Эта глава о методике качественного исследования, где была сделана попытка соединить качественные и количественные методы сбора и анализа данных. То, чем пользовались социологи, изучая крестьянские миры, не является в чистом виде глубинным интервью, беседой, включенным наблюдением, анкетным опросом, бюджетным исследованием, хотя в их полевой работе можно увидеть и то, и другое, и третье, но в таком оригинальном сочетании и исполнении, что можно говорить о новом методическом подходе в подготовке и проведении социологического исследования.

Обращает на себя внимание, что по длительности пребывания социологов в селах и их интереса к традициям, языку и быту крестьянства это исследование напоминает экспедиции этнографов или социальных антропологов, что их методы наблюдения и интервьюирования похожи на методы *case study*, а беседы социологов с респондентами об истории их семьи содержат технические приемы методики *oral history* и биографического метода. Сплав методических подходов и технических приемов социологии, этнографии, психологии, истории и экономики в одном исследовании определяет своеобразие этого действительно междисциплинарного исследования.

Однако своеобразие методики сложилось неслучайно. Научный коллектив, который в 1990 г. поставил перед собой задачу, по образному выражению руководителя проекта профессора Манчестерского университета Т. Шанина, «войти в темную комнату... чтобы выровнять провал в 50 лет», который образовался в отечественной

науке после разгрома научных школ ученых-аграрников Чаянова, Кондратьева и др., состоял из представителей различных научных дисциплин, школ и идеологий. Российские экономисты, социологи, психологи, историки, филологи, воспитанные в традициях объективизма марксистско-ленинской идеологии, и зарубежные социологи, стоящие на позициях феноменологической социологии А. Шютца, философии К. Мангейма, социологических концепций М. Вебера, Т. Парсонса, Т. Лукмана и других представителей зарубежной социологии, должны были выработать общий подход в исследовании социальных проблем села, понять его прошлое и настоящее.

В этом смысле объект исследования — российское село — не являлся для участников проекта «темной комнатой», точнее, для них эта была не «темная комната», но комната с «темными углами». Российские ученые имели свой опыт социологических исследований и соответствующие представления о колхозной деревне и ее истории, а зарубежные исследователи несли свою «правду» о российском крестьянстве, которая была основана на известных им научных работах в этой области. Такая ситуация не могла не создать определенные проблемы уже на этапе создания методики исследования, причем пути выхода из «методических тупиков», которые временами возникали в исследовательской группе, уже сами по себе представляют ценный методический материал для всех этапов разработки стратегии и тактики социологического исследования, подготовки и проведения полевых наблюдений, опросов, интервью, включая анализ полученных результатов. Особенно это касается предполевого этапа социологического исследования, где разрабатывается программа исследования, определяются задачи, создается инструментарий, обсуждаются вопросы выборки, намечаются предварительные гипотезы.

Материалы этого социологического проекта дают редкую возможность заглянуть на кухню участников качественного исследования и вместе с ними пройти путь длиной в шесть лет от первых замыслов до отработанного инструментария. Причем история создания методики основана не только на субъективных представлениях или воспоминаниях его участников, но и на материалах стенограмм «Длинного стола» — оригинальной формы создания программы социологического исследования, сочетающей методы «мозгового штурма», групповой дискуссии, «фокус-группы» и др.

Междисциплинарный подход в изучении проблем власти на селе

Применение междисциплинарного подхода определяется сложностью объекта и предмета исследования. Чем сложнее социальное явление, которое находится в фокусе научного интереса, тем более оправдан выход за рамки одной дисциплины. Например, власть как социальный феномен представляет собой явление, которое проявляется практически во всех сферах общественной жизни. Поэтому, какая бы тема из крестьянской жизни не была затронута, везде явно или косвенно присутствовали властные отношения, в которые были включены наши респонденты.

Использование методических подходов социальной антропологии, дополнение собственными материалами по власти данными бюджетных исследований сельских семей или экономическим анализом хозяйственной деятельности сельского коллективного предприятия дают более объемный взгляд на проблему. Например, в ходе работы над устными историями крестьян постоянно встречались описания портретов представителей власти на селе в разные периоды времени и прослеживалась их роль в судьбе данной семьи. В семейных бюджетах можно было проследить через вопросы об объеме полученных ресурсов и их источнике степень зависимости экономики семьи от хозяйства и его руководителей, определить значимость того или иного ресурса жизнеобеспечения, а значит предположить его роль как рычага управления на селе через контроль и распределение ресурсов.

В нашей методике по бюджетному исследованию предполагалось качественное описание бюджета, которое включало комментарии респондента к статьям доходов, экономическим связям семьи в селе и за его пределами. Эти комментарии, как правило, отражают место членов семьи респондента в иерархии местной власти или их связи с местной элитой власти. Кроме этого, доверительные отношения, которые обычно складываются между исследователем и семьей, где проводится бюджетное исследование, позволяют получить дополнительные сведения об особенностях сельского института власти.

На всем протяжении исследования одним из ведущих принципов сбора материала был принцип дополненности, который выражался в том, что тематические вопросники по каждой теме содержали блоки вопросов, касающихся проблем власти. Однако для более глубокого понимания особенности властных отношений на селе нами использовалась специальная методика изучения сельской иерархии власти, которая получила условное название «политический пасьянс».

«Политический пасьянс»: «карточная» методика изучения сельской иерархии власти

Исследование структуры власти путем социологических опросов или экспертным методом часто сталкиваются с проблемой преодоления психологических барьеров между исследователем и респондентом. Особенно это проявляется, когда целью исследования является изучение структуры власти, в которую включен респондент. Мысль о том, что его ответы или экспертные оценки в случае огласки могут быть использованы против него, а также не всегда ясное представление о конечных целях подобных исследований, делают ответы респондента односложными и лишены фактического материала (конкретные личности, реальные ситуации, проблемы, конфликты с властью). Другим немаловажным препятствием в работе с респондентами по данной теме являются затруднения в работе с абстрактными понятиями на вербальном уровне и переход к обобщениям и отвлеченным схемам.

Данная методика изучения структуры власти с использованием игрового метода в значительной степени облегчает преодоление психологических барьеров в работе с респондентами и позволяет получить относительно полное представление о структурах власти, в которые они включены. Методика основана на том, что в процессе работы с тестовым материалом респондент не может полностью абстрагироваться от существующих реальных связей, отношений, устоявшихся порядков. Для него за любой карточкой с указанной на ней должностью или профессией стоят конкретные люди и реальные отношения с ними. Это позволяет, не задавая прямых социальных вопросов, в относительно короткое время выяснить не только формальную управленческую структуру, но и большую гамму неформальных взаимоотношений между жителями села в различных сферах жизнедеятельности, связанных с вопросами власти.

Игровая ситуация с занятостью рук (перебор карточек, раскладка их на столе) при беседе с исследователем способствует снятию напряженности и часто провоцирует на воспоминания о различных конфликтных ситуациях, в которых лучше всего обнажаются властные структуры и отношения с ними.

Из различных вопросов, касающихся проблем власти на селе, с помощью данного метода особенно успешно решались следующие:

1. Престижность определенных профессий и должностей на селе.
2. Определение статуса различных социальных групп.
3. Представление респондента о формальной и неформальной структуре власти на селе и своем месте в ней.

4. Выявление носителей реальной политической и экономической власти.

5. Выявление родственных связей, происхождения, степени тесноты личных контактов тех или иных должностных лиц.

Методика представляет собой игровые задания-тесты. Тестовым материалом служит набор карточек с указанными на них профессиями, должностями и другими обозначениями социального положения (пенсионер, домохозяйка). Желательно, чтобы этот набор карточек соответствовал реальным организационным структурам изучаемого села. В нашем случае использовался набор из 23 карточек:

1. Председатель колхоза.
2. Главный инженер.
3. Главный зоотехник.
4. Главный экономист.
5. Главный бухгалтер.
6. Главный энергетик.
7. Заведующий гаражом.
8. Заведующий фермой.
9. Завхоз.
10. Бригадир.
11. Механизатор.
12. Животновод (скотник, доярка).
13. Водитель.
14. Сторож.
15. Разнорабочий.
16. Председатель исполкома сельсовета.
17. Зам. председателя исполкома сельсовета.
18. Директор школы.
19. Учитель.
20. Врач.
21. Секретарь парткома.
22. Секретарь профкома.
23. Пенсионер.

Задание 1.

Респондента просят разложить карточки в соответствии с его представлением о том, «кто кому подчиняется», «кто главнее» и т. п.

Задание 2.

Выбрать из набора карточки с указанием тех должностных лиц, от которых зависит решение конкретных социально бытовых проблем (выделение кормов, транспорта, строительных материалов, продуктов питания и т. п.).

Задание 3.

Разложить карточки по принципу престижности тех или иных профессий («Кем почетнее быть?» «Какая профессия пользуется большим уважением на селе?»).

Задание 4.

Выбрать карточки с указанием должностных лиц, которые находятся между собой в родственных отношениях, а также выбрать из их числа тех, кто является уроженцем данного села, и тех, кто пришел со стороны (приезжие).

Задание 5.

Респондента просят определить тех должностных и прочих лиц, которые, по его мнению, входят в сельскую элиту. Например, можно использовать в вопросах местные обозначения элиты: «Кого в вашем селе считают (называют, причисляют к) «начальством», «шишками» и т. п.? Кто входит в их число кроме руководителей хозяйства?»

Обработка и анализ результатов

Обработка результатов исследования включает в себя тщательное фиксирование порядка, в котором респондент раскладывает карточки на столе, и формализацию полученной информации в виде схем иерархических структур власти на селе. Последующее наложение этих схем, составленных респондентами, которые занимают различное положение в «пирамиде власти», друг на друга позволяет выделить ключевые фигуры в решении тех или иных производственных и бытовых вопросов. В обработку результатов выполнения тестовых заданий входит также анализ записи комментария респондента в ходе выполнения задания. В них содержатся высказывания о статусе конкретных должностных лиц на селе, оценка своего положения во властных структурах, характеристика эффективности управленческих звеньев в хозяйстве. Эта информация в ряде случаев оказывается более полезной для понимания особенностей функционирования власти на селе, чем непосредственное выполнение заданий. Для облегчения анализа данных можно присваивать каждой отобранной респондентом карточке ранговые значения или выделять по уровням иерархии.

Примечание.

1. Перед работой с респондентом желательно заранее выяснить и запомнить фамилии должностных лиц из правления колхоза (совхоза), сельсовета и внепроизводственной сферы села.

2. Предпочтительнее не использовать диктофон при работе с респондентом, входящим в верхнее звено управления хозяйством.

3. Если респондент затрудняется самостоятельно ранжировать карточки по силе власти, то исследователь сам раскладывает их перед респондентом в соответствии со штатным расписанием хозяйства и просит внести изменения.

4. Для выделения сельской элиты с помощью карточек следует учитывать, что некоторые лица, входящие в их число могут не находиться в предложенном наборе. Поэтому исследователь предлагает респонденту заполнить чистые карточки и включить их в схему.

Эта методика позволила выявить представления жителей села о неформальной иерархии власти в селе и глубже понять особенности политической картины современного села.

Возвращаясь к «классическому» пониманию термина «триангуляция» в полевом исследовании, следует обратить внимание на совмещение работы в поле и послеполевого этапа обработки и интерпретации результатов наблюдений и интервью. Особенно эффективным оказался подход, основанный на сравнительном анализе результатов

исследования с точки зрения разных теоретических концепций. В итоге методической и теоретической триангуляции родился не только новый методический подход в исследовании такого сложного социального феномена как общественное мнение, но и определенный вклад в понимание механизмов его формирования и функционирования.

Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.)⁹⁶

Инициатива приглашения к участию в проекте историков исходила от его руководителя, профессора Манчестерского университета Теодора Шанина, давно совмещавшего в своей научной деятельности и социологию, и историю. Привлечение историков к участию в социологическом исследовании придало проекту историко-социологический характер, а его научные результаты сделало более аргументированными.

Следует особо подчеркнуть, что участие историков в проекте в решающей степени стало возможным благодаря установившимся прочным творческим и личным отношениям Теодора Шанина с выдающимся советским историком-аграрником Виктором Петровичем Даниловым. Именно ему и было поручено возглавить руководство исторической частью проекта, и он стал его организационным и мозговым центром. Почти четыре десятилетия (к тому времени) занятий В. П. Данилова историей крестьянства, постоянное общение с коллегами из разных научных центров и учебных заведений страны позволили привлечь к участию в исторической части проекта способных исследователей. Среди них были и представители профессуры «в летах», и только еще начинающие путь историка, как, например, О. И. Марискин (Саранск), для которого написанная им в рамках проекта история села Сабанчеево стала основой успешно защищенной кандидатской диссертации.

В. П. Данилов не только подобрал исполнителей из числа квалифицированных специалистов, но и совместно с Теодором Шаниным и другими коллегами разработал методику исследования, осуществлял промежуточный и итоговый контроль.

Наряду с субъективным фактором (личная дружба Теодора Шанина и В. П. Данилова), существовали и объективные причины, спо-

⁹⁶ В тексте использованы материалы В.П.Данилова, опубликованные в: Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990 – 1994 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 115 – 141.

способствующие участию историков в проекте, впрочем, так же как и социологов. Прежде всего, это наступившая в СССР «перестройка», обеспечившая свободу слова в широком смысле и, в частности, в области научного творчества. Для историков «перестройка» в наибольшей степени проявилась в так называемой «архивной революции», открывшей им доступ к ранее закрытым документальным источникам, особенно по истории революции, гражданской войны и сталинизма. Наконец-то появилась возможность действительно научного осмысления отечественной истории, в том числе локальной — на уровне селений. В данном контексте упускать такой благоприятный случай было неразумно. И историки активно включились в общую работу над проектом.

Главную цель их работы в рамках проекта В. П. Данилов определил как воссоздание документальной картины прошлого исследуемых селений — каждого в отдельности, — и с возможно большей конкретностью отражающей ключевые моменты истории: перемены эпох реформ и революций, коллективизации и раскулачивания, гражданской и Великой Отечественной войн, хрущевских реформ.

Историческая часть проекта являлась в своем роде уникальным явлением, поскольку впервые в историографии и российском общественном сознании продолжила существовавшие в первые десятилетия XX века и прерванные впоследствии традиции монографического исследования селений («поселенческие» очерки), выполненные на высоком научном уровне замечательными российскими учеными, представителями историко-социологического направления (А.И. Шингаревым, М. Феноменовым, А. Большаковым, А. Яковлевым, Ф. Крестовым, А. Гагариным, Г. Дементьевым, М. Голубых, Н. Росницким, С. Готовым и другими авторами).

На основе программных установок социологов была разработана конкретная программа исторической части исследования. Она была призвана показать прошлое обследуемых социологами селений на конкретно-историческом материале, начиная с 1861 г. Основное внимание историков сосредотачивалось на ходе и последствиях реформ 1860-х годов, Столыпинской аграрной реформы, аграрной революции 1917–1918 гг., гражданской войны, нэпа, коллективизации и раскулачивания, войны 1941–1945 гг., хрущевских реформ, а также на голодных годах (1891–1892, 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947).

Главным критерием хронологических рамок изучения конкретного селения В.П. Данилов определил состояние источниковой базы по его истории в региональных архивах. Допускалось хронологически более раннее начало исследуемого процесса при сохранности истори-

ческих материалов, и, наоборот, более позднее его начало при их отсутствии. При недостатке или полном отсутствии материалов в архивах по взятому для исследования селению рекомендовалось привлекать таковые по мелкому административному району расположения селения (волость, район).

Отправной точкой исторической части исследования являлись основные положения программы изучения селений социологов, включавшей в себя вопросы общего состояния и динамики сельской экономики (хозяйственные формы, организация и техника производства, рыночные и вне рыночные связи), вопросы социальной структуры и социальных отношений во всем их объеме, а также вопросы, связанные с составом и развитием семьи и ее бюджета, с институциональной структурой села (община, власть и др.), с его пространственным опосредованием, общественным сознанием и психикой.

Но этим избранная методика исторической части исследования не ограничивалась. Она творчески разрабатывалась и самими его участниками и, прежде всего, В.П. Даниловым. При этом принципиальным моментом и он, и Теодор Шанин считали независимый характер исследовательской работы историков и социологов. Сравнительный анализ и обобщение полученных каждой из сторон результатов предполагался на завершающем этапе работы.

В.П. Данилов акцентировал внимание историков на выявление в архивах и использование таких документальных источников по истории селений как материалы земских обследований, сельскохозяйственные переписи 1916, 1917 и 1920 гг., динамические исследования 1920-х годов, бюджетные записи, а также подворные карточки и поселенные списки ежегодных налоговых и демографических переписей 1897, 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. Кроме того, историкам следовало провести тщательный поиск краеведческих материалов (прежде всего в фондах музеев), писем, воспоминаний, дневников и других материалов, исходящих непосредственно из сельской среды.

Историческая часть проекта включала два этапа работы, хронологически охватывающих период с начала 1991 года и до конца 1992 года. Первый из них состоял в выявлении архивных и опубликованных материалов по каждому селению (или мелкому району его расположения) и передачу наиболее важных из них в создаваемый общий банк данных. Второй этап заключался в написании каждым из участников конкретно-исторического очерка изучаемого им селения. Затем специально созданный В.П. Даниловым и Теодором Шаниным Методический совет вместе с участниками проекта проводил обсуждение

авторских текстов и принимал их в завершённом виде, после доработок с учетом полученных от членов совета критических замечаний.

В ходе первого этапа работы историков по изучению документальных материалов в региональных архивах выявилась серьезная проблема — неравноценный характер сохранившихся источников по взятым для анализа селениям. И эта проблема возникла не по вине историков, а как результат проведенного социологами отбора селений. К сожалению, он осуществлялся по экономико-географическим признакам в очень короткий срок и ориентировался, вполне естественно, на современность. Наличие же в архивах письменных источников по выбранным селениям не учитывалось. В результате среди обследованных селений оказались и практически не имевшие исторического прошлого (например, село Уткино в Вологодской области).

Другой неожиданностью для историков стало то, что среди отобранных социологами селений не оказалось ни одного из тех, в которых проводились ежегодные динамические переписи крестьянских хозяйств в 1920-х годах, не говоря уже об опубликованных работах по социологии, экономики, истории и т. д. Из общих сельскохозяйственных и поземельных переписей лишь материалы переписей 1916 и 1917 годов оказались востребованы историками при написании нескольких исторических очерков.

Трудности, связанные с лакунами в сохранившихся документальных материалах, отмечались авторами большей части очерков. Тем не менее историками была проделана сложная и кропотливая работа по изучению множества архивных и опубликованных источников, относящихся не только к изучаемым селениям, но и к административно-территориальным районам их размещения. Профессионализм участников исторической части проекта позволил найти решение возникавших проблем прежде всего посредством включения в анализ исторических свидетельств уездного, губернского и даже краевого масштаба. В отдельных случаях, как, например, в очерке о прошлом поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края, это приводило к тому, что сведения, непосредственно относящиеся к изучаемому селению, оказывались иллюстрациями к сельской истории района, области, края.

В сложившейся ситуации неполноте документальных источников по истории селений в региональных архивах и музеях восполнили включением в исторические очерки материалов собственно социологического обследования. К расширению источниковой базы за счет данных параллельного социологического обследования пришлось при-

бегнуть авторам большей части очерков. Материалы социологов явились существенным дополнением к исторической базе очерков, особенно в части, касающейся «предперестроечного» и «перестроечного» времени, документальное наследие которого тогда не было доступно для историков.

Первоначальный план проекта предполагал обследование четырех селений в каждом из шести районов России, что дало бы в сумме 24 исторических очерка. Однако в силу объективных и субъективных причин оказалось написано 16 очерков, в том числе четыре — по селениям Поволжья, три — по селениям Сибири, три — по северным селениям, два — по тамбовским, два — по кубанским, один — по ставропольским и один — по ростовским (на Дону). Из них 11 очерков впоследствии были опубликованы, в том числе три очерка в рамках МВШСЭН в журнале «Крестьяноведение». Все очерки написаны по тем селениям, где работали социологи.

Содержание написанных историками очерков по истории селений позволяет утверждать о правомерности включения в социологический проект исторической части. Они гармонично дополнили социологические исследования, придали им большую убедительность и научную ценность. Сравнительный анализ конкретно-исторического материала, выявленного историками в архивах, и материалов по истории селений, полученных непосредственно социологами, свидетельствовал о совместимости информации. В частности, мера взаимоподтверждения документальной информации системы управления (а она преобладает у историков) и словесной информации от опрашиваемого социологами населения оказалась весьма высокой. И та, и другая вполне объективно отразили жизнь отдельного конкретного селения — небольшого соседского мира, тесно связанного и трудовой деятельностью, и социальными, и бытовыми отношениями.

Участники проекта, анализируя его результаты, пришли к очень важному принципиальному выводу о взаимодополняемости очерков. В них показано, что, несмотря на природные, хозяйственные и культурно-бытовые отличия селений на Севере, в Сибири, ЦЧО и в Поволжье, начиная с реформ 1860-х годов, при сохранении местной специфики в трудовой деятельности и быте, в них обнаружилось складывающееся единство, прежде всего в социально-экономической сфере. В истории селений, как в капле воды, отразилась вся история российского крестьянства и сельского хозяйства.

Другой важный вывод, по мнению В.П. Данилова и участников исторической части проекта, состоял в том, что наиболее реальные

сведения о деревенской жизни, начиная с хозяйства и вплоть до культуры и быта, содержат документальные материалы, исходившие непосредственно из крестьянской среды, от мирских сходов, волостных правлений, а после 1917 г. — сельских и волостных советов, правлений колхозов и т. п.

Также историки заключили, что с точки зрения состояния документальной базы по истории селений наиболее полно в региональных архивах оказался представлен советский период. Этому способствовала, как уже отмечалось, начавшаяся в 1990-е годы «архивная революция» — открытие секретных фондов в местных и центральных архивах, особенно по истории коллективизации и колхозной жизни советской деревни.

Работа историков в социологическом проекте носила экспериментальный характер. Ее опыт свидетельствует о принципиальной возможности и целесообразности участия историков в социологических исследованиях, особенно в области изучения сельской жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ. КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ (издания на русском языке).

В библиографию вошли научные статьи и монографии, отобранные в соответствии со следующими принципами.

1) Год публикации: с 2000 г. по сегодняшний день.

2) Язык публикации: русский.

3) Журнальные источники:

· Социологический журнал

· Социологические исследования

· ИНТЕР

· Журнал социологии и социальной антропологии

· Социология 4М

· Экономическая социология (электронный журнал)

4) В качестве источника новых монографий и авторефератов диссертаций по теме использовался электронный каталог Российской Государственной Библиотеки, а также открытые библиографические списки в интернете.

5) Поиск и отбор осуществлялся по следующим ключевым словам и их вариациям в названиях статей и монографий:

· Качественные методы / методология / исследования

· Биографический метод, жизненные истории, генеалогия

· Антропология / этнометодология / этнография

· Нарративный анализ, анализ текстов, дискурс-анализ

· Кейс-стади, case study, анализ кейса / случая

· Наблюдение

· Фокус-группы

6) Акцент при отборе делался на материалы, сфокусированные на методологических и методических вопросах применения качественного подхода в социальных науках.

7) В список вошел ряд учебных пособий по методам социологических исследований, в отдельных главах которых освещались вопросы качественных методов.

8) В список не вошли статьи (основанные, предположительно, на результатах качественных исследований), посвященные изучению конкретных социальных явлений или выполненные в рамках отдельных исследовательских направлений (гендерные исследования, социально-психологические исследования и т. п.), если в названии не со-

держалось указание на использование качественной методологии, т. е. фокусом статьи были не вопросы методики, а содержательный анализ полученных в ходе исследования данных и их концептуализация.

Анурин В.Ф. Эмпирическая социология. М.: Академический проект, 2003.

Артемяева О.А. Количественные и качественные методы психологического исследования массовой коммуникации. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2007.

Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Николо М, 2001.

Белановский С.А. Свободное интервью как способ социологического исследования // Социология 4М. № 2.

Бернгард Г. Качественные и количественные методы исследования в социальной работе // СОЦИС. 2001. № 1.

Беспредельная социология: Сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова. СПб.: ЦНСИ, 2005.

Божков О.Б., Помигалов А.А. Заметки о технических проблемах полевых исследований // Социология 4М. № 26.

Бухараева Л.М. Методологические основания качественного анализа в исследовании образовательных ценностей студентов // Социология 4М. 2001. № 13.

Варзакова А. Сетевые отношения между конкурентами (на примере рынка радиорекламы Москвы) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4 С. 79–96.

Веселкова Н.В. Методические принципы полуструктурированного интервью // Социология 4М. № 5–6.

Винер Б.Е. Этнические организации в Санкт-Петербурге // Социологический журнал. 2001. № 1.

Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор: социологический преданализ // СОЦИС. 2006. № 7.

Голофаст В.Б. О понятии human methodology: неоконченные заметки // Социологический журнал. 2005. № 1.

Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Самарский университет, 2002.

Готлиб А.С. Качественная социология: предпосылки, контуры, проблемы. // Сборник научных трудов СГУ, Самара, 2001.

Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология 4М. 2000. № 12. С. 5–24.

Гурджи И. Проективные методики в качественных исследованиях // Практический маркетинг. 2000. № 1.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2006.

Демин А.Н. О совмещении количественного и качественного подходов в исследовательском цикле // Социология 4М. 1999. № 11.

Дудник О.В. Качественные методы в социологическом исследовании. Магадан: Северный международный ун-т, 2004.

Жеребцов М.В. Качественные методы в политической науке: теоретико-методологические аспекты: Автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.

Журавлев В.Ф. Анализ коммуникаций в качественном интервью // Социология 4М. № 7.

Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.

Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

Качественные методы в социологии: Фокус-группы, глубинное интервью / Рос. хим.-технол. ун-т им. Д.И. Менделеева и др. М., 2003.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Изд-во «Смысл», 2003.

Клюшкина О.Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // СОЦИС. 2000. № 10.

Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // СОЦИС. 2000. № 9.

Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия // СОЦИС. 2004. № 9.

Кузнецов И.Н. Технологии социологического исследования. М.: Март, 2005.

Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов // СОЦИС. 2004. № 2.

Лагун А.Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании // СОЦИС. 2004. № 2.

Лернер А. Негативная адаптация (по материалам качественного исследования). Мониторинг общественного мнения // Социологический журнал. 2000. № 3. С. 39–41.

Лысенко О.Ю. Качественные методы социально-психологических исследований. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001.

Масалков И. Ресурсы по качественным исследованиям (КИ) в интернете // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 107–108.

Маслова О.М. Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола) // Социология 4М. № 5–6.

Маслова О.М. Мир интервьюера: по данным формализованного и свободного интервью // Социология 4М. 2000. № 12.

Маслова С.В. Образы власти. Использование методов аналитической психологии в качественных социологических исследованиях (на примере интерпретации рисуночных тестов) // Практический маркетинг. 2002. № 12.

Маслова С.В., Лагун А. Изучение роли невербального поведения в качественных маркетинговых и социологических исследованиях // Практический маркетинг. 2003. № 77.

Мельникова О.Т., Шайдуллина Ю.А. Методика психологического рисунка в качественном исследовании социальных установок // Социология 4М. 2005. № 21.

Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Минск: БГУ, 2000.

Методы социологических исследований: Сборник статей, написанных на базе выпускных квалификационных работ студентов ф-та социологии ГУ ВШЭ 2004–2006 гг. (специализация «Прикладные методы социологических исследований») / отв. ред. Ю.Н. Толстова, Г.К. Балашова. — М.: Теис, 2006.

Моисеева В.В. Школьное сочинение как источник социальных представлений о наркотиках // Социология 4М. 2005. № 21.

Новикова С.С. Социологические и психологические методы исследований в социальной работе. М: Академический проект; Гаудеамус, 2005.

Нюнкайте Н.Б. [Рецензия] Метод качественных структур и его экспликация в контексте литовской социальной реальности (первая книга серии «AUTOPORTRETAI»). Вильнюс, 2000 // СОЦИС. 2003. № 10.

Попова Т.О. Качественные методы в моделировании процесса управления персоналом // Социология 4М. 2004. № 19.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 115–137.

Савельева С.С. О познании в качественной методологии: открывая горизонты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 195–202.

Сало Е.П. Опыт изучения социального статуса специалистов традиционной медицины // Социология 4М. № 26.

Сафонова М.А. Драма полевого исследователя: подозрение в качестве метода. Рецензия на книгу Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006 // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 187–194.

Социологический инструментарий: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001.

Страусс А. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Тартаковская И.Н. Мужская работа, женская работа... // Рубеж (Альманах социальных исследований). 2001. № 16–17.

Татарова Г.Г. Качественные методы в структуре методологии анализа данных // Социология 4М. 2001. № 14. С. 33–52.

Толстова Ю.Н. Идеи моделирования, системного анализа, «качественной социологии»: возможности стыковки (на примере метода репертуарных решеток) // Социология 4М. № 8.

Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // СОЦИС. 2000. № 10. С. 101–108.

Фетисова Е.Н. Женская трудовая миграция как фактор социального преобразования (опыт качественного исследования) // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 79–97.

Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология 4М. № 1.

Якубович В.Б. Качественные методы или качество результатов // Социология 4М. № 5–6.

Ярская-Смирнова Е.Р. Методология исследований и критического анализа в сфере социальной политики и социальной работы // Социология 4М. 2005. № 21.

Социальная антропология, этнография, этнометодология

Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 63–72.

Авто-био-графия. К вопросу о методе: Тетради по аналитической антропологии. № 1. — М.: Логос, 2001.

Антропология профессий: Сборник научных статей. Саратов: Научная книга, 2005.

- Арутюнян Ю.В.* Москвичи: этносоциологическое исследование. М.: Наука, 2005.
- Бертран Ф.* Наука без объекта? Советская этнография 1920–1930-х гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3. С. 90–104.
- Бочаров С.С.* Антропологическая наука и общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1. С. 121–133.
- Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность:* Сборник научных статей. Саратов: Научная книга, 2007.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Готлиб А.С.* Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах) // Социология 4М. 2004. № 18–19.
- Давыдова И.В.* Формирование этнометодологии: влияние Т. Парсонса и А. Шютца на теоретическую позицию Г. Гарфинкеля // Социологический журнал. 2002. № 1.
- Зайцева Н.В.* Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 162–166.
- Ионин Л.Г.* Социология как pop-fiction: О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1–2.
- Исакова Н.В.* Культурно-антропологическое исследование социальных процессов: Методология и практика: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. Новосибирск, 2002.
- Казурова Е.В.* Новые и традиционные профессии в изменяющейся России: социально-антропологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3. С. 193–197.
- Киблицкая М.В.* Исповеди одиноких матерей: Социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике с использованием этнографических методов. М.: Эслан, 1999.
- Кравченко А.И.* Социальная антропология: Учебное пособие для вузов. М.: Акад. проект, 2003.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001.
- Круткин В.Л.* Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 171–178.
- Кусакин В.П.* Этнология России. М.: Компания Спутник+, 2005.
- Леви-Строс Л.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

- Лурье С.В.* Психологическая антропология: История, современное состояние, перспективы. Екатеринбург: Акад. Проект; Деловая книга, 2003.
- Междисциплинарные исследования в социально-культурной антропологии:* к 75-летию чл.-кор. РАН Ю.В. Арутюняна. М.: Наука, 2005.
- Поздязева С.М.* Социальная антропология: Учебное пособие. Уфа: БашГУ, 2004.
- Полевая этнография:* материалы международной научной конференции, С.-Петербург, 3–4 дек. 2004 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Поршнева О.С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Рабжаева М.В.* Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 2. С. 133–147.
- Рёссель Й.* Рынки в сфере моды: феноменологический подход // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 121–122.
- Романов П.В.* Социальная антропология организаций: Учебное пособие. Саратов: СГТУ, 1999.
- Сафонова Т.* Непонимающая социология: Истории из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 4. С. 22–31.
- Слейтер Д.* Забирая рынок у экономистов // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 2. С. 29–45.
- Танатова Д.К.* Антропологический подход в социологии. М.: Дашков и К., 2004.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Троцук И.В.* Беспредельная социология: Сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова СПб.: ЦНСИ, 2005. [Рецензия] // Социологический журнал. 2006. № 1–2.
- Троцук И.В.* [Рецензия] The Post-Socialist agrarian question: Property relations and rural condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Vol. 1 / Ed. by C. Hann, R. Rottenberg, B. Schepel, S. Shimanda. Munster: Lit Verlag, 2003.
- Тягунова Т.В.* «Воспринимаемая нормальность» учебных ситуаций // Социологический журнал. 2006. № 1–2.
- Уотсон Р.* Этнометодологический анализ текстов и чтения // Социологический журнал. 2006. № 1–2.

Ушакин С.А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 160–172.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 139–161.

Эванс-Причард Э. История антропологической мысли / Пер. с англ. А.Л. Елфимова; ст. об авт. А.А. Никишенкова. М.: Восточная литература, 2003.

Юдин Г.Б. Рынки как поля: попытка реконцептуализации // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 27–42.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

Фокус-групповые исследования

Белановский С.А. Метод фокус-групп: Учеб. Пособие. М.: Николо-Медиа, 2001.

Брянцева Е.А. Метод «фокус-группа» как инструмент анализа поведения потребителей: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01. Москва, 2000.

Калабихина И.Е. Гендерные вопросы в России в конце XX века: Фокус-групповое исследование в городской и сельской местности. М.: Акисфлат, 2004.

Крюгер Р.А., Кейси М.Э. Фокус-группы: Практическое руководство. М.: Вильямс, 2003.

Левинсон А., Стучевская О. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1 (63). С. 46–55.

Маслова С.В. О влиянии субъективного фактора при использовании метода фокус-групп // Практический маркетинг. 2001. № 54.

Маслова С.В. Профессия — модератор // Практический маркетинг. 2003. № 76.

Маслова С.В. Роли модератора фокус-групп: Возможности и границы // Практический маркетинг. 2001. № 55.

Мельникова О.Т. Методики и техники фокус-группового исследования // Социология 4М. 2007. № 24.

Мельникова О.Т. Фокус-группы в маркетинговом исследовании: Методология и техники качественных исследований в социальной психологии. М.: Академия, 2003.

Мельникова О.Т. Фокус-группы в социально-психологическом исследовании: методология и техники: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.05. Москва, 2003.

Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, моделирование: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Психология». Москва: Аспект Пресс, 2007.

Никитин В.Я. Фокус-групповые исследования в управлении образовательным социумом региона: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.01. Санкт-Петербург, 2005.

Плоткин А.Н. Фокус-группа. М.: Летний сад, 2000.

Фоломеева Т.В. Использование проективных методик для повышения эффективности фокус-групп // Социология 4М. 2003. № 17.

Наблюдение

Астоянц М.С. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения. Опыт включенного наблюдения // СОЦИС. 2006. № 3.

Ватолина Ю.В. Метод наблюдения в социологии (на основе опыта Вальтера Беньямина). СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.

Кейс-стади

Киблицкая М.В., Масалков И.К. Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М.: Издательство Международного университета бизнеса и управления, 2003.

Козина И.М. Особенности применения стратегии «исследования случая» (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // Социология 4М. № 5–6.

Романов П.В. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб // СОЦИС. 2005. № 4.

Фидря Е.С. «Открыть свое дело»: социологический анализ предпринимательского действия (на примере частной стоматологической клиники г. Магадана) // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1. С. 63–81.

Фливерг Б. О недоразумениях, связанных с кейс-стади. СОЦИС. 2005. № 4.

Фливерг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // СОЦИС. 2007. № 1.

Фливерг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // СОЦИС. 2004. № 9.

Анализ текстов

Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб: Норма, 2006.

Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. М.: Изд-во «Высшая школа», 2005.

Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

Гладарев Б.С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология 4М. 2002. № 14.

Егоршина Н.В. Нарративный дискурс: Семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. Тверь, 2002.

Колесникова О.В. Дискурсивные практики современного национализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.

Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: Сборник научных статей. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2007.

Новый социологический нарратив: Сборник статей. М.: Компания Спутник+, 2003.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. 2-е изд. М.: Флинта, 2006.

Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология 4М. 2003. № 17.

Троцук И.В. [Рецензия] Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков М.: Идея-Пресс, 2003 // Социологический журнал. 2005. № 4.

Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2006.

Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.

Анализ биографий

Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // СОЦИС. 2004. № 1.

Боголюбов И.Н., Божков О.Б. О неполноте исходной информации в генеалогиях // Социологический журнал. 2005. № 2.

Боголюбов И.Н., Божков О.Б. Построение и визуальное отображение родословных структур — путь к социологическому анализу // Социология 4М. 1999. № 11.

Божков О.Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001, № 1. С. 74–88.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. Об особенностях полевого генеалогического интервью // Социология 4М. 2006. № 23.

Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–83.

Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П. Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // СОЦИС. 2002. № 1.

Васильева Е.Ю. [Рецензия] Радина Н.К. Истории и сказки в психологической практике: Читать. Сочинять. Слушать. СПб.: Речь, 2006.

Волков В.П. [Рецензия] Яницкий О.Н. Семейная хроника. 1852–2002. М.: Изд-во LVS, 2002 // Социологический журнал. 2002. № 4.

Воронкова О.А. Социальное качество текста: интерпретативный подход // Социология 4М. 2002. № 14.

Гендерные истории Восточной Европы: Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А.Пето. Минск: ЕГУ, 2002.

Докторов Б.З. Творцы опросов второй половины XX века: Опыт «оперативного» историко-биографического анализа // Социологический журнал. 2007. № 1.

Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология 4М. № 3–4.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Анализ биографического нарративного интервью в исследовании идентичности // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Материалы Всероссийского научно-методического семинара / Под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. С. 200–222.

Иванова Е. [Рецензия] Гендерные истории Восточной Европы: Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А.Пето. Минск: ЕГУ, 2002 // СЖ. 2002. № 4.

Календарова В.В. Устная история: формирование новой междисциплинарной научной среды // СОЦИС. 2002. № 9.

Козлова Л.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. №2.

Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // СОЦИС. 2004. № 1.

Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // СОЦИС. 2004. № 12.

Мазлумянова Н.Я. Биографическое интервью с российскими социологами: методико-методологические аспекты // Социологический журнал. 2007. № 2.

Масалков И. [Рецензия] Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Издательство института психотерапии, 2001 // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 95–100.

Матовская А.В. Выявление ошибок интервьюеров: откровения нарративов // Социология 4М. 2006. № 22.

Медина Л.О. Право на личную историю... От страниц дневника — к рукописи: Учеб. пособие. М.: Междунар. ун-т (в Москве), 2001.

Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // СОЦИС. 2007. № 2.

Никулин А.М. Автобиографическая социология Чарлза Райта Миллса [Рецензия] Mills C. Wright letters and autobiographical writings // Ed. by K. Mills, P. Mills. Los Angeles: University of California Press, 2000 // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 165–177.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 7–25.

Стрельникова А.В. Исследовательские архивы: расширение возможностей для вторичного анализа // СОЦИС. 2005. № 1.

Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 265–288.

Тульчинский Г.Л. Истории по жизни: Опыт персонологической систематизации. СПб: Алетейя, 2007.

Форрат Н.В. Профессиональная автобиография: способы самопрезентации молодых ученых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 113–127.

Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // Социологический журнал. 2000. № 1–2.

Цветаева Н.Н. Практики и ценности в эпоху перемен (Анализ биографических материалов конкурса «Жить в эпоху перемен») // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 137–146.

Цветаева Н.Н. Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму. СОЦИС. 2005. № 9.

Чикадзе Е. Биография и контекст // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. Сб. докладов / Под ред. В. Воронкова, И. Флиге, Е. Чикадзе. СПб.: Норд-Вест, 2004. С. 127–135.

Чуйкина С. Биографическое интервью и социология памяти // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 291–308.

Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Издательство института психотерапии, 2001.

Яницкий О.Н. Семейная хроника: 1852–2002. М.: Изд-во LVS, 2002.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: Жизненные истории российских инвалидов // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 39–50.

Содержание

Предисловие. PS — восемь лет спустя. (О. Маслова)	5
Путеводитель по книге. (И. Штейнберг)	7
Часть 1. ПОНЯТИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	14
Глава 1. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. (Т. Шанин)	14
Эпистемологические корни методологии: неокантианская философская традиция	15
Понятийная база методологии Качественная методология	17
Качественно-количественный интерфейс: сочетание качественных и количественных методов	22
Двойная рефлексивность	24
Полевые исследования на примере работ 1991–1997 гг. Интерактивность	25
Глубинные интервью и «самонацеленные» вопросники	28
«Длинный стол»	30
Глава 2. Очерки истории качественных методов. (Е. Ковалев, И. Штейнберг)	32
Антропологический подход: Бронислав Малиновский	33
Английские социальные исследования: Чарльз Бут, Сидней и Беатрис Уэббы	36
Чикагская школа	39
Русские этнографические программы: В. Н. Тенишев	42
Методическая «оттепель 90-х»: актуальность развития качественных методов в современной отечественной социологии	44
Глава 3. Теоретические основы качественных методов в социальных науках. (И. Штейнберг)	47
Между позитивизмом, феноменологией, понимающей социологией и символическим интеракционизмом	47

Социальная конструкция реальности: П. Бергер, Т. Лукман	48
Символический интеракционизм: Ч. Кули, В. Томас, Дж. Мид	49
«Социология повседневности»: А. Шютц	51
Когнитивный стиль — центральный элемент познания социальной реальности	52
Интерсубъективный мир как специфическая форма социальности	52
Система релевантности и избирательная активность сознания	54
Общий тезис взаимных перспектив, или как возможно понимание	55
Общий тезис взаимных перспектив содержит два постулата:	55
Социальное происхождение и распределение знания	56
«Фоновые ожидания» и этнометодология Г. Гарфинкеля	57
«Гарфинкелинг» и аномия	59
«Обоснованная теория»: А. Страусс	60
Поиск «открытых горизонтов типичности»	62
10 принципов применения качественной методологии на практике	64
Часть II. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЕРЕД ПОЛЕМ	67
Глава 4. Проектирование качественного исследования. (Е. Ковалев, И. Штейнберг)	67
Проблемы поиска действенного компромисса при проектировании исследования	67
Вширь или вглубь?	67
Единицы анализа	68
Выбор поля	69
Проблема доступа	69
Планирование выборки	71
Размер выборки	76
Проблема объективности и субъективности в качественном исследовании	78

Глава 5. Создание полевой исследовательской группы. (И. Штейнберг)	80
Специфические требования к отбору полевых исследователей	81
Возраст	82
Общее и интеллектуальное развитие исследователя	83
Коммуникабельность	84
Деловые качества	85
Мотивация	85
Сенситивность	86
Семья или одиночки	86
Интервьюер-иностранец	86
Глава 6. Метод «Длинного стола». (И. Штейнберг)	88
Правила и ритуалы «Длинного стола»	90
Сценарии заседаний «Длинного стола»	91
Общие моменты в сценариях работы «Длинного стола»: ..	91
Требования к ведущему «Длинного стола»	94
От «Длинного стола» к «тренингу двойной рефлексивности»	100
Часть III. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: В ПОЛЕ	112
Глава 7. Наблюдение. (Е. Ковалев)	112
Два примера наблюдений	113
Магазин	113
Экскурсия	114
Обыденные и научные представления о наблюдении	119
Ценность наблюдения	121
Методы наблюдения	121
Роль наблюдателя: участник или посторонний?	122
Явное и скрытое наблюдение	123
Продолжительность наблюдения	124
Фокусировка наблюдения	125
Что наблюдать	125
Физические условия	126
Социальные условия	127
Формальные взаимодействия	127
Неформальные взаимодействия и незапланированные действия	128

Вербальные коммуникации	128
Невербальные коммуникации	129
Зачем фиксировать то, чего не происходит	129
Работа в поле: сбор данных	130
Ведение полевых записей	130
Из полевых дневников	132
Из полевых заметок о реальной экономике	137
Наблюдение, интервью и работа с документами	150
Технология полевой работы и наблюдение	151
Этапы полевой работы	152
Вход в поле	153
Что говорить и что делать в поле	155
Рутина полевой работы	156
Завершение работы в поле	158
Наблюдатель и объект наблюдения	159
Глава 8. Интервью. (Е. Ковалев, И. Штейнберг)	160
Пример интервью: Как землю отбирали	160
Введение в «качественное» интервью	162
Типы «качественного» интервью	163
Содержание интервью: какие вопросы задавать?	168
Последовательность вопросов	169
Формулировки вопросов	170
Открытые вопросы	170
Скрытый смысл в вопросах	171
«Одноствольные» вопросы	171
Ясность вопросов	172
Вопросы «почему?»	173
Взаимоотношения с респондентами:	
доброжелательный нейтралитет	174
Нейтральные вопросы	174
Использование иллюстративных примеров в вопросах ...	175
Ролевые и имитационные вопросы	176
Вступительные слова и замечания	177
Уточнения и вопросы «вдогонку»	179
Контроль над ходом интервью	180
Глубинное интервью	181
Истории жизни: «Расскажите о себе все, что хотите» или «Мне бы хотелось спросить Вас о...»	185

Свободный рассказ	186
Иллюзия невмешательства	186
«Метод слоеного пирога»	188
Сценарий жизни респондента в качественном исследовании	189
Помочь вспомнить	190
Социально-психологические особенности работы с респондентом в российских селах	192
Проблема диссонанса ролей при работе с сельским респондентом	193
Фиксация данных в качественном интервью	195
Запись интервью на диктофон	195
Составление транскриптов интервью	196
Ведение записей в ходе интервью	198
После интервью	198
Интервью и этические проблемы	199
«Реальное Я» и «духовное Я»	201
Респондент в возрасте: проблема взаимопонимания	202
О роли «попутчика» в беседе	204
Проблемы контакта «на равных»	205
Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога	206
Глава 9. Фокус-группы и открытые групповые дискуссии как методы, используемые в прикладных исследованиях. (А. Левинсон)	217
Предварительные замечания	217
Социальное действие как предмет и метод изучения в групповых дискуссиях	218
Отличие групповых дискуссий от соцопроса	219
Групповые дискуссии как способ исследования массового сознания	220
Индивидуальные мнения и коллективное сознание	221
Массовое сознание и его стереотипы	223
Социальное происхождение метода ФГ	225
Рекрутмент	227
Функции фокус-групп	228
Стандартизация метода	229
Модифицированные фокус группы	230
Open-ended group discussions	231

Зарождение нового метода	234
Особенности open-ended group discussions	237
Использование метода ОГД в российских условиях	238
Когда использовать метод ОГД	241
Организация ОГД	242
Место проведения ОГД	243
Время ОГД	245
Кто проводит ОГД	245
Функции ОГД	248
Записи	248
Проективные методики	250
Этические проблемы	250

Часть IV. ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОСЛЕ ПОЛЯ

Глава 10. Анализ и интерпретация качественных данных. (И. Штейнберг)	255
Фокусировка анализа	256
Стратегии анализа интервью	256
Стратегии анализа наблюдений	257
Начало анализа	257
Организация данных	258
Контент-анализ	259
Компьютерная обработка данных	260
Исследование случая	262
Содержание анализа случая	262
Индуктивный анализ	263
«Естественные» типологии	264
Два примера естественных типологий, сконструированных респондентом	265
Аналитические типологии	279
Пример аналитической типологии: избиратели 1995 г. ...	280
Модели и категориальные системы	287
Логический анализ	289
Интерпретация данных: причины, следствия, взаимосвязи	290
Переход от интервью к анализу: Власть на селе	291

Составление отчета	297
Баланс между описанием и интерпретацией	297
Краткое содержание работы	298
Помнить о своей аудитории	299
Техника написания отчета	299
Искусство задавать вопросы самому себе	299
Мозговой штурм	300
Составление плана	300
Изложение цели	301
Черновые наброски	301
Работа с черновиками	302
Проблема надежности	305
Техники для улучшения качества анализа	305
Полнота анализа: проверка конкурирующих объяснений	305
Пример двух взглядов на людей и события	306
Негативные случаи	314
Триангуляция	315
Триангуляция методов: примирение качественных и количественных данных	315
Триангуляция источников качественных данных	316
Аналитическая триангуляция	317
Теоретическая триангуляция	317
Связь методов и данных	318
Надежность исследователя	318
Эффект исследователя	319
Краткие выводы	320
Заключение	322
ПРИЛОЖЕНИЕ	323
Качественные методы в международных проектах по изучению российского села. (Т. Шанин, И. Штейнберг)	323
Краткая история создания методики качественного социологического исследования в проекте «Реальная экономика и реальная политика российских деревень»	323
Междисциплинарный подход в изучении проблем власти на селе	325
«Политический пасьянс»: «карточная» методика изучения сельской иерархии власти	326

Обработка и анализ результатов	328
Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) (В. Кондрашин)	329
Библиография. Качественные методы исследований в социальных науках (издания на русском языке). (М. В. Клятышева)	335